

ИВКС

СНОВИДЕНИЯ
ЕХО

Мастер
ветров
и закатов

ФДМ

Annotation

Самый популярный автор начала XXI века Макс Фрай дарит своим поклонникам новую серию книг! Таким образом, фантастические повести о приключениях Сэра Макса, работника Тайного Сыска в городе Ехо «Лабиринты Ехо» и «Хроники Ехо», пополнилась очередным шедевром – «Сновидения Ехо». Сэр Макс, сидя в башне на крыше Мохнатого Дома, затягивает читателей в новый круговорот приключений и загадок, магии и колдовства. «Создав новую Вселенную, я немного заскучал», – отличная, по-моему, первая фраза, – пишет Фрай. – Попадись мне в свое время книга, которая так начинается, я бы вцепился в нее мертвой хваткой и прочитал от корки до корки – просто из любопытства». Читатель, если вы любите путешествовать по новым мирозданиям, то обязательно вцепитесь в это творение, и тогда вечная тайна мира – мира сновидений – откроется вам. Итак, история начинается словами: «Утро началось с того, что на пороге спальни я споткнулся о собственный труп...».

- [Макс Фрай](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Мастер ветров и закатов](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

Макс Фрай

Мастер ветров и закатов

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

От автора

Есть несколько вещей, которые надо сказать прежде, чем приниматься за истории.

Меня зовут Макс, и сейчас я сижу за столом в своем кабинете – в башне на крыше Мохнатого Дома. Дом называют «мохматым», потому что его снизу доверху оплело вьющееся растение, название которого я так и не смог выучить за долгие годы обладания этой недвижимостью. А теперь, мне кажется, это уже вопрос принципа – его не знать.

Важно, впрочем, не это. А то, что окно моего кабинета распахнуто настежь. Там, за окном, у нас сейчас осень. Там дует ветер с Хурана, еще не холодный, но уже свежий. Я рад за него. Я примерно представляю, как это приятно – дуть.

В отличие от ветра, я сижу за столом. И намереваюсь продолжать в том же духе еще какое-то время. Потому что рассказывать истории – это, как выяснилось, немаловажная часть моей работы.

Поскольку я вполне добросовестно занимаюсь этим уже не первый год, вы наверняка знаете обо мне даже больше, чем я сам, потому что моя память – не самая надежная штука. Местами такая цепкая, что я, к примеру, до сих пор могу практически слово в слово воспроизвести некоторые необязательные разговоры с малознакомыми людьми, зато если вы спросите, чем я занимался позавчера, велика вероятность, что я промывчу что-то неопределенное, раздраженно махну рукой и умолкну – в точности как человек, который пытается вспомнить, что ему снилось.

Или кому снился он сам – это больше похоже на мой случай.

Со мной вообще все довольно непросто – в том смысле, что у меня даже биографий несколько. Все до единой правдивые, если верить моим воспоминаниям. А верить им приходится, если не хочешь вдрызг разругаться с собственной памятью.

Я – не хочу. У меня вообще не особо склочный характер, хотя я знаю пару-тройку человек, которые будут с удовольствием утверждать обратное. Но я настолько покладист, что не спорю даже с ними.

За свою сравнительно недолгую, но при этом, похоже, бесконечную, во

все стороны сразу длящуюся жизнь я успел побывать целой толпой удивительных существ, спасти от неведомо чего пару-тройку реальностей и отдельных людей, увидеть овеществленными свои самые любимые сновидения и несколько раз сойти с ума, то от горя, то просто от избытка могущества, а потом прийти в себя – насколько это вообще возможно в моем случае.

А теперь я твердо намерен выкинуть все это из головы и снова попробовать стать старым добрым сэром Максом из Ехо, потому что нигде и никогда я не был так счастлив, как в его шкуре.

Самому интересно, что из этого получится.

Мастер ветров и закатов

«Создав новую Вселенную, я немного заскучал», – отличная, моему, первая фраза. Попадись мне в свое время книга, которая так начинается, я бы вцепился в нее мертвой хваткой и прочитал от корки до корки – просто из любопытства. А теперь я испытываю огромный соблазн начать так свою историю. Но мне не позволяет совесть.

Во-первых, мне все-таки кажется, что никаких новых Вселенных я не создавал. Честно говоря, я вообще не знаю, как это делается. С чего хотя бы следует начинать? Предложите мне создать еще одну Вселенную, и я тут же сяду в лужу на глазах у восхищенной публики. Ну или не сяду. Но только потому, что поневоле научился выкручиваться в безвыходных ситуациях. Человек, которого приперли к стенке, способен абсолютно на все. А я у этой стенки, можно сказать, живу.

Но в данном случае я и правда почти ни при чем. Просто город, который я часто видел во сне, вдруг решил овестествиться наяву. Сам решил, я его не заставлял, не стыдил, ногами не топал. Даже голос ни разу не повысил. А начав, он так рьяно взялся за дело, что отрастил вокруг себя целую новехонькую обитаемую реальность. Что, в общем, только к лучшему. Глупо было бы, если бы город остался болтаться в полной пустоте. И куда, скажите на милость, ездили бы его жители на выходные? С кем бы они торговали? И о чем рассказывали бы детям на уроках географии?

Вот и я не знаю.

Что касается меня, я просто при этом присутствовал. И рад, если сумел быть немного полезен. Хотя, с моей точки зрения, я всего лишь прекрасно проводил там время, сев на шею гостеприимным хозяевам «Кофейной гущи», ведрами хлестал божественный Франков кофе, встречался со старыми друзьями, по мере сил приводил в порядок голову и все, что к ней прилагается. Отличный вышел отпуск^[1]. Если именно так создаются новые Вселенные, я готов заниматься этим и дальше.

Во-вторых, я вовсе не заскучал. Возможно, это случилось бы со мной чуть позже. Лет, например, через тысячу. Хотя, честно говоря, не представляю, как можно заскучать в новехонькой реальности, о которой еще ничего не знаешь. Где даже собственный город толком не изучил. До

некоторых окраин, к примеру, так и не добрался. И даже к ближайшему морскому побережью не успел съездить. О каких-нибудь дальних странах вообще речи нет, их я не успел даже вообразить. Что совершенно не помешало им появиться – по крайней мере, на географических картах, а картам я верю свято.

В-третьих, если слово «заскучал» используется в смысле «затосковал по...», определение «немного» становится таким чудовищным преуменьшением, что впору приравнять его к клевете. Потому что моя тоска по Ехо была столь велика, что я ее почти не чувствовал, как не чувствует боль человек, потерявший от нее сознание. Моя тоска по Ехо не помещалась в меня, вот в чем штука. Счастье, что я научился ее игнорировать, а то бы не уцелел. А так думал – никогда не вернусь в Ехо, и ладно. Зато жив и даже более-менее в своем уме, зато коротаю дни на дне сладчайшего из своих сновидений, еще и друзья приходят навестить, таскают гостинцы, рассказывают свежие новости, а такого, пожалуй, даже с праведниками в раю не случается, одному мне повезло.

И только вернувшись в Ехо, я осознал, как сильно этого хотел. Сам думаю, что глупо так привязываться к городу, населенному пункту, который с точки зрения человека здравомыслящего вообще не субъект, а просто место действия. Но любовь – это, похоже, вовсе не вопрос сознательного выбора. Когда включается сердце, здравый смысл летит в тартарары, которые, по моим прикидкам, уже забиты им доверху.

А теперь, когда я объяснил, почему при всем желании не могу начать свою историю с эффектной фразы: «Создав новую Вселенную, я немного заскучал», – придется начать ее как попало. То есть откуда-нибудь с середины. Мне так легче, а у вас просто нет выбора. Все равно никто, кроме меня, вам этого не расскажет.

А я расскажу.

* * *

Утро началось с того, что на пороге спальни я споткнулся о собственный труп.

То есть поймите меня правильно. Я не самое изнеженное существо на обоих берегах Хурона. Нервы мои все еще отличаются от металлических

тросов, но разница постепенно перестает быть существенной. К тому же трупы вызывают у меня скорее симпатию, чем негодование: обычно они смиренно лежат на месте и жизнь окружающим особо не портят. Козней не строят, интриг не плетут, убегать не пытаются и даже над душой, требуя безотлагательно заняться их делами, не стоят. Все бы так себя вели.

Поэтому труп на пороге спальни – вовсе не тот предмет, который способен всерьез выбить меня из колеи. Но только при одном условии – если мне сперва дадут выспаться, а потом кружку камры. Или кофе, или крепкого чаю, да чего угодно – когда регулярно меняешь место жительства, перебираясь из одной реальности в другую чаще, чем с квартиры на квартиру, поневоле сделаешься непривередлив. Лишь бы напиток, с которого начинается утро, был горячим и ароматным, а его вкус умело балансировал между сладким и горьким, как сама жизнь, очередной день которой только что начался.

После нескольких неторопливых глотков жизни, данной мне в приятных ощущениях, я готов окончательно продрать глаза и встретиться лицом к лицу с любым количеством трупов, в том числе похожих на меня как две капли воды. Двойники, кстати, даже лучше, чем незнакомцы, собственная рожа меня умиротворяет и успокаивает, как всякое привычное зрелище. Особенно если ее не надо вот прямо сейчас брить.

Однако этим утром обстоятельства сложились не в пользу раннего визитера. Поспал я всего пару часов, а это, на мой вкус, гораздо хуже, чем ничего. Потому что тот, кто не спит вовсе, по крайней мере избавлен от мучительного момента пробуждения. Жаль только, что этот аргумент совершенно не действует на меня в тот сладостный миг, когда голова касается подушки, лживо бормоча: «Я на секундочку». Впрочем, по ощущениям всегда выходит именно что «секундочка», и это обидней всего.

К тому же, кое-как продрав глаза, я не нашел у себя в спальне тонизирующего бальзама Кахара, который способен не только поднять мертвеца из могилы, но даже разбудить меня. Специально для подобных случаев я и держу его под рукой. Надо понимать, бутылку с бальзамом вероломно вынули из старого домашнего сапога, который я остроумно приспособил под ее хранение, и поставили, как говорят в таких случаях, «на место» – например, на одну из кухонных полок, или в кладовую на другом конце дома, или вообще унесли на чердак. Главное, чтобы владелец как можно дольше не смог добраться до нужного предмета и использовать его по назначению. В этом, надо понимать, и состоит тайный мистический смысл «наместа».

Всегда считал, что от уборки вреда больше, чем пользы. Чистота сама

по себе штука приятная, но за наведение так называемого «порядка», на мой взгляд, следует отдавать под суд. Был бы я в Ехо, когда мои друзья вовсю развлекались поправками к Кодексу Хрембера, непременно внес бы соответствующее предложение. Однако возможность была упущена, и теперь уборку время от времени устраивают даже в моей спальне – в надежде, что я просто не замечу. Обычно я и правда не замечаю, но порой наступает момент, когда я оказываюсь лицом к лицу с ее трагическими последствиями. Как, например, сегодня.

Поприветствовав столь прекрасное начало дня приличествующими случаю трудновоспроизводимыми сочетаниями малоупотребительных слов, я побрел в бывшую Малую Летнюю кухню, а ныне подсобное помещение, куда обычно стаскивают остатки наших аскетических ночных пирушек в гостиной и прочие собранные по всему дому съестные припасы. Надеялся обрести там если не павший жертвой наведения порядка волшебный бальзам, то хотя бы холодные остатки вчерашней камры. От чашки кофе сейчас было бы больше толку, но добыть кофе в этом Мире можно только колдовством – сунув руку в Щель между Мирами, откуда лично я способен извлечь абсолютно все, что угодно, по крайней мере теоретически.

Вообще-то этот фокус уже давным-давно перестал казаться мне сложным. В нормальном состоянии я проделываю его почти машинально. Но спросонок, да еще и не в духе в Щель между Мирами мне лучше не лазать, это я твердо уяснил несколько лет назад, когда как однажды после очередной бессонной ночи извлек оттуда ядовитую жабу. Еще и ловить ее потом пришлось по всему дому. И руку от ожога лечить. И ощущать себя конченным придурком – тоже не сахар, особенно прямо с утра.

И спотыкаться о собственный труп с утра тоже не следует. Об одеяло, подушку или свернутый в рулон ковер – еще туда-сюда. Но труп – явный перебор. Невыспавшийся человек, лишенный единственного утешения в виде вкусных тонизирующих напитков, совершенно не способен оценить комическую сторону подобного происшествия. И какой тогда, скажите на милость, смысл все это затевать?

Ну, по крайней мере, я устоял на ногах. Ухватился за стену и остался в вертикальном положении. Поэтому неожиданно возникшее на моем пути препятствие разглядывал с высоты своего роста, а не лежа с ним в обнимку на полу. Что, в общем, к лучшему. Потому что вид собственного мертвого тела не вызвал у меня теплых чувств. Он, впрочем, и холодных чувств у меня не вызвал. Вообще никаких. Только сонное недоумение: «Зачем?» Поработав еще несколько секунд на предельной мощности, мой

горемычный мозг осторожно уточнил: «Зачем это здесь?» Потом он вошел во вкус и породил несметное множество вопросов в диапазоне от: «Откуда оно взялось?» – до: «Ох, мамочки, делать-то что?!»

Приступить к выработке ответов бедняга не успел, потому что труп исчез, как это обычно случается с некачественными, наспех состряпанными наваждениями под пристальным взглядом любого мало-мальски сносного колдуна. А я как раз и есть сносный. Мало-мальски.

Сразу мог бы сообразить, в чем дело, и быстренько отвернуться, приберечь редкое зрелище для других желающих поглазеть на мой труп. Жестоко лишать близких такого удовольствия. Но что взять с невыспавшегося человека?

Поэтому я даже сердиться на себя не стал. Бесполезно. Сперва кофе. То есть, тьфу ты, камра. И бальзам Кахара, если удастся его найти. А потом уже внутренний конфликт. Все хорошо в свое время.

Аккуратно переступив место, где только что лежал мой труп, я отправился дальше.

В последнее время Малая Летняя кухня стала одним из моих любимых убежищ, чем-то вроде дополнительной гостиной, которая выгодно отличается от настоящей тем, что о ее новом предназначении знаю только я. Никому кроме меня в голову не придет проводить здесь время. И уж тем более завтракать. Никто из уроженцев Ехо, включая портовых нищих, безбашенных провинциальных студентов и отставных мятежных Магистров, ни за что не станет есть в кухне, пусть даже бывшей. Это считается не просто проявлением невоспитанности, но варварством, деревенским дурновкусием и чуть ли не самым вопиющим попранием общественных устоев. Леди Меламори, в детстве последовательно нарушавшая все мыслимые запреты, рассказывала, что застукавший ее за поеданием пирога под кухонным столом отец в отчаянии воскликнул: «Лучше бы ты кого-нибудь убила!» А ведь Корва Блимм совсем не кровожадный человек, да и на правила этикета помешан куда меньше, чем прочая столичная аристократия. Однако вот как его проняло.

Таким образом, завтракая в Малой Летней кухне, я убиваю сразу двух зайцев: получаю гарантированное одиночество, жизненно необходимое мне по утрам, и тещу анархическую часть своей натуры, требующую время от времени восставать против правил – все равно каких. Для государственных переворотов и продолжительных оргий в публичных местах я слишком ленив, поэтому завтрак в кухне, пусть даже давным-давно не использующейся по прямому назначению, – именно то, что надо.

Стоило мне добраться до кухни, как жизнь начала налаживаться. Во-первых, я сразу нашел там бутылку с бальзамом Кахара. Просто увидел ее на полке, даже к заклинанию, призывающему потерянные вещи, о котором вспомнил, пока брел по длинным коридорам Мохнатого Дома, не пришлось прибегать. Во-вторых, после глотка тонизирующего зелья я обнаружил на кухонном столе почти полный кувшин камры, оставленный для меня не то одним из ангелов-хранителей, не то кем-то из поклонников наведения порядка, стаскивающих в Малую Летнюю кухню все, хотя бы отдаленно похожее на еду, чтобы – совершенно верно! – ее там никто не ел. Однако счастливчикам вроде меня иногда и чужое злодейство идет на пользу.

Убежище мое хорошо еще и тем, что окна его выходят не на улицу, а во внутренний двор, куда, похоже, никто кроме меня никогда не выбирается. Думаю, о нем вообще забыли. От улицы и соседских палисадников двор отгорожен высоким забором, даже без намека на калитку. И из дома сюда можно попасть только через одно из окон Малой Летней кухни. Других выходов я не обнаружил, сколько ни искал. Друг мой Нумминорих, изучавший когда-то историю архитектуры, говорит, такие дворы называются «поварскими» и иногда встречаются в очень старых домах, построенных в те давние времена, когда полезной считалась только еда, приготовленная под открытым небом; в закрытых помещениях в ту эпоху варили исключительно яды. Черт его знает почему. Нынешние ученые считают, что все дело то ли в целительных свойствах некоторых местных ветров, то ли, напротив, в тяжелом характере камней, из которых строили дома предки нынешних угуландцев. Я же думаю, древние жители Ехо просто предвидели мое появление. И любезно приспособили свою архитектуру к моим будущим нуждам, в надежде, что у меня хватит ума поселиться в доме, достаточно старом, чтобы там был двор, заросший высокой травой, и толстое, в два обхвата дерево вахари, под которым можно поставить кресло. Спасибо им, что тут еще скажешь. Почему-то именно в поварском дворе у меня на удивление неплохо работает голова.

Наверное, я – мыслящий омлет.

Вот и сейчас. Кувшин с камрой не опустел еще и наполовину, а у меня уже появились целых две версии, объясняющие как неожиданное появление моего трупа на пороге спальни, так и его быстрое исчезновение. Вторая нравилась мне гораздо больше, зато проверить первую было проще – достаточно консультации грамотного специалиста. Поэтому я послал зов Джуффину. Кому же еще.

Безмолвная речь, в общем, гораздо больше похожа на телефонный

разговор, чем на какой-либо другой вид коммуникации. Только слова проговариваешь не вслух, а про себя. И реплики собеседника слышишь не то чтобы именно ушами. Сложно сказать, чем именно, но с собственными мыслями захочешь не перепутаешь – и на том спасибо.

Все это, как ни крути, требует очень высокой степени концентрации на разговоре. Поэтому я до сих пор терпеть не могу Безмолвную речь. Но пользуюсь ею по любому поводу, с упорством старательного троечника. И не только потому, что не люблю сдаваться. Просто внезапно обнаружил, что, разговаривая таким способом, начинаю мыслить более ясно и логично – вероятно, потому, что вынужден быть предельно лаконичным и не отвлекаться на пустяки.

Именно поэтому я не стал откладывать разговор, хотя дело перестало быть срочным сразу после исчезновения моего трупа. Показывать-то теперь всяко нечего. А обсудить причины происшествия можно и пару часов спустя, это ничего не изменит.

Но чего не сделаешь в борьбе за превращение своей глупой головы в хотя бы условно умную.

«Несколько минут назад на пороге спальни валялось мое мертвое тело, – не здороваясь, сказал я. – Сходство полное. Исчезло от пристального взгляда. Я спросонок вовремя не отвернулся, и сделанного уже не воротишь. Вопрос, собственно, такой: это может быть чья-то шутка? Теоретически? В смысле, кто-нибудь из моих знакомых умеет насылать такие наваждения? Это сложно? Или любому школьнику по плечу?»

«Не то чтобы очень сложно, – отозвался Джуффин. – Но довольно хлопотно и одновременно настолько бесполезно, что мне даже в голову не пришло бы кого-то специально этому учить. Ладно, давай подумаем. Ясно, что устроить тебе этот сюрприз вполне мог бы я сам. Но вряд ли мое наваждение исчезло бы так быстро. Сперва тебе пришлось бы побегать за ним по всему дому. И выслушать все, что оно при этом скажет. А некоторые пассажи, возможно, даже законспектировать на будущее. Я считаю, развлекаться – так уж развлекаться».

«Вот и я так подумал. Поэтому ты почти вне подозрений. А есть еще умельцы?»

«Кофа, безусловно, умеет и не такое. Но браться за хлопотное колдовство ради нелепого розыгрыша не станет, ты его знаешь. Если бы Кофа вдруг захотел испортить тебе настроение, он, можешь мне поверить, отыскал бы более эффективный способ, чем какой-то нелепый труп».

О да.

«Сэр Шурф тоже способен смастерить сколько угодно качественных

наваждений, – продолжил Джуффин. – Чем только ни забивали головы талантливой молодежи в Эпоху Орденов. Но до состояния, в котором это можно счесть хорошей шуткой, он на моей памяти в последний раз напивался еще в Смутные Времена. Так что, при всем моем уважении, вряд ли».

Если бы мы говорили вслух, я бы сейчас заржал. А потом сказал бы: «Так, может быть, он наконец-то устроил инвентаризацию Орденских погребов?» И Джуффин, несомненно, с удовольствием подхватил бы мое предположение. Или, напротив, опроверг. В любом случае, мне нашлось бы что ему ответить. И разговор надолго ушел бы в сторону. А сейчас я даже не попытался развить столь благодатную тему – вот вам еще одно преимущество Безмолвной речи. Ну или недостаток, это как посмотреть.

«То есть вероятность, что мой труп – просто милая дружеская шутка, невелика?» – спросил я.

«Совсем невелика, – согласился Джуффин. – И дело, честно говоря, не в наших умениях. Просто это как-то очень уж глупо – и в качестве шутки, и тем более как злодейство. Надо совсем тебя не знать, чтобы запугивать какими-то дурацкими мертвыми двойниками – а то ты ничего хуже в жизни не видел».

«Тогда хорошо, – сказал я. – Значит, это все-таки послание. Ответ на мою последнюю реплику, отправленную наудачу, практически в никуда. Неужели диалог продолжается? Это такая прекрасная новость, что я оказался к ней не готов. Отсюда дурацкие расспросы. Спасибо, что развеял мои сомнения».

«Шикарно, сэр Макс, – отозвался Джуффин. – Вот и ты дожил до такого дня, когда собственный труп на пороге спальни может оказаться прекрасной новостью. От души тебя поздравляю. И жду через полчаса, как договаривались».

И исчез из моей головы, оставив меня наедине с блуждающей по роже растерянной ухмылкой и вопросом: «Как я дошел до жизни такой?»

Вопрос, конечно, риторический. В какой момент его себе ни задай, ясно, что правильным ответом следует считать всю предыдущую биографию. Впрочем, в моем случае вполне можно ограничиться самым последним этапом, этакой финишной прямой протяженностью в две с небольшим дюжины дней, минувших с тех пор, как мы с Джуффином сидели у распахнутого окна его кабинета в Доме у Моста и смотрели на улицу, где, не обращая на нас ни малейшего внимания, творился восхитительный осенний день, теплый, пасмурный и немного чересчур яркий, как рисунок внезапно исцелившегося слепца.

Мы тогда, помню, долго глядели в окно и молчали. Так часто бывает, когда сказать нужно слишком много, и все одинаково важно, поди пойми, с чего начать. На моем плече дремал буривах Куруш, который так обрадовался встрече, что великодушно согласился использовать меня в качестве насеста. Подобная честь выпадает, прямо скажем, не каждому. Даже Джуффин, которого мудрая птица считает самым главным человеком в Мире, далеко не ежедневно наслаждается такими проявлениями фамиллярности. Ну или нежных чувств.

– Все-таки очень странно я себя тут ощущаю, – наконец сказал я. – Как будто вернулся домой и одновременно – в полную неизвестность.

– Просто полная неизвестность – это и есть твой дом, – заметил Джуффин.

И конечно, был абсолютно прав. Он вообще всегда оказывается прав; порой это кажется совершенно невыносимым, но на самом деле здорово упрощает жизнь. Не знаешь, кто ты, откуда взялся, как устроен и на хрена тут нужен – спроси Джуффина, и все мгновенно прояснится, если, конечно, сумеешь ему поверить. Это бывает довольно непросто, но стоит затраченных усилий, потому что – повторяю припев – Джуффин всегда оказывается прав.

И в частности, был трижды прав, когда притащил меня в Ехо, утверждая, что именно это мне сейчас нужно для полного счастья. Когда я вернулся в этот город – тайно, под покровом ночи, как какой-нибудь мятежный Магистр, не дотянувший до окончания срока ссылки, – даже предположить было невозможно, как быстро я снова войду во вкус.

В тот момент я вообще не был уверен, что смогу задержаться в Ехо дольше, чем на несколько секунд. Предыдущая попытка вернуться с треском провалилась. У меня тогда сложилось впечатление, что этот Мир больше не готов соглашаться с фактом моего существования и предпринимает явственные усилия, чтобы я немедленно исчез. Что я, собственно, и сделал, благо был к тому времени достаточно опытным путешественником между Мирами. Закрывать глаза, шагнуть в дверной проем – и привет. Благо обитаемых миров во Вселенной предостаточно, причем в некоторых из них для меня всегда найдутся ужин и ночлег. Это довольно удобно.

Повторять попытку я не хотел. То есть мне казалось, что не хотел – до

тех пор, пока сэр Джуффин Халли, время от времени навещавший меня в моем убежище, не принялся донимать меня разговорами о возвращении домой. Эти разговоры поначалу бесили меня до такой степени, что я сам себя не узнавал. И, будучи человеком честным, не мог не признать, что бесят они меня, как бесило бы умирающего предложение выбрать подходящий маршрут для совместного отпуска в будущем году. Зачем говорить о невозможном, да еще и делать вид, будто все зависит исключительно от моего решения? Примерно так я тогда обо всем этом думал.

Однако Джуффин не собирался оставлять меня в покое. Тормошил, интриговал – уж что-что, а это он умеет. Говорил, что я позарез нужен ему в Ехо. Твердо обещал, что с Миром я как-нибудь да помирюсь. Был чертовски красноречив и убедителен – вопреки здравому смыслу. И в конце концов предложил сыграть в карты, сделав ставкой в игре ближайшие сто лет моей жизни. Проиграешь – добро пожаловать обратно, на Королевскую службу, выиграешь – оставлю тебя в покое. В устах человека, имеющего твердую репутацию лучшего игрока в «Крак» за всю историю Соединенного Королевства, это было не слишком похоже на простодушный призыв довериться судьбе. О какой судьбе может идти речь, когда исход партии заранее предрешен.

Скажем так, почти предрешен.

Были времена, когда я безоглядно доверял сэру Джуффину Халли. Гораздо больше, чем какой-то там «судьбе». И безусловно больше, чем себе самому. Но эти времена прошли безвозвратно. Проблема не в том, что этот хитрец в любом деле преследует исключительно свои тайные цели, о сути которых лучше вообще не задумываться, если хочешь сохранить рассудок. Это я как раз знал уже давно; полному доверию такое понимание, надо сказать, совершенно не препятствовало – вероятно, потому, что самая моя жизнь тоже была одной из его тайных целей, и меня это устраивало.

Просто со временем стало понятно, что Джуффин, при всем его могуществе, тоже вполне способен совершить ошибку. По крайней мере, теоретически такое возможно. А значит, полагаться на него целиком в самых важных вопросах не следует.

Вот я и не стал полагаться – ни на картежное мастерство Джуффина, ни тем более на собственную судьбу, которую, уродись она человеком, деликатно называли бы «большой оригиналкой». Знаю я этих двоих: не договорятся, перемудрят, а мне потом расхлебывать. Поэтому я взял дело в свои руки. И всю игру аккуратно поддавался. На всякий случай. Потому что обычно я все-таки выигрываю у Джуффина примерно одну из

полудюжины партий. Иногда даже чаще. Очень уж хорошо он меня в свое время научил. А значит, лучше не рисковать.

Уверен, что именно на это он и рассчитывал.

Из всего вышесказанного естественным образом следует, что я очень хотел вернуться в Ехо и добился своего, все танцуют. Но не все так просто.

Штука в том, что я уже привык жить с этим желанием, с болью от его несбыточности, с гигантской прорехой в сердце. Я вообще очень быстро ко всему привыкаю и не люблю перемен, в том числе – к так называемому «лучшему». Потому что когда изменяются внешние обстоятельства, вместе с ними меняешься ты сам, и никогда заранее не знаешь, понравится ли тебе быть этим новым человеком, таинственным незнакомцем, превращение в которого вот-вот начнется... да нет же, уже началось, пока ты топтался на месте, почти всерьез полагая, что все еще можешь затормозить.

Вот именно поэтому я и сел играть в карты с Джуфффином. Сам ни за что не решился бы вернуться. А сэр Джуфффин Халли – крупный специалист по выведению из строя моих тормозов. В любую неизвестность за ухо затащит, а потом сам же вытащит, но только потому, что в поле его зрения вдруг объявилась новая, еще более неизвестная – а ну-ка давай туда! Ужасный человек, но со мной иначе нельзя. Потому что даже добровольно проиграв ту знаменательную партию в «Крак», я вовсе не был счастлив. А напротив, страшно зол, что все так быстро решилось, и отступать некуда. Настолько некуда, что уже полчаса спустя я шел по улице Медных Горшков. В Ехо была глубокая ночь, но лицо я все-таки закрыл тряпичной маской, которые к этому моменту как раз окончательно вышли из моды, так что выглядел я как безнадежный провинциал. Зато совершенно неузнаваемый. Этого я и добивался. Как будто пока никто кроме Джуфффина не знает о моем возвращении, дело сделано только наполовину или даже вообще не сделано. А, например, сэру Джуфффину Халли приснился странный сон.

И оказался вещим.

По крайней мере уже на следующий день мы сидели в его кабинете в Доме у Моста, и это определенно происходило наяву. Хотя, конечно, в таком деле никогда нельзя быть уверенным до конца.

Кое-как вынырнув из бурного потока собственных мыслей, я обнаружил, что Джуфффин уже какое-то время увлеченно беседует с отсутствующим. То есть со мной.

– Боюсь, я все прослушал, – покался я. – Задумался. Пытался понять,

сплю я или нет.

– И что решил? – заинтересовался он.

– Похоже, все-таки бодрствую. Как-то все слишком сложно – я имею в виду совокупность обуревающих меня чувств. Во сне я гораздо проще устроен. Всегда точно знаю, чего хочу. И радуюсь, когда удастся добиться желаемого. Во сне я у нас молодец.

– Ты и наяву вполне молодец. По крайней мере, неплохо себя изучил. И, похоже, действительно нашел идеально подходящий тебе способ отличить сон от бодрствования, а это мало кому удастся.

– Опыт – великое дело, – улыбнулся я.

– Согласен. Тем не менее знал я опытных сновидцев, так толком и не разобравшихся, в чем именно состоит разница.

– Кашим Тушайна, – сонно пробормотал Куруш. – Валанта Валибапа, Эти Крумакаси, Логимар Пушина. И еще сто сорок имен, которые я готов огласить в том случае, если они вам понадобятся.

Это, надо понимать, были имена тех самых опытных сновидцев, знакомых Джуффина. Куруш спросонок решил, что без этой информации разговор зайдет в тупик, и великодушно пришел нам на помощь. Все буривухи обладают совершенной памятью. То есть они не просто могут запомнить, что следует, а совершенно не способны что-либо забыть. Затем этих птиц и держат в Доме у Моста; впрочем, сами буривухи полагают, будто Управление Полного Порядка создано исключительно ради их удовольствия и удобства, а умнейшие люди Соединенного Королевства собраны здесь специально для того, чтобы развлекать птиц новыми сведениями, содержательными беседами и глупыми вопросами.

– Спасибо, милый, – поблагодарил буривуха Джуффин. – Мы пока обойдемся без имен. Так вот, сэр Макс, все эти искушенные в искусстве сновидений дамы и господа так толком и не научились отличать сны от яви. Впрочем, думаю, им просто было плевать. А для тебя это – вопрос жизни и смерти. Для тебя вообще все – вопрос жизни и смерти, так уж ты устроен. Повезло.

– Да уж, – скорбно насупился я.

– Согласен, это не самая комфортная позиция. Зато максимально эффективная, и ты тому живой пример.

Может быть, и так. Но развивать эту тему мне пока не хотелось. Поэтому я спросил:

– Так о чем ты говорил, пока я не слушал?

– Будешь смеяться, но примерно о том же, о чем ты так крепко задумался. О снах и бодрствовании. В частности, о том, что сон – это

свобода сознания от повседневных обязательств. Своего рода отпуск.

– Забавно сформулировано. И действительно похоже.

– Ну да. А отпуском, сам знаешь, все распоряжаются по-разному. Кто-то просто остается дома, кто-то отправляется путешествовать в дальние края, а кто-то – проторенным маршрутом, на какой-нибудь модный курорт. Так вот, с сознанием происходит примерно то же самое. Иногда оно просто перерабатывает дневные впечатления в умеренно фантазмагорические картины – это не очень интересно, и говорить тут нам с тобой не о чем. А иногда спящее сознание кидается в такие запредельные дебри, что проснувшись, мы не можем вспомнить ни единого эпизода. Даже я, уж на что вроде бы опытен в подобных делах, а до сих пор иногда просыпаюсь со смутным ощущением ускользающей тайны и мучаюсь потом от любопытства – что же такое удивительное случилось со мной во сне, если мой бодрствующий ум не способен вместить полученный опыт? Надеюсь, когда-нибудь мне все-таки удастся добраться и до этих тайн. Впрочем, ладно, речь сейчас не о том. А о модных курортах. Это нынче для нас с тобой главная тема.

Я адресовал ему изумленный взгляд. Потому что если сэр Джуффин Халли затеял разговор с целью порекомендовать мне приятную поездку на знаменитые Белые Пляжи Уриуланда или, скажем, в лесные купальни острова Римурех, это будет означать, что в его тело только что вселился какой-нибудь бездомный демон. Или мертвый мятежный Магистр. Или еще какая-нибудь неведомая, подозрительно добродушная хрень. Потому что долгие годы я был знаком с совершенно другим человеком. Способным решительно на все, но только не милосердно отправить меня отдыхать на следующий же день после возвращения в Ехо. Да хоть бы и после ста лет безупречной службы без единого Дня Свободы от Забот – все равно невозможно.

– О модных курортах сознания, – усмехнулся Джуффин. – Есть такие пространства, куда сознание спящего человека устремляется легко и охотно, не особо задумываясь, зачем ему это нужно. Потому что куда-нибудь метнуться все равно надо, а тут такой простой и понятный маршрут. И, в конце концов, так делают все! Тоже, знаешь ли, аргумент.

Я начал понимать.

– Ты имеешь в виду, что есть места, которые сняты очень многим людям, потому что увидеть их во сне проще, чем что-либо другое?

– Ну да.

– Это многое объясняет, – обрадовался я. – Такое, наверное, с кем угодно было – разговорился с незнакомцем, выяснил случайно, что вам

иногда снятся одни и те же неведомые города, решил, что обрел родственную душу. А потом выясняется, что душа вовсе не родственная. Совершенно чужой человек! Ходишь как дурак, спрашиваешь себя: «Как же так? Почему? Кто из нас врал?» А никто не врал, просто по этим неведомым городам кроме нас еще полмиллиона человек гуляли. Потому что сны о них чрезвычайно популярны в этом сезоне. Как-то так?

– Именно. Моя аналогия с модным курортом не для красного словца. Просто в любой стране есть такие места, где все нормальные люди хоть раз да побывали. А кто еще не был, рано или поздно там окажется – сам не захочет, так приятели уговорят. Со сновидениями ровно та же история. И вот что особенно интересно: оказывается, увидеть во сне объективно существующую реальность гораздо проще, чем вымысел. Хотя, казалось бы, собственное внутреннее пространство всегда под рукой, вернее, под подушкой у спящего, а все остальное для него в этот момент как бы и вовсе не существует. Но нет. Человеческое сознание обычно так скупится на выдумку, что ему проще преодолеть расстояние между никогда не соприкасавшимися Мирами, чем породить пару-тройку новых иллюзий, хоть плохоньких, да своих. Такой вот удивительный парадокс. Поэтому когда вдруг выясняешь, что куче самого разного народу снилось какое-нибудь залитое водой поле, на краю которого растут белоствольные деревья, или, скажем, город, застроенный высокими зданиями без окон, можешь биться об заклад, что это поле и этот город где-нибудь да есть. И при удачном стечении обстоятельств их можно пощупать руками, в точности, как наш подоконник. – Джуффин для наглядности похлопал по отполированному временем темному дереву, всем своим видом приглашая меня присоединиться.

Я послушно положил ладонь на подоконник. Он был убедительно теплый.

– Ты когда-нибудь задумывался, как, собственно, модный курорт становится модным? – неожиданно спросил Джуффин.

– Не задумывался, – честно сказал я.

– Я, представь себе, тоже, – ухмыльнулся он. – Но это не мешает нам с тобой задуматься прямо сейчас. Взять хотя бы наше Уриуландское побережье. Оно все примерно одинаковое – относительно теплое море, чистый мелкий песок, густые леса и симпатичные рыбацкие деревушки. Однако бешеной популярностью пользуется только относительно небольшой участок, известный как Белые Пляжи. Почему?

– Наверное, там просто все обустроено для удобного отдыха?

– Теперь – да. Но в самом начале к услугам отдыхающих были только

скромные комнаты в домах рыбаков. Комфортабельные виллы для гостей стали строить позже. А первый по-настоящему приличный трактир там открыли всего семьдесят с небольшим лет назад. Я почему так хорошо помню – Кофа досадовал, что туда сманили прекрасного повара из «Тряпичной Пумбы». А когда наш сэр Кофа в кои-то веки чем-то всерьез недоволен, это запоминается надолго. Магистры знают, почему – вроде бы ничего особенного он в связи с этим не вытворяет. Однако каждый его вдох и выдох звучат хуже, чем самый безобразный скандал... Впрочем, Магистры с ним. Лучше попробуй догадаться, с чего началась слава Белых Пляжей? Почему столичные жители вдруг толпами повалили именно туда, невзирая на неудобства?

– Реклама? Стали говорить, будто там, например, целебная вода. Или особо мягкий песок. И даже мох на камнях такой вкусный, что никаких трактиров не надо – знай себе обгладывай камни.

– Кстати, да, обычно подобная болтовня отлично работает. Но про Белые Пляжи, насколько я помню, особо не врали. Есть еще версии?

– Дорога? – сообразил я. – Туда по какой-то причине стало легко добраться?

– Именно. Превращение рыбацкой деревушки в модный курорт началось с братьев Буругайсов и их красных амобилеров.

– Анчара Буругайс, Лапта Буругайс и Вейди Буругайс, – не открывая глаз, подсказал Куруш. – Возможно, есть и другие члены этой семьи, но о них я никогда не слышал.

– Я тоже, дружок. Братьев всего трое. Энергичные рыбацкие сыновья, приехавшие в столицу на заработки сразу после войны за Кодекс. Не знаю толком, чем они тут занимались, но денег скопили изрядно, а друзей-приятелей завели еще больше. И стали возить их к себе на родину в гости – отдохнуть, искупаться, выпить местного мшистого вина. Между нами говоря, удивительная гадость, зато большая редкость, в Ехо такого нигде не достать – что еще нужно настоящему гурману для полного счастья? Столичным друзьям так нравилось на побережье, что в гости стали проситься их родственники и знакомые, прельстившиеся рассказами путешественников. Будучи людьми приличными, на шею сесть не норовили, а предлагали честно оплатить поездку, еду и жилье. Братья отвезли в гости одного, другого, третьего и смекнули, что из этого может выйти неплохой бизнес. Поначалу возили гостей сами, потом им пришлось арендовать новые амобилеры и нанимать помощников. Наконец они как-то договорились с Кепой Шалушухисом, Старшим Магистром Ордена Семилистника, и он проложил на Белые Пляжи открытый Темный путь –

ну, такой, о котором все точно знают, где он начинается, и куда ведет, и место первого шага с обеих сторон помечено, чтобы никто не промахнулся. Событие, на самом деле, выдающееся. Очень мало кто из колдунов старой школы согласится открыть свой Темный путь даже близкому другу, а уж прокладывать его для всех желающих – это надо быть редким альтруистом. Дело не то чтобы сложное, и вреда от него никакого, просто у нас так не принято. Слишком свежа в памяти Эпоха Орден, когда каждый был за себя, и это часто помогало выжить. Даже вообразить не могу, сколько братья заплатили Магистру Шалушухису, чтобы его уговорить. Но так или иначе, а дело свое старик сделал на совесть. И благодаря ему число любителей погреть кости на белом песке резко возросло. Ходить чужим Темным путем, как ты сам не раз убеждался, гораздо легче, чем прокладывать его самостоятельно; это умеют, конечно, далеко не все, но большинство столичных аристократов худо-бедно справляются, их этому матери еще в раннем детстве учили, когда любая наука легко дается. Все-таки семейные традиции – великая вещь! А потом детки взрослеют и не упускают случая похвастать умением, подчеркивающим их принадлежность к высшему обществу, которая тем почетней, чем меньше от нее практической пользы. В общем, благодаря трудам Магистра Шалушухиса Белые Пляжи стали самым престижным местом отдыха столичной знати. На тех, кто никогда не просыпался среди рыбацких сетей с полной головой белоснежного песка и не клевал носом у костра в ожидании позднего ужина, смотрели со снисходительным сочувствием, примерно как сэр Мелифаро на наши с тобой наряды, вышедшие из моды, страшно сказать, еще позавчера. Ну а за аристократами потянулись богачи, эти всегда держат нос по ветру. Благо к услугам тех, кто не может воспользоваться даже чужим Темным путем, остаются все те же красные амобилеры; они до сих пор курсируют между Ехо и побережьем, и отбор возниц, говорят, даже более строг, чем при Королевском дворе. Кстати, имей в виду, сэр Макс, у тебя никаких шансов. Безопасность пассажиров Буругайсы ценят гораздо выше, чем скорость передвижения.

– Ну вот, вечно так, – пригорюнился я. – Стараешься, спасаешь Мир, а потом тебя в этом спасенном Мире даже возницей в приличную контору не берут!

– Жизнь вообще несправедлива, – согласился Джуффин. – Но это не повод сбивать меня с толку. О чем я рассказывал?

– О том, что богачи рванули на Белые Пляжи вслед за аристократами.

– Именно. И вот тогда там действительно началось строительство роскошных вилл и гостиниц, открылись трактиры и лавки, местные рыбаки

переоборудовали свои лодки для романтических прогулок, а пастухи принялись обучать говорящих коз сэйю чтению старинных стихов для просвещения столичной публики. А море, солнце, леса и песок были там с самого начала. Но сам понимаешь, окажись предприимчивые братья Буругайсы родом, скажем, из Куллари, мотались бы сейчас столичные жители отдыхать в Гугланд, хотя песок на том побережье темнее, и летние дожди идут гораздо чаще. Все равно люди с радостью поедут туда, куда их за умеренную плату повезут в удобных красных амобилерах или отведут за ручку Темным путем. А что где-то погода лучше и вино вкуснее, даже не задумаются. Так вот, со сновидениями – ровно то же самое. Только, конечно, без амобилеров. Зато на чужой Темный путь более-менее похоже. Уже догадываешься, к чему я веду?

Я кивнул.

– Ты говорил, что Ехо теперь снится куче постороннего народу, дрыхнувшего в самых разных концах Вселенной и вообще не подозревающего о нашем существовании. Или даже не только Ехо, а вообще весь Мир. А кстати, действительно весь?

– Почти. Кроме разве что Арвароха. Там, как ты понимаешь, может происходить только то, что приятно местным буривушкам, а птицы обычно не любят, когда на них пялятся, пусть даже во сне. И еще я совершенно уверен, что потомки древних кейифайских родов бдительно охраняют некоторые закрытые города Уандука, куда во сне действительно лучше не соваться. И наяву, кстати, тоже. Впрочем, нас с тобой тамошние дела пока не касаются. Можно сказать, исключительно повезло. А то ходили бы теперь вывернутые наизнанку, забыв все слова кроме своих тайных имен – как назло, совершенно непроизносимых. Древняя Уандукская Магия это тебе не наша Очевидная, которая неизменно добра ко всякому новичку, а с ума сводит только самых опытных и могущественных колдунов. Своенравная кейифайская наука сперва переделывает ученика по своему вкусу, да так, что мать родная не узнает, а уже потом решает, допускать ли его до настоящего дела, или только на то и сгодится бедняга, что полоумным дурачком на площадях плясать во славу ее. Интереснейшая штука! Настолько, что лично я отложил ее изучение на черный день, когда иных тайн для меня в Море не останется и я себе смертельно надоем.

Я смотрел на него, открыв рот. Таким невежественным болваном я не ощущал себя даже в самые первые дни жизни в Ехо. Конечно, в ту пору я знал о здешнем мироустройстве гораздо меньше, чем сейчас, зато новую информацию Джуффин вываливал на меня сравнительно небольшими порциями. И, скажем так, несколько преуменьшал степень

непознаваемости окружающего мира, щадя мою бедную голову. А теперь, надо понимать, решил, что можно не церемониться.

– Процесс познания бесконечен, – хладнокровно заметил Джуффин. – Причем чем больше узнаешь, тем яснее видишь масштабы своего невежества. Время от времени это вызывает досаду, могу тебя понять. Но вот тебе добрый совет: выброси пока из головы все, что в ней не укладывается. Оно потом как-нибудь само. Ты и не заметишь.

– Потому что буду в этот момент плясать на площади, как полоумный уандукский колдун-неудачник, – ухмыльнулся я. – Ладно, договорились. Поехали дальше. Ваш... Наш Мир стал модным курортом для сновидцев. И что из этого следует?

– Из этого, во-первых, следует, что ты к нам вернулся. И лично я в связи с этим испытываю восторг оборванца, наконец-то сподобившегося заштопать давно прохудившийся карман: была дырка, и нету, ничего не вываливается, и думать больше об этом не надо, дело уже сделано, грешные Магистры, хорошо-то как! Да ради одного этого имело смысл выворачивать наизнанку шапку Датчуха Вахурмаха^[2]. Знал бы, сам давно вывернул бы, не полагаясь на способную молодежь.

– Не знаю, зачем ты все это мне говоришь, – улыбнулся я. – Готов спорить, что с какой-нибудь хитроумной стратегической целью. Но выбираю верить, что ты просто действительно очень рад моему возвращению. Это, во-первых, приятно. А во-вторых, логично. В конце концов, ты же сам убедил меня вернуться. Было бы странно, если бы ты хлопотал лишь затем, чтобы испытывать невыносимые страдания от моего присутствия.

– Правильно делаешь, что веришь. Я вообще крайне редко вру. Просто, как правило, многое недоговариваю. В этом смысле со мной, конечно, нелегко – поди угадай, о чем я промолчал на этот раз? Вот и сейчас – теоретически, я же вполне мог заманить тебя в Ехо, чтобы зажарить и съесть в приятной домашней обстановке. Почему нет? В прежние времена некоторые стареющие колдуны действительно поступали так с вошедшими в силу учениками. Считалось – возможно, не совсем безосновательно – будто подобный режим питания чрезвычайно полезен для здоровья. Но и в этом случае моя радость по поводу твоего возвращения была бы совершенно искренней, никакого притворства. Поэтому мне действительно можно верить, сэр Макс. Запомни это раз и навсегда.

– Теперь точно запомню, – пообещал я. – Кому и верить, если не человеку, всегда готовому с аппетитом меня сожрать.

– Все-таки не всегда, – педантично поправил меня Джуффин. – А только на старости лет. Так что твои шансы на превращение в жаркое не слишком велики, не обольщайся.

– Ладно, – согласился я. – Жизнь полна разочарований. Не хочешь, не ешь, кто ж тебя заставит. Но тогда придется вернуться к моему вопросу. Мир стал новым модным курортом для спящих сознаний, а вся наша здешняя жизнь – фоном для чужих сновидений. Отлично. Но что в связи с этим следует делать мне? Вот прямо сейчас и в ближайшие сто лет, которые я опрометчиво проиграл тебе в карты?

– Скорее уж чрезвычайно дальновидно проиграл. Жить в Ехо стало гораздо интересней, чем раньше. А ты, насколько я помню, и тогда не особо жаловался.

– Не особо, да, – невольно улыбнулся я.

На какое-то время в кабинете воцарилось умиротворенное молчание. Не знаю, как Джуффину, а мне было о чем вспомнить.

– Ты вот спрашиваешь, с чего начать, – сказал наконец Джуффин. – А я и сам в растерянности. Потому что начинать, по-хорошему, следует со всего сразу. Жду не дождусь, когда ты вступишь в игру. Но все равно какой-то шаг должен быть самым первым. Ладно. Для начала тебе следует узнать вот что. Обычно сновидцы и порожденные их сознанием фантасмагорические образы остаются невидимыми, неслышимыми и неосязаемыми для обитателей реальности, которую видят во сне. И, следовательно, никому не мешают. Ну, то есть существует специальная методика, позволяющая вести за ними наблюдение, но ее прикладное значение столь невелико, что специалистов по пальцам пересчитать можно, причем большинство их проживает в Уандуке. Потомки кейифайев почему-то любят подобные развлечения.

– Да что ж такое! – изумился я. – Все самое интересное, оказывается, происходит в Уандуке. Переехать, что ли?

– Обойдешься. Да и незачем: у нас, в Ехо, спящих визитеров может увидеть и даже потрогать вообще кто угодно. Причина, как ты, наверное, сам догадываешься, в близости Сердца Мира: оно, особо не разбираясь, дает силу всему, что окажется рядом. Вот и люди, чье внимание устремилось сюда во сне, обрастают тут плотью – недолговечной, тонкой, почти призрачной, но на первый взгляд практически неотличимой от настоящей. И было бы неплохо, если бы для начала ты научился отличать тех, кому мы снямся, от обычных людей. Как по мне, нет ничего проще... Кстати, будет смешно, если вдруг окажется, что именно для тебя это проблема. Ты у нас всегда был с причудами.

Я слушал его, смотрел в окно и думал, что на самом деле для начала мне придется научиться спокойно дышать воздухом Ехо, не захлебываясь на каждом вдохе от счастья, столь острого, что менее опытный человек счел бы его сердечным приступом. Причем, похоже, на освоение этого искусства у меня уйдут годы.

Но не говорить же все это вслух. Проще одарить собеседника самой лучезарной ухмылкой из своего арсенала.

– Заранее уверен, что справлюсь. Как правило, спящий человек не способен контролировать свой внешний вид. Следовательно, выглядеть должен максимально нелепо. Поэтому вон тот чудак в коротком золотом лоохи, расшитом ужасающими лиловыми медузами, наверняка и есть искомый объект. Изловить его немедленно? Будем ставить опыты?

– Не хочу разбивать тебе сердце, но это просто наш сэр Мелифаро решил выгулять на службу свой наряд, сшитый по самой последней моде. А теперь благоразумно уходит в нем домой, осознав, что медузам в Управлении Полного Порядка не место. Тебя слишком долго не было в Ехо, и ты не в курсе новейших модных тенденций. Что, впрочем, к лучшему. Меньше знаешь, крепче спишь.

– Это точно. Но вообще-то я пошутил.

– Я на это втайне надеялся. Но решил, лучше вот прямо сейчас показаться занудой, чем пару лет спустя случайно обнаружить, что ты действительно пользуешься именно этим критерием.

Ну кстати да. С меня бы случилось.

– На самом деле, – заметил я, – научиться отличать одних людей от других на абсолютно пустой улице несколько затруднительно, ты не находишь?

– В отличие от некоторых, – надменно ответил Джуффин, – я никогда не пасую перед трудностями.

И тут же, махнув рукой, рассмеялся.

– Это я, конечно, молодец, ничего не скажешь! Ладно, пошли.

– Куда?

– Да куда угодно. На первую попавшуюся людную улицу. Или на вторую попавшуюся. Да хоть на третью. Как пожелаешь.

– А если, к примеру, на Гребень Ехо? И практиковаться там всласть с видом на всю столичную красоту сразу.

Джуффин укоризненно покачал головой.

– Ты говоришь, как турист.

– И чувствую себя соответственно. Подозреваю, любой иноземный матрос уже через пару дней после прибытия ориентируется в Ехо более

уверенно, чем я. Все так изменилось! Одни только прохожие, идущие по своим делам в полуметре от земли, чего стоят. Тоже небось просто новая мода, вроде коротких блестящих лоохи?

– Что-то вроде. Но шика в манере ходить, не касаясь земли, гораздо больше, чем в любых тряпках, поскольку это все-таки далеко не каждому по плечу. Впрочем, настоящие мастера полагают подобный выпендрез вульгарным. Поэтому если ходить обычным образом, по земле, но при этом глядеть на окружающих достаточно высокомерно, есть шанс сойти за совсем уж могущественного колдуна, брезгующего фокусничать на глазах у публики. В общем, все сложно.

– Всегда знал, что денди мне не бывать. Не умею ни того ни другого. Даже немного обидно.

– Ну, этому горю помочь нетрудно. Насчет выражения лица проконсультируйся у своего приятеля, Великого Магистра Семилистника, в этом искусстве ему до сих пор нет равных. А ходить, не касаясь земли, я и сам тебя научу, причем за пару минут. Техника-то несложная, а сил у тебя теперь, пожалуй, побольше, чем прежде.

– А знаешь, не откажусь. Пара-тройка простых, но эффектных фокусов мне сейчас не повредит. А то прошелся сегодня по городу, посмотрел, как детишки запускают в небо драконов прямо из рукавов, а их мамы посылают на улицу толпы веселых разноцветных зверей, чтобы убедить чада вернуться домой пообедать, и почувствовал себя безнадежным провинциалом. Тем самым одичавшим варваром из Пустых Земель, за которого ты с переменным успехом выдавал меня поначалу... Слушай, а ты уверен, что меня не было в Ехо всего шесть лет? А не полторы тысячи?

– Я считал на пальцах, – совершенно серьезно ответил Джуффин. – Их у меня, как несложно заметить, гораздо меньше полутора тысяч, и в процессе подсчета они даже не успели закончиться. Просто это были довольно насыщенные событиями годы, сэр Макс. Так уж тебе повезло. Возвращаешься вроде бы просто домой, а тут – сюрприз, сюрприз! – совершенно новехонькая реальность, как специально для тебя старались.

– Я бы, честно говоря, предпочел быть свидетелем всех этих перемен. А еще лучше – деятельным участником. К чему угодно можно привыкнуть, пока делаешь это своими руками.

– Так-то оно так. Но быть Тайным сыщиком в тот момент, когда часть запретов на применение магии внезапно отменилась, часть осталась в силе, а регламентирующие этот бардак поправки к законодательству все еще редактируются и дописываются – незавидная доля. Окажись ты в Ехо, я бы практически каждый день будил тебя на рассвете. Причем не по злобе,

а просто от безысходности. Ты не представляешь, что у нас тут творилось! При этом хитрый сэр Шурф, без которого я как без рук, заперся в Иафахе, завернулся в магистерскую мантию и наотрез отказался подрабатывать в Тайном Сыске в свободное от собственного величия время. Причем со свойственной ему злопамятностью утверждал, что стал Великим Магистром Ордена Семилистника не по собственному капризу, а по моей настоятельной просьбе. Что, к сожалению, чистая правда. Я, впрочем, с самого начала понимал, что он – отрезанный ломоть. В Иафахе к его услугам лучшая библиотека этого Мира и моя любезная подружка Сотофа, всегда готовая обучить любого желающего высокому искусству забивать на чужие проблемы. А сэр Шурф любит учиться, ты знаешь.

– Ну так надо было сперва сотворить его двойника, а потом отпускать, – рассудительно заметил я. – Уверен, у тебя получилось бы.

– Наверняка, – согласился Джуффин. – Однако некоторые особо чудесные предметы и явления должны всегда оставаться в единственном экземпляре, просто ради равновесия Мира и моего личного спокойствия. И сэр Шурф Лонли-Локли, безусловно, из их числа. Что весьма досадно: нам его до сих пор здорово не хватает, особенно в черные дни подготовки очередного годового отчета. А поначалу был просто кошмар. Сэр Мелифаро то и дело пытался подать в отставку, порой трижды на дню. Счастье еще, что он человек легкомысленный и быстро забывает о собственных решениях. Кофа угрожал навек удрать от нас в Куманский Халифат, а леди Кекки Туотли обещала в отместку выйти замуж за первого попавшегося красивого придворного; пока они спорили, город оставался без присмотра, и чего только там не творилось! Меламори же просто спала круглые сутки, то с закрытыми глазами, то с открытыми; впрочем, положение ее век мало что меняло. Никогда прежде не видел, чтобы чьи-то блестящие успехи в постижении Истинной Магии оказались настолько несвоевременными. Чем больше она училась, тем меньше пользы от нее было на службе, и тем хуже приходилось нам всем. Энтузиазм сохранял только Нумминорих. Он, по-моему, так и не понял, что работы стало слишком много. Решил, просто я наконец-то любезно согласился посвящать его в некоторые серьезные дела. Очень радовался, бедняга. Без него мы бы, пожалуй, совсем пропали. Но и с ним уцелели только чудом.

– Сейчас заплачу от зависти, – пригрозил я. – Чудом они уцелели, как же. Так и представляю летающие в воздухе пирожки, курьеров с кувшинами камры в два часа пополуночи и звон оконных стекол от вашего общего хохота.

– Не без того. А все-таки мы очень уставали, да и дела были по

большей части самые что ни на есть рутинные. Очередной энтузиаст получил лицензию и тут же принялся досаждать ворожкой соседям, как будто разрешение применять магию автоматически позволяет использовать ее во вред другим людям; компания студенток отметила будущую свадьбу подружки совместным полетом над городом, применив на радостях восемьдесят первую ступень Черной Магии, которую пока даже теоретически никто не собирался разрешать; юный музыкант сочинил новую колыбельную, сыграл ее, сидя на крыльце, и целый квартал спит уже четвертый день кряду. Все редкостные молодцы, просто сердце радуется, и всех надо срочно арестовать, похвалить за успехи, отдать под суд и оштрафовать – а как еще наглядно продемонстрировать горожанам, что внесение поправок в Кодекс Хрембера вовсе не равносильно его полной отмене? Подобной рутины внезапно стало слишком много, а нас – несколько меньше, чем хотелось бы. Ты бы в такой обстановке быстро заскучал и испепелил столицу, а может, и весь Угуланд в придачу – просто чтобы тебе дали выспаться. Так что все к лучшему, сэр Макс. Город уцелел, ты не возненавидел всех его жителей разом, а я не свихнулся, расхлебывая еще и эту проблему. Прекрасный результат.

На радостях он вскочил со стула и жестом великодушного хозяина сокровищницы, решившего одарить гостя, распахнул дверь кабинета.

– Гребень Ехо, говоришь? Ладно, будь по-твоему. Пошли.

– Удивительные все-таки существа вы, люди, – укоризненно сказал Куруш, недовольный вынужденным перемещением с моего плеча на спинку кресла. – Почему вам необходимо снова и снова ходить туда, где вы уже однажды побывали?

– Ну, видишь ли, мы, люди, довольно привязчивы, – серьезно ответил Джуффин. – И когда нам нравится какое-то место, мы стараемся возвращаться туда почаще, желая убедиться, что оно никуда не исчезло.

– Да, это можно понять, – подумав, согласился буривах. – Ваш человеческий мир действительно не настолько постоянен и надежен, как того требует здравый смысл.

Я был с ним согласен, как никогда.

Мы шли по городу, и я снова, уже который раз за день, глядел по сторонам, разинув рот, как будто попал в Ехо впервые в жизни. Впрочем, если бы я действительно только что приехал в столицу Соединенного Королевства, удивлялся бы гораздо меньше. Сказал бы себе, что именно так и должны обстоять дела в городе, где магия доступна даже младенцам, и быстро перестал бы обращать внимание на местные странности.

Но штука в том, что я прожил в Ехо несколько лет и знал этот город, как свои ладони. Ну, то есть считал, будто знаю.

А теперь глазел на уличного фокусника, жонглирующего пузырями воды, внутри которых шевелили жабрами ошалевшие от такого обращения рыбы. Слушал, как негромко напевает под нос старое дерево вахари, не то заколдованное каким-то шутником, не то, напротив, наконец-то расколдованное – и тогда оно нам, конечно, еще покажет. Пересчитывал парящие в небе детские игрушки, то и дело уступал дорогу корзинам, самостоятельно ковыляющим с рынка вслед за беззаботными хозяевами, уворачивался от подносов с пирогами, летящими из трактиров прямо в распахнутые окна клиентов, невольно прикидывал – это сколько же курьеров потеряли работу с момента принятия поправок к Кодексу? Впрочем, вряд ли стоило о них горевать: с голоду в столице Соединенного Королевства захочешь не помрешь, зато интересных способов коротать досуг у горожан в последние годы явно прибавилось.

Я смотрел под ноги, на мелкие камешки, которыми вымощены тротуары улицы Медных Горшков, и чувствовал, что пропадаю. Влюбляюсь заново. По уши. И как всегда, навек. Любовь не лечится временем, и новой любовью она тоже не лечится. Вообще ничем, и, наверное, хорошо, что так. Этот город всегда имел надо мной куда больше власти, чем любой из людей, а теперь он, похоже, намеревался захватить еще несколько стратегически важных участков моего сердца. Или – чего мелочиться? – отобрать его целиком. И я не собирался сопротивляться.

Да и толку-то.

Чудеса были Ехо к лицу. Хорошо, что официальный запрет на них отменили. И как же все-таки жаль, что это случилось не при мне. Но тут уж ничего не поделаешь.

– На самом деле, это только начало, – сказал Джуффин.

Я не дрогнул. Даже не стал переспрашивать: «Начало чего?» Давно привык получать ответы на мысли, не высказанные вслух. Вокруг вечно толпятся ясновидцы, готовые читать меня как открытую книгу, то и дело беспардонно подглядывая в конец, а уж сэр Джуффин Халли, безусловно, абсолютный чемпион в этом виде спорта.

– Ты жалеешь, что не присутствовал в начале перемен, а на самом деле вот прямо сейчас и есть начало, – повторил Джуффин. – Оно еще на добрую сотню лет растянется. За годы, прошедшие со дня принятия Кодекса Хрембера, у нас выросло несколько поколений, почти не умеющих колдовать. А те, что постарше, утратили сноровку. Магия, как всякое искусство, не терпит отступничества, и многим законопослушным

старикам теперь приходится начинать чуть ли не с нуля. Поэтому все, что ты видишь сейчас, – это еще цветочки. Оно к лучшему, будем привыкать понемногу. Все вместе. Я, знаешь ли, тоже постепенно забыл, каков этот город на самом деле. Что здесь считается нормой, и как эта, с позволения сказать, норма выглядит со стороны. И до сих пор глазам своим не верю. То есть верю, но через раз. Как в первые годы после переезда из Кеттари. Все эти милые мелочи, составляющие фон обыденной столичной жизни, совершенно меня тогда заморозили. И даже отчасти шокировали. Нечего и говорить, что я был сбит с толку и счастлив. Примерно как ты сейчас. И тоже влюбился в этот город по уши. Так что не переживай, ты не первая его жертва.

– Ни на секунду не сомневаюсь, что не первая. Кто ж перед таким устоит?

– Кстати, местные уроженцы к Ехо по большей части вполне равнодушны, – заметил Джуффин. – То есть они довольны, что родились не где-нибудь, а в столице, и охотно пользуются всеми преимуществами такого положения. Но сильная и глубокая любовь к своему городу среди них огромная редкость. Странно, да?

– Вообще-то не очень. Они с младенчества получают Ехо по чайной ложке в день. А мы – все сразу, внезапно, как именинный пирог с фейерверком. Конечно, у нас больше шансов потерять голову.

– Твоя правда. И в награду за житейскую мудрость вот тебе большой ломоть пирога сразу – Гребень Ехо. Мы пришли.

...Мост Гребень Ехо разительно отличается от остальных мостов через Хурон. Он столь широк и прочен, что по краям его построены самые настоящие дома. В некоторых живут люди – на мой взгляд, фантастические счастливчики, вроде сэра Кофы Йоха, который, конечно, регулярно досадует на сырость и шум, но не променяет свою сравнительно скромную квартиру даже на дюжину окруженных садами особняков Левобережья. Впрочем, добрая половина зданий отведена под лавки и трактиры, по большей части обескураживающе дорогие. Ничего не поделаешь, за виды, открывающиеся из окон и с выставленных за порог кресел, готовы переплачивать даже столичные жители; о приезжих и говорить нечего. Скупцы же удовлетворяются возможностью курить трубки у перил моста, в редких просветах между домами.

Наше место было среди скупцов. И не потому что мы берегли свои кошельки. Просто людям, которых никто не замечает, в трактире делать совершенно нечего.

А нас сейчас не заметил бы даже самый внимательный к гостям

трактирщик. Это была моя вина. В смысле, идея. Ну или, как выразился Джуффин, заскок. Я не хотел, чтобы о моем возвращении в Ехо стало известно кому-то кроме самого Джуффина. Я бы и ему какое-то время не показывался, будь моя воля. Но довольно трудно скрыть свое появление в городе от человека, который самолично тебя туда притащил, напоив собственной кровью – не то из магических соображений, не то просто для смеха, чтобы потом всю жизнь дразнить кровопийцей. И спать уложил в своем доме, твердо пообещав присматривать, чтобы я никуда не исчез. И с несвойственной ему кротостью сносил все мои капризы. Никому не говорить, что сэр Макс вернулся? Ладно, как скажешь. Хочешь гулять по городу, изменив внешность? Смотри, это делается так. Давно надо было тебя научить, да руки не доходили. Думаешь, надо еще и маску надеть? Вообще-то они уже вышли из моды, но поступай как знаешь.

И только когда я сказал, что маскировка у меня, конечно, неплохая, но теперь хорошо бы накинуть сверху Кофин укумбийский плащ-невидимку, Джуффин дал себе волю и смеялся надо мной добрых полчаса. Плащ, впрочем, принес – потом, когда устал ржать.

Человек, надевший такой плащ, становится невидимым – в том смысле, что его перестают замечать. Просто невозможно задерживать на нем внимание, даже если ты заранее предупрежден и очень стараешься.

Плащи эти – большая редкость, никто кроме укумбийцев таких не делает, а заниматься торговлей жителям Укумбийских островов не велят законы пиратской чести. Даже свою гордость, крепкий ароматный напиток бомборокки, от которого без ума весь Мир, им продавать нельзя. Впрочем, выход уже давно найден: время от времени крупные производители укумбийского бомборокки отправляются в море на утлых суденышках, под завязку нагруженных бутылками. Штука в том, что законы пиратской чести не запрещают укумбийцам быть ограбленными превосходящим по силе противником, даже если этот противник по счастливому совпадению окажется угуландским купцом, который, забрав ценный груз, случайно забудет в каюте пострадавшего туго набитый деньгами кошелек. Приступу рассеянности способствует не только желание продолжать бизнес, но и присутствие поблизости до зубов вооруженных родственников и друзей жертвы на легких быстроходных шикках. Догнать же злодея и отобрать награбленное им мешает опасение, что, прослышав об этом, другие купцы перестанут бесчинствовать в Укумбийском море на столь выгодных условиях.

И ни слова о торговле!

К сожалению, тайная договоренность между пиратами и купцами не

распространяется на другие товары. И уж тем более на такую редкость, как плащи-невидимки. Наш экземпляр достался Тайному Сыску случайно, можно сказать, чудом. Его тут же прибрал к рукам сэр Кофа, и с ним никто не спорил – ясно, что Мастеру Слышащему возможность в любой момент стать незаметным гораздо нужней, чем остальным. Впрочем, Кофа пользуется плащом очень редко; думаю, ему просто неинтересно быть невидимкой, которого, к тому же, ни в одном трактире не обслуживают. Поэтому плащ почти всегда лежит в сейфе, и его можно позаимствовать, так уж мне повезло.

Став невидимкой, я полдня шатался по городу; наконец набрался решимости, явился в Дом у Моста, зашел в кабинет Джуффина и некоторое время сидел там на подоконнике, корчил рожи, наслаждаясь своей полной невидимостью, пока Джуффин не сказал, подняв голову от самопишущих табличек: «Ты что, правда думаешь, будто я тебя не замечаю? Хорош бы я был, если бы до сих пор не разобрался с этими укумбийскими чарами. И не делай такое трагическое лицо, я пока больше никого этому не учил. Не до того было».

Все к лучшему – по крайней мере, он меня покормил. Сделать это следовало давным-давно, но снять плащ-невидимку даже в самом захудалом трактире на окраине Старого Города я так и не решился.

И разговаривать с человеком, который тебя видит, все-таки гораздо приятней. Особенно если идешь при этом по улице. Я правда сперва помалкивал, опасаясь, что Джуффин будет выглядеть полным идиотом, оживленно болтая с невидимым собеседником, но быстро сообразил, что уж ему-то не составляет труда оставаться незаметным без всяких волшебных вещей. И тут же убедился в своей правоте, наблюдая, как ловко грозный шеф Тайного Сыска уворачивается от хрупких старушек, прущих на него с безмятежностью стенобитных таранов.

– Ну а как я, по-твоему, ходил по улицам в Смутные Времена? – флегматично ответил Джуффин на мой невысказанный вопрос. – Когда каждая собака знала, что я наемный убийца? И тем более потом, когда все та же собака знала, что я – Господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска? Это я только в последние годы разленился, благо шарaxаться от меня на улицах более-менее перестали. А когда-то было – все равно что тюрбан надеть.

Лучшее, что может сделать невидимка, угодивший в толчею Гребня Ехо, – вскарабкаться на первую попавшуюся крышу. Если, конечно, он способен ненадолго превратить гладкую стену в удобную лестницу. Лично

я понятия не имею, как это делается, зато умею правильно выбирать спутников. Для Джуффина подобный фокус – привычный, не заслуживающий внимания жест, как дверь открыть. Поэтому минуту спустя мы уже свысока взирали на происходящее, совершенно неуязвимые для чужих локтей и сапог.

– Надеюсь, теперь ты не станешь жаловаться на недостаток учебного материала, – сказал Джуффин. – Здесь довольнолюдно.

– Звучит как непростительное преуменьшение.

– Вот именно. А теперь внимательно посмотри на прохожих. Как думаешь, кто из них сейчас спит у себя дома? Никаких идей? Правильно, их и не должно быть. На первый взгляд большинство сновидцев выглядят как обычные люди. Ну, скажем так, как обычные приезжие: глазают по сторонам, распахнув рты, все им в диковинку. И они нам тоже в диковинку, можно сказать, честный обмен. На самом деле, твоя шутка насчет наряда сэра Мелифаро была вполне метким попаданием. Некоторым снится, будто они выглядят примерно как все вокруг, но большинство все-таки одеты по нашим меркам довольно нелепо. Как дома ходить привыкли, так и во сне проявляются, по крайней мере, поначалу. Спасибо им за это, очень оживляют городскую толпу! Но все же целиком полагаться на этот признак не следует, особенно тебе. Ты даже с нынешней столичной модой толком не освоился, а ведь, скажем, в том же Куманском Халифате она тоже меняется. Еще и почаще, чем у нас. Порой – радикально. И, подозреваю, ты до сих пор не имел возможности поглазеть на чангайца, или, скажем, умпонца. Выдающееся зрелище, верь мне! Уж на что я бывалый человек, а и то иногда вздрагиваю при виде их разноцветных фартуков и многослойных коротких штанов. Поэтому попробуем самый верный метод: боковое зрение. Нет ничего проще и эффективней. Когда смотришь боковым зрением, некоторые потаенные вещи просто не успевают от тебя спрятаться. И тогда тела сновидцев начинают мерцать, как луна. Точнее, как ее отражение в зыбкой воде. Впрочем, это уже поэтические тонкости. Мерцают – и ладно. Попробуй, сам увидишь.

Я попробовал. Поначалу, конечно, ни черта не получалось. Очень долго не получалось. Секунд двадцать. Или даже тридцать. Вполне достаточно, чтобы взбеситься от собственной беспомощности, потом решить, будто меня разыграли, и взбеситься снова, на сей раз адресно. И даже придумать отличный план мести. А потом увидеть, как мерцает контур силуэта молодой женщины в пышной красной юбке, каких в Ехо на моей памяти никогда не носили. И другая, пожилая, в не по сезону теплом коричневом лоохи до пят, сияет практически как гриб в светильнике.

И мужчина в почти ташерских шелковых пижамных штанах, и толстая девочка в длинной голубой скабе, которая, скорее всего, просто ночная рубашка, и совсем юный солдат в форме неизвестной мне и вряд ли вообще существующей державы. И рыжая дама средних лет, что-то сосредоточенно рисующая в блокноте – вот это я понимаю, настоящий художник, даже во сне за работой. Впрочем, вполне возможно, наяву она рисовать как раз не умеет, вот и пользуется случаем. Кто их разберет, этих спящих.

– Мама дорогая, – наконец выдохнул я. – Это что же получается, чуть ли не каждый десятый прохожий на самом деле дрыхнет сейчас где-то дома и видит сон о прогулке по этому грешному мосту? Даже не верится! Их всегда столько, или просто я везучий?

– Ты, конечно, везучий. И место выбрал метко, наши мосты, как внезапно выяснилось, очень любят, когда их видят во сне. На улицах спящего народу поменьше, но все равно хватает. Сам убедишься. Знаю я тебя, теперь дни напролет всех разглядывать будешь.

– И что, всех этих красавцев мне придется ловить и будить? – мрачно спросил я. – Но это же нереально! Пока буду заниматься одним, еще сотня благополучно ляжет баиньки у себя дома и тут же свалится нам на голову. Или просто сколько успею? Что-то вроде лотереи – кто под руку подвернулся, тот и молодец?

– Ну что ты. Этих людей следует оставить в покое. Хотят видеть нас во сне – да на здоровье. Их можно понять, я бы на нас и сам с радостью поглядел, угоразди меня родиться в каком-нибудь другом месте. Тем более беспокойства от них особо нет, а удовольствия море. Нашим горожанам всегда нравились чудачки.

– Но ты же сам говорил...

– Нас с тобой интересуют совсем другие сновидцы, которые присутствуют здесь более-менее полностью. И действуют почти столь же осмысленно, как наяву, только с невиданной для себя легкостью. Ослепительная иллюзия всемогущества, им, в отличие от нас, даже магии учиться не надо. Можешь представить, в каком они восторге?

О да. Вопрос по адресу. Могу.

– При этом следует понимать, что некоторым удовольствие может стоить жизни. Кто, очаровавшись новыми возможностями, захочет остаться тут навсегда, скорее всего добьется своего. В том смысле, что больше никогда не проснется дома – там, где лежит спящее тело. Но и здесь сможет оставаться только до тех пор, пока оно живо. Смерть показывает людям совсем иные сновидения, улицы Ехо и прочих городов Мира в них, насколько мне известно, не фигурируют. Все-таки, при всем моем

уважении к философам древности, любившим шокировать друг друга сенсационными гипотезами, у нас не «тот свет».

– Точно? – спросил я.

Хотел пошутить, но голос дрогнул в самый неподходящий момент, и вопрос прозвучал встревоженно.

– Точно, – совершенно серьезно подтвердил Джуффин. – Я проверял.

Я не стал спрашивать, как он это делал. Некоторым утверждениям сэра Джуффина Халли лучше сразу верить на слово, не требуя подробностей – если рассудок вам дорог.

– В общем, надолго у нас никто при всем желании не задержится, – заключил Джуффин. – Тело, конечно, может какое-то время протянуть без участия сознания, особенно если ему повезет, и найдутся знахари, которые захотят и сумеют поддерживать его физическое существование. Но такая удача – редкость.

– Редкость, – эхом повторил я.

– С теми, кто собирается тут погулять, а потом проснуться дома, тоже не так просто. Чем дольше человек видит один и тот же сон, тем глубже в него погружается. Чего доброго, начнет вспоминать свою здешнюю биографию, вернее, она сама вспомнится – вкрадчиво, постепенно. Только что казалась забавной фантазией, а уже засела в голове, как неопровержимый факт. В какой-то момент наш сновидец разворачивается и идет домой. По адресу, который знает, как нечто само собой разумеющееся, даже не обдумывает, откуда у него тут взялась квартира, и кто все эти славные люди, ожидающие его за обеденным столом. И привет, поди потом проснись, когда твоя настоящая жизнь – вот она, знакомая и привычная, никаких сомнений. Примерно так работают сонные наваждения; впрочем, ты и сам знаком с ними не понаслышке. А настоящих мастеров, способных держать сновидение под полным контролем и вовремя просыпаться в своей постели, куда бы ни занесло и что бы ни померещилось, мало в любом из Миров. Даже тут – при том что у нас-то всегда есть возможность научиться, были бы желание и интерес. Ни тайной, ни тем более запретной эта наука отродясь не считалась. И азы ее доступны абсолютно всем.

Он умолк и принялся набивать трубку. Не то чтобы дать мне обдумать услышанное, не то и правда захотел покурить, никогда не поймешь.

Поэтому услышанное я на всякий случай обдумал, чтобы пауза зря не пропадала. И, дождавшись, пока изо рта Джуффина кольцами полетит дым, спросил:

– А эти осмысленно спящие с виду хоть как-то отличаются от

нормальных людей и прочих сновидцев? Тоже светятся? Но как-нибудь хитро?

– Хороший вопрос, – вздохнул Джуффин. – Ответов, на мой вкус, даже слишком много. Все правдивые, а в сумме чокнуться можно. Некоторые, видишь ли, светятся, а некоторые нет. Одни вообще неотличимы от обычных бодрствующих людей, другие имеют вид столь причудливый, словно только что выскочили из тюрбана уличного фокусника. Кого-то вовсе не разглядишь, зато иных видно вообще везде, сила Сердца Мира им для этого без надобности. Кто-то может показаться одним из призраков, наводнивших Ехо после отмены дурацкого запрета на их пребывание в столице, а кто-то заявится в облике зверя или в восемнадцати телах сразу – поди с таким договорись. Как только речь заходит о гении, да еще и не ведающем, что творит, все правила отменяются. И выкручивайся как хочешь.

Я хотел заорать во весь голос: «Так и знал!» – но вместо этого просто саркастически ухмыльнулся. Если уж природа одарила вас не в меру выразительным лицом, произносить вслух все, что на нем написано, – непростительное расточительство.

Но Джуффин и бровью не повел. Он, как рассказывают, даже гибель этого Мира однажды видел – в ту пору, когда она еще была наиболее вероятным будущим. Что ему какое-то там лицо.

Пришлось говорить человеческим голосом.

– Ты бы мне хоть одного показал для примера.

– Да я бы с радостью. Но здесь их, скорее всего, нет.

– Ладно, тогда не будем рассиживаться. Пошли поищем в городе. Хочу своими глазами увидеть, о чем речь.

– Желание гостя – закон. Так говорят у меня на родине в горах. Хотя на самом деле никто так, конечно, не думает. Обычная вежливая формула; когда гость этого не понимает, может получиться довольно неловко. Впрочем, ради тебя я и правда готов расстараться. Но учти, бродить по городу нам придется очень долго. Целый день или целый год, как повезет. И все равно не факт, что мы непременно отыщем интересующий нас образец.

«Что и требовалось доказать», – торжествующе подумал я.

– А, так вот в чем штука, – оживился Джуффин. – Ты думаешь, я просто сочинил проблему. Ухватился за первый попавшийся предлог, чтобы заинтересовать тебя и заманить в Ехо. А на самом деле никаких сверхъестественных гостей, не умеющих проснуться дома, у нас тут нет. Ну или, может быть, есть парочка, но это случайное совпадение, и вообще

несущественно. Так?

– Ну да, примерно. Впрочем, я этому рад. Ты правильно сделал, что притащил меня сюда. Сам бы не вернулся, я упрямый. Вернее даже упертый. И иногда это сильнее не только здравого смысла, но даже любви. А тебя я как-то привык слушаться. Полезный условный рефлекс. Ты сказал: «пошли», – и я пошел, предварительно вернув свое драгоценное мнение на его тайную мистическую родину. То есть в задницу. Ты все-таки очень хорошо меня знаешь.

– Еще как знаю. Но из этого вовсе не следует, будто я тебя обманул. Это просто не нужно. Если бы проблемы со сновидцами не было, я бы сказал тебе какую-нибудь другую правду, не столь причудливую, но оттого не менее драматическую. Например, признался бы, рыдая на груди, что не рассчитал свои силы, когда отправил совершенно незаменимого сэра Шурфа командовать Орденом Семилистника, а теперь поздно, дело сделано, его место пусто, и это надо как-то исправлять. Ты, конечно, тоже его не заменишь, зато будешь так нелеп в этой роли, что компенсируешь мне моральный ущерб и даже одинокие страдания над ежегодными отчетами. Впрочем, я мог бы вовсе обойтись без причитаний: ты проиграл мне в «Крак» сто прекрасных долгих лет, и теперь будь добр прожить их, как я пожелаю. Долг чести игрока. Зачем в такой ситуации что-то сочинять?

– Да просто для красоты, – ухмыльнулся я.

– Аргумент, – согласился Джуффин. – Тем не менее проблема действительно есть, так уж счастливо все совпало. Просто она пока не бросается в глаза. Гениальных сновидцев мало, как мало, скажем, настоящему могущественных колдунов – даже у нас в Угуланде, где сила Сердца Мира, теоретически, доступна всем желающим. А может, еще меньше. Лично я за все время встретил только троих. Впрочем, специально не искал, просто не до того было.

– И что? – жадно спросил я. – Какие они?

От моего увесистого, с любовью взлелеянного, щедро удобренного житейским опытом скептицизма к тому моменту остались рожки да ножки. Все-таки я очень любопытный.

– Да знаешь, ничего такого, чем можно поразить твоё воображение. Одна женщина часто попадалась мне на глаза в городе, как будто нарочно. Смотрела так, словно хотела о чем-то попросить. Но при попытке завязать беседу шарахалась от меня, как от больного анавуайной. И исчезала, благо сновидцам это легче легкого, достаточно захотеть. Я, собственно, только тогда и сообразил, с кем имею дело, когда обратил внимание, что ее исчезновения происходят вовсе без применения магии. По крайней мере,

без той магии, которая знакома мне, а я считаюсь довольно компетентным экспертом. Что же касается той женщины, понятия не имею, чем она тут у нас занималась; по крайней мере, за все это время не припомню ни одного необъяснимого происшествия. Скорее всего, просто ходила и смотрела по сторонам. Могу ее понять, Ехо и наяву ничего себе город, а сновидение из него должно получиться выше всяких похвал. В любом случае, эта женщина давно перестала мне встречаться. Надеюсь, проснулась. Но скорее всего, просто умерла – там, у себя дома.

– С чего ты взял?

Я сам удивился резкости своего тона. Очень рассердился, что он это сказал. И еще больше на себя – что не заткнул вовремя уши. Как будто судьба неизвестной и не факт что вообще существующей женщины зависела от решения Джуффина. Или даже от того, услышал ли я его слова. И теперь – вот именно теперь – для нее все кончено.

– Некоторые вещи не хочешь, а все равно знаешь, – пожал плечами Джуффин. – Надо же, как близко к сердцу ты принял ее историю. Совершенно от тебя не ожидал. И, честно говоря, очень рад. Прости, это сугубо стратегическая радость. Сами по себе твои страдания не доставляют мне наслаждения.

– Догадываюсь, – вздохнул я. – Ты уже представил, с каким энтузиазмом я стану носиться по городу, разыскивая кандидатов на счастливое спасение. Вероятно, так и будет. Один-ноль в твою пользу. Но ты говорил, что встретил троих? Что с остальными?

– Была еще одна женщина, довольно молодая. Эта по городу без цели не слонялась, а счастливо жила в просторном доме на берегу Хурона с мужем и детишками. Нечего и говорить, что и дом, и муж, и детишки – просто наваждение, зато очень качественное, муж даже нескольких приятелей успел завести, а детишки – допечь своими проказами соседей. На них случайно обратил внимание Кофа, чей знакомый как раз недавно приценивался к участку, где внезапно появился дом, и выяснил, что эта земля мало того что не продается, так еще и не годится для строительства, слишком уж близко к воде. Когда я начал понимать, что происходит, удивился, как давно не доводилось. И сдуру решил, что сперва следует спросить совета у более опытных коллег, а уже потом что-то делать. Но пока я наносил визиты, леди с семейством исчезли совершенно самостоятельно; как, куда и зачем, понятия не имею, поскольку не присутствовал при этом событии.

– Думаешь, ей тоже кирдык? – упавшим голосом спросил я. – Или просто проснулась?

– Честно? Не знаю. Зато с последним из троицы все точно в полном порядке. Забавный был тип: когда он говорил, из его рта вылетали птицы, часто довольно крупные. Вероятно, их вид и щебет должны были создавать какой-то дополнительный подтекст, но я, каюсь, не расшифровал. Зато довольно быстро смекнул, с кем имею дело. Если видишь человека, который творит чудеса, а Очевидной Магией при этом не пользуется, скорее всего, мы ему просто снимся. Единственная более-менее верная примета, сэр Макс, запомни ее, пригодится.

– Да как же я пойму, пользуется он Очевидной Магией или нет? – возмутился я. – Тоже мне, нашел специалиста.

– Специалист из тебя и правда никакой. Но, помнится, еще в самый первый день службы тебе выдали кинжал с вмонтированным в рукоять индикатором. Эта штука не только свидетельствует о применении магии, но и любезно сообщает ее ступень.

Ох, а ведь точно. Была у меня такая полезная вещь. Понять бы, куда она подевалась за время моего отсутствия. Или, будем честны, еще задолго до него.

– Догадываюсь, что ты его давным-давно посеял, – ухмыльнулся Джуффин. – Но по правде говоря, невелика беда. Я даже не оштрафую тебя за халатность, а просто выдам новый. Да хоть дюжину, не жалко. У нас этих индикаторов – завались. Ребята из Семилистника их в свое время столько наклепали, что до сих пор кладовые ломаются. Собственно, правильно сделали, потому что иного способа законно зафиксировать ступень применяемой магии так и не изобрели. А это до сих пор актуально. Многие ограничения все-таки остались.

– Тогда хорошо, – кивнул я. – А что стало с забавным типом и его птицами?

– Ничего из ряда вон выходящего. Он согласился поболтать со мной за кружкой камры, и я легко убедил его проснуться, пока не поздно. К счастью, этот сновидец вовсе не имел намерения задерживаться у нас навсегда. И платить за такое удовольствие жизнью определенно не собирался. Поблагодарил за предупреждение, вежливо пообещал еще как-нибудь нас навестить и проснулся совершенно самостоятельно, без посторонней помощи. Очень меня выручил. Я-то голову ломал, пытаюсь понять, с какого конца браться за это дело.

– Э, стоп. Погоди. Хочешь сказать, ты не знаешь, как их будить?

– Не-а. На сегодняшний день у меня есть только одна идея: отправиться туда, где лежит спящее тело, и хорошенько его потрясти – с применением всех полезных навыков, которые я успел приобрести за

несколько сотен лет изучения магии. Авось что-то да получится. Но как отыскать это грешное тело, пока не понимаю. В отличие от нормального путешественника между Мирами, сновидец не оставляет следов. Вообще никаких, прикинь.

– Ничего себе. И что я в таком случае буду с ними делать?

– По ходу как-нибудь разберешься, – беззаботно ответил Джуффин. – Ты у нас всегда специализировался на невозможном, изредка отвлекаясь на немыслимое. И именно это делало тебя счастливым. Надеюсь, так будет и впредь.

– Ладно, предположим, – неохотно согласился я. – Может, и разберусь. И возможно, это действительно сделает меня счастливым. Хотя вот прямо сейчас довольно трудно представить, откуда все это возьмется. Настолько беспомощным я себя давно не чувствовал.

И умолк, махнув рукой. Что толку спорить с Джуффином, если однажды все равно выяснится, что он был прав. Рано или поздно, так или иначе, возможно, через тысячу лет, но выяснится непременно.

Дело за малым: как-то пережить эту тысячу лет и не спятить.

– Беспомощность – это просто от усталости, – сочувственно сказал Джуффин. – Тебе, если по уму, после всех этих диких прыжков между реальностями и прочих приключений еще бы пару суток поспать. А ты по городу бегал. Еще и ко мне заявился в финале. Очень глупо с твоей стороны. Ясно же, что я сразу заведу разговор о делах и буду не в меру напорист и утомителен. Ты не первый день меня знаешь и сам мог бы сообразить, что наиболее разумный поступок в такой ситуации – спрятаться от меня в шкафу.

– Просто разумные поступки – не моя специализация, – объяснил я. – В отличие от невозможного и немыслимого.

– И то верно. Тогда разумным придется стать мне. Лучше поздно, чем никогда.

Я опомниться не успел, как он ухватил меня за шиворот, поднял на ноги, встряхнул, а когда отпустил, я шлепнулся в кресло, установленное в его гостиной. Когда тебя без предупреждения тащат куда-то Темным путем, это выглядит именно так. И никаких мистических ощущений.

– До спальни-то сам доберешься? – заботливо спросил Джуффин.

– На кой черт мне спальня, – вздохнул я. – С ног валюсь, а все равно не усну. У меня голова от информации раскаляется. Там внезапно зародились мысли, умные и не очень. Топочут, как менкалы, роняют стулья и вопят друг на друга как портовые нищие в конце попойки.

– Не знал, что у тебя в голове есть стулья, – восхитился он.
– Да я и сам не подозревал. Пока эти гады не начали их ронять.
– Ничего, сейчас мы их утихомирим. Уж что-что, а усыпить я могу кого угодно, в любой момент, невзирая на обстоятельства.

– Наверное, так и надо со мной поступить, – согласился я. – Только сперва объясни мне вот что. Ты говоришь, что пока встречал только троих сновидцев, застрявших в Ехо. Но почему-то уверен, что на самом деле их больше. И что все они в смертельной опасности. И знаешь еще кучу подробностей: что выглядеть они могут по-разному, что способны на невероятные вещи – да вот хотя бы в восемнадцати телах по городу гулять. Но при этом понятия не имеешь, как им помочь. Зато заранее совершенно уверен, что я всех спасу. Все это настолько нелогично, что даже немного похоже на правду. И при этом не лезет ни в какие ворота. Скажи хотя бы, откуда у тебя такая информация? Только учти, если окажется, что ее ты тоже получил во сне, я чокнусь, не сходя с места. Хоть что-то должно происходить наяву! Мне так спокойнее.

– Не во сне, – улыбнулся Джуффин. – Я рад, что ты начинаешь хотеть мне поверить.

– Да я с самого начала этого хочу.

– Вполне возможно. Но еще больше ты хочешь чувствовать себя чрезвычайно умным и опытным человеком, который видит меня насквозь. А это несбыточная мечта, сэр Макс. То есть умный-то ты умный, не вопрос. Особенно в последнее время. На мой вкус, даже слишком. Но насквозь я и сам себя вижу, скажем так, с переменным успехом.

Это утверждение было похоже на правду даже больше, чем все остальное.

– Но вопрос ты задал хороший, – сказал Джуффин. – Я бы и сам на твоём месте об этом спросил. Впрочем, ответ тебе и так известен: у меня был отличный учитель. Ты с ним, хвала Магистрам, знаком и примерно представляешь, как мне в свое время повезло. Почти всем, что я знаю и умею, я обязан Махи, это не секрет.

Я был разочарован. Ясное дело, про Махи Аинти – чистая правда. Такой чему угодно мог научить. Но от этого мое разочарование только увеличилось. Получается, никакой сказки на ночь не будет. А я-то губу раскатал.

– А что, к вам в Кеттари тоже однажды забрел такой сновидец? – спросил я без особой надежды на продолжение, просто для порядка. – И Махи не смог разбудить его дома? Надо же. В голову не пришло бы, что он хоть чего-нибудь не умеет.

– В это и мне не верится, – согласился Джуффин. И помолчав, неохотно добавил: – Никто к нам на моей памяти не забредал. Некого было будить.

Я помалкивал, но чувствовал, что постепенно превращаюсь в гигантский вопросительный знак. Интересно, какая это ступень магии? И можно ли будет меня потом как-нибудь расколдовать?

– У меня в детстве был друг, – наконец сказал Джуффин. – Мальчишка с соседней улицы. Дом у них был синий, а стекла в окнах старинные, с дымом, чтобы с улицы не было видно, что внутри делается. Очень красивые. Мы потому и познакомились, что я ходил на их окна смотреть. Прикидывал, удастся ли мне разбить одно и успеть удрать с куском стекла. Очень хотел его заполучить. Но поскольку уродился не в меру разумным и основательным, долго пытался придумать идеальный план – чтобы шума поменьше, и осколков набрать побольше, и удрать незамеченным. Дело кончилось тем, что Шаршин меня увидел и позвал в гости знакомиться. Он был простужен, сидел дома один и скучал. А когда узнал, что мне нравятся их стекла, не раздумывая стукнул по окну молотком, собрал осколки, несколько отдал мне, остальные выбросил на улицу. Объяснил: скажу отцу, что выходил на кухню, а когда вернулся, окно уже было разбито, и вокруг никого. Я был потрясен, причем не столько его щедростью, сколько хитростью. То есть самой концепцией – говорить, что вздумается, вместо того, чтобы честно пересказывать известные тебе факты.

– Так вот кто научил тебя так ловко врать, – улыбнулся я. – А я-то думал, тоже Махи.

– Ха! Махи пришлось заново учить меня говорить правду. Точнее, доказывать, что иногда это имеет смысл. Потому что к моменту нашей с ним встречи я заврался настолько, что сам себе верить перестал. Но речь сейчас не о нем, а о Шаршине. Наша дружба – лучшее, что случилось со мной в детстве. Уж на что я в ту пору был мрачным хмырем, а с ним мне было интересно. Порой даже весело, по крайней мере, смеяться я выучился именно тогда. А прежде никак не мог понять, почему люди время от времени начинают трястись всем телом, издавая лающие звуки. И почему, ради Темных Магистров, считается, будто им в этот момент хорошо?!

– Ну ничего себе, – озадаченно сказал я.

– Таким уж я уродился, – пожал плечами Джуффин. – Понимаю, что сейчас в это непросто поверить. Но удивляться особо нечему: Истинная Магия кардинально изменяет людей. Меня же она переделала практически полностью. Ради одного этого имело смысл ею заняться. Оставаться таким, каков есть, в моем случае было бы глупо. Никакого удовольствия – ни мне

самому, ни окружающим. Впрочем, Шаршина я вполне устраивал. И он оставался моим лучшим другом, несмотря ни на что. Втягивал меня в игры, подбивал на приключения, смешил и развлекал. До сих пор не знаю почему. Таких вопросов в детстве не задают, а взрослым он так и не стал. Потому что однажды уснул и не проснулся. Не смогли разбудить, как ни старались. Где-то полгода еще дышал, а потом перестал. Для меня это было огромное потрясение. И большое горе. Ты, кстати, второй человек, которому я о нем рассказываю. А первым был Махи. Когда я понял, что у него есть ответы вообще на все вопросы, меня было не заткнуть. С утра до ночи ходил за ним по пятам: «А это почему? А то? А где? А когда? А вот еще однажды был случай – это как понимать? Что делать? Кто виноват? Доколе?» И про Шаршина, конечно, тоже спросил. И тогда Махи рассказал, что порой случается с некоторыми талантливыми сновидцами, которым не повезло вовремя встретить толкового учителя. Как восхитительно они себя при этом чувствуют, на что оказываются способны, и чем обычно заканчивается этот праздник. Но живьем нам такие ни разу не попадались, наш Мир в ту пору еще не был «модным курортом», который снится всем подряд. Вот откуда у меня информация, сэр Макс. И вот почему ее недостаточно.

– И вот почему это для тебя так важно, – кивнул я. – Спасибо, что рассказал. Теперь все сходится.

– Думаешь, я настолько сентиментален? – удивился Джуффин. – Всегда был уверен, что произвожу несколько иное впечатление.

– Не сентиментален. Просто не любишь проигрывать. Настолько не любишь, что даже бывшие поражения стараешься отменить – отсюда, из сегодняшнего дня, задним числом. Однажды судьба отняла у тебя друга – давным-давно, когда ты не знал и не умел ничего такого, чтобы ей помешать. Друга не вернешь, и нового детства, которое можно было бы прожить вместе с ним, не будет, но если удастся разбудить и спасти хоть сколько-то других сновидцев, это в каком-то смысле сравняет счет. По крайней мере, ты покажешь этой засранке, кто в доме хозяин. В смысле, судьбе. Очень хорошо тебя понимаю. Сам такой. Есть в моей жизни несколько поражений, которые я тоже хочу отменить. Пусть задним числом, неважно, все равно. Понятия не имею, как это можно сделать, но не сомневаюсь, что однажды найду способ. Мало в чем я так уверен, как в этом.

– Зная тебя, заранее содрогаюсь, – совершенно серьезно сказал Джуффин. – И надеюсь не подвернуться под горячую руку. А теперь давай я тебя все-таки усыплю. Тебе правда надо выспаться, это я как знахарь говорю, а не как хозяин дома, желающий сэкономить на ужине.

– Ага! Так вот в чем интрига! – торжествующе воскликнул я.

– Можешь считать, это и есть тот самый коварный обман, которого ты ждал от меня весь день.

Я хотел возразить: «Всю жизнь», – но промолчал, побежденный собственным чудовищным зевком.

Когда я проснулся, было темно. Но из этого обстоятельства можно было сделать только один безошибочный вывод: окна спальни закрыты очень плотными занавесками. Отодвинув одну из них, я выяснил, что снаружи светло и так пасмурно, что время суток хрен определишь. Ясно, что не ночь, и на том спасибо.

В доме Джуффина кроме него самого обитают старый дворецкий Кимпа и маленький песик по имени Хуф. Оба мне чрезвычайно симпатичны, да и я всегда числился у них в любимцах. Однако сейчас я даже им не хотел показываться. Очень уж мне нравилось такое двойственное положение – судя по ощущениям, я тут, но с точки зрения окружающих меня сейчас вообще нигде нет. Когда еще доведется привести внешние обстоятельства в столь полную гармонию с внутренней правдой.

Опасался, конечно, что Хуф, наделенный острым чутьем, обнаружит меня сам и придет здороваться – поди такого непусти, если начнет скрестись в дверь. Но, видимо, запах мой за последние годы изрядно изменился. Или же умный пес читал мои мысли с такой же легкостью, как его хозяин, и понял, что ко мне лучше пока не соваться. Так или иначе, но Хуф деликатно держался на расстоянии. С Кимпой было еще проще: ни один хороший дворецкий не станет заходить в гостевую спальню, пока не позовут. А Кимпа – лучший из лучших.

Это означало, что уединение мое не будет нарушено, пока я сам того не пожелаю. Небольшой минус: завтраком оно тоже не будет нарушено. И даже кружка горячей камры не потревожит мой покой. Мне как-то рассказывали, что в Куманском Халифате принято оставлять подносы с едой и напитками во всех комнатах дома, включая пустующие – для невидимых духов Красной пустыни, которые не то чтобы в таком уж восторге от человеческой пищи, зато чрезвычайно ценят внимание и заботу и при случае платят за них сторицей. Прекрасный обычай! Но не переезжать же из-за этого в Куманский Халифат вот прямо сейчас, даже не позавтракав. Мда, круг замкнулся.

Впрочем, для человека, способного достать из Щели между Мирами все что заблагорассудится, отсутствие завтрака – беда поправимая. Уже ради одного этого стоило изучать Истинную Магию. Она хоть и может

свести с ума не хуже уандукской, которой Джуффин меня давеча стращал, зато если проявишь стойкость, в один прекрасный день сможешь получить чашку кофе на любом краю Вселенной, не интересуясь, выращивают его тут или нет.

В Море кофе, кстати, даже в виде дикорастущего сорняка отсутствует. И до сих пор никому в голову не пришло исправить роковую ошибку местной природы. Чем все эти толпы могущественных чародеев были заняты на протяжении последнего миллиона – или сколько там было в их распоряжении – лет, ума не приложу.

А камра, при всей моей симпатии к этому напитку, кофе не заменит. Как я тут выживал в первое время, неведомо. Я – мученик и герой.

Но после того как сэр Маба Калох научил меня добывать все необходимое из Щели между Мирами, с героизмом и тем более мученичеством было покончено раз и навсегда. Вот о чем я думал, с удовольствием прихлебывая капучино, извлеченный буквально из-под подушки, под которую мне пришлось сунуть руку, чтобы как следует сосредоточиться на процессе. Опытные мастера говорят, на самом деле прятать руку совершенно не обязательно, но я так привык.

Еще я думал, что надо бы послать зов Джуффину и спросить, сколько я проспал. Неужели и правда сутки? Или даже больше? Или наоборот, всего полчаса, и вечер еще не успел наступить? Не то чтобы это действительно так уж важно, но любопытно.

А «любопытно» – наиважнейший для меня аргумент. Ради этого даже Безмолвную речь с утра пораньше вытерпеть можно.

«Меньше суток, – сказал Джуффин. – Ты взялся за дело, спусти рукава. И продрых какие-то жалкие восемнадцать часов. Не узнаю тебя, сэр Макс. Был такой старательный мальчик, вечно перегибал палку, а теперь...»

«А теперь повзрослел и расслабился, – согласился я. – Всюду палки недогнутые валяются, анархия и бардак. Но у меня есть смягчающее обстоятельство: я очень хорошо выспался. И похоже, даже готов жить дальше. Осталось вспомнить, как это делается».

«Строго говоря, жизнь – это непрерывное взаимодействие с реальностью. И людьми, как важной составляющей частью ее. Поэтому на твоём месте я бы для начала просто снял плащ-невидимку. Я-то связан по рукам и ногам законами гостеприимства, а потому не стал насильственно разлучать с ним твоё спящее тело. Хотя Кофа может в любой момент обнаружить недостачу и потребовать своё добро назад. Впрочем, я отлично провожу время, сочиняя, как объяснить ему эту

пропажу».

«Например?»

Спросил и тут же пожалел. Я уже говорил, как устаю от Безмолвной речи. И впредь постоянно буду на нее жаловаться, это моя любимая сиротская песня, честно выстраданный коронный номер. Потому что все эти красавцы, мои друзья и коллеги, часами могут так болтать, как школьницы по телефону, а я уже через несколько минут в обморок грохнуться готов от напряжения.

Джуффин, конечно, знает о моих затруднениях. И несмотря на это, никогда не упускает возможности поговорить со мной подольше. Вернее, не «несмотря», а как раз поэтому. Все-таки наемные убийцы «бывшими» не становятся никогда.

А тут я сам такой прекрасный повод дал. И он, конечно, принялся рассказывать очень подробно.

«Например, один мой приятель, вдохновенно экспериментируя с малоизвестными древними заклинаниями, нечаянно вызвал демона из иного Мира. Демон, на его счастье, оказался милейшим чудачком, добродушным, но любопытным до крайности. Очень обрадован, что все столь удачно сложилось, и наотрез отказывается возвращаться домой, пока не увидит, как тут у нас устроена жизнь. С одной стороны, пусть себе глазееет, не жалко. А с другой, облик его столь ужасен, что выпускать такого красавчика на улицу – преступление, причем в первую очередь против него самого. Детишки проходу не дадут, засмеют и испортят все впечатление от прогулки. Решили, пусть бродит невидимым, так будет лучше для всех. Убедительно звучит?»

«Вполне», – подтвердил я, ликуя, что монолог оказался довольно коротким. Но не тут-то было.

«А вот и нет! – огорошил меня Джуффин. – Очень слабая версия. Ну сам подумай, Кофа же наверняка захочет познакомиться с демоном. Он тоже любопытный, не хуже других. Тогда придется говорить, что демон ушел гулять в одиночестве и обещал объявиться не раньше, чем дня через три. А потом соврать, будто наш гость устал, новых знакомств заводить не желает и вообще уже смотался домой. Бессмысленное нагромождение бездарной лжи. Ну уж нет, так низко я падать не намерен».

«Ладно, не падай», – покорно согласился я.

«Зато вот тебе другой вариант: оказывается, на пришедшем вчера утром Шиншийском бахуне прибыл один из тамошних молодых принцев – тайком, инкогнито, просто по трактирам погулять. И только ступив на берег, бедняга понял, что костюм, заказанный специально для этого визита,

за время пути вышел из моды. А такого позора он даже инкогнито не переживет. Пришлось одолжить его высочеству плащ-невидимку для похода по модным лавкам. Как только стацит себе что-нибудь подходящее, тут же вернет – и казенное имущество, и деньги за покупку. Это уже гораздо лучше, потому что если принц желает гулять по Ехо инкогнито, Кофа его беспокоить не станет. Благо, в отличие от меня, не связан с Шиншийской династией узами Третьей Тайной Дружбы».

«А ты связан? Причем не какой-нибудь, а именно «третьей» и «тайной»? Ну ничего себе», – изумился я.

«Так получилось. Это долгая история, – сказал Джуффин. И с откровенным ехидством предложил: – Хочешь, расскажу?»

«Хочу, – обреченно сказал я. И умирив гордыню, поспешно добавил: – Только не прямо сейчас, если можно. А то у меня голова взорвется».

«Ладно, – милосердно согласился он. – Раз так, оставляю тебя в покое. Скажи только, что ты решил с плащом? Когда я смогу вернуть его Кофе? Потому что если не скоро, Шиншийского принца мне лучше не поминать. Не может же он годами выбирать себе одежду. У нас теперь даже на заказ шьют всего за час, хвала тридцать второй ступени Черной Магии и последним поправкам к Кодексу. Придется придумать что-нибудь еще».

«То есть ты не против, чтобы я побыл невидимкой подольше?» – обрадовался я.

«Против, конечно. Но это совершенно неважно. Как хочешь, так и поступай. В любом случае, я готов помогать тебе по мере сил. Комната в моем доме останется за тобой сколько пожелаешь. Если тебе приспичило жить невидимкой – ладно, Магистры с тобой, я готов соврать Кофе, будто уродливый демон из неведомого мира отправился домой в его плаще. Не со зла, просто по рассеянности. И мой приятель изо всех сил пытается вызвать его снова, но пока безуспешно, зато куча неведомой дряни не пойми откуда поналезла на заклинания, только успевай отбиваться. Но мы, конечно, не оставляем усилий».

«Спасибо, – сказал я. – Круто знать, что ты настолько за меня. Я на самом деле не очень долго собираюсь... Хотя... Или... Слушай, дай мне еще пару часов. Надо как следует подумать».

«Звучит угрожающе».

Безмолвная речь обычно плохо передает интонации, но я все равно чувствовал, что Джуффин улыбается. И был готов спорить, что он уже знает, кому придется думать вместо меня. И к чему приведут эти размышления. И как мы будем смеяться, вспоминая об этом дюжину дней

или лет спустя. То есть я еще ничего толком не решил, а он все равно знает, и с этим ничего не поделаешь.

«Только не вздумай угонять мой амобилер, – сказал напоследок Джуффин. – Мне не жалко, просто амобилер, несущийся без возницы со скоростью, как ты любишь, сто миллиардов миль в час, по-прежнему не считается в Ехо обычным явлением. Несмотря на все поправки к Кодексу Хрембера и буйный расцвет любительского колдовства. Происшествие гарантировано попадет в обе газеты и возможно даже войдет в официальные «Королевские хроники особо досадных событий, омрачивших эпоху правления Его Величества Гурига Восьмого». Это будет воистину триумфальное возвращение, сэр Макс. Но я не уверен, что ты хочешь именно такого эффекта».

Ох нет.

Не так уж долго оказалось идти пешком от дома Джуффина на Правый берег. Чуть больше часа неспешным шагом, глаза по сторонам. Я почему-то думал, гораздо больше. Хотя в амобилере когда-то преодолевал это расстояние буквально за пару минут. Со скоростью «сто миллиардов миль в час», совершенно верно. Зачем мне был какой-то дурацкий Темный путь? Неудивительно, что это полезное искусство я так толком и не освоил, только по чужим следам ходить могу, как юный столичный аристократ, сизмальства обученный следовать за матушкиной юбкой.

На Правый берег я шел не просто так. У меня был план. Прекрасный. В смысле, неопишимо идиотский. Самому не верится; до сих пор горжусь.

Сворачивая к Иафаху, я даже шаг ускорил – вот как был доволен собой.

При Великом Магистре Нуфлине Мони Махе Явные (то есть общедоступные) ворота главной резиденции Ордена Семилистника открывались только на рассвете и на закате. Причем для всех посетителей сразу, начиная с Королевских курьеров и заканчивая особо простодушными иностранцами, которые иногда приходят в Иафах как в музей, в надежде бесплатно поглазеть на знаменитых угуландских колдунов; еще и обижаются, когда им отказывают в аудиенции. Кроме них войти обычно желали любовницы и приятели адептов Ордена, пришедшие их навестить, торговцы с заказанным товаром, городские сумасшедшие, замыслившие покушение на Великого Магистра при помощи табурета с остро заточенными ножками, законопослушные граждане за разрешениями на разовое применение магии высокой ступени, юные карьеристы из провинции, жаждущие немедленно вступить в Орден, журналисты из «Королевского голоса», твердо намеренные получить официальный

комментарий по очередному щекотливому вопросу, и до кучи какой-нибудь портовый нищий, имевший неосторожность проиграть в карты на желание и отправленный в Иафах за милостыней – в ту пору это была любимая штука городского дна; учитывая общеизвестную скарედность покойного Магистра Нуфлина, довольно злая.

Рассказывают, иногда у Явных ворот собирались здоровенные очереди; потом все посетители одновременно вламывались в приемную, и дежурный сходил с ума, пытаясь понять, кто все эти люди, или хотя бы разобрать, что они говорят.

Сэр Шурф Лонли-Локли, единственный известный мне человек, способный привносить в бюрократию здравый смысл, став новым Великим Магистром Ордена, первым делом прикрыл этот бардак. В смысле, издал соответствующее распоряжение, и Явные ворота теперь держат нараспашку круглосуточно. А на пороге всегда дежурит кто-нибудь из Младших Магистров. Ясно, что дальше приемной все равно почти никто не пройдет, но некоторых особо одаренных веселой природой визитеров и в приемную допускать не следует. Вот их-то и отсеивают прямо на входе.

Я очень надеялся, что не попаду в их число – плакал тогда мой замысел. И, что гораздо обиднее, труд. Тяжелый мучительный получасовой труд перед зеркалом, где я, тщательно выполняя только вчера полученные от Джуффина инструкции, пытался превратиться в согбенную старуху. В смысле, соответствующим образом изменить лицо. За тело я на этом этапе браться не решился бы; к счастью, здешняя одежда так хорошо скрывает подробности, что для маскировки вполне достаточно хорошенько ссутулиться и, скажем, слегка захромать.

Образ был выбран сразу по нескольким причинам. Во-первых, когда еще ни черта толком не умеешь, проще наворотить неведомо чего, чем аккуратно внести в свой облик небольшие, но значимые изменения. Чем нелепей результат, тем менее заметны ошибки, которых новичку не избежать. Одна глубокая складка на лбу должна выглядеть достоверно, зато когда морщин несколько сотен, никто не станет оценивать качество каждой из них. Мне, конечно, здорово не хватало соответствующего парика, но и тут нашелся выход – если скрутить из покрывала громоздкий тюрбан, достойный венчать голову любого городского сумасшедшего, никому в голову не придет приглядываться, торчит ли из-под него хоть одна седая прядь. По крайней мере, первые несколько минут. А дольше вряд ли потребуется.

Во-вторых, я решил, что так меня будет труднее всего узнать. Просто никому в голову не придет при взгляде на нелепо одетую старушечку: «А

уж не сэр ли Макс это случайно?» Я всегда считался довольно эксцентричным, но все же есть поступки, которых от меня не ожидает никто, даже люди, очень хорошо меня изучившие. То есть они – в первую очередь.

Ну и в-третьих, мне показалось, что так смешнее всего. На самом деле, одного этого аргумента было достаточно. Когда ты выбит из колеи, растерян, нервничаешь, устраивай балаган – такое у меня правило. Оно не настолько нелепо, как может показаться – хотя бы потому, что позволяет отвлечься. К тому же, пока я маюсь дурью, в жизни образуется своего рода пауза, в ходе которой взволновавшие меня обстоятельства вполне могут опомниться и стать более благоприятными; не сказал бы, что так случается всегда, но шанс есть.

Все вышесказанное более-менее объясняет, почему вместо того, чтобы просто послать зов самому близкому и надежному из своих друзей, сказать: «Я вернулся в Ехо, ай, не спрашивай, сам в шоке; мне срочно нужен совет и просто поговорить», – я решил устроить для него нелепый розыгрыш с переодеванием.

Хотя существует и альтернативное объяснение, короткое и внятное: я – придурок, каких свет не видывал. По крайней мере, иногда я точно он.

Это я не то чтобы сейчас, задним числом понял. А прекрасно осознавал и в тот момент, когда снимал плащ-невидимку, кое-как спрятавшись от любопытных глаз за чужим забором, буквально в квартале от Явного входа в Иафах. Плащ, скомкав, сунул за пазуху – если я у нас не старик, а старуха, значит, мне полагается бюст. И не те мои годы, чтобы окружающих могла смутить его, скажем так, не совсем классическая форма. Зеркала под рукой у меня, увы, не было, но я всласть налюбовался собой заранее, перед выходом, и воспоминание было еще свежо. Я твердо знал, что прекрасен – в своем роде, конечно. И совершенно не опасался быть узнанным. Никаких шансов. Сам бы не узнал.

– К сожалению, леди Сотофа Ханемер никогда не принимает посетительниц, пришедших к Явному входу, – вежливо сказал мне немолодой бородатый дежурный, до моего появления скучавший на пороге в полном одиночестве. И, подумав, добавил: – Леди, подобные вам, обычно находят какой-нибудь иной способ с ней связаться. Надеюсь, у вас тоже получится.

Судя по его реакции, маскарад мой удался даже лучше, чем я смел надеяться. Однако встреча с леди Сотофой в мои ближайшие планы не входила. Кому-кому, а ей на глаза в таком виде лучше не попадаться.

Потому что проходу потом не даст, задразнит до полусмерти и будет знакомить со своими девочками: «А это у нас сэр Макс, старейшая безумная ведьма в Соединенном Королевстве». И так далее.

Поэтому я поспешно сказал, понизив голос до заранее отрепетированного хриплого шепота, который, теоретически, мог бы принадлежать простуженному человеку любого возраста и пола:

– Спасибо, детка, я знаю путь, которым ходят к Сотофе. Но нынче мне требуется потолковать не с нею, а с вашим новым Великим Магистром. Говорят, он смышленный мальчик.

Дежурный Магистр, надо отдать ему должное, держался молодцом. Проглотил и «детку», и панибратскую «Сотофу» без «леди». Но на «смышленном мальчике» все-таки сломался. В смысле, почти неуловимо дрогнул лицом. И вместо того, чтобы сразу послать докучливую старуху в моем лице подальше, застыл в нерешительности. Все-таки бабка молодец. То есть я.

Однако железо следовало ковать, пока горячо. Моя старушенция подошла поближе к бородатому «детке» и интимно прохрипела в самое ухо:

– Боишься, начальство рассердится, что его беспокоят по пустякам? Но тут совсем не пустяки! Просто передай ему, что город Кеттари внезапно исчез с лица земли. И я знаю, кто в этом виноват.

Я не сомневался, что на такую новость сэр Шурф примчится как миленький, как бы и чем бы ни был занят. Разбираться с городком Кеттари, который не то чтобы действительно исчез, но стал частью иного мира, а потому недостижим для путешественников, имеющих неосторожность отправиться туда без проводника, снабженного всеми необходимыми для успешного перехода волшебными амулетами, мы ездили вместе – так и хочется сказать, тысячу миллиардов вечностей, но на самом деле всего какую-то дюжину лет назад. Поездка вышла по всем статьям незабываемая – уже хотя бы потому, что меня по такому случаю превратили в юную леди по имени Мерилин. Начальство утверждало, будто делает это исключительно из соображений секретности, но я до сих пор уверен, что просто для смеха. И в этом смысле затея удалась – так много, как в те дни, когда меня готовили к поездке, мы, пожалуй, никогда не ржали.

Впрочем, и мое дурацкое преображение, и даже само по себе путешествие в иную реальность меркнут в сравнении с прочими событиями той экспедиции. С тех пор при всяком упоминании о Кеттари у меня случаются нервный тик и блаженная улыбка – одновременно. И у сэра Шурфа они тоже непременно случались бы, не уродись он образцом

сдержанности и самообладания. Но будь ты хоть трижды образцом всего на свете, любопытства-то никто не отменял.

Этот благородный порок оказался, на мое счастье, присущ и дежурному Магистру. По крайней мере, он проводил меня в приемную. Большая победа! Пока я топтался на улице, было ясно, что начальство на встречу со мной не позовут. А теперь – как знать.

В приемной я немедленно уселся в самое удобное кресло и придал своему наспех состряпанному морщинистому лицу выражение, являющее достойный компромисс между «внимайте и трепещите, я открою вам все тайны вселенной» и «сейчас как укушу!». Я его и без всяких переодеваний регулярно применяю, идеальная маска для предъявления себя той части человечества, с которой тебе в данный момент решительно не о чем говорить.

Сэр Шурф появился на пороге много быстрее, чем я смел надеяться. То есть практически сразу же, я еще в кресле как следует устроиться не успел, а он уже вошел, зыркнул на меня надменно с высоты своего роста и почти сразу отвернулся, но я успел заметить, какими отчаянно круглыми стали его глаза. Собственно, ради этого мгновения все и затевалось.

– Неважно выглядишь, леди Мерилин, – наконец сказал мой друг. – Не выпалась, наверное? Или съела что-то не то? Не бережешь ты себя.

Это, конечно, был мат – не в три хода, в один. Иного я, впрочем, и не ожидал. Хотя в глубине души почему-то надеялся.

– Ты меня натурально убиваешь, сэр Макс, – сказал мой друг, запирая за нами дверь.

– Ты меня тоже. Мог бы милосердно прикинуться, что не сразу узнал. Представляешь, как я старался?

– Плохо старался, – безжалостно отрезал Шурф. – Никуда не годится. Достаточно одного взгляда, чтобы вывести тебя на чистую воду. Впрочем, справедливости ради следует признать, что моих дежурных ты все-таки провел. А они – люди довольно опытные. Спектакли с переодеваниями нам тут чуть не через день устраивают. Следовательно, твой маскарад вполне удался, и я зря придираюсь.

– Как всегда, – усмехнулся я. – Ничего страшного, меня это даже успокаивает. В тот день, когда ты наконец перестанешь придирааться, я заподозрю, что попал в рай. И начну нервничать.

– Насколько я помню, согласно причудливой мифологии, к цитатам из которой ты прибегаешь несколько чаще, чем допускает мое старомодное представление о безупречном стиле, в «рай» попадают только после

смерти? Тогда никакого рая. Даже и не мечтай. С твоим талантом рано или поздно получать желаемое подобные мечты до добра не доведут.

Он был строг, как лекарь, отнимающий конфету у склонного к ожирению сироты.

– Вообще-то до сих пор я и не мечтал. Но теперь вполне могу начать. Просто из чувства противоречия. Ты меня знаешь.

– Ты не учитываешь, что ситуация кардинально изменилась, – надменно отвечал сэр Шурф. – Причем не в твою пользу. Нынче я любой запрет могу закрепить законодательно. Все предложенные мной поправки к Кодексу Хрембера до сих пор принимались без обсуждений, и я не вижу причин для изменения этой тенденции в дальнейшем. И если завтра в Кодексе появится новая статья, запрещающая гражданам Соединенного Королевства мечтать о рае, никто и бровью не поведет. Разве что попросят разъяснить значение термина отдельным развернутым комментарием. И я, разумеется, не поленюсь это сделать. После чего каждая мечта о рае обернется для тебя тремя годами в Холоми, сэр Макс. Или даже десятью, целее будешь.

– Шантаж, запугивание и угрозы, – мечтательно сказал я. – Как же я соскучился по такому скверному обращению! Все-таки ты до изумления злой колдун. Не хуже мятежных Магистров.

– Ну, строго говоря, я и есть один из них.

Историческая правда была на его стороне. Я махнул рукой и рассмеялся.

– Совершенно невозможно серьезно с тобой говорить!

– В твоих устах это очень высокая оценка. Даже не чаял ее заслужить, – церемонно отвечал мой друг. – Тем не менее вынужден тебя разочаровать. Говорить со мной серьезно все еще можно. А время от времени, к сожалению, даже необходимо. Но я работаю над собой. Еще пара дюжин лет, и с этим недостатком будет покончено.

И наконец улыбнулся, давая понять, что спектакль в мою честь завершен. Теперь можно просто нормально поговорить.

– Ты когда вернулся-то? – спросил он.

– Прошлой ночью.

– И как себя чувствуешь? Мир больше не сопротивляется факту твоего существования?

– Да вроде не особо, – осторожно ответил я. И поспешно добавил: – Я не врал тебе, когда говорил, что физически не могу здесь находиться. Так было. Но Джуффин сказал, этому горю помочь несложно. Просто когда хочешь уладить отношения сразу со всем Миром, следует договариваться

не с могущественными людьми и даже не с самим собой. А с его изнанкой. Все вопросы решаются там. И отправил меня на Темную Сторону, трижды напомнив, что там мои слова имеют силу заклинания. И, как всякое стоящее заклинание, неотменяемы. Велел очень осторожно формулировать. И я, представь себе, справился. В кои-то веки не стал выпендриваться.

– И что именно ты там сказал? Слово в слово? Помнишь?

– Просто: «Я хочу здесь жить». И все. Никаких подходящих к случаю двусмысленных афоризмов и мне самому непонятных терминов, если ты этого опасешься.

– Очень хорошо, – кивнул он. – Можешь ведь, когда хочешь. За это могу угостить тебя камрой. Не смотри на меня с таким ужасом, ты все перепутал. Это при Королевском дворе камра хуже иррашийской. А в Иафахе, напротив, лучшая в столице. С тех пор как леди Теххи покинула город, у здешних поваров не осталось серьезных конкурентов.

– Правда, что ли? – изумился я. – А ну давай!

– Прости, что сразу не предложил тебе камры, – церемонно сказал мой друг. – И не сообразил, что ты еще не обедал. И вероятно, даже не завтракал. И еще вопрос, ужинал ли вчера, – добавил он, наблюдая, с какой жадностью я тянусь к вазе с печеньем, которое, судя по твердости, исполняло сугубо декоративную функцию и благоразумно игнорировалось несколькими поколениями наших предшественников.

– Положа руку на сердце, я просто растерялся, – признался он. – Твое внезапное появление совершенно выбило меня из колеи.

– Не такое уж внезапное, – с набитым ртом возразил я. – К тому все шло. И мне кажется, ты понимал это лучше, чем я сам.

– Да, я был уверен, что рано или поздно Джуффин найдет способ притащить тебя обратно. Но все равно вышло совершенно неожиданно. Зная твое упрямство, я думал, это случится не так скоро.

– Еще несколько дней назад я был почти уверен, что этого вообще никогда не случится. Но потом легкомысленно проиграл Джуффину в карты ближайшие сто лет своей жизни. Теперь я у него в плену.

– Мы оба понимаем, что если бы ты не хотел проиграть, то и карт в руки не взял бы. Ты не настолько азартен.

– Ха. Я еще и поддавался на всякий случай. Ну вдруг ему перестало бы везти в самый ответственный момент? Всякое бывает.

– Очень разумно, – кивнул Шурф. – Я имею в виду твое стремление держать ситуацию под полным контролем. Раньше ты был фаталистом.

– Ну да. Вынужденно. Думаю, большинство фаталистов становятся

такowymi только потому, что не умеют всерьез влиять на свою судьбу. И понимают, что не умеют. Что толку бессмысленно дергаться? Не можешь властвовать – доверяй. Это правило совсем не упрощает жизнь, зато экономит силы. Но стоит научиться отодвигать судьбу в сторону и добиваться своего, фатализма как не бывало.

– Однако для человека, добившегося своего, ты выглядишь недостаточно довольным, – заметил Шурф.

– Еще бы. Я же как – добился и сразу передумал. Обычное дело, ты меня знаешь. Но было уже поздно что-то менять. Оно и к лучшему, потому что, оказавшись в Ехо, я тут же снова передумал. В смысле, обрадовался. Чуть не помер на месте от счастья. Но потом немного успокоился и передумал опять. Целых полчаса был ничему не рад, прикинь. Но и это прошло. До такой степени прошло, что я был готов целоваться с булыжниками мостовых. О Темной Стороне даже не говорю, это всегда безусловное счастье. Но с утра я заново схватился за голову: «Что я наделал?!» А когда вышел на улицу, мне стало хорошо, как никогда прежде – часа на полтора. Потом опять захотел сбежать. Так и болтаюсь между этими двумя позициями. Поэтому решил: ладно, что сделано, то сделано, но хрен кто меня тут увидит. И тебе зов не послал, потому что пока даже ты не знаешь, что я в Ехо, меня тут как бы и нет. А если и есть, то не всерьез. Не считается. Так все-таки полегче привыкать. Вчера весь день ходил по городу – изменив лицо, надев маску и еще Кофин укумбийский плащ сверху. Чтобы уж наверняка никто ничего не заподозрил. И как же мне тут понравилось, знал бы ты! Даже больше, чем в самый первый раз. Только что не рыдал на радостях; впрочем, к тому шло. Но плащ не снимал. И даже маску на лице оставил, хотя зачем она невидимке? Правильно, я тоже не знаю.

– А что на это говорит Джуффин?

– Он много чего говорит. Основные тезисы таковы: я веду себя как кретин, но он все равно на моей стороне. Принуждать к вменяемости не станет, подождет, пока я сам возьмусь за ум. Ну или не возьмусь и навек останусь невидимкой. Он и к такому повороту, похоже, готов. И заранее прикидывает, как это можно будет использовать.

– Разумеется готов, – кивнул Шурф. – Как и к нашествию зеленых кошек-людоедов из страшных сказок для сельских детей, рождению властелина мира из индюшачьего яйца, сквашиванию Великого Средиземного моря в сметану и любому другому даже теоретически невозможному событию. Ясно же, что тебе быстро наскучит валять одного и того же дурака. И ты если не образумишься, то по крайней мере сменишь

концепцию. На этот счет и я совершенно спокоен. Собственно, из твоего визита ко мне следует, что тебе уже надоело скрываться.

– Конечно, надоело. Еще вчера! Но я все равно не могу решиться вот так среди бела дня зарулить в Дом у Моста и сказать: «Привет». Хотя, по идее, это должен быть прекрасный момент, немая сцена совершенно в моем вкусе. Заранее предвкушаю. И все равно туда не иду. Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Вот объясни: почему я такой придурок?

– Да не придурок ты, – мягко сказал сэр Шурф. – А в кои-то веки ведешь себя, как совершенно нормальный человек. Просто боишься, что все пойдет не так. В смысле, не так, как было раньше. И оттягиваешь этот момент, как можешь. Многие на твоём месте опасались бы ровно того же. И вели бы себя примерно так же, если бы в их распоряжении оказался укумбийский плащ.

– Да, наверное, – неохотно согласился я.

– А ко мне ты пришел, чтобы я тебя успокоил, – продолжил он. – Потому что с твоей точки зрения я надежен как скала. В некотором смысле, так оно и есть. И сейчас я тебя успокою, сэр Макс. Раз и навсегда. Тебе и правда совершенно нечего бояться. Но только потому, что все уже давным-давно пошло «не так». И «как раньше» гарантированно не будет. Что-что, а это я могу обещать тебе с полной определенностью.

– Успокоил, называется.

– Именно так это и называется, – хладнокровно подтвердил мой друг. – Страх проистекает из неуверенности и порожденной ею надежды на так называемое «лучшее». Как только один из воображаемых вариантов развития событий начинает казаться предпочтительным, появляется опасение, что реализуется какой-нибудь другой. А когда точно знаешь, как обстоят дела, бояться становится нечего. Вот и тебе – нечего. Все не так, как раньше, это уже свершившийся факт. И чем быстрее ты его осмыслишь, тем раньше поймешь, что «не так» – вовсе не обязательно означает «хуже». А потом, возможно, наконец вспомнишь, что ты, мягко говоря, не совсем беспомощен. Скорее наоборот. Как ты захочешь, так все и будет. Вот чем тебе следует заняться немедленно – сесть, собраться с мыслями и в кои-то веки захотеть чего-нибудь толкового. А не абстрактного: «Чтобы опять было интересно, ни хрена не понятно, и я посреди всего этого – самый крутой». Подобные сценарии если и доводят до добра, то окольными путями. И далеко не всех.

– Иногда мне кажется, что весь светлый ум, доставшийся мне по милости природы, каким-то образом попал к тебе на хранение, – вздохнул я. – И пользоваться им получается только в твоём присутствии. Вроде бы

совсем простые вещи ты говоришь. И я сам прекрасно все это знаю. Но прояснилось в голове только сейчас. Как кнопку нажали. И всегда так! Главное, конечно, чтобы ты не слинял с этим ценным имуществом на другой край Вселенной. Хорош я тогда буду.

– Ну, по крайней мере, в ближайшие несколько дюжин лет я отсюда никуда не денусь, – серьезно сказал он. – И буду в твоём полном распоряжении. Да и потом как-нибудь договоримся.

– Звучит обнадеживающе, – улыбнулся я.

– Но на самом деле это все, конечно, чрезвычайно досадно, – неожиданно объявил сэр Шурф.

Я опешил.

– Что именно?!

– Твое возвращение в Ехо, разумеется.

– Спасибо, – ухмыльнулся я. – Всегда знал, что ты мне обрадуешься. Но даже не предполагал насколько.

– Ай, брось, – отмахнулся он. – Ясно, что я рад тебя видеть; это настолько само собой разумеется, что вряд ли заслуживает отдельного обсуждения. Иное дело, что я предпочел бы и дальше навещать тебя в доме нашего друга Франка. В первую очередь потому, что здесь у меня слишком мало свободного времени. Единственное, на что его до сих пор хватало – так это на путешествия между Мирами. Да и то только потому, что при должном самоконтроле и правильно сформулированной персональной концепции времени можно провести в иной реальности несколько дней, а потом вернуться обратно всего через полчаса после того, как ушел. В саду у Франка мы с тобой могли трепаться сутками напролет. А тут такой номер не пройдет. В частности, через десять минут у меня совещание по вопросам очередного малозначительного изменения в законодательстве. Оно проводится с участием представителей Главной Королевской Канцелярии, а значит, его нельзя перенести. Сразу после – ежедневное занятие с младшими Магистрами, провести которое кроме меня некому. Потом рассмотрение срочных апелляций; его, собственно, можно отложить, но максимум до утра. Что было бы роковой ошибкой: мое завтрашнее расписание еще плотнее сегодняшнего. И каждый день примерно так. Чем дальше, тем меньше понимаю, почему во всех Орденах велась напряженная борьба за мантию Великого Магистра. На мой взгляд, это просто разновидность каторжных работ, причем в большинстве случаев приговор пожизненный. Я хотя бы срок заранее оговорил, и это был самый разумный поступок в моей жизни.

– Да уж, – посочувствовал я. – Одна надежда, что остальные Магистры

Семилистника не врубаются в ужас происходящего. И наивно организуют какой-нибудь дурацкий заговор, в результате которого ты будешь вынужден преждевременно подать в отставку. Удивительно, кстати, что они до сих пор не устроили переворот. Ты же на самом деле совершенно ужасный. Кого угодно достанешь.

– Поначалу и я втайне на это надеялся, – вздохнул сэр Шурф. – Но, увы, никаких шансов. Во-первых, общеизвестная часть моей биографии такова, что даже если бы я стал есть своих подопечных живьем, они бы решили, что могло быть и хуже. Во-вторых, на моей стороне Сотофа, и это делает невозможной саму идею сопротивления. А в-третьих, ужасен я, к сожалению, только с твоей точки зрения. Члены моего Ордена ее не разделяют – в сравнении с покойным Магистром Нуфлином я кажусь им идеальным начальством. Немного чересчур мягкосердечным, но с этим они готовы смириться.

– Тогда дело плохо. Впрочем, тебя, если верить Джуффину, даже горожане зачем-то полюбили, а это уже ни в какие ворота. Великий Магистр правящего Ордена – идеальный объект всеобщей ненависти, это же традиция, освященная веками! Куда катится мир?

Сэр Шурф только руками развел. Дескать, когда прикатится, тогда и разберемся.

– В любом случае, тебе следует знать, что я всегда в твоём распоряжении, – сказал он. – Насколько это физически возможно. По крайней мере, прислать мне зов ты можешь в любое время суток. Не стесняйся меня беспокоить и не бойся разбудить. Это, надеюсь, и так понятно, но некоторые вещи должны быть оговорены вслух. Просто для порядка.

– Ты крепко влип, – усмехнулся я. – Боюсь, в ближайшее время мне будет довольно трудно оставаться неназойливым.

– Поэтому и стараться не стоит. Кстати, ты говорил, что вчера весь день ходил, закутавшись в укумбийский плащ. Он сейчас при тебе?

– Да, а что?

– Не хотелось бы навязывать тебе свое мнение, но на твоём месте я бы надел его перед уходом, – вежливо сказал сэр Шурф. – Все-таки, при всем уважении к твоим первым успехам в искусстве изменения внешности, выглядишь ты не самым лучшим образом.

– А что со мной не так?.. Ай, ну конечно. Спасибо, что напомнил.

Я и правда совершенно забыл о своем маскараде. А развлекать прохожих в мои планы пока не входило.

Я достал из-за пазухи свернутый жгутом плащ, кое-как расправил его

складки и уже собирался надеть, но Шурф меня остановил.

– Еще один вопрос, – сказал он. – Напоследок, чтобы закрыть тему. Твое явление в образе старой ведьмы, вещающей про сгинувший Кеттари, – это же, будем честны, не очень хорошая шутка. Совсем не остроумная. Обычно у тебя получается гораздо лучше. К тому же ты не мог не понимать, что я тебя узнаю. Тогда зачем?

– Да вот именно за этим, – улыбнулся я. – Чтобы ты меня сразу раскусил и поначалу глазам своим не поверил, потому что этого не может быть. А потом спросил, с какой стати я так глупо шучу. И раскритиковал все в пух и прах – начиная с качества бабкиных морщин и заканчивая помраченным состоянием моего рассудка. Чтобы стало как в старые добрые времена. Понятно, что всего на пару минут, но чтобы почувствовать под ногами твердую почву, вполне достаточно.

– Ну и как, почувствовал?

– Еще бы. До сих пор обеими ногами на ней стою. Подозреваю, что это пройдет, как только я покину твой кабинет, но во всяком случае я теперь точно знаю, куда возвращаться за столь прекрасным ощущением.

– Очень хорошо, – кивнул сэр Шурф. – Возвращайся.

Какую-то часть ненадолго обретенной твердой почвы я все-таки ухитрился захватить с собой. Во всяком случае, внезапно вернувшаяся способность ясно мыслить не оставила меня даже на улице, по которой я шел – такой же невидимый, как вчера, но уже полностью принадлежащий Миру. Потому что наконец твердо решил ему принадлежать. Я вернулся, и будь что будет.

А будет конечно же «интересно, ни хрена не понятно, и я посреди всего этого – самый крутой», спасибо Шурфу за формулировку. Очень смешная правда про меня, которая периодически приводила к совершенно ужасным последствиям. И наверняка еще не раз приведет. Но тут уж ничего не поделаешь.

Я послал зов Джуффину и спросил:

«Если я два часа назад изменил внешность, соблюдая все твои вчерашние инструкции, когда это пройдет? Примерно?»

«Будь ты нормальным начинающим колдуном, от твоих усилий уже следа бы не осталось. А так даже и не знаю. Ты же у нас очень могущественный, хоть и неумелый. Можешь и до ночи в таком виде проходить. Если не дольше».

Отличный повод отложить явление меня народу Тайного Сыска как минимум до завтра. Соблазн был велик, но я устоял. Решил так решил,

точка. И нечего тормозить.

«А процесс можно ускорить?»

«Можно, конечно. Приходи, покажу, как это делается».

«Приду, – сказал я. – И плащ Кофе отдам заодно».

«Чтобы лишить меня невинного удовольствия наврать ему про Шиншийского принца в старомодном лоохи? Всегда знал, что ты жестокий и мстительный человек».

«Именно, – подтвердил я. – Трепещи. Я приближаюсь».

Окно в кабинете Джуффина было распахнуто, и я конечно не смог удержаться от очередной дурацкой выходки, вскарабкался на подоконник, произведя при этом столько шума, словно был целым стадом беспредельно неуклюжих менкалов. А в финале звукового шоу сбросил плащ-невидимку. Наградой мне стало изумленное лицо Господина Почтеннейшего начальника Тайного Сыска. В отличие от сдержанного сэра Шурфа он не поленился продемонстрировать всю гамму охвативших его чувств.

– Уже ради одного этого стоило возвращать тебя домой, – наконец сказал Джуффин. – Отныне я в твоей власти, сэр Макс. Не захочешь возиться со сновидцами – Магистры с тобой, забей. Начнешь пропускать совещания, я тебе слова дурного не скажу. Можешь вообще ничего не делать. Просто заходи иногда меня навестить. Этого совершенно достаточно для счастья.

– Надо же, какая благодарная бывает публика, – улыбнулся я. – А сэр Шурф сперва раскритиковал мою технику, а в финале спросил, с какой стати я вообще так глупо пошутил.

– Не просто глупо. Это, на мой взгляд, ярчайшее проявление безумия. И при этом даже ни намек на его запах. То есть с научной точки зрения ты как бы совершенно здоров. В голове не укладывается. Поразительный феномен! Загадка, над которой я могу безуспешно биться еще добрую сотню лет. Никто кроме тебя не способен настолько меня обескуражить. Давно забытое освежающее ощущение.

– А. Издеваешься, – сообразил я.

– Не без того. Но с восхищенным трепетом.

– Правильно ли я понимаю из вашей беседы, что это к нам пришел сэр Макс? – раздался голос свше. То есть с верхней полки книжного шкафа, на которой удобно устроился Куруш.

– Ну да, – признался я.

– Люди, на мой взгляд, придают слишком большое значение своим нарядам, – укоризненно заметил буривах. – И при этом совершенно

забывают приносить с собой угощение. Вот чего я никогда не пойму!

– Прости, – покаялся я. – В следующий раз непременно приду с пирожными.

– А когда наступит следующий раз? – взволнованно спросил Куруш. – Мне не придется ждать еще шесть лет?

– Не придется, – твердо пообещал я. – Я к вам надолго.

– Тогда ладно, – согласился буривах. И важно добавил: – Я беспокоюсь не столько о еде, которой у меня достаточно, сколько о соблюдении установившихся традиций.

Кто бы сомневался.

– Кстати, сэр Шурф совершенно напрасно придирался к твоей работе, – вдруг сказал Джуффин, все это время внимательно меня разглядывавший. – Отличная вышла старуха. Сколько времени на нее убил?

– Примерно полчаса. До Кофиных темпов мне пока далеко.

– Да, неблизко. Но для начинающего ты довольно быстро справился. Что, честно говоря, удивительно. Ты всегда легко учился сложным вещам и намертво застревал на пустяках. Даже камру варить толком так и не выучился. Несмотря на наши с Мабой нечеловеческие усилия.

– Просто у меня не было мотивации. Какой смысл возиться, когда можно в любой момент получить готовую, наилучшего качества? Да еще и кофе из Щели между мирами достать. Так что камра – не проблема. Зато все остальное...

– Что ты имеешь в виду?

– Всю остальную Очевидную Магию, которая теперь разрешена законом. Я же на самом деле очень мало умею, ты знаешь. Просто не успел выучиться. Вечно находилось что-нибудь более важное. И ты говорил: «Это ерунда, потом, успеется». И теперь на фоне бурно колдующих горожан я буду выглядеть довольно бледно. Плакала моя былая репутация. И твоя заодно. Все же знают, что я твой протеже. Внебрачный сын мятежного Магистра, собственноручно съеденного тобой живьем без соли, или сперва убитый, а потом воскрешенный демон-людоед с дальней окраины Вселенной – что там еще обо мне поначалу болтали? И вдруг такое позорище.

– Не преувеличивай, – отмахнулся Джуффин. – Нужным вещам я научу тебя очень быстро. А всему остальному... Да тоже могу, конечно. Но, честно говоря, сомневаюсь, что ты захочешь выступить с фокусами на площади Побед Гурига Седьмого.

– Это, конечно, вряд ли. Но я предпочитаю не выступать с фокусами только потому, что этого не хочу. А не потому, что не умею. Существенная

разница.

– Твоя правда, – внезапно согласился он. – Собственно, я и сам, когда перебрался в Ехо, не успокоился, пока не освоил кучу местных трюков, по большей части совершенно бесполезных. Просто чтобы не иметь ни одного слабого места, даже воображаемого. И с чего я взял, будто ты должен быть мудрее меня? Ладно, тогда готовься к тому, что я превращу твою жизнь в... – И он умолк, задумавшись.

– В ад? – подсказал я.

– Вообще-то я вспоминал, в каком из наших Орденов жизнь послушников была особенно невыносимой. Водяной Вороны? Или все-таки Решеток и Зеркал? Но ладно, ад так ад. Пусть будет, как ты хочешь.

У сэра Джуффина Халли всегда был легкий, сговорчивый характер. Этого у него не отнять.

Для начала он научил меня избавляться от ставшей ненужной маски. Это оказалось немногим сложнее, чем умываться. Но чтобы закрепить успех, мне приходилось снова и снова менять внешность. И это я, конечно, тоже делал сам. Никаких поблажек. Сказать, что с меня сошло семь потов, означало бы сильно приуменьшить трудности. Зато получалось у меня все быстрее и эффектнее. Под конец я был по-настоящему доволен результатом. И при этом совершенно забыл, зачем собственно явился в Дом у Моста. Даже не спросил, соберутся ли все наши на вечернее совещание, или мне придется ловить их поодиночке. Просто вылетело из головы.

Если в это трудно поверить, попробуйте, стоя перед зеркалом, максимально достоверно и технично нарисовать у себя на лбу любой воспроизведенный по памяти пейзаж, одновременно громко декламируя пословицы и поговорки на каком-нибудь малознакомом языке. Когда вам покажется, что вы уже неплохо справляетесь, начинайте повторять про себя таблицу умножения. Нет-нет-нет, ни в коем случае не прекращая рисовать и декламировать. В том и соль.

И так хотя бы пару часов кряду. Без перерывов на перекур. Причем не потому что ваш суровый учитель запрещает сделать паузу в занятиях, а потому что вы сами не вспомните о такой возможности. Ибо – напоминаю – вместо мыслей у вас в голове детали далекого пейзажа, иностранные поговорки и таблица умножения. Ну или, как в моем случае, новые, не вызубренные еще толком заклинания. Тоже не сахар.

Когда в кабинет Джуффина вошел сэр Кофа Йох, я как раз благополучно избавился от очередной фальшивой физиономии, на создание которой ушли мои последние силы. Даже немного жаль было с ней

расставаться. Особенно с роскошным орлиным носом, из которого могло бы получиться отличное орудие убийства, так он был велик и остер. Собственный нос, невнятный и безобидный всегда казался мне совершенно неподходящим аксессуаром для физиономии человека, который вынужденно, по долгу службы притворяется могущественным колдуном. И, по идее, обязан выглядеть соответствующе.

Но ничего не поделаешь, надо – значит надо. Собрав волю в кулак, я отменил великолепный нос и все, что к нему прилагалось. И уже изготовился рухнуть в кресло, причитая: «Что ж я маленьким не сдох», – но не тут-то было. Дверь распахнулась, вошел Кофа и уставился на меня со смесью неодобрения и любопытства.

Вообще-то я ожидал, что он обрадуется. И даже открыл было рот, чтобы спросить: «Какого черта вы не восторге от чудесного возвращения такого прекрасного меня?» Но Кофа заговорил первым.

– Не самая удачная идея, – сказал он Джуффину. – Я, конечно, рад, что вы наконец перешли от слов к делу и отыскиали нового сотрудника. И заранее не сомневаюсь в многочисленных достоинствах этого молодого человека, если уж на него пал ваш выбор.

На этом месте он умолк и отвесил мне поклон церемонный и одновременно иронический. Так старейшие придворные, заставшие еще деда нынешнего Короля, приветствуют молодых фаворитов, на которых делают тайные ставки, собираясь по вечерам в узком кругу ровесников: ну и сколько этот у нас продержится? Думаете, два года? Возможно, вы правы, но я буду снисходителен к молодежи и поставлю на полдюжины лет. Ну что вы смеетесь, жизнь удивительная штука, еще и не такое бывает.

Все, что я мог сделать в такой ситуации, – вспомнить дыхательную гимнастику, которой меня в свое время изводил сэр Шурф Лонли-Локли, жестокий деспот, злодей, тиран и, вероятно, сатрап. Что бы ни означало это слово. Однако приходится признать, что практическая польза от его занудных вдохов и выдохов с лихвой окупает страдания ученической поры. То есть в какой-то момент вдруг обнаруживается, что дыхание действительно успокаивает. А спокойствие – это такое удивительное мистическое состояние, находясь в котором, можно делать невозможные вещи. Например, молча ждать дальнейшего развития событий. Очень долго! Иногда целую минуту.

Вот и сейчас я нашел в себе силы прикусить язык.

Джуффин, кстати, тоже помалкивал. И вид при этом имел вполне озадаченный. Ну или прикидывался таковым, кто его разберет.

– Однако придавать ему облик сэра Макса мне кажется совершенно

нецелесообразным, – заявил Кофа. – Вы знаете, как высоко я ценю вашу изобретательность. И за годы совместной работы привык доверять вам настолько, что крайне редко выражаю вслух свое несогласие. Однако сейчас вы можете совершить роковую ошибку. Макс, хвала Магистрам, не покойник, а все равно его отсутствие – скверный повод для шуток. И этот мальчик, сам того не желая, окажется в положении самозванца, наступившего на такое множество мозолей, что пальцев на обеих руках не хватит сосчитать. Хотя, разумеется, его вины в этом нет. Любой на его месте выполнил бы распоряжение нового начальника, не задумываясь о последствиях.

С этими словами Кофа испытующе уставился на меня. Взгляд его постепенно становился все более благосклонным.

– А сама по себе работа очень неплохая, – наконец сказал он.

– О да, работа мастерская, – авторитетно подтвердил Джуффин. – С природой вообще мало кто может соперничать.

– С природой? – нахмурился Кофа. – Что вы хотите этим сказать?

– Ничего такого, чего не сможете сказать вы сами, если присмотритесь повнимательней. Как профессионал.

Кофа снова обернулся ко мне. Несколько секунд спустя, когда я почувствовал, что вот-вот начну дымиться от его пристального взгляда, он сказал:

– Дырку в небе над вами обоими. А я-то хорош! Нельзя даже посетовать, что вы меня провели. Сам справился.

– Вас можно понять, – заметил Джуффин. – Если бы я был знаком с собой так долго, как вы, я бы тоже вечно ждал подвоха.

– Вообще-то вы знакомы с собой еще дольше, – проворчал Кофа.

– Совершенно верно. Поэтому у меня для вас хорошие новости: еще лет пятьсот, и подвоха вы ждать перестанете. Я же перестал.

– Прости, сэр Макс, – сказал Кофа, заключая меня в объятия. – Надо было сразу тебе обрадоваться. Но меня, как видишь, сбили с толку. Сам представь: открываю дверь, Джуффин сидит с хитрющей рожей, и ты еще так подозрительно...

– Подозрительно похож сам на себя? – подсказал я.

– Подозрительно отворачиваешься от зеркала – руки на щеках, глаза мутные от переутомления, как у всякого новичка, только что закончившего работу над новым обликом, мне ли этого не знать. Только теперь сообразил, что это ты наоборот избавлялся от чужой рожи. Решил для начала прогуляться неузнанным? Очень хорошо тебя понимаю.

– Нет, просто он метит на ваше место, – ухмыльнулся Джуффин. –

После того как я трое суток валялся у него в ногах, умоляя вернуться, сказал: «Ладно, но только Мастером Слышащим. Желаю жрать в трактирах за казенный счет, и точка».

Кофа и бровью не повел.

– Отличная новость. Еще один помощник мне не помешал бы. Кекки в последнее время внезапно увлеклась светской жизнью, и толку от нее стало несколько меньше, чем хотелось бы. Но по-своему девочка совершенно права: житейский опыт должен быть как можно более разнообразным, иначе в один прекрасный момент останешься наедине со своими домыслами и фантазиями, которые наивно полагаешь знанием жизни.

– Вообще-то это была чудовищная клевета, – сказал я. – На бедного беззащитного сироту в моем лице. Я потрясен таким вероломством.

– Что совершенно не отменяет того факта, что от лишнего помощника я действительно не откажусь, – пожал плечами Кофа. – Так что подумай. Ты не представляешь, как у нас теперь готовят – после того, как серги Охолла и прочие ограничения на колдовство ушли в прошлое. И только не вздумай говорить, что уже все перепробовал. Места надо знать.

– Обойдетесь, – сурово сказал Джуффин. – Сэр Макс здесь не затем, чтобы жрать. А затем, чтобы спать. И видеть чужие сны.

– Тоже неплохо, – согласился Кофа. – Но знавал я великих людей, которым удавалось успешно совмещать эти непростые занятия.

Они бы, дай им волю, до ночи трепались. А я бы слушал и слушал. Ужасно соскучился, оказывается, по их пикировкам. А еще больше – по себе, слушающему Джуффина и Кофу с наслаждением, любопытством и тревогой: а ну как взаправду поругаются? Поди их разбери.

И вдруг оказалось, что старый добрый я – вот он, здесь, никуда не делся. Я бы обниматься с ним полез, но мое раздвоение личности, к сожалению, не зашло настолько далеко. Пока.

Что особенно прекрасно в старом добром мне – в отличие от нового, многоопытного и самодостаточного, он никогда не стеснялся обратиться за советом и помощью к старшим.

А в этом кабинете старших сейчас было целых две штуки, не считая задремавшего буривуха. Грех не воспользоваться.

– Слушайте, – сказал я. – Ради вас обоих я готов на все, в том числе жрать и спать, не покладая рук. Можно одновременно. Если это сделает вас счастливыми – не вопрос, договоримся, в лепешку разобьюсь. Но только давайте сперва вы придумаете, как мне появиться перед всеми остальными. С чего начать новую жизнь? Хочется, чтобы шума вокруг меня было

поменьше – вернулся и вернулся, эка невидаль. Давно пора. И чтобы Меламори не откусила мне голову на радостях.

– А может? – изумился Кофа.

– Может. – Джуффин ответил вместо меня. – Во-первых, голова сэра Макса вкусна и полезна для здоровья, это знают все амбициозные юные ведьмы. А во-вторых, он столько раз убедительно излагал леди Меламори причины, по которым при всем желании не может вернуться в Ехо, что теперь его появление будет выглядеть, скажем так, несколько бестактно. Я, признаться, совершенно упустил это из виду. Вечно забываю, что в их возрасте люди способны сердиться и обижаться всерьез. С другой стороны, подумаешь – ну голова, ну откусит. Новая отрастет.

– Чужими головами разбрасываться дело нехитрое, – укоризненно заметил я. – Но на самом деле, я же не только Меламори говорил, что никогда не вернусь. Сэр Мелифаро, конечно, вряд ли станет покушаться на мою жизнь. Нумминорих – тем более. У него вообще легкий характер. А все равно им обоим будет обидно, потому что выйдет, как будто я зачем-то им врал. Как будто они не друзья, а чужие люди. Это только сэр Шурф у нас святой. Буркнул, что мое возвращение кажется ему чрезвычайно досадным событием, но он вполне готов это как-нибудь пережить. Вот уж кому можно говорить правду и только правду, с утра до вечера. И, слушайте, есть же еще другие люди. Все мои знакомые, начиная с Хейлах и Хелви и заканчивая Его Величеством. Я вообще не представляю, что в Ехо думают о моем долгом отсутствии. Что вы им говорили? И как мне следует теперь себя вести? Что рассказывать, чтобы не завратиться до полного абсурда? Потому что говорить правду в моем случае было бы полным безумием. Да и не готов я продолжать быть человеком, с которым все это случилось. Пора бы мне от него отдохнуть.

– Желание понятное, – кивнул Джуффин. – Но, кстати, ты имеешь полное право загадочно помалкивать. Допрашивать тебя в любом случае никто не станет. У нас вообще не очень принято лезть в чужие дела. Разве что потихоньку собирать сплетни. Боюсь, ты этого не заметил, потому что связался со мной, а я – прискорбное исключение из общего правила.

– Так, стоп, – сказал Кофа. – На мой взгляд, Макс совершенно прав. Во-первых, даже я сам вряд ли готов услышать все то, что он мог бы рассказать. А значит, и другим об этом знать ни к чему. А во-вторых, если есть хоть малейшая возможность избежать обид и прочих недоразумений, ее надо использовать. Просто ради экономии времени и остальных ресурсов. Где там мой укумбийский плащ? Надень-ка его, сэр Макс, и если кто-то зайдет, сиди тихо. Будем думать.

– По идее, никто сюда в ближайшее время не зайдет, – зевнул Джуффин. – Я всех разогнал. В смысле, отпустил по домам сразу после обеда. Благо в городе наконец-то ничего не происходит. Подозреваю, это сказывается благотворное влияние сэра Макса. Население о его возвращении пока не знает, но сердцем чувствует. Ну или задницей, кто чем. Вот и присмирели от греха подальше. Страшнее сэра Макса, как известно, Темного Магистра нет.

– Это пока они не знают, что я даже в модном полуметре над землей ходить не умею, – проворчал я. – И лучше бы никогда не узнали. Потому что все-таки позорище.

И закутался в плащ-невидимку. Кофу надо слушаться, это правило я когда-то, в самом начале жизни в Ехо, усвоил одним из первых и ни разу о том не пожалел.

– На самом деле, тут и думать особо не о чем, – объявил Кофа. – Что там сэр Макс будет рассказывать, а о чем молчать, это вы сами как-нибудь сочините. Но вернулся он конечно же не по собственной воле. Сам не понял, как это случилось. Раз – и тут. Например, проснулся, а за окном вместо привычного не пойми чего почему-то Ехо. Такая вот неожиданность. Ничего из ряда вон выходящего тут нет, подобных случаев история знает немало. В старые времена с колдуном, который ни разу не исчезал на пару дюжин лет, чтобы потом внезапно объявиться невесть откуда, никто и говорить всерьез не стал бы. Технические подробности для заинтересованной публики с вас, Джуффин, я в этой вашей так называемой Истинной Магии слабо разбираюсь. Зато я разбираюсь в людях. И ясно, что в такой ситуации у некоторых наших общих знакомых не будет ни единого шанса обидеться, что Макс не внял их уговорам вернуться домой. Зато вас, – он выразительно посмотрел на Джуффина, – почему-то послушался. И кстати, если Макс при этом сделает вид, будто помнит события последних лет, как позавчерашний сон, никто не станет напряженно ожидать, что он по секрету поведаст какие-то невероятные тайны. Мы же понимаем, что в большинстве случаев дело вообще не в тайнах как таковых. А в демонстрации особого доверия.

– Какие все же смешные проблемы мы собрались решать, – ухмыльнулся Джуффин. – Но вы абсолютно правы. И теперь я понимаю, почему сэр Макс так упорствовал в своем желании оставаться невидимым. Надо было сразу обсудить это со мной, а не загадочно хмуриться, – сказал он мне. – Есть вещи, о которых я совершенно не беспокоюсь. Хотя бы потому, что на твоём месте был бы в восторге от возможности наврать с три короба каждому, кто пожелает слушать. Ах, какие это были бы

прекрасные короба! Но это вовсе не означает, будто я не готов пойти навстречу человеку с иной позицией. По крайней мере, если этот человек – ты.

– Да я сам толком не понимал, что со мной творится, – признался я. – Пока сэр Шурф не объяснил. Он всегда точно знает, что меня беспокоит. Даже когда мне кажется, будто вообще ничего. Очень удобно. Поговорил с ним и понял: ясно, конечно, что как раньше уже не будет. Но хотелось бы, если возможно, позаимствовать из прошлого некоторые прекрасные вещи. Например, относительную простоту человеческих отношений. Без всех этих неозвученных догадок, таинственных намеков, интригующих недоговоренностей, потаенных обид и порожденного ими отчуждения. Я в этом вообще не разбираюсь. И учиться не хочу. Я прост, как деревенский пирог: вот я, вот моя начинка, и на этом все. То есть действительно все! Никаких дополнительных слоев, тончайших нюансов и внезапного послевкусия, наступающего тридцать лет спустя.

– О таких рецептах, чтобы послевкусие аж тридцать лет спустя приходило, я и не слышал, – покачал головой Кофа. – А ведь было бы чрезвычайно интересно. Жаль, что до сих пор никто не пробовал поработать в этом направлении.

– Не отвлекайтесь, – попросил я. – Давайте сперва спасем мою личную жизнь. А потом подумаем о пирогах.

– По-моему, ты кощунствуешь, – ухмыльнулся Джуффин. – О пирогах – и вдруг потом!

– Ваша школа, – проворчал Кофа. – Ваших учеников всегда отличало недопустимое пренебрежение к материальной стороне жизни. И сэр Макс, конечно, апофеоз вашей бесчеловечной педагогической системы. Даже камру толком сварить не умеет. И ел всегда максимум дважды в день, если специально ему не напомнить. Как будто вся жизнь – одно сплошное ожидание момента, когда можно будет удрать на эту вашу Темную Сторону и там окончательно забыть о своей человеческой природе.

– Спасибо за высокую оценку, – поклонился Джуффин. – Если я и правда способен научить подобному отношению к жизни, я – великий педагог.

– Еще как способен, – вмешался я. – Например, сегодня я еще ни разу не завтракал. Об обедах уже и не говорю. И теперь близок к гибели, как никогда прежде. Надеюсь, эксперименты с моим воскрешением хоть немного скрасят ваш с Кофой вечер. Некоторые оживленные мертвецы очень забавно дергаются.

– Ты, наверное, думаешь, будто это хорошая шутка, – проворчал

Кофа. – Но лично мне совершенно не смешно. Терпеть не могу столь легкомысленного отношения к своему здоровью.

– Действительно перебор, – согласился Джуффин. – Какой-то из ряда вон выходящий аскетизм.

Они еще долго меня отчитывали, пока не сообразили, что в сложившихся обстоятельствах разумней будет просто заказать обед из «Обжоры Бунбы» и закрыть вопрос.

Поднос с едой, кстати сказать, влетел в наше распахнутое окно без посторонней помощи. Я, гуляя по городу, уже не раз видел, как теперь доставляют еду на дом клиентам, но все равно остолбенел. А потом пожаловался:

– И даже этого я не умею! Хорош Тайный сыщик.

– Да, если захочешь в свободное от службы время подрабатывать мальчиком на побегушках в каком-нибудь приличном трактире, хрен тебя наймут, – пригорюнился Джуффин. – Ладно, научим. Что с тобой делать.

Поэтому наскоро покончив с едой, мне пришлось заняться этим грешным подносом. Сам напросился, некого винить. После получаса мучений мне удалось заставить поднос совершить показательный полет вокруг люстры. Еще несколько минут спустя я аккуратно, не уронив ни одной пустой тарелки, посадил этот дистанционно управляемый летательный аппарат на стол. И наконец храбро отправил его в дальний рейс, на кухню «Обжоры». Некоторое время мы с Кофой затаив дыхание ждали, не прибежит ли мадам Жижинда, разгневанная внезапной кончиной своего лучшего повара, зашибленного этим грешным подносом. И только Джуффин с демонстративной безмятежностью курил в своем кресле. Его вера в меня была как всегда безгранична. И в этом вопросе он, как ни странно, тоже вечно оказывается прав.

Ну а потом я наконец вернулся в Ехо. В смысле, официально вернулся, условно проснувшись в башне Мохнатого Дома. И почти не врал, когда на следующий день говорил всем желающим прикоснуться к моим чудотворным мощам, будто сам толком не понимаю, как это получилось. Потому что перед этим Джуффин, уединившись со мной на правах озабоченного моим состоянием знахаря, почти всю ночь честно выполнял обещание научить меня самым популярным столичным фокусам. Так что на рассвете я уже умел ходить не только в полуметре над землей, но и по потолку. И при этом с большим трудом вспоминал свое имя, не говоря уже обо всем остальном. Таково губительное влияние Угуландской Очевидной Магии на мой ослабленный волнениями и ночным обжорством организм.

Ужасная наука, не зря ее столько лет запрещали!

Под утро я едва удержался от искушения послать зов Великому Магистру Ордена Семилистника и на правах гибнущего друга потребовать отменить все эти новомодные либеральные поправки к Кодексу Хрембера на хрен – ради спасения моей жизни и рассудка. Причем взял себя в руки вовсе не из соображений здравого смысла и даже не из сострадания к спящему, а просто сообразив, что спросонок мало кто бывает сговорчив. И решил отложить разговор до завтра.

Но назавтра мне, конечно, стало не до того. Потому что началась жизнь. Не «старая», не «новая», а просто моя.

Кофа был совершенно прав, когда предложил представить мое возвращение в Ехо необъяснимым мистическим событием, произошедшим помимо чьей бы то ни было воли. Даже не понимаю, как я сам не додумался до такой простой штуки. Впрочем, с гениальными идеями вечно так.

В результате мне очень обрадовались и при этом ни о чем не расспрашивали. Хитрый Джуффин строго-настрого велел окружающим беречь мою хрупкую психику, якобы подорванную годами бесприютных скитаний по иным мирам, а в особенности злоупотреблением кофе, который он, по-моему, вполне искренне считает опасным колдовским зельем.

Хвала Магистрам, все сразу же поверили в необходимость щадить мои расстроенные нервы. Великое дело репутация. Похоже, все предыдущие годы мои близкие нетерпеливо ждали, когда я уже чокнусь от обилия не в меру интересных приключений, и теперь наконец с облегчением перевели дух: свершилось. Даже Меламори не стала задавать вопросов, а ведь как я этого опасался. Потому что помалкивать о некоторых вещах за прошедшие годы худо-бедно научился, но лжец из меня по-прежнему никакой.

Я, собственно, потому и не рванул к ней в первый же момент, что не хотел ни врать, ни говорить правду, которая ей совсем не понравится: как ни крути, а в Ехо меня вернул Джуффин. Меламори хотела сделать это сама. И страшно злилась, что не знает даже, как подступиться к подобной задаче. На себя, меня и прочую Вселенную, которая с какого-то перепугу решила быть настолько сложно устроенной. Единственное, что ее немного утешало, – вернуть меня в Ехо не мог вообще никто. Значит, не она одна такая никчемная неумеха.

И тут вдруг выясняется, что у Джуффина все получилось. Как всегда!

Что ни делай, а все равно выше него не прыгнешь. И как после этого жить?!

Раньше я подобных проблем вообще не понимал. У меня в этом смысле счастливый характер: я ни с кем не соревнуюсь всерьез. Даже в карты играю скорее из интереса узнать, какие комбинации сложатся на этот раз, чем из желания победить соперника. А когда вижу человека, который знает и умеет больше, чем я, мне и в голову не придет огорчаться. Напротив, радуюсь: «Надо же, как бывает! Я тоже хочу». Поэтому мне всегда было легко учиться у друзей и дружить со своими учителями. И трудно отличить одних от других. С другой стороны – а зачем?

Что большинство людей устроены иначе, я понял сравнительно недавно. После того как научился внимательно их слушать, не отмечая непонятные мне мотивы как несущественные. Постоянное общение с могущественными колдунами, способными, в случае чего, не только закатить тебе сцену, но и испепелить взглядом – в прямом, не переносном смысле – способствует развитию уважения к чужим особенностям. Даже тем, которые кажутся тебе заскоками.

Меламори в этом смысле оказалась прекрасным учителем. И взглядом, если что, испепелит, и заскоков у нее предостаточно. То есть конечно же особенностей. В частности, победить она хочет всегда, всех и во всем. Желательно, прямо сейчас. В крайнем случае, завтра. Но уж тогда пусть все до завтра сидят тихо и не напоминают ей бестактно о своем возмутительном превосходстве. Звучит смешно, но для Меламори это действительно очень важно. Может быть, вообще важнее всего на свете. Она и меня-то, на ее вкус несколько чересчур немыслимого, терпит рядом только потому, что пару раз спасала мне жизнь. И, что еще важнее, однажды обогнала в гонках на амобилерах – после того, как я наконец догадался пощадить ее самолюбие и поддаться. Совсем чуть-чуть, потому что она же и правда отлично ездит. Отчаянная голова, а в таком деле это главное.

Поэтому сказать ей: «Сюрприз-сюрприз, Джуффин наконец-то притащил меня домой», – все равно, что дразниться: «Ты не смогла, а он смог!» Умом Меламори прекрасно понимает, что Джуффин вне конкуренции, с такими, как он, не соревнуются, а только благодарят судьбу, что посчастливилось жить с ними в одно время, да еще и учиться с утра до ночи, сколько хватит сил, но легче ей от этого не становится. И тут ничего не поделаешь. Сильных людей бесполезно перевоспитывать – если уж их сила решила, что ей угодно проявляться именно таким причудливым образом, значит, так тому и быть.

В общем, счастье для нас обоих, что Меламори не стала меня расспрашивать. Только и сказала: «Надо было не спорить с тобой, когда ты мрачно пророчествовал, будто никогда не сможешь вернуться в Ехо, а сразу заключать пари. Была бы сейчас богачкой».

Именно то, что надо.

И полудюжины дней не прошло, а я уже чувствовал себя в Ехо так, словно просто вернулся из отпуска, и незначительные перемены, произошедшие за время моего отсутствия, можно сосчитать по пальцам. Слезы восторга перестали то и дело наворачиваться на глаза, целовать в экстазе булыжники мостовых я больше не порывался, вместо того, чтобы пялиться на столичные новшества как ошалевший турист, я оглядывал их с хозяйским снисходительным одобрением: молодцы, хорошо без меня поработали. Зато с неизменным любопытством косился на прохожих – а ну-ка, кто у нас тут настоящий, а кто сейчас дома спит? И по-детски радовался, встречая среди сновидцев знакомых, то есть тех, кого уже видел прежде и по какой-то причине запомнил. С рыженькой художницей, которая почему-то попадалась мне чаще прочих, даже здороваться начал; впрочем, она меня все равно не замечала – не то была полностью поглощена работой, не то я просто не помещался в ее сон. Если учесть, что сэр Мелифаро долгие годы дразнил меня Ночным Кошмаром, может, оно и к лучшему.

Я обедал четырежды в день, со всеми друзьями по очереди, устраивал для них вечеринки и сам ходил в гости, запоем читал старые номера «Суеты Ехо», казавшиеся мне сейчас самыми увлекательными в мире романами, разучил еще добрую сотню новых фокусов, чрезвычайно полезных для поддержания репутации могущественного колдуна и выступлений на детских утренниках, посетил поэтический вечер и с какого-то перепугу оперный спектакль, а ночами гулял по крышам Старого города, как самый настоящий бездомный кот, благо свежеприобретенные навыки бытовой левитации наконец-то лишили меня врожденного страха высоты. И ежеутренне скорбно сообщал Джуффину, что все еще не готов приступать к делам. Говорил: «Погоди, не торопи, мне сперва надо заново ко всему привыкнуть».

Врал, конечно, и мы оба это знали. Но Джуффин, вопреки обыкновению, милосердно делал вид, будто не только верит, но и сочувствует мне всем сердцем.

Было бы кому сочувствовать. Если бы в те дни в Соединенном Королевстве объявили конкурс на самого счастливого и безмятежного

праздношатающегося бездельника, ходить бы мне в победителях. Прежние сомнения и тревоги вспоминал теперь как сон, причем даже не то чтобы страшный. Почти смешной.

Я вообще очень быстро привыкаю к новым обстоятельствам. А то, к чему невозможно привыкнуть, просто принимаю как должное. В моем положении – совершенно незаменимое свойство.

Одна из тех вещей, к которым совершенно невозможно привыкнуть и даже принимать как должное довольно затруднительно, – это, конечно, размеры Мохнатого Дома. Когда-то он был университетской библиотекой, но потом Королевский Университет разросся, и однажды начальство подсчитало, что если все шесть тысяч студентов вдруг одновременно захотят засесть в читальных залах, им не хватит мест. Я почти уверен, что ситуацию можно было бы спасти парой дюжин дополнительных стульев, но библиотекари предпочли переехать в новое здание, раза в четыре больше. Рассказывают, что это позволило им установить в некоторых читальных залах диваны для любителей читать лежа; с тех пор я умираю от зависти к столичным студентам. Не то чтобы кто-то запрещал мне валяться с книжкой у себя дома, но это, как мы понимаем, совсем не то.

В общем, библиотека переехала, и какое-то время Мохнатый Дом пустовал, поскольку являлся собственностью Короны, а Его Величество Гуриг Восьмой обычно не слишком активно занимается сдачей своей недвижимости в аренду. То ли потому, что и без дополнительных приработков считается самым богатым монархом Мира, то ли просто руки не доходят. У меня бы на его месте тоже не дошли, королевская жизнь – не сахар. А тяжелый физический труд. Одни только парадные утренние одевания чего стоят. Когда я в свободное от основной службы время подрабатывал царьком-самозванцем кочевого народа Хенха, и то волком был, а ведь всего-то хлопот было – пережить пару-тройку официальных приемов в год и мужественно терпеть насмешки коллег все остальное время. Меня даже переодеваться ради встречи с подданными не заставляли. И никаких придворных на шею не посадили. Царствуй – не хочу.

Собственно, именно тогда мне и достался Мохнатый Дом. Он оказался отличной приманкой: я совершенно не собирался лезть в эту нелепую политическую авантюру и упирался как мог, но увидев свою будущую «царскую резиденцию», тут же согласился на все. Очень уж мне понравился дом, от земли до самой башенки увитый буйной ползучей растительностью, а иного способа там поселиться не было. И только заполучив вожделенную недвижимость, я осознал свою ошибку. Сразу

можно было сообразить, что здание, которое немного маловато для шести тысяч студентов, окажется слишком велико для одного не очень крупного меня. Не рвущегося, к тому же, обзавестись толпой домочадцев.

С домочадцами меня тогда отчасти выручили подданные-кочевники, навязавшие мне трех девчонок, сестер-близнецов, из которых получились отличные фиктивные жены дикого варварского царька, а со временем – прекрасные друзья. От кочевников же мне достался огромный мохнатый пес по имени Друппи, а от Его Величества – целое полчище отлично вышколенных слуг и банда поваров-отравителей, производящих самую невкусную еду в Соединенном Королевстве, не со зла, а просто педантично следуя старинным дворцовым рецептам.

Я тоже сделал небольшой, но весомый вклад в увеличение числа обитателей Мохнатого Дома, поселив здесь кота Армстронга и кошку Эллу, таких здоровенных, толстых, шумных и непоседливых, что они, по идее, должны были заполнить собой все пространство. Но с Мохнатым Домом этот номер не прошел, хищники мои растворились в нем, как в джунглях, спасибо хоть пожрать в гостиную иногда приходили, а то бы я вообще забыл, что они у меня есть.

Это, собственно, касается и остальных домочадцев. Всякий, кто не обзавелся привычкой регулярно объявляться в общей гостиной и оставлять там явные и недвусмысленные свидетельства своего существования, может быть сочтен пропавшим без вести. В некоторых случаях это довольно удобно, но чаще просто обескураживает.

О дворцовых слугах, приставленных Его Величеством присматривать за домом – один из тех Королевских подарков, отказаться от которых при всем желании невозможно – я вообще постоянно забываю и до сих пор всякий раз вздрагиваю, случайно сталкиваясь с ними в коридорах. Хорошо хоть в голос не ору, но знали бы вы, каким напряжением воли мне это дается.

Потратив несколько лет на попытки приспособиться к Мохнатому Дому, я окончательно убедился, что толком обжить его невозможно, но и разлюбить уже не получится. И вопреки здравому смыслу оставил его за собой после того, как мое недолгое царствование завершилось заранее запланированным отречением от престола. Потому что как ни крути, а дом, в коридорах которого можно всерьез заблудиться, а для путешествия с этажа на этаж имеет смысл запастись бутербродами – идеальное жилье для вечного бродяги вроде меня. Неудобное, зато точное и правдивое, а у меня слабость к хорошим метафорам.

К моменту моего возвращения Мохнатый Дом практически опустел.

Постоянно там находились только Армстронг, Элла и толпа слуг, вынужденно посвятивших свои дни непрерывным погоням и, в случае редких удач, уходу за окончательно одичавшими на необъятных просторах кошками.

Пес Друппи, который в былые времена с удовольствием возводил домашний шум и бардак в непревзойденную степень, затосковал без меня и поселился со своим лучшим другом Дримарондо, говорящей собакой, чьим хозяином когда-то формально считался сэр Шурф Лонли-Локли. Однако после того, как Дримарондо с помощью приятелей-студентов, по очереди писавших под его диктовку, защитил блестящую диссертацию о родстве наиболее часто используемых ритмов современной угуландской поэзии с древними заклинательными песнопениями драххов и получил официальное приглашение читать соответствующий курс в Королевском Университете, подобная постановка вопроса окончательно стала невозможна для обоих. Дримарондо, по словам Шурфа, даже настоял на том, чтобы оплачивать из своего профессорского жалованья еду и аренду старого заброшенного дома с садом на Левобережье – неплохой ход для бывшей вечно голодной дворняги из графства Хотта. Совершенно невозможно было ему отказать, как и всякому разумному существу, стремящемуся к независимости, пусть даже несколько демонстративной.

Одну из сестричек, леди Кенлех, давным-давно сманил из дома сэр Мелифаро, всегда готовый заботливо избавить друга от лишней жены. А от двух других, Хейлах и Хелви, меня практически избавила леди Сотофа Ханемер. То есть она просто согласилась учить их магии, но подобные занятия обычно неважно сочетаются с домоседством. То превратишься сдуру в нечто не совсем антропоморфное, то с Темной Стороны вернешься на пару лет позже, чем планировал, то в ином Мире проснешься в чужой пижаме и полной уверенности, что так было всегда. Ну, то есть с девочками ничего такого пока, хвала Магистрам, не случилось, но внутренняя готовность к подобному повороту событий воспитывается загодя и меняет человека целиком.

Ну и дома они стали бывать гораздо реже, даже момент моего возвращения пропустили. Объявились только через несколько дней, когда я сам уже настолько привык к заново начатой жизни в Ехо, что в первую минуту даже не сообразил, чему они так бурно радуются.

Впрочем, когда у вас на шее, нечленораздельно вереща от счастья, висят сразу две прекрасные девицы, причина их восторга довольно быстро перестает казаться важной. Лишь бы и дальше оставались довольны. И при этом, если возможно, перестали колотить ногами по коленям, щипать до

синяков и целовать в разные малоподходящие для этого места – например в глаз.

Наконец их восхищенные вопли стали чуть более разборчивыми.

– Ты наконец-то вернулся и теперь сможешь нас прогнать!

Мне сперва показалось, что я ослышался. Но когда вслед за восторженной Хелви эту же фразу повторила ее серьезная сестра Хейлах, я начал опасаться, что леди Сотофа, при всем моем уважении, несколько перегнула палку, обучая этих юных ведьм. И вот вам результат – девчонки чокнулись. Ничего страшного, говорят, так часто бывает, и Сотофа, безусловно, сама же быстренько приведет их в порядок. Но мне-то прямо сейчас что делать?

– Вообще-то я не планировал куда-то вас прогонять, – осторожно сказал я. – Тем более на ночь глядя.

– Ох, конечно, – вздохнула Хейлах. – Прости, мы ведем себя как идиотки. Но у нас сейчас все мысли только об одном. Я объясню.

– И тогда ты нас точно прогонишь, – подмигнула мне Хелви. – Просто не сможешь поступить иначе!

После этого мне сразу стало гораздо легче. Но не на душе, а потому что они наконец спрыгнули с моей шеи. И приняли вид настолько деловитый, что пришлось приглашать их в кабинет. Заодно вспомнил наконец, где он находится. И на всякий случай пометил путь стрелками на стенах, в Мохнатом Доме иначе нельзя.

– Просто мы уже давно хотим вступить в Орден Семилистника, – сказала Хелви после того, как они, благосклонно отпустив слугу, принесшего напитки, удобно расположились в креслах с кружками горячего медового сиропа, настолько сладкого, что я бы умер, наверное, уже после третьего глотка. А этим ведьмам все нипочем.

– Дело даже не в том, что мы хотим, – поправила ее Хейлах. – Леди Сотофа считает, что это необходимо для полного погружения в учебу. Потому что с какого-то момента практикующим следует жить вместе с коллегами. Во-первых, это дает дополнительную силу, а во-вторых, на этом этапе полезно находиться под постоянным присмотром.

– Да, – кивнул я. – Много раз слышал, что именно ради этого маги и стали объединяться в Ордена. Ну так за чем дело стало? Если уж Сотофа говорит, что так надо, и вы сами хотите?

– А вот тут, – драматически заламывая брови, объявила Хелви, – начинается самый ужас!

– Проблема в том, что мы замужем, – строго сказала леди Хейлах.

Я открыл было рот, чтобы спросить: «За кем?» и «Когда это вы успели?» – но вовремя вспомнил, в каком качестве девчонки в свое время попали в Ехо. Ну да, за мной. Следовательно, все в порядке.

– Ну мы же с вами понимаем, что это не считается. И леди Сотофа это понимает. Вообще не вижу проблемы.

– Все не так просто, – вздохнула Хейлах. – Никого не волнует, как оно там на самом деле. В данном случае важны именно формальности. Когда человек, состоящий в официальном браке, вступает в Орден, он должен сперва расторгнуть брак, точка. Никаких исключений из этого правила быть не может. Леди Сотофа сказала, что тут даже она ничего не может поделать, потому что каково бы ни было ее положение в Ордене Семилистника, а менять его устав она пока не готова. Поэтому продолжает учить нас, как раньше, в частном порядке. Но, честно говоря, мы уже довольно давно топчемся на месте. Потому что дальше в одиночку нельзя. И в Орден нам нельзя – было, до сих пор. Скажу тебе честно, сэр Макс, я была довольно близка к отчаянию. Потому что до недавнего времени считалось, что ты вообще никогда не вернешься.

– Так вполне могло случиться, – согласился я. – Странно однако, что вас не объявили моими вдовами.

– Без предъявления твоего мертвого тела это невозможно, – покачала головой Хейлах.

– Я сто раз предлагала смастерить копию твоего трупа и покончить с проблемой, – призналась Хелви. – Правда, мы сами этого пока не умеем. Но можно было поискать мастера...

– Не уверен, что мне нравится твоя идея, – растерянно сказал я. – Пришлось бы потом имитировать чудесное воскрешение. И как после такого людям в глаза смотреть?

– Все равно меня никто не слушал. «Так нельзя», и все тут. А почему нельзя? Да потому что нельзя, бу-бу-бу, и прочие смехотворные аргументы.

– Нельзя обманом поступать в Орден, – вздохнула Хейлах. – Потому что тогда ритуал вхождения в круг тоже будет обманом. И никакого от него толку. Ну что ты как маленькая.

Было заметно, что это очень старый спор. И она давным-давно от него устала.

– Но в Соединенном Королевстве очень легко развестись, – вспомнил я. – Достаточно желания одной стороны, вторая может при этом шлаться где угодно. Правда имущественные споры решаются потом отдельно, и это в случае конфликта интересов может растянуться на много лет, но у вас-то

такой проблемы, как я понимаю, не было.

– Это так, – согласилась Хейлах. – Но мы стали твоими женами не по местным законам. А по обычаям Хенха. У нас разводов не бывает.

– Вообще, что ли? – ужаснулся я. – Без вариантов? Какой ужас.

– Ну почему, очень даже с вариантами, – улыбнулась она. – Например, муж может подарить свою жену, а жена мужа любому человеку, который согласится принять такой подарок. Как, собственно, ты в свое время поступил с Кенлех. Это считается правильным, достойным поступком, когда один из супругов находит новую любовь и хочет уйти. Таким образом соблюдаются интересы оставленного: в глазах остальных он выглядит не брошенным неудачником, оставшимся куковать в одиночестве, а истинным хозяином положения, да еще и щедрым дарителем.

– Вот оно как, – изумился я. – Очень гуманно, действительно. Надо же, а я в свое время и разбираться не стал. Подумал: «Что за дикие обычаи – жен дарить», – но сделал, что просили, и выкинул из головы. Вечно упускаю самое интересное! Так что, теперь я должен подарить вас леди Сотофе? Не вопрос, подарю. В нарядной упаковке и бантик сбоку. Какого цвета желаете?

Хелви рассмеялась, но Хейлах оставалась серьезной.

– Конечно, ты не можешь подарить нас леди Сотофе, Макс. Потому что она не имеет права на нас жениться. Она же сама состоит в Ордене!

– Действительно, – ухмыльнулся я. – Какое неожиданное препятствие для счастливого брака. И как нам тогда быть? Есть еще варианты?

– К счастью, есть. Надоевших жен и мужей вовсе не обязательно кому-то дарить. Их можно просто взять и прогнать навсегда! – торжествующе воскликнула Хейлах. – Вот о чем мы говорили с самого начала. Без объяснений это прозвучало очень глупо, согласна. Но оно на радостях само вырвалось. Просто, понимаешь, прогнать жену или мужа можно только лично. Ни письма, ни поручения не годятся, хоть у дюжины юристов их заверь. Если уж прогоняешь, то лицом к лицу и в присутствии уважаемого свидетеля, иначе никак. Поэтому мы так обрадовались, что ты вернулся. То есть не только поэтому, но...

– Понимаю, – сказал я. – У вас сейчас все мысли об одном: вступить в Орден и учиться дальше. Потому что иначе жизнь – не жизнь. Говорят, это называется «призвание», и когда оно находит человека, сопротивляться невозможно. Я, в общем, немножко знаю, как оно бывает.

– Да, – кивнула Хейлах. – Еще бы ты не знал.

– Так удивительно все складывается, – вдруг улыбнулась Хелви. – Я же помню, как нам, всем троим одновременно, стукнуло в голову, что

надо уговорить старейшин выдать нас за тебя замуж. Зачем это нужно, никто из нас понятия не имел. Мы же в глаза тебя не видели, даже нарисованного портрета не было. А вдруг ты оказался бы жутким монстром, который даже сластями ни с кем не делится? И гулять женам не разрешает – ну, например. Вполне могло бы так случиться! Наши говорили, характер у тебя тяжелый. И в далекий большой город мы ехать боялись, по рассказам выходило, что это ужасное место, где стоят высоченные, до неба, дома, а по улицам ездят волшебные повозки без менкалов и толпами ходят злые колдуны. Мы, конечно, всему этому верили, как не верить, если старшие были в Ехо, своими глазами все видели, а потом чудом выбрались и вернулись домой, чтобы рассказать остальным, какие удивительные и страшные города бывают на свете. Слушали мы их и понимали: пропадем! Но все равно добились своего. Потом всю дорогу от страха ревели – по ночам, когда никто не видел. И постоянно спрашивали друг друга: «Что мы наделали? Зачем?!» И вот, оказывается, зачем – чтобы ты познакомил нас с леди Сотофой. А как еще мы могли к ней попасть? Она же в Пустые Земли с визитами не ездит и учениц там не ищет. Так все переплелось, столько всего случилось, но в итоге сложилось, как надо. С ума сойти можно, правда?

– Это точно, – авторитетно подтвердил я.

Будучи, несомненно, одним из крупнейших специалистов в этой области.

Помолчали, думая каждый о своем. Наконец я спросил:

– Сколько нужно свидетелей?

– Одного достаточно, – деловито сказала Хейлах. – Важно только, чтобы он не был ни твоим родственником...

– Это, прямо скажем, несложно, – ухмыльнулся я.

– ...ни безумцем, ни заключенным преступником...

– Сейчас Макс скажет, что это уже труднее, – хихикнула Хелви.

– Ясновидящая, – одобительно кивнул я.

Хейлах возвела глаза к небу с видом мученицы. Но продолжала говорить:

– ...и мог, если вдруг понадобится, официально засвидетельствовать событие перед лицом любого усомнившегося. Но это, на самом деле, вряд ли случится, – добавила она. – У нас же нет родителей, которые могут приехать и начать разбираться, что да как и почему. А старейшинам после твоего отречения совать нос в наши дела даже по закону не положено.

– Ясно, – сказал я. – Ладно, устроим. Есть у меня на примете один свидетель. Безумный, конечно, где я вам других возьму? И бывший

государственный преступник, таково уж мое ближайшее окружение. Но несмотря на это вполне себе уважаемый человек. Особенно в вашем будущем Ордене. Сто лет его не видел. В смысле, целых четыре дня. А тут такой повод.

И отправил зов сэру Шурфу Лонли-Локли. Даже не потому, что он лучший в мире кандидат на должность официального свидетеля чего бы то ни было. Так засвидетельствует, что ни одна зараза больше ни в чем до конца жизни не усомнится. А исключительно ради драматического эффекта. Я надеялся, что услышав от меня: «Мне срочно нужна твоя помощь, потому что я собираюсь на ночь глядя выгнать из дома своих жен», – Шурф удивится совершенно как в старые добрые времена, когда я был единственным человеком, способным поколебать его невозмутимость, иногда несколько раз на дню.

Но в ответ услышал: «А, значит девчонки уже до тебя добрались. Ну отлично, Сотофа будет рада».

И только.

«Но вообще ты делаешь мне царский подарок, – неожиданно добавил он. – Если я скажу леди Сотофе, что полночи занимался делами ее учениц, она не пошлет меня подальше, когда я попрошу ее взять на себя часть моих хлопот. Тех, что с утра пораньше. И тогда...»

«И тогда – что? – заинтересовался я. – Ты сможешь лишний раз прогуляться на Темную Сторону? Или устроишь марафон по всем притонам Куманского Халифата? Или предашься самому низменному из своих пороков и засядешь в библиотеке?»

«Да, все это было бы неплохо. Причем именно в описанной тобой последовательности. Но сегодня я, пожалуй, просто посплю».

«Какой ужас, – искренне сказал я. – До чего тебя довели».

«Да не то чтобы совсем ужас. Бывали в моей жизни и более трудные времена».

«Когда ты не спал десять лет кряду?»

«На самом деле всего два года. Даже чуть меньше. Но да, пример подходящий».

Я даже не нашелся, что ответить.

И только полчаса спустя, после того как Хейлах и Хелви, ошарашенные ритуальными воплями: «Убирайтесь из моего шатра, верните мои одеяла, забудьте навек, какого цвета мои штаны», – умчались делиться радостной вестью с леди Сотофой, а сэр Шурф блаженно развалился в кресле, я наконец сказал:

– По-моему, тебя надо спасать.

– От чего это, интересно?

– От переутомления.

– А, – зевнул он, – это да, неплохо бы. Спасибо, сэр Макс. На сегодняшний день ты единственный человек в Море, в чью голову пришла столь блестящая идея. Досадно, что при этом ты не входишь в число людей, от которых зависит мой рабочий график.

– А что нужно сделать, чтобы оказаться одним из них? – деловито спросил я. – Государственный переворот?

– Вовсе не обязательно доходить до таких крайностей. Достаточно подать прошение о вступлении в Орден Семилистника. Я его милостиво одобрю, не сомневайся. Быстрый карьерный рост тебе обеспечен. А вместе с ним – уникальная возможность взять на себя добрую половину моих дел.

Шутки шутками, но лицо его приобрело выражение столь мечтательное, что я всерьез перепугался. Искренняя готовность если понадобится умереть ради ближайшего друга вовсе не тождественна желанию как следует вместо него поработать. По крайней мере, в моем случае.

– Впрочем, забудь, – вздохнул Шурф. – Нет никакого смысла тебя мучить. Даже если мне удастся выкинуть из расписания добрую половину дел, это ничего не изменит.

– Их настолько много?!

– Скажем так, достаточно. При этом следует принять во внимание, что помимо дел существует библиотека Семилистника. Лучшее собрание книг в Соединенном Королевстве и, возможно, во всем Море, хотя некоторые сведения о легендарной Небесной библиотеке Шиншийских Халифов делают это предположение спорным. Долгое время постоянный беспрепятственный доступ в библиотеку Иафаха казался мне неосуществимой мечтой; теперь же у меня есть полная свобода действий и тридцать с небольшим лет, чтобы ознакомиться со всем ее содержимым. Это только кажется огромным сроком, а на самом деле даже при моих темпах не так уж много – если учесть, что интересующие меня тексты обычно оказываются довольно сложны для понимания и требуют не только беглого конспектирования, но и длительного обдумывания.

– Понятно. Ладно, по крайней мере, ты умрешь счастливым. И довольно молодым, – мрачно резюмировал я.

– Это не входит в мои планы, – усмехнулся сэр Шурф. – Глупо было бы гнаться за новыми знаниями и при этом разрушать тело, которое необходимо для их накопления, обработки и практического применения. Из

всей совокупности как общечеловеческого, так и моего персонального опыта следует, что ценность знаний, почерпнутых из книг, наиболее высока именно при жизни читателя. Поэтому я, разумеется, сплю. Хотя бы раз в несколько дней. Вполне достаточно, чтобы не нанести серьезный ущерб здоровью. Но несколько меньше, чем требуется для комфортного существования, это правда. Поэтому иногда я, можно сказать, срываюсь. И позволяю себе спать так долго, насколько это вообще возможно в моем положении. Поскольку все равно больше ни на что не гожусь. Сегодня как раз такой день. Тебе не повезло; мне, впрочем, тоже. Пренебречь возможностью провести с тобой несколько часов почти так же досадно, как отказаться от полноценного рабочего вечера в библиотеке. Но тут уж ничего не поделаешь, иногда тело требует соблюдения своих интересов и отказывается идти на компромисс.

И снова зевнул – видимо, в качестве наглядной иллюстрации. А потом добавил:

– Именно поэтому я сожалею о твоём возвращении. Оно совсем не в моих интересах. Пока ты жил в другом мире, и я мог наносить визиты...

И тут меня осенило.

– Так, стоп, – сказал я. – Вот же он, выход. Визиты! Никто не мешает тебе и дальше их наносить. Не мне, так Франку. Он всегда тебе рад, сам знаешь. И самое главное: при «Кофейной гуще» по-прежнему есть спальни для гостей. Помнишь, ты как-то спрашивал о количестве комнат в доме? И Франк ответил: «Столько, сколько необходимо в данный момент и еще одна про запас».

– И что из этого следует? – флегматично спросил сэр Шурф.

И этот человек считался самым светлым умом – если не за всю историю Соединенного Королевства, то уж по крайней мере в своем поколении. Вот до чего доводит бессонница.

Но я не сдался.

– Из этого следует то, что тебе по-прежнему есть где выспаться. В любой момент! На максимально безопасном расстоянии от каждодневных дел и соблазнительных книг. Сам же говорил, что научился контролировать время возвращения из путешествий между Мирами. Вот этому умению я люто завидую! Сколько бы там ни шлялся, а все равно вернешься через полчаса или даже раньше. По-моему, отличный вариант. Даже удивительно, что ты сам не сообразил.

Он поглядел на меня с нескрываемым интересом.

– Думаешь, я могу вот так запросто заявиться в «Кофейную гущу»?

– Ну а почему нет?

– Раньше я был твоим гостем, а теперь этот номер не пройдет. Ты уже не там, и вряд ли твое отсутствие до сих пор не заметили.

– Не выдумывай. В самом начале я действительно был нужен, чтобы написать приглашение, которое проложило для тебя путь между Мирами. Один очень конкретный маршрут. Но потом-то ты уже сам приходил, без всяких приглашений. И уходил, когда пожелаешь. И не раз бывало, что я в это время где-то шлялся и узнавал о твоих визитах уже задним числом. И вроде никто тебя метлой за порог не гнал, отлично вы все там спелись... И кстати, сами по себе путешествия между Мирами – дело, требующее постоянных тренировок. После долгого перерыва начинать чуть ли не труднее, чем совсем с нуля, по себе знаю. Так что все сходится! В смысле, тебе надо продолжать навещать старых друзей. Это решит все проблемы сразу.

– А знаешь, очень может быть, – удивленно согласился сэр Шурф.

И зевнул так душераздирающе, что я счел за благо немедленно выставить его из дома. Разумеется, с воплями: «Забудь навек, какого цвета мои штаны!» – совершенно невозможно было удержаться.

– У тебя их вообще-то нет, – укоризненно сказал мой друг. – Но если хочешь, я могу забыть цвет твоего лоохи. Или скабы. На выбор.

– Лучше забудь, что ты самый выносливый человек на свете, – проворчал я ему вслед. – И дорогу в свою драгоценную библиотеку заодно, хотя бы на сегодняшний вечер.

– Никому кроме тебя в голову не приходит, будто я нуждаюсь в опеке, – укоризненно сказал он. – Даже леди Сотофа считает, что я сам как-нибудь разберусь со своим режимом дня. И вообще со всем на свете.

– Она же всемогущая, – отмахнулся я. – А значит, может все, в том числе ошибаться.

– А ты нет?

– Куда мне. Я-то пока не всемогущий. В том и штука.

Переспорить засыпающего на ходу человека всякий дурак может. Но я все равно был доволен, в кои-то веки оставив последнее слово за собой. И убежал в ночь дарить счастье людям. То есть вламываться в гостиные друзей с воплями: «Верните мои одеяла, забудьте навек, какого цвета мои штаны!» Благо обрести благодарных слушателей мне в ту пору было легче легкого. Все-таки по мне здорово соскучились и были готовы терпеть все мои дурацкие выходки, по крайней мере, на первых порах.

Это, как теперь получается, довольно важно – что я тогда шлялся по городу, а не сидел взаперти. Потому что именно в ту ночь впервые увидел,

как небо над Ехо окрасилось в ярко-желтый цвет. Ненадолго, минут на пять, не больше. А потом всего на несколько секунд полыхнуло зеленым и тут же снова потемнело, как положено всякому уважающему себя ночному небу. Как будто и не было ничего.

«Небо видел?» – раздался в моем сознании голос Джуффина.

«Видел», – ответил я.

«И что думаешь по этому поводу?»

«Что было красиво. Особенно когда позеленело. А разве это какое-то особенное событие? Мне рассказывали, в Смутные Времена у вас так многие развлекались».

«Да не то чтобы многие. Специально обученные этому мастера. Ордена ими очень гордились. У ребят, насколько я знаю, даже никаких иных обязанностей не было. Раскрасил небо в Орденские цвета на целых пять минут – вот и молодец, день прожит не зря. Потому что это действительно довольно трудно. Восемьдесят седьмая ступень Черной Магии. Плюс семьдесят первая Белой. Плюс еще некоторые технические сложности. Сам можешь вообразить насколько непросто удерживать внимание на всем обозримом пространстве неба одновременно, не отвлекаясь при этом ни на что».

«А может быть, это мои девчонки решили отпраздновать вступление в Орден? – предположил я. – В компании леди Сотофы, которая на радостях научила их новому фокусу. И, скажем так, немножко помогла. Я бы совсем не удивился!»

«А я бы удивился, – упрямо сказал Джуффин. – Впрочем, ты прав, с Сотофой действительно следует поговорить. И не только с ней».

Он распрощался, а я пошел дальше, обдумывая происшествие с небом. Вернее, развлекаясь подбором кандидатур гипотетических виновников и сочинением диковинных причин, побудивших их к столь эксцентричному поступку. В моем воображении величайшие колдуны древности и ссыльные мятежные Магистры буквально толпами прибывали в столицу Соединенного Королевства, где тут же начинали выступать с фокусами на рынках, утешать ревущих младенцев, ухлестывать за впечатлительными студентками и открывать платные курсы колдовства под девизом: «Овладение секретами Очевидной Магии за три дня».

Все это, впрочем, вылетело из моей головы сразу после того, как мне удалось убедить леди Меламори, что ей не следует вероломно оставлять меня одного в опустевшем доме, по коридорам которого, к тому же, бродят хищники. Вряд ли голодные, но в сытом состоянии мои кошки, честно

говоря, гораздо опасней. Потому что наевшись, они желают играть, и поди угадай, в какой момент и откуда тебе на голову свалится счастливый и дружелюбный мохнатый зверь весом хорошо если не больше пуда.

Для Меламори этот аргумент оказался решающим. Она сразу согласилась, что быть раздавленным собственным перекормленным котом – финал совершенно в моем стиле, идеальная гибель героя, бесстрашного и практически неистребимого, как кухонный таракан.

Поэтому от Армстронга и Эллы она меня в ту ночь милосердно спасла. Немудрено, что о разноцветном небе я не вспомнил даже наутро. То есть в полдень, когда пришло время идти пить камру с бывшими и одновременно будущими коллегами. И дразнить их своей довольной физиономией отлично выпавшегося бездельника.

Они, впрочем, тоже не особо надрывались на службе. После принятия поправок к Кодексу Хрембера в Ехо внезапно наступили очень спокойные времена, хотя поначалу многие предсказывали обратное, и даже у Джуффина, по его признанию, возникали порой подобные сомнения.

Однако когда сошли на нет неизбежные волнения, сопутствующие любым переменам, оказалось, что расчет был верен: чем меньше запретов, тем ниже уровень преступности. Люди умеют распоряжаться свободой куда лучше, чем обычно думают законодатели. Большинству она вообще нужна скорее для сохранения чувства собственного достоинства, чем для каких-то активных действий. Пока Кодекс Хрембера запрещал использование даже совсем невысоких ступеней Очевидной Магии, желающих нарушить закон было куда больше, чем мест в Королевской тюрьме Холоми, предназначенной для преступивших закон колдунов. И знали бы жители Ехо, как крупно им повезло с шефом Тайного Сыска, который хоть и слыл безжалостным людоедом, но в большинстве случаев предпочитал обходиться штрафами, а то и просто словесными предупреждениями. И наотрез отказывался вчетверо увеличить число тюремных камер за счет соответствующего уменьшения их площади, как не раз предлагал экономный Великий Магистр Нуфлин Мони Мах, счастливо живущий теперь в городе мертвых Харумбе. И надеюсь, еще не настолько доставший соседей и хранителей города, чтобы они решили вернуть это сокровище обратно. То есть, нам.

Но речь сейчас не о Нуфлине. А о жителях столицы Соединенного Королевства, которые, получив официальное разрешение на использование магии до шестидесятой ступени, с удовольствием ограничиваются двадцатой – тридцатой. Потому что больше в повседневной жизни и правда

не нужно. Да и доступно далеко не каждому. Зато Тайный Сыск раз и навсегда избавился от необходимости ловить студентов-экспериментаторов и прочих стихийных бунтарей. А мелкие жулики, использующие Очевидную Магию ради наживы, перешли теперь в ведение Городской полиции. На нашу долю остались только исключительные злодеи, хтонические чудища, незванные гости из иных миров и прочие подарки природы, которые, к счастью, обнаруживаются далеко не каждый день.

Поэтому моя довольная отдохнувшая рожа не приводила в бешенство лучших друзей. У самих были примерно такие же.

Так или иначе, но о вчерашнем происшествии с небом я благополучно забыл. И вспомнил только поздно вечером, когда меня настиг зов Джуффина.

«Ты сейчас дома?» – спросил он.

«Если грандиозный памятник архитектуры, в коридорах которого я до сих пор с трудом ориентируюсь, может считаться моим домом, то да», – согласился я.

«Отлично. А велики ли твои шансы быстро отыскать путь в гостиную?»

«Зависит от мотивации. Если очень припечет, найду».

«У тебя в гостиной сейчас очень хорошо, – сказал Джуффин. – Причем сразу по многим причинам. Например, на столе стоит кувшин горячей камры из «Обжоры». А в одном из кресел сижу я. Чем не мотивация?»

«Ого!»

– Ого! – повторил я уже вслух, входя в гостиную. Эти восклицания разделяла всего-то пара-тройка секунд. И даже не потому, что мотивация действительно была хороша, просто так уж счастливо совпало, что зов Джуффина застал меня практически на пороге.

– Это еще не «ого», – усмехнулся он. – «Ого» у нас с тобой нынче за окном. Выгляни и посмотри на небо. Если, конечно, это усилие не кажется тебе чрезмерным.

Я выглянул и обрадовался.

– Надо же, оранжевое! А вчера было желтое и зеленое. Ну слушай, ни хрена себе кто-то развлекается! Ты говорил, восемьдесят седьмая ступень Черной Магии? И еще какая-то Белой?

– Белой – семьдесят первая, – любезно подсказал Джуффин.

– Но так даже проще, да? Все умельцы не просто наперечет, ты их небось в лицо знаешь.

– Знаю, – согласился Джуффин. – И в лицо, и биографии, включая послужные списки кавалеров их прабабушек и нынешние адреса. Штука, однако, в том, что прямо сейчас в городе никто не колдует. И вчера вечером тоже никто не колдовал. Вернее, этим занимается куча народу, но все – по мелочи, не о чем говорить. Даже в Иафахе ничего особенного не происходит. Ну что ты так недоверчиво смотришь? Разумеется, я всегда знаю, колдуют ли в столице. Не детально, конечно, но общую картину вполне представляю. Мой организм очень чуток к проявлениям Очевидной Магии. Я сам его сознательно до этого довел. Когда в Ехо кто-то серьезно колдует, я заснуть не могу, так меня трясет. Довольно неудобно, но при моей профессии иначе нельзя: надо постоянно держать ситуацию под контролем.

– Точно, ты когда-то уже говорил, – вспомнил я. – Странно, но именно по этому пункту я тебе как-то не очень поверил. Наверное, потому, что сам не хотел бы всякий раз подпрыгивать из-за чужого колдовства. И мне было спокойнее думать, что это просто одна из традиционных баек для новобранцев. А на самом деле ни фи́га тебя от чужой магии не трясет. И со мной, значит, никогда ничего подобного не случится, можно не бояться.

– Ты себя недооцениваешь, – усмехнулся Джуффин.

Я не стал уточнять, что он имеет в виду. Вместо этого спросил:

– Так получается, у нас концы с концами не сходятся? Для изменения цвета неба нужна магия больших ступеней, при этом никто в городе не колдует, а небо все равно оранжевое.

– Получается, не сходятся! – жизнерадостно подтвердил Джуффин. – Все, как мы любим.

– А кстати, оно над всем городом оранжевое? Или только из моего окна?

– Вот это правильный вопрос, я его ждал. И заранее позаботился об ответе. Не знаю, над всем ли, но над моим домом на Левом берегу небо определенно оранжевое. И над Иафахом тоже, и над замком Рулх. И над домом Нумминориха в Новом Городе, и над улицей Трех Синих Дверей, по свидетельству Кофы, который сейчас там прогуливается. И еще над доброй дюжиной разных мест. Зато, скажем, над усадьбой сэра Манги Мелифаро оно совершенно обычное. Ясное и звездное. Из чего, скорее всего, вытекает, что вся эта красота – только для горожан, деревенским жителям ее не досталось. Хотя для полной уверенности следовало бы опросить побольше народу. Но я пока не успел.

– И сколько это продолжается?

– По крайней мере, я заметил перемену примерно четверть часа назад.

– Ясно. Получается, гораздо дольше, чем вчера. Слушай, а может быть, что это навсегда?

– Теоретически возможно вообще все что угодно. Но на практике небо уже понемножку темнеет. Устал наш неизвестный мастер.

– Похоже на то.

Некоторое время мы молча смотрели в окно. Оранжевый постепенно становился кирпичным, потом бурым, темнел, пока не сделался обычным свинцово-чернильным цветом пасмурного ночного неба. Представление закончилось.

– Ну и что это вообще было? – озадаченно спросил я.

– Понятия не имею. Но подозреваю, это происшествие скорее по твоему ведомству, чем по моему.

Джуффин выглядел ужасно довольным.

– А что, у меня уже есть какое-то ведомство? – вскинулся я.

Он вздохнул.

– Сэр Макс, кончай притворяться одушевленной табуреткой. У тебя отлично выходит, вот что значит правильно выбрать амплуа. Но я совершенно точно знаю, что к твоему туловищу приделана совсем неплохая голова. Все ты прекрасно понимаешь.

Ну... да.

– Чудеса без Очевидной Магии? – спросил я. – Верный признак того, что за дело взялся человек, которому мы снимся?

– Рад, что ты все-таки запомнил тот наш разговор. Ты тогда был такой сонный и обалдевший от всего сразу, что я опасался, не придется ли рассказывать заново.

– Сонный и обалдевший – идеальное состояние для разговоров о спящих. И, надо думать, тоже обалдевших от всего, что им приснилось.

– Именно, – подтвердил Джуффин. И помолчав, добавил: – Прости меня, сэр Макс. Но сейчас я вынужден сказать ту самую ужасную вещь, которую ты каждый день боялся от меня услышать. По-моему, тебе пора приступать к работе. Причем учти, это даже не мое решение.

– А чье? – мрачно спросил я.

– Неизвестного автора. Того, кто так здорово разукрасил наше небо. Нам от его художеств никакого вреда, одно только удовольствие. По крайней мере, пока. А вот для него каждый день на счету. Впрочем, это я тебе уже объяснял.

– Ну и как, по-твоему, я буду его искать?

– Понятия не имею, – мечтательно улыбнулся Джуффин. – Собственно, это и есть самое интересное.

Иногда мне очень хочется стукнуть его чем-нибудь тяжелым. Но это совершенно бессмысленное действие. Поэтому мой рациональный ум протестует и не дает мне даже попытаться. Вот и на сей раз я только нахмурился, отвернулся, помолчал, подумал и сказал:

– Но учти, по утрам я никаких сновидцев искать не буду, хоть убивай. Мое слово твердо.

– Ладно, – легко согласился Джуффин. – Можешь искать после полудня. И начни, пожалуйста, с меня. Понимаю, это будет непросто, но я дам тебе подсказку: в полдень я обычно сижу в одном красивом доме, построенном незадолго до окончания правления династии Клакков неподалеку от Большого Королевского Моста...

Я невольно улыбнулся.

– Почему-то думал, что Дом у Моста построили еще при Халле Махуне Мохнатом, когда и города-то считай не было. У него такой важный вид, словно он был вообще всегда.

– Надо же, угадал, – фыркнул Джуффин. – У тебя настоящий талант к сыскному делу. Всегда это подозревал. Большая удача заполучить такого ценного сотрудника!

– Ты вообще везучий, – вздохнул я.

– Ты тоже, – очень серьезно сказал он.

И был, разумеется, прав. Как всегда.

Оставшись в одиночестве, я поставил жирный крест на своей вольной жизни празднующегося бездельника. И горевал по ней очень долго, минуты полторы, а может быть даже две. Сложно следить за временем, когда целиком погружен в бесконечную скорбь. А устав страдать, я разогрел остатки принесенной Джуффином камры и выпил ее, чокнувшись с собственным отражением в зеркале. У этого мерзавца, надо сказать, была чрезвычайно довольная рожа. В отличие от меня он уже сообразил, что для нас начинаются интересные времена. При этом право не подсакивать на рассвете мы выторговали заранее – о чем еще и мечтать?

Он меня убедил.

Самое разумное, что можно было сделать в сложившейся ситуации – устроить вечеринку по случаю окончания каникул. Беда в том, что вечеринка у меня сегодня уже была, и гости благополучно разъехались незадолго до появления Джуффина. Вряд ли идея собраться снова показалась бы им удачной. А Меламори, которая обычно готова ко всему хоть сколько-нибудь отличному от ровного течения жизни, нынче осталась ночевать в Мохнатом Доме только потому, что у нее не было сил

добираться до собственной квартиры. Попросила запереть ее в самой дальней спальне, а ключ выбросить в Хурон. Ее можно понять, устать от меня довольно легко – как, впрочем, от всякого человека, который становится особенно весел, бодр и общителен ближе к полуночи.

Но совесть у меня все-таки есть. И инстинкт самосохранения тоже. Поэтому я не стал будить Меламори и провел остаток ночи в кабинете, заваленном подшивками старых газет, скопившихся за годы моего отсутствия, и книгами, которых в доме обнаружилось неожиданно много. Интересным мне в ту пору казалось вообще все, что попадалось на глаза, остановиться на чем-то одном было решительно невозможно. В итоге я читал все сразу, перебегая глазами от одной открытой книги к другой, от позапрошлогоднего «Королевского голоса» к «Суете Ехо» шестилетней давности, и в голове у меня закипала восхитительная каша из Королевских указов, криминальных происшествий, моряцких баек, философских рассуждений о методах познания, отчетов о городских праздниках, имен иностранных посланников, житейских премудростей хранителя Королевских гобеленов, сравнительных характеристик музыкальных инструментов разных континентов, сатирических заметок о современной моде и списков кораблей, прибывших в порт в восемнадцатый день давным-давно минувшего лета.

В общем, у меня была по-настоящему бурная ночь, как и положено накануне утраты свободы. И поутру я еле заставил себя подняться – всего за полчаса до полудня, но по ощущениям, в рань несусветную. Будь моя воля, спал бы еще и спал, до вечера, до конца года, всегда.

Поэтому в Дом у Моста я явился, во-первых, хмурым, во-вторых, изрядно помятым, в-третьих, небритым, в-четвертых, голодным, в-пятых, запыхавшимся от быстрой ходьбы, в-шестых, на четверть часа позже, чем обещал.

Сразу видно, что человек уже на службе, а не просто ради удовольствия к друзьям заглянул.

Но мне все равно обрадовались. Особенно Джуффин, по случаю моего долгожданного трудоустройства собравший в своем кабинете всех сотрудников, включая Луукфи Пэнца, который обычно сидит в Большом Архиве, кормит орехами буривухов и крайне редко вникает в наши дела. Он даже моему возвращению не особо удивлялся: «Сэр Макс, как же вы здорово загорели», – вот и все, что сказал. Я при этом был бледен, как простуженное привидение, сидящее на строгой диете, но, зная Луукфи, не удивился: он такой рассеянный, что вполне мог разговаривать с каким-

нибудь будущим мной, который лет двадцать пять спустя вернется из отпуска в теплом Ташере – например.

Судя по тому, что в течение последних десяти минут шеф раз триста присылал мне зов, вежливо осведомляясь, не забыл ли я дорогу, он начал подозревать, что я обрел приют в трюме первого попавшегося корабля и в данный момент счастливо удаляюсь от улицы Медных Горшков со скоростью две дюжины узлов в час. Или три. На самом деле я понятия не имею, сколько этих самых узлов положено делать всякому уважающему себя судну, но когда это подобное невежество мешало качественно спрятаться в трюме?

В общем, ясно, почему Джуффин с таким энтузиазмом меня приветствовал. Я бы на его месте и сам ликовал.

– Моя жизнь закончилась, – мрачно объявил я с порога. Насладился немой сценой, рухнул в кресло, отхлебнул камры из чьей-то стоявшей поблизости кружки и объяснил: – Потому что началась работа. А вы что подумали?

– Что ты умер прошлой ночью, – невозмутимо ответила Меламори. – Но потом тебе стало скучно валяться мертвым, и ты пришел нам об этом сообщить. И проверить, достаточно ли горько мы будем рыдать. А что, имеешь полное право.

Ну кстати, да.

– Хочешь сказать, ты снова будешь дежурить по ночам? – восхищенно спросил Мелифаро. – Как ни в чем не бывало? В этой своей дурацкой Мантии Смерти до земли? И я смогу приводить сюда знакомых, желающих посмотреть на самого нелепо одетого человека в столице? И брать с них деньги за такое удовольствие? Вот здорово!

– Да, было бы неплохо, – согласился я. – Но нет. Никаких ночных дежурств. У меня другие планы.

– Ну и какой ты после этого Ночной Кошмар? – огорчился Мелифаро.

Мы с Джуффином переглянулись, пытаюсь понять, кто рассмеется первым. Он победил. Ну или проиграл, это как посмотреть. Короче говоря, заржал. И я тоже – секунду спустя.

– Надо же, угадал!

– Угадал – что? – изумился Мелифаро.

– Именно этим я и собираюсь заняться, – объяснил я. – Стану самым настоящим ночным кошмаром. И мой зловещий хохот будет теперь каждую ночь раздаваться над городом.

– Вы учтите, я же все это запоминаю, – внезапно сказал Куруш, о котором мы забыли, поскольку до сих пор он мирно дремал на шкафу. –

Причем сам догадываюсь, что не следовало бы. Но приходится.

– Ничего, – утешил его Джуффин. – Правильно делаешь, что запоминаешь. Все же исторический момент. Сэр Макс возвращается на службу в совершенно новом качестве. Ночного Кошмара, как уже было сказано. А что мы устроили по этому поводу балаган – ну, прости. Впрочем, мы его по любому поводу устраиваем, тебе не привыкать.

– Это правда, – согласилась мудрая птица. – Ладно, я запомню, что «ночной кошмар» – это больше не шутка.

– Это какой-то слишком сложный ребус, – сердито сказал Мелифаро. – Или просто настолько дурацкая глупость, что мой аналитический аппарат отключился, не желая принимать участия в ее обдумывании?

– Включи его обратно, – посоветовал я. – А потом просто сложи два и два. В крайнем случае, извлеки из их суммы квадратный корень. Или не квадратный. Какой хочешь, такой и извлекай, ни в чем себе не отказывай. У тебя достаточно данных, чтобы найти правильный ответ, вот что я хочу сказать.

Он одарил меня озадаченным взглядом и умолк надолго. Секунды на три, а такого результата добиться нелегко. Наконец растерянно сказал:

– До сих пор я думал, что от того, что толпы психов из иных миров вдруг стали видеть нас во сне, а мы их – на улицах, в нелепых пижамах, нет никакого вреда. А напротив, неплохое развлечение. Эти красавцы не устают радовать меня разнообразием своего гардероба. Что такого ужасного сделали эти бедняги, чтобы спускаться на них тебя?

– Абсолютно ничего, – сказал я. – Я просто так буду их мучить. Видишь ли, в Море должно быть место чистому, беспричинному, ничем не оправданному злу – просто для равновесия. А то как-то больно хорошо все в последнее время живете. И мы с начальством, посоветовавшись, решили, что этим злом стану я. По крайней мере, я – знакомое зло. И ловить меня долго не надо, адрес известен всем. Идеальный вариант.

Ужас в том, что Мелифаро, похоже, поверил. Хочешь узнать, что о тебе думают лучшие друзья, – хорошенько оклеветай себя в их присутствии. И наблюдай потом, как на их доверчивых лицах отчетливо проступает выражение: «Ну вот, я так и знал!»

– Про знакомое зло смешно получилось, – неожиданно сказала леди Кекки Туотли. – А еще смешнее, что я сразу подумала: «По крайней мере, его нам искать не придется», – и ты тут же сам это сказал. Ясно, конечно, что ты издеваешься. Но лучше бы все-таки просто объяснил человеческим языком, где заканчивается шутка и начинается информация. Или наоборот. Вроде бы сперва так серьезно говорили. Про работу.

– Спасибо, друг, – улыбнулся я. – Всегда знал, что у тебя светлая голова. Всем бы такие раздать! Особенно некоторым. Как можно верить настолько глупым розыгрышам?

– Да запросто. Просто от тебя можно ожидать вообще чего угодно, – объяснила Кекки. – И от Мира, честно говоря, тоже. После нескольких лет работы в Тайном Сыске я начала понимать, до какой степени ничего не знаю о фундаментальных законах бытия, которым, хотим мы того или нет, подчинена вся наша жизнь. И с годами это понимание только крепнет. Вдруг для равновесия Мира и правда необходимо творить сколько-то зла? И без этого все рухнет? Вот совершенно не удивилась бы. И вы с сэром Джуфффином придумали самый мягкий вариант – чтобы никого не убивать и даже особо не мучить. Просто пугать во сне. Подумаешь – сон. Проснулся, забыл, жизнь продолжается.

– Вот именно, – согласился я. – Важно, чтобы она действительно продолжалась, для всех. А сэр Джуфффин говорит, что некоторые люди, увидев во сне таких прекрасных нас, больше не могут проснуться дома. И лежат там смирно под одеялами, пока не помрут. Человеческое тело не может спать бесконечно долго, хотя по утрам мне обычно кажется обратное.

– Сейчас-то ты не шутишь? – без особой надежды спросил Мелифаро.

Я адресовал Джуфффину пламенный взор – дескать, будь человеком, подтверди. А еще лучше, объясни им все сам. Потому что моих скромных способностей пока хватает только на зубоскальство, да и то не сказать, чтобы шибко качественное. Отвык я на совещаниях выступать.

Ну и Джуфффин не подвел. Добрых полчаса рассказывал своим сотрудникам о бедственном положении некоторых гениальных сновидцев и почти полной невозможности хоть как-то отличить их от нормальных людей. И что мы пока не знаем, как их будить, но делать это все равно необходимо, потому что сидеть, сложа руки, лично он не привык и нам не позволит.

Я, пока его слушал, чуть не зарыдал, снова ощутив себя беспомощным барахлом, которое понятия не имеет, как осуществить возложенную на него миссию. Не знает даже, с чего начинать. Разве только камры выпить. Беспроигрышный вариант, и вреда от него точно никакого. В отличие от любых других моих действий.

Когда мне протянули сразу шесть кружек, я понял, что сказал все это вслух.

– Тебе не позавидуешь. Найди не знаю кого, сделай с ним непонятно что, вдруг случайно от чего-нибудь спасешь, – сказал сэр Кофа, выразив

таким образом общее отношение к ситуации.

– Да ну, – отмахнулся Джуффин. – Попомните мои слова, сэр Макс еще до конца года будет нам тут объяснять, что на самом деле все оказалось очень просто, даже непонятно, зачем было отвлекать его от вдумчивых прогулок по крышам и жарких ночей в обнимку с подшивками старых газет. Хотите пари?

Кофа задумался. Наконец неохотно сказал:

– Не хочу. Вынужден признать, что вы оказываетесь правы несколько чаще, чем допускает мой здравый смысл.

– Я хочу пари! – завопил я. – Ставлю сто корон – да хоть тысячу! – что в последний день года я буду таким же растерянным болваном, как сейчас.

– Договорились, – невозмутимо кивнул Джуффин. – Сто корон – хорошая ставка. Тысяча – это был бы грабеж среди бела дня. У меня, конечно, нет совести, но ее отсутствие отлично компенсирует чувство меры. Надеюсь, ты не станешь мухлевать?

– Больше всего на свете я хочу продуть эти сто корон, – вздохнул я. – Они уже жгут мне карман – несмотря на то, что его у меня нет. Эта ваша новая мода в могилу меня сведет. Что выгладим мы все в этих коротких лоохи как полные придурки – еще полбеды. Но карманы! Карманы зачем было отменять?

– Карманы портят линию силуэта, – объяснил Мелифаро. – Особенно когда набиты всякой ерундой. Поскольку невозможно законодательно запретить людям таскать в карманах добрую половину имущества, нажитого непосильным трудом нескольких поколений семьи, модельеры решили шить одежду вовсе без них. Можешь считать меня личным врагом, но я одобряю такое решение. На прохожих стало гораздо приятней смотреть. А кошелек и прочее барахло могут, если что, сами идти за тобой. Или лететь. Или просто появляться у тебя в руках по первому же зову. Зачем было отменять запреты на магию, если все лентяи колдовать? Вот тебе еще один аргумент в пользу отсутствия карманов.

Я не зарычал. Но только потому, что пил камру, а она сегодня как-то особенно удалась.

– Забавно, что когда ты сердишься, ты начинаешь иначе пахнуть, – заметил Нумминорих. – У других людей, по моим наблюдениям, настроение совершенно не влияет на запах.

– О! – сказал я. И одарил Нумминориха просветленным взглядом.

То есть, если называть вещи своими именами, вытаращился на него, как кот на новую игрушку.

Не потому, что меня заинтересовала информация о собственном

запахе. Я вообще стараюсь поменьше думать о своем непростом устройстве. Ну его к черту. Мне с собой еще наедине в темных комнатах оставаться.

Штука в том, что до меня вдруг дошло, что можно попробовать использовать чудесный нос Нумминориха в своих корыстных целях. Если уж он мое настроение способен унюхать, то...

Совершенно верно.

Это следовало проверить. Немедленно.

– Слушай, – сказал я, – вот ты-то мне, похоже, и нужен. А ну-ка пошли.

– Куда? – хором спросили Нумминорих и Джуффин. В голосе первого звучал энтузиазм, в голосе второго искреннее возмущение. Но не начальственное, а почти детское – дескать, я правильно понял, что некоторые самые интересные разговоры будут теперь происходить без меня? И кто вы оба после этого?!

Все-таки сэр Джуффин Халли – самый любопытный человек в этом Мире. И если бы у него не было никаких иных достоинств, одного этого хватило бы, чтобы растопить мое сердце.

Но не прямо сейчас.

– На улицу, – выпалил я. И милосердно дал Джуффину подсказку: – Прогуляемся до ближайшего моста.

Он торжествующе улыбнулся, а вслух равнодушно сказал:

– Дело хозяйское. Но имейте в виду, я только что заказал несколько пирогов из «Обжоры». И, по моим сведениям, они уже в печи. Ладно, съедем их без вас. Справимся как-нибудь.

– Оставьте нам хоть пару черствых корочек, проглоты, – крикнул я уже с улицы, в распахнутое окно.

– Тогда гуляйте подольше, – посоветовал Мелифаро. – Потому что за полчаса ни одна корка не успеет зачерстветь.

– Ничего, поворожите, – ухмыльнулся я. – Зачем было отменять запреты на магию, если все ленятся колдовать?

И быстро-быстро пошел в сторону Большого Королевского Моста. Не каждый день удастся оставить за собой последнее слово.

Нумминорих не просто поспевал за мной, а давным-давно вырвался вперед. И теперь стоял в самом начале моста, всем своим видом спрашивая: «И чего теперь будет?»

Пришлось догонять.

– Такой вопрос, – сказал я. – Тебя кто-нибудь уже учил отличать

сновидцев от нормальных людей?

– А зачем этому как-то специально учить? – удивился Нумминорих. – Их же и так видно. Во-первых, по одежде...

– Отлично, – ухмыльнулся я. – Мои слова, один в один. Но Джуффин говорит, тряпки не катят. Некоторым умникам, видишь ли, снится, что они выглядят, как все вокруг.

– ...а во-вторых, они же пахнут не как люди, – закончил он. – Не совсем одинаково, но всегда чем-то абсолютно чужим. Такое ни с чем не перепутаешь. Вообще больше ни на что не похоже.

– Да?! Класс!

От избытка чувств я запрыгнул на перила моста и немного там потанцевал. Прохожие, впрочем, шли мимо, не обращая на меня никакого внимания. Привыкли уже, что на улице творится невесть что – младенцы колдуют, как старые Магистры, старые Магистры резвятся, как младенцы, и среди всего этого толпами бродят чужие сны. Что им какой-то мой танец на мосту, пусть даже очень дурацкий.

Впрочем, благодарная публика у меня все-таки была. В лице Нумминориха, который заинтересованно взирал снизу на мои прыжки.

– Штука в том, что именно об этом я и хотел тебя спросить, – объяснил я, немного успокоившись и спрыгнув вниз. – Как они пахнут – в смысле, спящие. Ужасно боялся, что вообще никак. Или просто окружающей средой – в трактире едой, у реки водой. Ну мало ли. А теперь получается, у нас есть хотя бы одна верная примета. Ну слушай! Так уже вполне можно жить. Можем идти обратно. Тем более там – наши пироги. Не отдадим их без боя.

– А ветер, смотри, почти как на Темной Стороне. Цветной, – вдруг сказал Нумминорих, когда мы подходили к Дому у Моста. – Не такой яркий, как там, но видно же, что вот тут, на уровне лица, идет зеленый поток. А выше – оранжевый. Это потому что ты рядом?

– Вот уж не знаю, – сказал я, недоверчиво приглядываясь к внезапно позеленевшему воздуху. – Да ну, вряд ли из-за меня. Мы же вчера с тобой вместе по городу ходили. И два дня назад. И раньше. И ничего.

– Вроде бы ничего. Но я все-таки больше тебя слушал, чем по сторонам смотрел.

– Нет, – подумав, сказал я. – Кто-нибудь обязательно заметил бы. Мы же долго шлялись. И я всю глазел по сторонам, мне так положено, я у нас пока почти турист, все в диковинку.

– По-моему, цвет становится ярче, – заметил Нумминорих.

– По-моему, тоже. С другой стороны, это же наверняка просто какой-нибудь очередной новомодный фокус, который мы с тобой пока не разучили. За нашими горожанами хрен угонишься, это я тебе говорю как бывший гений, а ныне главный тупица и двоечник в этом свихнувшемся городе. Придется утешаться пирогами, если, конечно, их еще не сожрали злые колдуны, которые почему-то считаются нашими коллегами.

Зря я беспокоился. С пирогами мы, можно сказать, столкнулись на пороге. Когда мы подошли к Управлению Полного Порядка, они как раз влетали в открытое окно Джуффинова кабинета, через которое я сам люблю туда проникать. Но на этот раз пришлось воспользоваться парадной дверью. Человек – царь природы и венец творения, негоже ему толкаться на входе с собственным обедом.

Когда мы вошли в кабинет, пироги уже смиренно лежали на столе, распространяя аромат столь дивный, что я не понимаю, как выжил Нумминорих с его обостренным нюхом. Но вопреки логике, традиции, законам природы и требованиям человеческого естества, пироги никто не пожирал. Вместо этого наши коллеги в полном составе толпились у окна. Причем Куруш восседал на тюрбане Джуффина, обеспечив себе таким образом идеальный обзор.

– Там что, еще один пирог? – спросил я. – Самый толстый и неуклюжий, не может влететь? Или просто стесняется, и вы его уговариваете?

Ответом мне было полное молчание, что, честно говоря, вообще ни в какие ворота. Пришлось подойти к окну и хорошенько всех растолкать, чтобы протиснуться вперед и собственными глазами увидеть заворотившее их зрелище.

Снаружи, однако, не происходило ничего особенного. По улице Медных Горшков медленно тащился какой-то амобилер, рыжая девчонка с торжествующим визгом гналась за гигантской розовой жабой в полосатых панталонах, зеленый ветер рвал побелевшие осенние листья с дерева вахари – господи, да на что тут смотреть?!

Я так и спросил.

– Так ветер же, – лаконично ответил Джуффин. – Вы сами только с улицы, неужели не обратили внимание?

– Еще как обратили. Просто я подумал, что это теперь нормально.

– Нормально. Но не очень, – ухмыльнулся Кофа.

– Это легче, чем перекрасить небо, – сказал Джуффин. – Но ненамного. И – угадай, что мне нравится больше всего?

– Опять никакой магии? – сообразил я.
– Никакой Очевидной Магии, по крайней мере.
– То есть нам просто мерещится? – деловито спросил Мелифаро.
– Можно сказать и так, – согласился Джуффин. – Но только потому, что сказать можно вообще все, что угодно. Не следует поддаваться ложному ощущению, будто слово «мерещится» хоть что-нибудь объясняет.
– Вы как хотите, а я буду жрать, – сказал я. – Тайный сыщик не должен быть голодным. По крайней мере, если он – я.
– Все-таки иногда в тебе просыпается здравый смысл, – одобрил меня Кофа. И тоже двинулся к столу.
– Иногда?! – возмутился я. – Да он вообще никогда глаз не смыкает! И поэтому уже порядком одурел от бессонницы, такая с ним беда.

К тому моменту, как с пирогами было покончено, за окном носилось уже несколько ярких цветных вихрей. К зеленому присоединились лиловый и васильково-синий, а их оранжевый братец спустился пониже, сообразив, что вперемешку дуть веселее. В связи с этим на улице Медных Горшков жизнерадостно резвилась добрая половина личного состава Городской Полиции. Выскочили в цветной ветер, как дети под летний дождь. Вертели головами, смеялись, хватались за голову, выкрикивали какие-то счастливые глупости, а один бородатый здоровяк крутился вокруг своей оси, задрал голову к небу, и блаженно улыбался, словно весь Мир был создан в подарок лично ему.

Ужасно люблю, когда взрослые люди себя так ведут.

– Надо же, как они обрадовались, – озадаченно сказала Меламори. – С чего бы? Ну, то есть красиво и вообще здорово, но не настолько же, чтобы так скакать... Или настолько? В этом вопросе я явно не эксперт.

– Думаешь, эти цветные ветры еще как-то дополнительно воздействуют на людей? – нахмурился Джуффин. – А знаешь, и правда надо бы проверить. Но мне туда соваться бессмысленно, меня чужими фокусами не проймешь. Сейчас это даже немного досадно, я бы тоже, пожалуй, попрыгал от счастья. Давно этого не делал.

– Я проверю! – вызвался Нумминорих. – Я пока не очень могущественный, на меня что угодно подействует.

– Ты себя недооцениваешь, – усмехнулся шеф. – Впрочем, и правда выйди. Может, унюхаешь там что-нибудь интересное.

– И я с ним. – Кофа встал из-за стола. – Если с этим ветром что-то не так, я сразу пойму.

– И я, – вскочил Мелифаро. – Не знаю, нужно ли это для дела, но я так

тут с вами засиделся, что мне любой повод размяться сойдет.

Они вышли, а мы снова дружно высунулись в окно, лично я – практически по пояс. Не то чтобы всерьез рассчитывал опьянеть от цветного ветра, но мало ли. Вдруг. Всегда надо быть готовым к неожиданному подарку.

– Ерунду я сказала, нет там никакого дополнительного воздействия, а то бы и мы уже этого веселья наглotalись, – наконец признала Меламори. – Просто чужая радость всегда кажется мне подозрительной. То есть не сама радость, а ее свободное выражение. Особенности воспитания. Меня же с детства учили скрывать свои чувства. Потом я подросла и, конечно, научилась открыто их демонстрировать – не то чтобы сильно хотелось, просто назло. Теперь я демонстрирую чувства даже несколько слишком открыто, как некоторые из вас сейчас наверняка подумали. Я и сама знаю, просто учтите, для меня закатить скандал на пустом месте – такое же достижение, как, скажем, для придворных Его Величества навыв лучезарно улыбаться на вечернем приеме, с утра похоронив половину своей семьи.

– Лично я учитываю это буквально с утра до вечера, – улыбнулся Джуффин. – И бесконечно уважаю тебя за каждое бранное слово, вылетевшее в не совсем подходящий момент. Конечно, ты права. Наши полицейские просто от души радуются редкому зрелищу. И правильно делают. Но вообще мне кажется, это не частный случай, а уже тенденция.

– Что – тенденция? – оживился я. – Вольница в Городской Полиции? Генерал Бубута умягчился сердцем, утратил прежний пыл, забыл три миллиона фирменных ругательств на сортирную тему и окончательно распустил своих ребят? И где, кстати, он сам? Почему не грозит отправить всех чистить сортиры? Я, между прочим, соскучился.

– Ну кстати, да, Бубута действительно вполне притих, – согласился Джуффин. – Я ему такого заместителя подсунил, рядом с которым кто угодно «умягчится сердцем». И практически перестанет появляться на службе, убедившись, что все распрекрасно делается само.

– А, частный детектив из Тулана? – вспомнил я. – В смысле, профессиональный подозреваемый. Меламори о нем рассказывала.

– Что значит – Меламори рассказывала? – удивился Джуффин. – Хочешь сказать, вы еще не знакомы? Ну ты даешь!

– Просто люблю, когда все случается само собой, – объяснил я. – Например, идешь по улице, на тебя из окна вываливается человек, в вас обоих стреляют какие-нибудь неприятные типы, но, конечно, промахиваются, когда это злодеи были меткими? Потом начинается погоня

с переодеваниями, сопровождаемая превращениями и интригами невиданной красоты, в результате которых через дюжину дней вы оба оказываетесь на необитаемом острове, куда прибыли, скрывшись в трюме попутной пиратской шикки. И тогда ты вежливо говоришь: «Кстати, если вдруг вам интересно, меня зовут Макс, очень приятно, вижу вас, как наяву». Вот как надо знакомиться, а не на пороге кабинета топтаться с официальным представлением, отрывая занятого человека от дел.

– Звучит отлично, – сказала Меламори. – Даже жаль, что мы с тобой уже знакомы. Я бы попробовала твой способ.

– Вы немного опоздали, ребята, – ухмыльнулся Джуффин. – В свое время я практически только так и знакомился. Но нынче времена уже не те. И вам с Трикки Лаем придется испробовать более традиционный вариант. Причем чем скорее, тем лучше. Коллег следует знать в лицо.

– Ладно, – вздохнул я. – В лицо так в лицо. Могло быть и хуже.

– Он отличный, – заверил меня Джуффин. – И кстати, именно благодаря Трикки мы сейчас лопаем пироги и глазеем в окно вместо того, чтобы, вывалив языки, носиться по городу за какими-нибудь грабителями и убийцами, которых вот уже полгода не могут поймать наши доблестные полицейские. Потому что теперь они могут практически все, как в старые добрые времена. Впрочем, речь сейчас не о том. Когда я говорил о тенденции, я имел в виду не поведение полицейских, а тот факт, что за последние годы общее настроение в городе изменилось. Неужели сам не заметил?

– Да вроде нет, – сказал я.

И тут же понял, что соврал. Еще как заметил. Просто, с моей точки зрения, в Ехо изменилось вообще все. И внешние перемены бросались в глаза гораздо больше, чем какое-то там «настроение». Хотя и дураку ясно, что оно важнее.

– Вот такого внезапного веселья на трезвую голову, – я махнул рукой в сторону счастливых полицейских, – на моей памяти действительно почти не случалось. А теперь каждый день что-нибудь подобное вижу, причем без всякого цветного ветра. Ходят вприпрыжку, напевают себе под нос, запросто знакомятся на улицах, устраивают то какие-то игры с вовлечением случайных прохожих, то танцы на площадях. Продавец в лавке может ни с того ни с сего прочесть покупателю стихи любимого поэта, а важные господа в дорогих лоохи вдруг останавливаются посреди квартала, чтобы поболтать с чужими детьми. Ты это имел в виду?

– Именно. Но не только. Я же, в отличие от тебя, еще и статистику городских происшествий знаю – просто по долгу службы. И вот что

интересно. В Ехо почти не стало так называемых «преступлений дурного настроения»: побоищ с увечьями, поджогов, погромов, роковых проклятий и импульсивных убийств. Из мести или корысти все еще иногда убивают, но просто под горячую руку – уже практически нет. Не то чтобы все внезапно заделались законопослушными гражданами: воруют, жульничают и шантажируют примерно как раньше. Зато по пьяному делу даже портовые нищие и университетские профессора особо не дерутся. Внезапно разрешенную магию применяют к месту и не к месту, но я, знаешь, даже не припомню, когда у нас в последний раз кто-нибудь превращал своего врага в маловразумительную пакость, или хотя бы насылал на ненавистного соседа многолетний понос. И при этом, ты совершенно прав, все больше народу пляшет на улицах – просто так, внезапно, от избытка хорошего настроения. Не раз видел, что взрослые гонятся друг за другом, как дети, повара высовываются из окон, чтобы угостить печеньем первого попавшегося незнакомца, а мои соседи, левобережные богачи, устраивают в своих роскошных садах пикники для всех желающих, о чем заранее объявляют в газетах.

– Ага, даже мой отец в конце лета какой-то благотворительный ужас с оркестром у себя устроил, – вставила Меламори. – Представляете? Корва, который официально принимает гостей хорошо если раз в год. Причем обычно эти так называемые «гости» – его родной брат с парой приятелей. Я было подумала, у меня похитили отца. И мать с ним за компанию, если уж она не сожрала его живьем за дикую выходку. А вместо них подсунули каких-то нелепых самозванцев. Съездила к ним, проверила – нет, вроде все нормально. По крайней мере, моим внешним видом, родом занятий, моделью амобилера, планами на ближайший день свободы от забот, литературными вкусами и неопределенным семейным положением они были недовольны, как самые настоящие. Хотя ворчать им явно было очень лень. Но Корва с Атиссой молодцы, умеют себя заставить, когда надо. Успокоили меня. Видимо, и правда, какое-то новое общегородское безумие, а родители у меня люди чуткие, всегда держат нос по ветру.

– Кстати, о безумии. Сходить с ума у нас тоже практически перестали, – сказал Джуффин. – Всего два случая за последние три года. Причем в текущем пока ни одного, а уже середина осени, пора бы хоть кому-нибудь чокнуться.

Я хотел было вставить, что в этом вопросе можно целиком положиться на меня, но не стал сбивать его с толку.

– И самоубийства тоже прекратились, – подсказала молчавшая до сих пор Кекки.

– Совершенно верно, – кивнул шеф.
– А что, раньше такое случалось? – изумился я.
– Не то чтобы часто, но бывало. Но за последние три года ни единой попытки.

– То есть, говоря простыми словами, люди в Ехо стали счастливее, чем раньше? – подытожил я.

– Ты очень храбрый, Макс, – серьезно сказала Меламори. – Я то же самое хотела спросить, но постеснялась. Очень уж наивная формулировка. Почти глупая. И я прикусила язык.

Тоже мне великая храбрость – глупости говорить.

Я, можно сказать, для того и на свет родился.

– Формулировка действительно не годится для заседания какого-нибудь ученого совета, – ухмыльнулся Джуффин. – И горе даже не в том, что она глупая. А в том, что она абсолютно точная. Все вот так сразу – хлоп! – и сказано. Не о чем больше сутками напролет спорить. Ни один ученый совет этого не вынесет. А я, как видите, ничего, устоял на ногах. Да, сэр Макс, люди в Ехо просто стали счастливее. Именно это и я пытался до всех вас донести.

– А с чего это вдруг?

Спросил и тут же сам сообразил.

– Магия, что ли, виновата? Все дело в том, что стали много колдовать?

– Именно, – подтвердил Джуффин. – У тебя нынче какая-то подозрительно светлая голова. Сперва Нумминориха на мост потащил сновидцев нюхать, теперь меня избавил от необходимости толочь воду в ступе. Похоже, ты становишься опасным интеллектуалом. Даже не знаю, как я переживу внезапную смену твоего амплуа. Но голову, так и быть, не откушу. Я тоже, знаешь ли, внезапно подобрел. Жить в городе, где много колдуют, оказалось на редкость полезно для характера. Ну или, наоборот, вредно – это как посмотреть.

– Получается, до принятия Кодекса здесь был вечный праздник? Ничего себе. Я, выходит, попал в Ехо в его худшие времена и все равно решил, что лучше не бывает? Какой я, однако, непритязательный... Но погоди, как в таком случае дело вообще дошло до войны Орденгов? По идее, все эти ваши мятежные Магистры должны были благодушно загорать в садах своих резиденций и изредка отвлекаться на познание тайн Вселенной и фокусы для соседских детишек. Что пошло не так?

– Вот и мне тоже очень интересно, – подхватила Меламори. – Вообще-то, мое старшее поколение послушать, счастливыми те времена не назовешь. А ведь колдовали побольше, чем сейчас.

– И я, слушая деда, всегда радовалась, что так вовремя родилась, – сказала Кекки. – В смысле, уже после того, как Смутные Времена закончились и Ордена разогнали.

– Очень хороший вопрос, – кивнул Джуффин. – Сам много об этом думал. Все дело в страхе. В Эпоху Орденов его было слишком много.

– А откуда он взялся? – спросила Меламори. – Если все колдуют и счастливы?

– Отчасти это связано с тем, что страх неизбежно приходит к практикующему на определенном уровне обучения Очевидной Магии. На достаточно высоких ступенях, которые до сих пор запрещены практически для всех. Да и доступны они только самым талантливым. А в те времена для талантливых был один путь – в какой-нибудь Орден. Ордена давали начинающим колдунам практически все, что нужно – вкус могущества, новые знания, поддержку старших, чувство братства, возможность полностью посвятить свою жизнь призванию, не отвлекаясь на пустяки. Но только не бесстрашие. Страх помогает управлять и подчинять, это понятно любому, в том числе любому Великому Магистру. Поэтому в большинстве Орденов людей учили действовать, невзирая на страх – полезный на определенном этапе навык, не спорю. Но этого мало, надо идти дальше, чтобы в конце концов избавиться от самой способности испытывать страх. Быстро такие вещи не делаются, но постепенно, шаг за шагом это возможно. Более того, совершенно необходимо. Вхождение в состояние полного бесстрашия – обязательный пункт становления мага, без него – тупик. И в этом тупике оказались почти все мало-мальски стоящие колдуны той эпохи, кроме разве что ребят из Ордена Потаенной Травы. Великий Магистр Хонна – благородное сердце, великий учитель, вырастил несколько поколений бесстрашных весельчаков, себе под стать. Жаль, что всего один такой сыскался на весь Угуланд. И еще Сотофа, но она всегда занималась только своими девочками. А мужчинам Ордена Семилистника не повезло: уж кто-кто, а покойный Нуфлин умел и любил держать окружающих в страхе. Хуже него был только Лойсо Пондохва, сумевший превратить свой страх в ярость. Это лучше, чем ничего, но будем честны, ненамного. И все, что он мог сделать для своих учеников – держать их в постоянном страхе, рассчитывая, что лучшие смогут пойти его путем, а остальных, как он сам говорил, не жалко. Вот почему Лойсо – главный символ минувших времен, можно сказать, живой миф о разрушительном союзе могущества и страха. Он внес совершенно неоценимый вклад в создание особой атмосферы Эпохи Орденов, которая, если называть вещи своими именами, была эпохой всеобщего страха. Великие Магистры

боялись темной пропасти на краю собственного сознания, к которой подошли слишком близко, и еще немножко – друг друга и Короля. Их подопечные – все той же пропасти и своего начальства в придачу. Нуфлин Мони-Мах – всего вышеперечисленного и еще конца Мира, который видел так же ясно, как мы с вами этот смешной разноцветный ветер за окном. Покойный Король благородно боялся не справиться со сложившейся ситуацией, а значит, подвести своих подданных, союзников и весь Мир сразу; впрочем, больше его ничего не страшило, нам всем очень с ним повезло. А простые горожане просто по-человечески боялись за свою жизнь, семьи и имущество. И нельзя сказать, что безосновательно. Поэтому обстановка в городе была соответствующая. Вспоминать интересно, рассказывать – еще интереснее. Но вернуться в ту эпоху и пережить ее еще раз я бы не хотел. При всей моей любви к развлечениям – нет, не хотел бы. Предпочитаю тут с вами поскучать.

– Хотите сказать, что сейчас никто ничего не боится? – изумилась Меламори. – Ну не знаю! Лично я иногда очень даже боюсь. Некоторых вещей, неважно каких. Я, что ли, последняя и единственная трусиха в Соединенном Королевстве? Верится с трудом.

– А что, было бы смешно! – обрадовался Джуффин. – Но увы, леди Меламори, при всем моем уважении, ты не настолько уникальна. Все люди чего-нибудь да боятся. Ну, скажем так, почти все. Но сумма всех наших общих страхов не идет ни в какое сравнение с тем, что творилось в Эпоху Орденов, когда каждый человек, проснувшись, первым делом слал зов своим близким: все ли живы? А потом шел осматривать дом: цела ли крыша, не выбиты ли окна? Не исчез ли сундук со сбережениями по прихоти какого-нибудь небогатого, но умелого Орденского послушника? Не превращен ли в жабу любимый пес? И не явился ли с ближайшего кладбища труп его прабабушки, воскрешенный исключительно шутки ради компанией каких-нибудь подвыпивших юных гениев? Хвала Магистрам, хотя бы газет в ту пору не было. Представляю, что бы в них каждый день писали! И сколько ударов случалось бы ежедневно от чтения новостей. В общем, господа, все дело в пропорции. И ни в чем ином.

– То есть колдуют теперь примерно столько же, как тогда, а боятся гораздо меньше? – подытожил я.

– Причем настолько меньше, что смотри-ка, даже этот необычный цветной ветер никого не переполошил, – улыбнулся Джуффин. – Все обрадовались и побежали смотреть. Готов спорить, никому даже в голову не пришло спрятаться в подвале и подождать, чем все закончится. Разве что, паре-тройке полубезумных стариков, которым крепче прочих

досталось в Смутные Времена. Да и то сомневаюсь. Люди сами не заметили, как разучились быть настороже и ждать отовсюду опасности. Потрясающий итог нашей с вами общей работы. Напиться, что ли, на радостях? И кеттарийские охотничьи песни потом орать, забравшись на крышу трактира.

– Тогда эпоха страха тут же вернется, – фыркнул я. – Особенно если я стану подпевать.

– И только мне одной сразу пришло в голову, что в цветном ветре может быть подвох, – мрачно сказала Меламори. – Получается, моя личная эпоха страха так и не закончилась.

Джуффин сразу стал очень серьезным.

– Хвала Магистрам, что пришло. При чем тут какая-то эпоха? Работа у тебя такая. Это я не пойми с чего расслабился, да и все остальные хороши. А ты молодец, забила тревогу. Взяла на себя мои обязанности и правильно сделала. Строго говоря, сейчас еще вполне может выясниться, что ты была права. Ну или нет, но это не имеет значения. Будут на нашем с тобой веку и другие необъяснимые события. И наше дело – всякий раз проверять, действительно ли они так безопасны, как кажется. А с радостными плясками на улицах горожане и без нас справятся. Без нас им, строго говоря, только лучше.

– Все в порядке с этим вашим цветным ветром, – сказал Кофа, входя в кабинет. – Просто красивое наваждение, нет от него ни вреда, ни дополнительной пользы. Но мальчики, конечно, решили воспользоваться возможностью слинять со службы. И отправились шляться по городу якобы с целью проверить, везде ли сейчас такая красота и какого она цвета в соседних кварталах. Хотя дураку ясно, что тут не гулять надо, а слать зов всем своим знакомым и спрашивать, где они сейчас находятся и что видят. Ладно, этим я сам займусь. Все равно собирался спокойно посидеть в кресле с трубкой. Когда и поболтать со старыми друзьями, если не сейчас.

– Вы правы, – кивнул Джуффин. – А я, пожалуй, к вам присоединюсь. Поболтать со старыми друзьями – отличная идея.

– И покурить – тоже отличная идея, – подхватила Меламори, заметно повеселевшая после его похвал.

– Если кто-нибудь одолжит мне трубку, я полсотни человек опрошу, – сказала Кекки. – Как минимум. Для начала.

Запасная трубка нашлась у Джуффина. После чего эти четверо уселись в кресла и задымили с видом настолько многозначительным – сразу ясно,

что люди не просто так после обеда перекуривают, а спасают столицу, страну, Короля и человечество за компанию – сразу от всего!

Мне даже как-то неловко стало от собственного бездействия. Поэтому я уселся на подоконник и послал зов сэру Шурфу. Не то чтобы я думал, будто больше никто не поставит его в известность о происходящем. Просто вспомнил, что в последний раз отрывал его от дел аж позавчера. Непростительное равнодушие к судьбе друга!

«Прости, если не вовремя, – сказал я, – но у меня срочный вопрос. Выгляни, пожалуйста, в окно».

«При всем желании я сейчас не могу исполнить эту просьбу, – отвечал сэр Шурф. – Только не подумай, будто я с недостаточным уважением отношусь к твоим причудливым требованиям. Проблема в том, что никакого окна в обозримом пространстве нет и в помине».

«Тебя наконец-то обезвредили и заперли в темном подвале? – восхитился я. – Кто эти прекрасные люди? Враги Ордена, Короля и всего живого? Или леди Сотофа решила, что ты с недостаточным энтузиазмом ешь ее фирменный кеттарийский суп с застенчивыми клетками и должен быть строго наказан? Или твои красавцы все-таки отважились на переворот, и тебя скоро отправят в отставку? Отлично, если так. То-то погуляем!»

«К сожалению, ничего настолько интересного со мной не происходит, – сказал он. – Мне очень не хочется разочаровывать тебя, сэр Макс, но в данный момент я просто лежу на дне моря, поэтому...»

«Как это – на дне моря? – опешил я. – Ты что, утонул?!»

«Я не могу утонуть, – напомнил Шурф. – Эта неспособность – естественное следствие моего обучения в Ордене Дырявой Чаши. Причем данную информацию я сообщаю тебе далеко не впервые. Но заранее уверен, что придется делать это еще не раз».

«Просто очень трудно удержать ее в голове, – объяснил я. – С виду-то ты вполне похож на человека, а повадки у тебя рыбы. Такая неувязка».

«Справедливости ради следует сказать, что большую часть времени я все же провожу на суше, – заметил он. – Хоть и не уверен, что сделал правильный выбор».

«Но почему ты лежишь на дне моря именно сейчас? – перебил его я. – И какого, кстати, моря? Их много».

«На дне Великого Крайнего моря, если это тебе о чем-то говорит».

«Час от часу не легче. Впервые о таком слышу».

«Великое Крайнее море омывает берега страны Ташер, – сжалился

он. – На твоём месте, сэр Макс, я бы все-таки подучил географию; впрочем, дело хозяйское. Не хочешь, не учи. Просто лично мне было бы довольно неуютно жить в Мире, карту которого я не представляю себе даже приблизительно».

«Не сомневаюсь. Но это совершенно не объясняет, какого черта ты сейчас лежишь на морском дне, на хрен знает каком расстоянии от Ехо. Дальше, по-моему, только Арварох. Это что, побочное следствие углубленного изучения географии?»

«На самом деле, я просто устал и сбежал от всех на пляж, – признался он. – Всего на полчаса, искупаться и помолчать. В середине дня это бывает жизненно необходимо».

«На полчаса, – повторил я. – На другой край Мира. Ни хрена себе! Красиво жить не запретишь. Ну да, ты же Темным путем туда небось ходишь. Вот чему мне надо срочно научиться. Потому что именно сегодня я пришел в Дом у Моста сдаваться. В смысле, работать. И предчувствую, что буквально на днях мне тоже срочно понадобится искупаться и помолчать. Особенно второе».

«В это мне поверить непросто. Но наука и правда полезная. Заодно и географию подтянешь. Просто выхода другого не останется».

«Научишь?» – деловито спросил я.

«Если Джуффин откажется, научу. А если не откажется, то пусть лучше он. Технику показать может кто угодно, но чем могущественней учитель, тем легче учиться. В любом деле так, сам знаешь».

«Знаю, – сказал я. – Джуффин-то научит, он мне давно обещал. Просто я ищу подходящий повод с тобой увидеться. И никак не нахожу. Всех жен я уже выгнал, а редких книжек у меня больше нет – тебе же, собственно, их и отдал, еще в какой-то позапрошлой жизни. Проблема!»

«А зачем тебе какой-то повод?» – изумился он.

«Понятия не имею. Может быть, у меня каким-то образом отросло чувство такта? Или это называется «совесть»? Или «потребность быть уместным»? В общем, такая разновидность тихого безумия, которая мешает отрывать занятых людей от дел без достаточно веской причины».

«Даже не верится. Похоже, тебя заколдовали, – усмехнулся мой друг. – И кстати о веских причинах, сейчас-то у тебя что стряслось? Зачем мне надо было выглядывать в окно?»

«А! – вспомнил я. – Ну так у нас же тут цветной ветер дует. И я хотел спросить, виден ли он из окон Иафаха. И что ты о нем думаешь. И самое главное, это очень красиво. Будет обидно, если ты все профукаешь, лежа на дне морском».

«Как это – цветной ветер? – встрепнулся Шурф. – Как на Темной Стороне?»

«Не совсем. Но более-менее похоже. Воздушные потоки разных цветов. Зеленый, оранжевый, синий и...»

«Что ж ты сразу не сказал?»

«Потому что ты сбил меня с толку этим своим дурацким морским дном», – объяснил я.

Но мое оправдание досталось пустоте. Шурф уже исчез из моего сознания, спасибо хоть дверью не хлопнул.

Впрочем, я уже так устал от Безмолвной речи, что только обрадовался передышке.

– Пойду погуляю, если не возражаете, – сказал я коллегам. – Тоже хочу посмотреть, где какого цвета ветер. И как выглядит граница между его наличием и отсутствием – если я до нее доберусь. И что делается в городе. И вообще...

Ответом мне было гробовое молчание и дружное пыхтение трубок. Даже Куруш не обращал на меня внимания, видимо, уснул, утомленный зрелищами и хлебом, перепавшим ему с нашего стола. Так что я махнул на них рукой и, не договорив, спрыгнул с подоконника. Прямо в ярко-оранжевый воздушный поток.

Цветной ветер дул еще часа два. В надежде найти, где он все-таки начинается – или заканчивается? – я успел добраться до Ворот Кехервара Завоевателя. Сам не знаю, за каким чертом меня понесло именно туда, но факт остается фактом.

Цвет исчез мгновенно – раз, и все. Как будто ничего и не было. И я сразу почувствовал себя полным идиотом – забрел в экстазе на самый край города, выбирайся отсюда теперь. Можно, конечно, вызывать служебный амобилер, но ждать его придется в лучшем случае полчаса. Знаю я темпы наших возниц.

«Закончилось», – сказал сэр Шурф.

Я сперва даже не сообразил, что он просто прислал мне зов, и принялся вертеть головой – где прячется? Судя по громкости, совсем рядом должен быть. Вот уж никогда не думал, что способен перепутать Безмолвную речь с обычной. Только на второй фразе понял наконец, что происходит.

«Спасибо, что рассказал мне о разноцветном ветре. Это действительно очень необычное и красивое зрелище, которое обидно было бы пропустить, – говорил тем временем мой друг. – И как же я рад за наших

горожан, что им выпало счастье стать свидетелями этого события! Особенно, конечно, за поэтов».

«Именно за поэтов? – удивился я. – А почему не за художников?»

«Да просто потому, что поэзия интересует меня гораздо больше, чем изобразительное искусство. Эгоистичное поведение в подобных делах вполне естественно для человека. Я всегда горько сожалел, что ни один из ныне живущих великих поэтов не обладает способностью проникать на Темную Сторону Мира – этот опыт мог бы их обогатить и самым неожиданным образом проявиться в новых работах. Джуффин утверждает, что невозможно провести на Темную Сторону человека, которого она не соглашается принимать, но я все равно планировал когда-нибудь попробовать. И, положив руку на сердце, надеялся, что ты не откажешь мне в помощи. Поскольку кого и просить о невозможном, если не тебя».

«Отличные у тебя были планы совместного досуга, – растерянно сказал я. – Даже не знаю, чего мне сейчас хочется больше: поблагодарить за доверие или стукнуть тебя как следует, чтобы даже мысленно не впутывал меня в свои безумные литературоведческие авантюры. Но поскольку в драке с тобой у меня никаких шансов, придется остановиться на первом варианте».

«Разумное решение, – хладнокровно заметил Шурф. И после некоторой паузы добавил: – Это были планы на настолько отдаленное будущее, что не имело смысла обсуждать их с тобой заранее. Я хочу сказать, в ближайшее время тебе не стоит опасаться никаких авантур. В том числе литературоведческих. На них у меня просто нет времени. К тому же сегодня столичные поэты уже получили опыт, вполне сопоставимый с кратковременным визитом на Темную Сторону. Я вполне удовлетворен. Теперь можно начинать ждать первых результатов».

«Ну и хвала Магистрам», – вздохнул я.

По идее, вздохать мне следовало с неописуемым облегчением. Но на самом деле огорчился, конечно. Вечно так.

Однако Шурф истолковал мою печаль по-своему.

«Слушай, ты действительно думаешь, что в моих устах выражение «просить о помощи» тождественно «требовать в ультимативном тоне»?»

Я задумался.

«Ннннннууу... возможно, не всегда. Но это неважно. Мне же только подай дурацкую идею, остальное я сделаю сам. Так что проблема не в том, что ты тиран. А в том, что ты – опасный катализатор. Впрочем, если подумать, это тоже не проблема, а просто естественный ход моей жизни, в рамках которой опасным катализатором может стать практически все что

угодно».

«То-то же, – удовлетворенно заключил мой друг. – Тогда переходим к следующему вопросу. Чем ты сейчас занят? У меня есть примерно полчаса – не так много, как хотелось бы, но гораздо больше, чем ничего. По кружке камры выпить точно успеем. Строго говоря, даже по четыре, если специально задаться такой целью».

«Отличное предложение. Но за полчаса я до тебя даже не доберусь. Потому что решил пройтись через всю эту красоту и в экстазе добрался аж до ворот Кехервара Завоевателя».

«Неплохая прогулка».

«Да, ничего себе. Но как отсюда выбраться, вот вопрос. Никто не позаботился заранее проложить для сироты Темный путь, а сам я разве что амобилер вызвать могу. И ждать, пока он приедет – как раз те самые полчаса, которые у тебя есть».

«А ты там где? У самих ворот?»

«Да, буквально в нескольких шагах. Здесь уже ни домов, ни даже мастерских каких-нибудь, только дорога и лес, который из вежливости прикинулся городским парком. Впрочем, я бы не сказал, что он очень старается».

«Ясно. Я сейчас».

Сказать, будто я сразу его узнал, у меня не поворачивается язык. Ну то есть узнал, конечно. Но только потому, что кроме нас возле этих грешных ворот не было ни одной живой души. Появись тут еще какая-нибудь деревенская старушка с мешком спелой пумбы на продажу или наряженный по ташерской моде лысый толстяк, я бы и то, пожалуй, засомневался, кому махать рукой. Потому что не может же быть этот нескладный белобрысый подросток сэром Шурфом Лонли-Локли, бывшим Мастером Пресекающим Ненужные жизни, а ныне временно исполняющим обязанности Великого Магистра Ордена Семилистника. Только и общего, что тоже долговязый. Рост труднее всего изменить, как объяснял мне Джуффин. То есть, возможно, но так хлопотно, что ну его к лешему. Сэр Кофа это умеет, но тоже кстати проделывает далеко не каждый день, экономит время и силы. Так то Кофа, великий мастер преображения, лучший из лучших в этом ремесле. Остальным еще сложнее.

– На самом деле выглядеть подростком довольно просто, – сказал Шурф в ответ на мое немое изумление. – Вообще без магии можно обойтись. Достаточно соответствующим образом изменить мимику,

походку и осанку. Подростки тем и отличаются от взрослых, что еще не освоились в своем внезапно выросшем теле. И никак не могут сообразить, куда девать эти неудобные длинные конечности. При этом сил и энергии у них невообразимо много, а понимания, что с этим делать, нет вообще. Прибавь к этому отсутствие четких представлений о Море, правилах игры и даже собственном статусе – одни и те же люди с утра говорят тебе, что ты уже взрослый, а вечером называют тебя «ребенком». И ни то ни другое не похоже на правду. В силу всех изложенных причин походка становится дерганой и неуклюжей, жесты разболтанными и нелепыми, а выражение лица растерянным. То есть оно может быть каким угодно, но в фундаменте должна лежать именно растерянность. Такой, знаешь, немой вопрос Миру: «Где я вообще? Зачем? И что теперь делать?»

– Очень знакомое состояние, – усмехнулся я. – Однако ты даешь! Я ждал тебя, а все равно в первый момент засомневался. А ведь ты, похоже, даже с лицом ничего особенного не делал. В смысле, не менял его черты. А только вытаращился, как мои кошки на солнечный зайчик, и рот приоткрыл. И сразу вообще другой человек.

– Просто я уже довольно долго практикуюсь, – скромно заметил «другой человек». – Лет двести примерно. Было время отточить мастерство.

Дернул плечом, шмыгнул носом и одновременно смущенно почесал ухо. В исполнении сэра Шурфа Лонли-Локли, обычно практически лишенного мимики, это выглядело даже круче, чем ходьба в полуметре от земли, огненные фонтаны из рукавов, пробежки по потолку, так увлекшие меня несколько дней назад и прочие новомодные фокусы.

– Потрясающе, – вздохнул я. – Но зачем так стараться? Здесь же никого нет.

– «Нет» не тождественно «не может быть», – объяснил Шурф. – К тому же по дороге ездят амобилеры. И возницы наверняка прекрасно знают меня в лицо, как и все остальные жители Ехо. А быть узнанным в неподобающей обстановке – это не дело. Непрофессионально, я бы сказал.

Он смущенно переступил с ноги на ногу, обхватил себя руками за плечи, криво ухмыльнулся, сплюнул и мечтательно уставился в небо, словно бы внезапно забыл, что я все еще тут.

Надо же, такой потрясающий спектакль – и мне одному.

– Придется все-таки научить тебя ходить Темным путем, – внезапно сказал этот незнакомый подросток. – Это, получается, в моих же интересах. Пить камру, сидя в кабинете, мне нравится несколько больше, чем бегать за

тобой по городским окраинам, наспех прикинувшись малолетним балбесом.

– Правда что ли, научишь? – обрадовался я. – А когда?

– Как – когда? Сейчас, конечно. Я рассчитывал оставить это удовольствие Джуффину, но если уж все так сложилось, почему нет. Тем более что я вдруг понял, как объяснить тебе основной принцип. Давай только отойдем от дороги и найдем какое-нибудь раскидистое дерево, на которое сможешь залезть даже ты.

– Это нужно для обучения? – изумился я, поневоле вспоминая все, что я знал о хождении Темным путем и прикидывая, каким концом можно приспособить к этому процессу дерево.

В сознании вспыхивали картины настолько фантазмагорические, что впору было начинать искать на себе кнопку, которая отключает воображение. В некоторых ситуациях без него гораздо спокойнее.

– Ну что ты, – утешил меня сэр Шурф. – Просто я люблю устраиваться с комфортом, а сидеть на дереве гораздо приятней, чем болтаться у дороги, по которой то и дело проезжают амобилеры.

– Ага, с комфортом значит, – ухмыльнулся я.

Но на дерево, конечно, полез как миленький. С сэром Шурфом и так-то не особо поспоришь, а уж сейчас, когда он вдруг решил научить меня вожделенному трюку, я бы и под землю закопался, лишь бы он не передумал.

– Что такое Темный путь, ты, хвала Магистрам, знаешь, поскольку уже не раз проделывал его по чужим следам, – важно сказал сэр Шурф, когда мы вскарабкались на дерево, которое он по какому-то недоразумению счел удобным.

То есть сказал это все тот же нелепый белобрысый подросток, одновременно дернув коленкой и почесав нос об плечо. Я предсказуемо заржал.

– Кончай дурака валять. Здесь-то нас точно никто не увидит. А пока ты так выглядишь, довольно затруднительно относиться к твоим словам всерьез.

– Сейчас мне следовало бы посоветовать тебе не уделять столь большого значения поверхностным впечатлениям от облика собеседника, – вздохнул Шурф. – Но, пожалуй, не стану. Не так много у нас с тобой времени, чтобы заниматься всем сразу.

И наконец-то стал похож сам на себя. То есть прекратил пучить глаза, дергаться и кривляться. И речь его сразу зазвучала гораздо более

убедительно. Что и следовало доказать.

– Твое тело уже умеет ходить Темным путем, – продолжил он. – По чужому следу, но это неважно, опыт есть опыт. Осталось научить сознание, как давать ему правильную команду. Собственно поэтому я и хотел, чтобы тебя учил Джуффин. С твоим сознанием договариваться – то еще развлечение. Все равно что пленного дикаря Энго приручать. Никогда заранее не знаешь, когда он спокойно возьмет еду, а когда цапнет тебя за палец.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я, постаравшись вложить в это короткое слово все запасы отпущенного мне природой сарказма.

Зря старался, он и бровью не повел.

– Ты лучше слушай внимательно. Твой случай особый еще и вот почему. Обычно нормальное обучение мага происходит в следующем порядке. Сперва он учится ходить чужим Темным путем. Это умеют не то чтобы вообще все, но довольно многие. А теоретически, научить можно кого угодно, это только вопрос времени и усилий. Следующий этап – научиться прокладывать собственный Темный путь. На это уже способны далеко не все, даже потенциально. И хороший учитель сразу видит, из кого может выйти толк, а кого следует оставить в покое и не мучить понапрасну.

– Но из меня-то выйдет? – встревожился я. – Смогу?

Идея, что у меня может не получиться, мне совсем не понравилась. Я от такой постановки вопроса давно отвык.

Шурф только головой покачал укоризненно. Дескать, что за глупости.

Это меня несколько утешило.

– Обычно только после долгих лет практики Темного пути приступают к путешествиям между Мирами, – продолжил он. – Общеизвестно, что этому мало кого можно научить. Только самых способных. Точнее, избранных Хумгата. Одних Коридор между Мирами принимает охотно, других после множества отчаянных попыток, а некоторых – никогда и ни на каких условиях. Причем, по моим наблюдениям, это редко бывает напрямую связано с талантами и умениями в других областях магии. Знал я и могущественных людей, для которых путешествия между Мирами навсегда остались несбыточной мечтой, и совершенно бестолковых колдунов, которые, встретив хорошего наставника, мгновенно оставляли позади своих блестящих коллег, а потом и самого учителя. О большинстве из них уже, пожалуй, и не помнит никто, в Мире такие надолго не задерживаются, потому что их призвание – странствовать от одной неизвестности к другой.

– Здорово! – восхитился я.

И поймал себя на том, что отчаянно завидую этим странникам, совершенно упустив из виду, что путешествия между Мирами для меня уже давным-давно не проблема. Причем до такой степени не проблема, что мне до сих пор приходится контролировать себя, открывая всякую дверь – чтобы не угодить в какой-нибудь другой Мир случайно, по рассеянности.

Много раз слышал, что чужой пряник всегда слаще, но не подозревал насколько.

– Вот именно, – строго сказал сэр Шурф, не то беспардонно прочитавший мои мысли, не то просто угадавший их по выражению лица.

Второе более вероятно.

– Но почему ты мне все это рассказываешь? – спросил я. – Мы же с тобой не между Мирами бегать собрались. А всего лишь научить меня быстро перемещаться по городу. Ну и на пляж иногда отлучаться, по твоему примеру. Страшно подумать, сколько лет я не был на море.

– Сочувствую тебе всем сердцем. Море – лучшее, что может случиться с человеком. По крайней мере, ни одной стоящей альтернативы лично я до сих пор не нашел. А рассказываю вот почему. Обычно когда Хумгат принимает нового странника, оказывается, что хождение Темным путем было отличной подготовкой к путешествиям между Мирами. Строго говоря, это просто две ступени одного упражнения. Причем Темный путь – всего лишь подготовительная. Именно поэтому я уверен, что тебе будет очень легко научиться: по-настоящему сложную часть ты освоил давным-давно. Даже удивительно, что это не случилось до сих пор – как-нибудь само собой, без особых усилий, как у тебя заведено.

– Ну так мне же все уши прожужжали, как сложно прокладывать Темный путь, – объяснил я. – Поэтому я даже и не пытался. Сидел, ждал, пока придет кто-нибудь умный и все объяснит.

– Да, это можно понять, – согласился Шурф. – Предубеждения связывают по рукам и ногам. И обычно одного разговора по душам недостаточно, чтобы их рассеять. Хорошо, что ты целиком доверяешь мне в вопросах такого рода.

– В вопросах любого рода, – улыбнулся я. – Настолько, что уже дал себе слово купить какую-нибудь географическую карту и повесить в спальне.

– Только не «какую-нибудь», а настоящую, – серьезно сказал он. – Ты, наверное, не знаешь, а не так давно у нас вошли в моду декоративные географические карты. Это можно понять, потому что они действительно довольно красивы. Но знал бы ты, какие погрешности допускают художники ради улучшения композиции! Однажды я видел карту, на

которой было целых два Арвароха, как я понимаю, просто для симметрии. Но даже она меркнет в сравнении с картой, на которой придворный рисовальщик расположил мелкие острова таким образом, чтобы из них складывалось имя Короля. Его Величество в ужасе, но виду не подает. Придворные подхалимы – нежные существа, беречь их нервы – важная часть повседневных обязанностей великодушного монарха.

– Хорошо, что предупредил. Но как отличить настоящую карту от такого украшения?

– Да просто покупай самую дешевую, для школьников. Им, хвала Магистрам, ради красоты композиции головы не морочат.

– Отлично, – обрадовался я. – Главное сделано, правильно выбирать карту Мира ты меня научил. Теперь бы еще с Темным путем разобраться, и считай, не зря на дерево лезли.

– Несколько дней назад мне довелось услышать, как леди Сотофа наставляет своих учениц, – сказал Шурф. – Она говорила им примерно следующее: «Представьте, что эта стена черного живого света, которую мы всякий раз преодолеваем, вставая на Темный путь – не стена, а бесконечное пространство, окружающее вас со всех сторон. Получается? Прекрасно. Те из вас, у кого достаточно живое воображение, уже знают, что такое Хумгат, примите мои поздравления. Остальным придется еще некоторое время мучиться любопытством». Сегодня я вспомнил ее формулировку и сообразил, что тебе можно сказать обратное: представь, что Хумгат, где ты чувствуешь себя как дома, стал просто двумерной стеной, преодолев которую, ты попадешь, куда пожелаешь. Главное, не забудь заранее решить, куда именно ты собирался. По правде сказать, этот момент беспокоит меня больше всего.

– Я все-таки не настолько рассеян, – невольно улыбнулся я. – Проблема в том, что ты помнишь меня молодым и глупым. То есть само по себе это не проблема, но ты из-за этого беспокоишься. И совершенно зря. В конце концов, не приду же я в два места сразу!

– А кто тебя разберет, – вздохнул он. – Лично я совершенно не удивлюсь. Будешь потом всю оставшуюся жизнь со своим двойником разбираться, кто из вас настоящий, знаю я тебя.

– Да я и без всякого двойника... – начал было я. И тут же прикусил язык. Но поздно. Что сказано, то сказано.

Сэр Шурф укоризненно покачал головой.

– Это, конечно, твое дело, как проводить свободное время, – сказал он. – И какой ерундой забивать свою многострадальную голову ты, безусловно, можешь решать сам. А все же мне кажется, что в данном

случае ты выбрал не самую лучшую тему для размышлений.

– Знаю, – согласился я. – Только я не выбирал. Сама лезет в голову. Я ее оттуда выбрасываю, но пока с переменным успехом. Ладно, не беда. Голова у меня, хвала Магистрам, дырявая, и многие проблемы исчезли из моей жизни просто потому, что я о них забыл. И эту ждет та же участь. Лучше помоги мне спуститься на землю. Попробую применить на практике все, что ты мне рассказал.

– А чего тут помогать? – искренне изумился мой друг. – Спрыгни, да и все.

Тот факт, что сидели мы метрах в пяти от земли, совершенно его не смущал. Впрочем, надо отдать должное Очевидной Магии, она действительно приходит на помощь в подобных ситуациях. Научиться летать по-настоящему, говорят, так трудно, что проще считать это вовсе невозможным, зато превратить падение в неспешное планирование даже легче, чем ходить, не касаясь земли. Что, как ни странно, сложно только первые часа полтора, пока пытаешься научиться. А потом просто скучно, потому что по сторонам особо не поглазеешь и даже о делах не подумаешь, отвлекают. Ну и какой тогда смысл гулять?

– Порядок действий такой, – раздался глас свыше. То есть с дерева, откуда не спешил слезать сэр Шурф. – Сперва ты должен понять, где хочешь оказаться. И твердо решить оказаться именно там, а не где-нибудь еще. Визуализировать свою цель не обязательно. Нет, стоп, в твоем случае строго запрещено. Перепутаешь какие-нибудь детали интерьера, и только Темные Магистры знают, куда тебя тогда занесет.

– А как тогда я дам себе понять, что знаю, куда собрался?

– Дырку над тобой в небе, сэр Макс. Такой вопрос мог задать только ты!

На радостях Шурф даже с дерева слез. Но гласом свыше быть не перестал – при его росте для этого пришлось бы присесть на корточки.

– На самом деле, отлично сказано, – признал он. – «Как я дам себе понять?» – надо запомнить. Потому что магия действительно всегда начинается с подобных переговоров. Ум принимает решения, воля их осуществляет, и если они с самого начала не договорятся о сотрудничестве, дело не пойдет. Если бы не ты, я бы так четко не сформулировал.

– А то ты без формулировки уже почти триста лет на свете маешься, ничего наколдовать не можешь.

– Я-то могу. Но в последнее время мне регулярно приходится излагать некоторые фундаментальные принципы магии людям, чье обучение только начинается. И неожиданно выяснилось, что именно самые простые вещи

объяснить труднее всего. А без них не обойтись. Далеко не все с самого начала интуитивно чувствуют, как надо действовать. И человеку недостаточно компетентному такие люди могут показаться тупицами. Обычно их признают необучаемыми и отправляют прочь. А меж тем, если хорошенько повозиться с ними на старте, дальше особых проблем не будет, еще и обгонят остальных. Бездарностей вообще гораздо меньше, чем кажется. Просто плохих учителей больше, чем принято думать. Собственно, почти все никуда не годятся. Объяснять правила, хвалить способных и сетовать на бестолковость остальных любой дурак может. А вот найти подход ко всякому новичку, познакомить его с самим собой, объяснить фундаментальные вещи так, чтобы он понял, мало кто умеет. У меня хоть какой-то опыт есть – по крайней мере, я много лет знаком с Джуффином и хорошо знаю, что такое идеальный учитель. А вот как самому прийти к этому идеалу – вопрос.

– В идеале, – вежливо напомнил я, – надо бы все-таки вот прямо сейчас разобраться со мной и Темным путем.

– Твоя правда. Вот почему трудно обучать друзей. Нет жесткого распределения ролей. Минуту назад ты был учеником, потом что-то сказал и сразу стал советчиком; при этом я помню множество ситуаций, в которых ты был старшим и чему-то меня учил. Очень хорошо для жизни, но скверно для обучения.

Я виновато развел руками. Дескать, ты с самого начала знал, с кем связался и чем это чревато. Так что давай, преодолевай трудности. Это, говорят, закаляет.

На всякий случай напомнил:

– Мы остановились на том, что цель путешествия надо знать, но не следует визуализировать. И я спросил, что в таком случае делать, чтобы мы с целью поняли, что именно она и есть цель.

– Цель следует сформулировать и очень четко проговорить про себя. А еще лучше – написать в той темноте, которая обступает тебя, когда ты закрываешь глаза. Неплохо бы огненными буквами, но, в общем, какими получится. Лишь бы четко и разборчиво. Ты, насколько я помню, с этой техникой уже знаком?

– Точно, я же так письмо мечу Короля Менина однажды писал, – вспомнил я. – Интересно, где он сейчас и как без меня поживает?..^[3] Не смотри на меня зверем, я и сам знаю, что нельзя отвлекаться. Поехали дальше.

– А дальше ты вспоминаешь, что такое Хумгат, но прежде, чем он успеет обступить тебя со всех сторон, усилием воли превращаешь его

в тонкую стену, делаешь шаг вперед, проламываешь ее, открываешь глаза и видишь, что уже пришел, куда собирался.

– Все?

– Если ты о теории, то да, все. А если о практике, так ты еще даже не начал.

– Ладно, – вздохнул я. – Куда идти?

– Для начала отправляйся в мой кабинет, – скомандовал Шурф. – У меня есть отличная камра и еще несколько минут, чтобы все-таки выпить ее в твоём обществе. Терпеть не могу менять свои планы.

До меня начало доходить.

– Так ты именно поэтому согласился научить меня прокладывать Темный путь?

– Скажем так, это была одна из причин, – важно сказал Шурф. И, помолчав, добавил: – Но похоже, действительно основная. Иногда и я сам себе удивляюсь, не только ты.

Надпись в темноте перед глазами получилась у меня не огненной, а почему-то зеленой. Возможно, остальные мистические чернила в этот момент были просто разобраны – если предположить, что все мы, колдующие, берем их из одной и той же незримой кладовой. В остальном все прошло настолько легко, что я почти рассердился – ну и зачем было так долго рассказывать мне, как трудно самостоятельно прокладывать Темный путь?

– Хвала Магистрам, ты здесь, – сказал Шурф, возникнув из ниоткуда прямо в своем кресле. – Все у тебя получилось. Как, впрочем, и следовало ожидать. Осталось рассказать тебе последнюю новость про Темный путь. И тогда ты будешь знать о нем ровно столько же, сколько знаю я.

– Новость-то хорошая? – насторожился я.

– С моей точки зрения, как минимум неплохая. А понравится ли она тебе, сейчас выясним. Слушай меня внимательно. Существует распространенное и не совсем безосновательное мнение, будто Темным путем можно ходить только на небольшие расстояния. То есть, в пределах Ехо и ближайших пригородов – не вопрос, ходи на здоровье, даже если ты еще совсем новичок. Более-менее возможными – не для всех, но для многих – считаются перемещения Темным путем внутри Соединенного Королевства. Хотя на моей памяти старшие обычно заклинали освоившую Темный путь молодежь не соваться в Графство Вук и на другие окраины. И вовсе не потому, что в тамошних домах и даже дворцах нет обычных бассейнов для мытья, хотя как по мне, это единственный серьезный

аргумент воздержаться от регулярных визитов в удаленные провинции. Однако считается, что такое перемещение отнимает слишком много сил. Будешь потом долго восстанавливаться, и неизвестно еще, вернешь ли былую форму. А о других странах и тем более материках даже помышлять не следует. Считается, что безумец, попытавшийся самостоятельно добраться Темным путем, скажем, в Уандук, умрет на месте – не то в начале пути, не то все-таки в финале, тут мнения расходятся. Поэтому на подобные эксперименты издавна наложен строжайший запрет. И на моей памяти даже орденская молодежь уж на что была строптивая, а все равно его соблюдала. Бесславно упасть замертво в самом начале путешествия – не та участь, о которой обычно мечтают в юности. Впрочем, в Орденах вообще крайне редко и неохотно учили ходить Темным путем. В моем Ордене Дырявой Чаши и некоторых других это искусство находилось под запретом. Наши безумные старики утверждали, будто оно приводит к полному истощению, и увлеченный Темным путем колдун быстро станет больше ни к чему не пригоден. Невежество – основной и самый мощный источник страха, в этом я постоянно убеждаюсь. Но речь сейчас не о том...

– Но почему ты сказал, будто это неплохая новость? – перебил его я. – Что хорошего в том, что Темным путем далеко не заберешься? И как тогда, собственно, ты?..

– Как я удираю на ташерский пляж? Да Темным путем, разумеется. В том-то и штука. Просто хорошую новость я еще не успел тебе сообщить. Она, видишь ли, заключается в том, что все вышесказанное никак нас с тобой не касается. Как далеко можно уйти Темным путем – вопрос личного могущества, и только-то. Меня учил Джуффин, который отлично понимает, кто на что способен, поэтому первый же наш урок завершился отличным ужином в Кумоне. У меня даже голова не закружилась, только спал потом чуть дольше, чем обычно, да и то скорее от избытка новых впечатлений, чем от потери сил. И ты можешь отправляться Темным путем хоть в Арварох, никаких проблем. Хотя именно туда настоятельно не советую. В Арварохе совершенно неподходящая для тебя обстановка. Избалованному комфортом горожанину с тамошней фауной лучше не встречаться, даже если он очень грозный колдун. Да и флора, честно говоря, не подарок.

– Ладно, не стану соваться в Арварох, – пообещал я. – Флора – серьезный аргумент. Меньше всего на свете мне хочется бесславно погибнуть, поссорившись с каким-нибудь вспыльчивым кактусом... Но слушай, это же что получается? Весь Мир теперь мой? В смысле, я могу увидеть вообще все, что вздумается? В любой момент? Ничего себе дела!

– Теоретически, можешь, – согласился Шурф. – А на практике, боюсь, у тебя просто не будет на это времени – если уж сегодня вышел на службу. Сам, конечно, виноват. Мог бы еще потянуть паузу, ты всегда был великим мастером откладывать на завтра даже то, что уже произошло позавчера.

– Не мог, – вздохнул я. – Джуффин опять завел свою любимую песню про сновидцев, которые тут у нас порой застревают. И вот-вот помрут. Я в них, честно говоря, до сих пор не очень-то верю. Но это мои проблемы, я и в призраков не верил, пока своими глазами не увидел. Спасать-то людей все равно надо. А уже потом разбираться, есть они на самом деле, или нет.

– Очень разумный подход. А теперь давай я налью тебе камры, благо она еще не остыла. И несколько минут у меня по-прежнему есть.

Слушая его, я повернулся к окну, да так и застыл с открытым ртом. Наконец спросил:

– А ты уверен, что они у тебя есть? Потому что вообще-то уже закат. Не могу понять, как такое может быть, я же явился в Управление в полдень. И с тех пор прошло максимум часа три. Ну, может быть, с половиной. А так рано солнце даже зимой не садится.

– Как – закат?!

Мой друг даже не столько удивился, сколько возмущился. Выскочил из кресла, подошел к окну, посмотрел на пламенеющее небо, потом на меня, да так яростно, будто это я был солнцем, которому вдруг взбрело в голову удрать за горизонт на несколько часов раньше положенного.

– Этого никак не может быть, – наконец заявил он.

На месте солнца я бы не стал с ним связываться и тут же вернулся бы на небо. Но обнаглевшее светило и бровью не повело. Ну или лучом. Где было, там и осталось, только заалело еще ярче – нам назло.

– Слушай, а это не из-за меня? – спросил я. – В смысле, не из-за того, что я, намечая цель, не уточнил время? Ну, что хочу оказаться в твоём кабинете вот прямо сейчас, а не когда получится?

– Нет, сэр Макс, это полная ерунда. Во-первых, если бы для хождения Темным путем нужно было бы уточнять время прибытия, я бы тебе об этом заранее сказал. Рассеянностью я, хвала Магистрам, пока не страдаю. А во-вторых, если бы даже ты в очередной раз нарушил все законы природы и появился в моем кабинете только вечером, сам-то я все равно пришел бы сюда вовремя. То есть долю секунды спустя. И провел бы, надо думать, худшие часы своей жизни, пытаясь понять, что с тобой стряслось и как в связи с этим следует действовать. Однако этого не случилось, и я оказался в кабинете чуть позже тебя. Следовательно, сейчас должно быть три с четвертью пополудни, и ни минутой больше.

Пока он это говорил, солнце окончательно скрылось за горизонтом. Но сумерки не начались. За окном был день, по-осеннему яркий и даже солнечно... Что?!

Совершенно верно, солнечный. Светило, только что лишившее нас равновесия преждевременным уходом, как ни в чем не бывало вынырнуло из-за туч и теперь делало вид, будто все это время находилось на положенном ему месте. И за нашу групповую галлюцинацию никакой ответственности не несет.

– Ну и что это было вообще? – жалобно спросил я.

– Скорее всего, явление того же порядка, что и разноцветный ветер, – неуверенно сказал Шурф. – Впрочем, пока это только предположение.

– Тогда давай пить камру, – вздохнул я. – Не пропадать же ей зря из-за какого-то дурацкого наваждения.

– Не дурацкого, а просто непонятного. Что, строго говоря, только повышает его ценность. По крайней мере, в моих глазах.

Ужас, однако, не в том, что с ним не поспоришь, к такому положению дел я уже давно привык. А в том, что, пока мой друг разливал камру по кружкам, солнце сделало какой-то хитрый финт ушами и снова оказалось у самого горизонта. Пылая всеми оттенками алого, как и положено на закате.

– Ты видишь? – спросил я.

– Разумеется, – хладнокровно подтвердил Шурф. Неторопливо раскурил трубку, выпустил несколько идеально круглых колец равномерно густого дыма и сказал с незнакомой мне доселе мечтательной интонацией: – Становится все интересней.

– Нннну... да, – неохотно согласился я. И, не удержавшись, язвительно добавил: – Зато поэтам сколько впечатлений, представляешь?

– Да, я тоже об них подумал, – оживился он, не заметив сарказма. – В этом смысле удивительно удачный выдался день. Сперва ветер, как на Темной Стороне, теперь эти закаты, один за другим. Я бы сам лучше не выдумал, будь у меня полная свобода действовать в собственных интересах. То есть в интересах современной литературы; впрочем, неважно. Ты понимаешь, о чем речь.

Я, конечно, уже давно знаю, что мой лучший друг – опасный маньяк. Но в некоторые моменты это знание становится свежим, как только что совершенное открытие.

И тогда я ему немного завидую.

Закатов в этот день было еще семь. То есть в сумме девять. Девятый,

впрочем, наступил в свой срок и привел за собой положенную ночь.

В ходе третьего заката мы с Шурфом наконец допили камру, осуществив таким образом его план, и я наконец отправился в Дом у Моста, где мне, по идее, давным-давно следовало появиться.

Думал, Джуффин оценит, как лихо я теперь умею возникать из ниоткуда в самый неожиданный момент. Но он этого, увы, не увидел. И вообще никто, потому что, когда я шагнул из кабинета сэра Шурфа в Иафахе прямо на рабочий стол шефа – просто для пущего эффекта, – как раз начался четвертый по счету закат. И Джуффин с Курушем намертво прилипли к окну, а кроме них в кабинете никого не было. Так что мой спектакль был сорван – куда уж мне тягаться с солнцем, сразу мог бы сообразить.

Но главное, что у меня снова все получилось без сучка без задоринки. И теперь, пожалуй, можно было считать, что я действительно выучился самостоятельно ходить Темным путем. Две удачи подряд на счастливую случайность не спишешь.

Но для закрепления успеха я попробовал еще раз. Заскочил – каким точным стало теперь это слово! – на минутку домой. Заодно переоделся, обнаружив, что вспотел от хождения Темным путем как от хорошей пробежки. И вернулся в Дом у Моста в разгар пятого заката.

– Ты чего туда-сюда бегаешь? – спросил Джуффин, неохотно оторвавшись от окна. И тут же снова уставился на небо.

– Правильный вопрос не «чего», а «как», – гордо сказал я.

– «Как?» – рассеянно повторил он. – То есть я должен был спросить: «Ты как туда-сюда бегаешь?» Ну и какой в этой фразе смысл?

– Смысл не в вопросе, а в ответе. «Как?» – Темным путем. Именно так я теперь и бегаю. Научился. Очень просто оказалось.

– Ну да, – флегматично согласился Джуффин. – Просто. Для тебя – просто. Я, в общем, так и предполагал.

– А почему не учил?

– Да просто не успел. Ты же все время требуешь разучивать с тобой новые городские фокусы. Пироги из трактиров на стол перемещать, по потолку бегать и прочую эффектную ерунду в таком роде. А мне не жалко. Да и не угадаешь заранее, что может понадобится в первую очередь. Так что положиться на твою прихоть, которая вполне может оказаться интуицией, – самое простое решение. В любом случае, я рад, что с Темным путем все устроилось; в ближайшее время тебе, похоже, будет не до вальяжных прогулок. Что ты думаешь об этой красоте? – и он выразительно кивнул в сторону вероломно алеющего неба.

– Думаю, что это зрелище чрезвычайно полезно столичным поэтам. Вот теперь он наконец-то посмотрел на меня внимательно.

– Эй, ты в порядке?

– Безумием не пахну? – деловито спросил я.

– Да вроде нет.

– Ну, значит встреча с сэром Шурфом травмировала меня несколько меньше, чем следовало ожидать, – ухмыльнулся я. И объяснил: – Это я его цитирую. Сперва величайший из Магистров единственного из Орденов объяснил мне, насколько может быть полезен поэтам разноцветный ветер. А в финале добавил, что несвоевременные закаты полезны поэтам ровно в той же степени. Я счел за благо сбежать подобра-поздорову, а он остался ждать расцвета современной угуландской литературы, который наступит, как я понял, буквально с минуты на минуту. Возможно, уже наступил, пока я переодевался... Ага, солнышко снова с нами! Как аккуратно оно выходит из-за тучи сразу после того, как исчезнет за горизонтом. Красивая работа.

– Да, очень грамотно сделано, – подтвердил Джуффин. – Я тоже обратил на это внимание. Такое впечатление, что человек, любезно пославший нам это наваждение, всю жизнь положил на подготовку. И теперь показал высший класс.

– Может, и положил, – вздохнул я. – Ты же думаешь, это мы чей-то сон видим?

– Не совсем так. Скорее, результаты действий человека, который видит сон о нас.

– Ужас какой, – искренне сказал я. – Правда ведь чокнуться можно.

– Да можно, кто бы спорил. Но возможности остаться в здравом уме тоже никто не отменял. На мой взгляд, так гораздо интересней.

– Интересней – не то слово. Но я понятия не имею, как со всем этим разбираться.

– Я тоже, – согласился Джуффин. – Давно забытое ощущение; честно говоря, оно оказалось не настолько приятным, как я почему-то ожидал. Единственный известный мне метод: жить дальше и ждать, что еще случится. Надеюсь, тебе он тоже подойдет. В конце концов, завтра может обнаружиться, что сновидцы тут вообще ни при чем. Вдруг это просто Магистр Хонна к нам с подарками вернулся? Или твой приятель Шаванахола. Или еще кто-нибудь из великих весельчаков прошлого, для которых на Очевидной магии свет клином не сошелся.

– То есть и так может оказаться?

Сказать, что я был окончательно сбит с толку – все равно что промолчать.

– Оказаться может вообще все что угодно. И с каких, интересно, пор это для тебя новость?

Я не застонал. И даже не зарычал. Иногда мне бывает свойственно удивительное самообладание. Наверное, я титан духа.

– Ну зато и спрос с нас обоих пока невелик, – оптимистически заметил Джуффин. – На том, кто ничего не понимает, и ответственности никакой. Но я рад, что мне теперь есть с кем разделить это... эээ... отсутствие ответственности.

– Смешно, – мрачно сказал я.

– Надеюсь, что так. Постараюсь смешить тебя и впредь, считай это прибавкой к жалованью. Причем в обмен на щедрость даже не потребую от тебя немедленного результата. Я и от себя-то его не требую в кои-то веки. Мне, видишь ли, просто надоело ни хрена не понимать в одиночку. А ты – прекрасная компания. Другим я, пожалуй, даже объяснить не смогу, чего именно не понимаю. А ты – рррраз! – и сразу не понял ровно то же самое. Одно слово, гений. Все бы так.

Я невольно улыбнулся.

– Я и не боюсь, что ты назовешь меня тупицей и отправишь в отставку. Я – удачливый человек, но не до такой степени. Просто если некоторые сновидцы действительно умирают...

– Все, что мы с тобой можем сделать на данном этапе – дать им мизерный шанс, – перебил меня Джуффин. – Причем сейчас их шанс заключается в том, что мы оба об этом думаем. И хотим додуматься до чего-нибудь путного. А значит додумаемся.

– Рано или поздно, так или иначе? – уныло спросил я.

– Именно. Официально разрешаю тебе пристрелить из бабума^[4] всякого, кто станет утверждать, будто это меньше, чем ничего.

– Если дать мне в руки бабум, будут жертвы среди мирного населения. Меткости мне не занимать – в том смысле, что занимать бесполезно. Прибавлять пришлось бы не к нулю, а к отрицательной величине.

– Вот чему, кстати, тебе действительно неплохо бы научиться, – оживился Джуффин. – Считается, будто Тайные сыщики владеют любым оружием лучше, чем Королевские гвардейцы. И в этом смысле ты, конечно, мой тайный позор и вечный повод для шантажа. Даже не буду требовать, чтобы ты немедленно исправился. Всегда хотел иметь какой-нибудь по-настоящему ужасающий секрет. А он у меня, оказывается, давным-давно есть.

– Следует ли классифицировать степень конфиденциальности этой информации как наивысшую и, следовательно, не подлежащую

разглашению в присутствии любых лиц за исключением Его Величества – по особому требованию и только ради спасения государства и Мира? – деловито осведомился Куруш.

– Да, уж будь любезен, классифицируй, – ухмыльнулся Джуффин.

– Опять начался закат, – объявил я. – Интересно, у этих закатов, давешних ветров и разноцветного ночного неба один и тот же автор? Или куча народу по очереди развлекается?

– А ты как думаешь?

– Я пока вообще ничего не думаю.

– Ладно, но если бы я предложил пари? На что бы ты поставил? Вот прямо сейчас, не задумываясь?

– Наверное, на то, что один. Потому что этот «один» мне заранее симпатичен. И даже в каком-то смысле понятен. Вон как старается для сэра Шурфа и его обожаемых поэтов. Хотя, на мой взгляд, художникам повезло еще больше... Слушай, а может, он сам художник? Кто еще, внезапно обретя могущество, тут же побежит устраивать всякую непрактичную бессмысленную красоту? Вместо того чтобы попробовать завоевать приснившийся мир или хотя бы окружить себя путным гаремом.

– Да практически любой из стоящих магов древности, – усмехнулся Джуффин. – Но ты все равно прав, их вполне можно считать художниками. В своем роде, конечно. Но мне кажется, ты тоже говоришь вовсе не об умении рисовать... Посмотри-ка на небо!

Я выглянул в окно. С небом, на мой взгляд, не происходило ничего интересного, но я какое-то время прилежно его разглядывал.

– А что с ним не так на этот раз?

– В том-то и штука, что все наконец-то «так». Пока мы с тобой болтали, закаты закончились. Я насчитал восемь. Вроде бы ни одного не пропустил. Интересно, что дальше?

– Если мы и правда имеем дело с художником, он так быстро не уgomонится. Ну, я бы на его месте точно не стал останавливаться на достигнутом.

– Вот и я думаю, что это только начало, – согласился Джуффин.

Продолжение не заставило долго себя ждать. Но сперва я все-таки успел добраться до дома и обнаружить, что он пуст и тих. Армстронг и Элла, надо думать, где-нибудь дрыхли, вышколенные при дворе Его Величества слуги успешно притворялись, будто их вовсе нет в природе, а друзья, вместо того чтобы воспользоваться моим отсутствием и устроить вечеринку с зажигательными плясками на потолке и битьем аккуратно

расставленной там хозяйской посуды, шлялись не пойми где. Или вообще, страшно подумать, по домам сидели, с них станется.

Таким образом, моя потребность в уединении была удовлетворена на годы вперед. Это было замечательно. Но как назло, совсем не то, чего мне в данный момент хотелось.

Я так растерялся, что отправился навещать собак. Хотя был у них буквально вчера. И три дня назад тоже был. И вообще к ним зачастил.

Мои отношения с собственным псом были к тому моменту столь запутаны и драматичны, что впору писать о них любовный роман на восемьсот страниц. Поменять собачьи имена на человеческие, а дальше можно излагать документальную правду, исключая только некоторые специфические эпизоды вроде вылизывания моего носа и веселых пробежек за палкой.

Штука в том, что мой пес Друппи уже несколько лет жил со своим другом Дримарондо в заброшенном доме на краю Левобережья, который специально сняли для них Меламори и сэр Шурф. Потому что поодиночке Друппи и Дримарондо – отличные собаки, умные, спокойные и сговорчивые. Дримарондо вон вообще лекции в Королевском Университете читает, до чего я сам вряд ли когда-нибудь дорасту. Но собираясь вместе, эти двое превращаются в стихийное бедствие, которое умиляет только первые пять минут, да и то при условии, что за это время вас не успели сбить с ног и вывалить в грязи – не со зла, конечно, а от избытка дружелюбия. Это же так весело!

Но мы, люди, чудовищные зануды. И ничего не понимаем в настоящих развлечениях. Поэтому людям проще арендовать для своих любимцев полуразрушенный особняк с садом, в таком запущенном состоянии, что навредить ему уже практически невозможно, нанять какого-нибудь студента, чтобы ежедневно привозил собакам свежую еду, и забыть счастливую, наполненную веселыми играми совместную жизнь как страшный сон.

Друппи, конечно, обрадовался моему возвращению. Хорошо еще, что собаки в обморок от счастья не падают, а то добром бы мое первое появление в их доме не кончилось. Но обошлось.

В течение нескольких часов Дримарондо добросовестно рассказывал, как Друппи грустил без меня. И как его сперва невозможно было утешить, а потом стало возможно. И как весело они тут жили. Это вообще очень удобно – разговаривать со своей собакой через переводчика. Но когда этот переводчик – тоже собака, некоторые вещи все равно не объяснишь.

Например, почему я не могу принять великодушное приглашение немедленно поселиться тут вместе с ними. Сколько не объясняй, что жизнь среди развалин на дальнем краю города не совсем подходит избалованному домашним комфортом и чрезвычайно занятому человеку, собаки в ответ на это только печально машут поникшими от расстройства ушами и говорят: «Ну, все понятно, тебе неинтересно с нами играть, наверное, ты нас не любишь». И хоть ты тресни.

Пришлось предложить собакам поселиться со мной в Мохнatom доме. Не то чтобы я действительно был в восторге от такой перспективы, но сердце-то у меня есть. Друппи обрадовался и тут же согласился на все, включая отсутствие сада и прогулки под конвоем, но Дримарондо неожиданно отказался от приглашения наотрез. Дескать, с людьми он уже на своем веку пожил немало. И за это время понял, что даже лучшие из нас – существа с невыносимым характером. Взять хотя бы необъяснимую человеческую потребность командовать собаками! Совершенно непонятно, почему одно разумное существо считает возможным навязывать свою волю другому разумному существу, попирая таким образом его индивидуальные особенности и пресекая свободу самовыражения. Хотя любому дворовому псу очевидно, что всякий может быть по-настоящему свободен сам только в обществе других свободных существ.

Его анархические рассуждения лишили меня разумных контраргументов. Потому что я не способен возражать утверждениям, с которыми совершенно согласен, вне зависимости от того, выгодны они мне или нет.

Впрочем, решительный отказ Дримарондо был мне скорее на руку. Превращать Мохнатый дом в руины я совсем не спешил. Все-таки памятник архитектуры, обидно было бы лишить будущие поколения возможности его созерцать.

Кому в сложившихся обстоятельствах пришлось нелегко, так это Друппи. Который, с одной стороны, ужасно хотел поселиться вместе со мной, и чтобы все стало как прежде.

А с другой – не мог оставить в одиночестве лучшего друга. И переубедить его тоже не мог. Дискуссии – не самая сильная его сторона. Друппи, конечно, умный пес, но совершенно не говорящий. И даже если бы в один прекрасный день заговорил, нахлебавшись какого-нибудь колдовского зелья, это мало что изменило бы. У этого пса слишком доброе сердце, ему проще согласиться со всеми, чем отстаивать свои убеждения. Которые, впрочем, уместаются в одной фразе: «Я хочу, чтобы всем всегда было хорошо».

Я, собственно, тоже хочу. Но в отличие от Друппи уже успел привыкнуть к тому, что так довольно редко получается.

В итоге мы договорились, что пока все останется как есть, а я постараюсь навещать собак как можно чаще. Ну и мотался теперь на Левый берег практически каждый день, потому что нет зрелища более душераздирающего, чем печальные глаза пса, который с какого-то перепугу вбил себе в голову, будто твое присутствие в его жизни – это и есть счастье. И переубедить его уже не сможет никто. Даже магия бессильна, я узнавал.

Что ж, по крайней мере, теперь стало гораздо проще добираться к ним в гости. Я, конечно, люблю управлять амобилером, а еще больше – хвастаться, какой я великий гонщик, но с возможностью мгновенно попасть куда угодно Темным путем никакая лихая езда не сравнится. И Друппи повезло – полчаса моей жизни, не потраченные на дорогу, полностью достались ему. Потому что Дримарондо все-таки слишком интеллектуальный собеседник для человека, вконец ошалевшего от избытка дневных впечатлений.

К счастью, этим вечером выяснилось, что бегать за брошенной палкой Дримарондо все равно нравится. А играть в догонялки, то и дело переходящие в бег с барьерами, в роли которых выступает растянувшийся на мокрой траве человек, еще больше. И выдающийся интеллект делу не помеха. По крайней мере, под ногами он не путается – в отличие от пол моего старомодного лоохи, которое и правда не мешало бы укоротить, если уж все равно полгорода теперь так носит.

Я так не хотел возвращаться в пустой дом, что болтался с собаками почти до полуночи. И чуть было не дал им уговорить себя остаться ночевать в саду. Остановила меня только погода. Очень уж промозглая выдалась ночь, никакие одеяла не помогли бы приятно провести ее на сырой траве или в комнате с выбитыми окнами, а других в этом доме не было. Впрочем, не было тут и одеял. Я, честно говоря, даже насчет уборной не уверен – у меня ни разу не хватило духу спуститься по полуразрушенной лестнице в подвал, где, по идее, должны были находиться оставшиеся от прежних времен удобства. А что там творилось на самом деле, даже Темным Магистрам неведомо. По крайней мере, я бы на их месте предпочел ничего об этом не знать.

Поэтому я все-таки отправился домой, заранее прикидывая, куда бы еще податься и кому можно послать зов, если тишина в гостиной снова покажется мне невыносимой.

Но тишины я опасался напрасно.

Шагнув из душистого мокрого сада прямо в свою гостиную, я даже не успел порадоваться, что все снова получилось – уже шестой раз за день, превосходный результат! Потому что меня оглушил крик.

«Крик» – это вообще-то слабо сказано. Но я не могу подобрать синоним, хоть сколько-нибудь соразмерный эффекту этого пронзительного нечеловеческого рева. Хотя на самом деле конечно же человеческого. Даже, страшно сказать, девичьего.

Из услышанного я сделал ровно два вывода – оптимистический и не очень. Первый – что Меламори все-таки решила навестить меня нынче вечером. А второй – что она несколько не в духе. Потому что рев-то боевой. И предназначен вовсе не для уютных домашних скандалов, а для взаимодействия с настоящим врагом. Меламори своими воплями как-то раз даже гигантскую птицу кулюх убила, представителя той самой опасной для нас, изнеженных горожан, арварохской фауны, которой давеча стращал меня сэр Шурф. И правильно делал, что стращал, это Меламори у нас герой, каких Мир не видывал, практически богиня охоты, а я при виде птички размером в два моих роста небось сразу в штаны наложил бы.

Возможность проверить это предположение на практике представилась мне практически незамедлительно. Потому что это я сейчас, задним числом, веселюсь, рассказывая о том вечере, а тогда, конечно, перепугался до такой степени, что даже не сообразил послать Меламори зов и выяснить, какого черта она так орет. А просто помчался на звук, хотя приближаться к эпицентру рева было делом вполне самоубийственным. Но тут уж без вариантов, лучше замертво свалиться на полдороги, чем благоразумно затаиться и никого ни от чего не спасти.

К счастью, рев умолк, когда я был еще на лестнице, ведущей в башню, которая теперь стала моим кабинетом, а тогда была просто самым труднодоступным местом в доме – в том смысле, что подниматься туда очень уж долго. Не научись я ходить Темным путем, никакого кабинета в башне до сих пор не было бы, я все-таки трезво смотрю на вещи и не воображаю себя человеком, готовым бодро преодолевать сто двадцать восемь ступенек по несколько раз на дню.

Но тогда я пулей взлетел наверх, как миленький, и даже дыхание не сбилось – просто не до него было, особенно после того как Меламори перестала орать, и я поневоле начал подозревать неладное.

Зря, конечно. Ничего с нею не случилось. Просто никто не может вопить бесконечно долго, и Меламори в этом смысле не исключение.

Когда я наконец ворвался в башню, Меламори, подбоченившись, стояла на пороге и выглядела скорее довольной, чем сердитой. И красивой

как никогда, охотничий азарт ей очень к лицу.

Объект упомянутого азарта занимал почти все остальное помещение. И выглядел при этом как гигантский индюк. То есть так мне сперва показалось. А потом я разглядел его получше.

Хорошая новость состояла в том, что гигантский индюк занимал далеко не всю комнату, а сравнительно небольшую ее часть. И был, строго говоря, не гигантским, а просто очень крупным. Если бы я встал на цыпочки, достал бы макушкой до его клюва, а такую разницу в размерах вполне можно пережить.

Вторая новость, положение которой на шкале «хороший – плохой» я до сих пор затрудняюсь определить, – это был не совсем индюк. Вернее, совсем не индюк, а чудовище с головой индюка, чешуйчатым рыбьим туловищем, вполне человеческими босыми ногами и пышным лисьим хвостом. То есть практически василиск. С индюшачьей головой, кстати, гораздо страшней, чем с петушиной, несмотря на огромные лучистые глаза, скорее кошачьи, чем птичьи.

Я так растерялся, что сказал вслух:

– Мамочки, василиск!

Потом вспомнил, что василиски убивают взглядом и испугался по-настоящему. Но тут же сообразил, что если уж Меламори жива и здорова, то и я совершенно не обязан погибать во цвете лет от какого-то дурацкого индюшачьего взгляда. Подумаешь, взгляд.

– Ой, ты уже дома! – обрадовалась Меламори. – А что такое «василиск»?

– Мифическое чудище из другого мира, немного похожее на эту несказанную красоту. Только василиск взглядом убивает, а этот, получается, нет. По крайней мере, не всегда. Уже облегчение!

– Извините, пожалуйста, что встречаю в вашу беседу, – вежливо сказала чудище, – но вам, наверное, будет приятно узнать, что я никогда не убиваю взглядом. И вообще никого ничем не убиваю. А вы на меня так страшно кричали! Я чуть с ума не сошел.

– Я тоже чуть с ума не сошла! – огрызнулась Меламори. – Прохожу мимо дома, никого не трогаю, вижу свет в башне, поднимаюсь, чтобы устроить сюрприз, а тут вместо Макса ТАКОЕ! Ну, то есть ты... То есть вы. Тьфу! Все мое детство прошло в изучении дурацких правил дурацкого этикета, а как обращаться к незнакомым чудовищам, на «ты» или на «вы», так до сих пор и не знаю. Всегда была уверена, что самым полезным вещам родители не научат, хоть убей.

– Не надо никого убивать, пожалуйста, – попросил василиск. – У вас

только и разговоров что об убийствах.

А я, может быть, и так сейчас исчезну навсегда. Буквально с минуты на минуту! Очень не хочу исчезать.

– Тебя можно понять, – согласился я. – А почему ты исчезнешь?

– Я точно не знаю, – ответил он. – Может быть, и не исчезну. Но вообще-то, с такими, как я, подобные неприятности то и дело случаются. Исчезнуть нам гораздо проще, чем появиться.

– Такие, как ты, – это какие? – уточнил я.

– Существа, получившие жизнь благодаря свободному волеизъявлению и творческому самовыражению через магические действия, – как по-писаному отбарабанил василиск.

Будь я строгим экзаменатором, отправил бы его сейчас домой с «пятеркой», не задавая дополнительных вопросов. Но не с моим счастьем так легко отделаться от умненького чудовища, без приглашения вторгшегося в дом.

– Макс, это ты, что ли, наколдовал? – восхищенно спросила Меламори. – А давай тогда его оставим! Зачем такой красоте навсегда исчезать?

Она смотрела на меня с таким уважением, что мне даже захотелось соврать – а то, конечно, я! Где еще ты отыщешь могущественного придурка, способного каждый вечер радовать любимую девушку новеньким василиском.

Но чудище нам попалося говорящее, так что номер не прошел бы. Пришлось сказать правду.

– Я за весь день вообще ни одного внятного чуда не совершил, как-то не до того было. Только Темным путем бегал туда-сюда, но вряд ли от этого в доме заводятся чудовища. По крайней мере, о таком побочном эффекте меня никто не предупреждал.

– Можете не беспокоиться, вы действительно не имеете никакого отношения к моему появлению на свет, – подтвердил василиск.

Ну, то есть не василиск, а созданное по схожему принципу чудище. Иначе говоря, химера.

На этом месте мне окончательно стало неудобно о нем думать, потому что я не знал, как его называть. Или ее? Слово «василиск» мужского рода, «чудовище» – среднего, а «химера» – женского, но вся совокупность моих скромных филологических знаний не давала возможности вот так, с ходу определить пол собеседника. К тому же не факт, что у этого чудища он вообще есть.

И вот как прикажете иметь дело с этим не пойми чем? Разговаривать –

еще ладно бы, всегда можно сказать: «эй, ты». Гораздо хуже обстояли дела с обдумыванием. Мой конкретный ум требовал точного определения для внутреннего пользования, причем от неопределенного «оно» отказывался наотрез.

К счастью, мой ум – формалист, каких мало. Поэтому имени собственного ему обычно бывает достаточно, чтобы счесть всякий новый объект познанным, успокоиться и не мешать мне думать дальше. Поэтому я спросил:

— А как тебя зовут?

– Честно говоря, я не уверен, что меня хоть как-то зовут, – вздохнуло чудище. – Если даже человек, по чьей воле я возник из небытия, успел дать мне имя, он сделал это в мое отсутствие.

– Ладно, – сказал я. – Тогда будешь Базилио. – И, спохватившись, добавил: – Если ты, конечно, не против.

– Баааазиииилииииоооо, – мечтательно протянуло чудище. – Какое красивое, звучное имя.

Надо же, угодил.

– Как ты только такое выдумал? – изумилась Меламори.

– Не выдумал, а вспомнил. Просто у этого имени общий корень со словом «василиск», на которого похож наш гость. Сходство, на мой взгляд, недостаточное, чтобы назвать это существо просто василиском. Но и полностью его игнорировать у меня не получается. Поэтому – компромисс. А что имя из другого мира, так даже лучше. Будет подчеркивать его уникальность.

– Да ее и подчеркивать особо не надо, – заметила Меламори.

И, в общем, была права.

– Значит так, – сказал я. – Ты у нас – Базилио, договорились. Меня зовут Макс, эту прекрасную леди – Меламори. Вижу тебя как наяву. И ты нас, надеюсь, тоже. А теперь, когда мы все наконец знаем, как друг к другу обращаться, поведай нам, друг Базилио, откуда ты взялся в моей башне. И почему собираешься исчезнуть навек?

– Я не собираюсь, что вы! – испуганно сказала чудище. – Просто я чрезвычайно опасюсь возможности подобного исхода.

– И я понимаю тебя как никто. Но все равно, рассказывай с самого начала.

– Я не знаю, как можно рассказать о собственном рождении, – вздохнул Базилио. – Сперва меня не было, и вдруг я появился! И сразу слышал крик: «Что это за хрень?!» – но не понял, что речь идет обо мне. Вокруг был такой яркий свет, что я зажмурился, но потом стал

приоткрывать то один глаз, то другой, по очереди и понемногу привык. Вышло так, что мне каким-то образом передались знания, которыми обладал мой создатель, – все или только некоторые, теперь можно только гадать. По крайней мере, я с самого начала знал, что появился на свет в результате его колдовства. И что таких, как я, вообще-то не бывает. И что я слишком большой и страшный, поэтому не подхожу – вот для чего конкретно не подхожу, я так и не понял, потому что очень огорчился и заплакал. А создавший меня человек этого не заметил. Он выглядел очень сердитым и ругался разными ужасными словами, которые я не решусь воспроизвести в вашем присутствии, потому что, к сожалению, отчасти понимаю их смысл. А в промежутках между ругательствами он повторял: «Как же сделать, чтобы эта хрень исчезла? Как же ее убрать?» Тогда я наконец понял, что «хрень» – это я. И заплакал еще горше. Мне совсем не хотелось вот так сразу перестать быть. Я еще даже толком не попробовал жить! Но уже успел почувствовать, что мне это скорее нравится, чем нет.

– Какой ужас, – сказала Меламори. – Бедный ты мой зверь! Только родился, и вдруг тебя сразу «хренью» обзывают и извести хотят. И вовсе никакая ты не хрень, а очень хорошее, умное, славное чудище. Так и знай. Скажи ему, Макс!

– Офигительное, – подтвердил я. – В жизни таких прекрасных чудищ не видел.

Ну и тут случилось то, чего следует опасаться, когда безответственно сюсюкаешь с малознакомыми химерами: Базилио зарыдал. Если вам кажется, будто рыдающий гигантский индюк с рыбьим туловищем – это очень смешно, я вас понимаю. И сам раньше так думал. Но на практике оказалось, что это довольно трогательно и одновременно куда более жутко, чем я способен вообразить. То есть наяву еще ничего, но во сне я бы такое увидеть ни за что не хотел. Пожалуйста, если можно.

– Вы такие добрые, – сквозь слезы пробормотал Базилио. – Я же знаю, что, с человеческой точки зрения, совершенно ужасен! А вы все равноооооо...

Конец фразы утонул в новом потоке слез. Но мы с Меламори мужественно дождались завершения рыданий и только тогда потребовали:

– Рассказывай дальше, дружище. Как ты к нам попал? Или твой создатель просто колдовал в этой башне? Он что, работает в доме?

Вот уж кстати совершенно не удивился бы. От слуг, которые никогда не попадают на глаза, чего угодно можно ожидать.

Но Базилио отрицательно помотал своей нелепой индюшачьей головой:

– Нет-нет. Не в этом доме. В другом. Создавший меня человек еще немного поругался и куда-то убежал, а я увидел, что окно открыто, и вылетел...

– А ты можешь летать?! – хором спросили мы с Меламори.

– Просто у тебя же крыльев нет, – смущенно добавила она. – Извини, если это прозвучало обидно.

– Совсем не обидно, – сказал Базилио. – Только крыльев мне не хватало! А летать можно и без них.

– Ну да, – кивнула Меламори. – Ты же волшебное существо, а не обыкновенная птица.

– Волшебное существо, – повторил Базилио. – Волшебное существо! Так вот что я такое! А вовсе никакая не «хрень».

Я не стал говорить, что одно другому совершенно не мешает. Правда не всегда уместна. Вместо этого спросил:

– А здесь-то ты как оказался?

– Ну так окно в башне было открыто, – виновато потупился Базилио. – Оно, конечно, не очень большое, но я как-то смог протиснуться. Вы только не подумайте, что я хотел вас обокрасть!

Вот уж в голову не пришло бы.

– Просто я откуда-то знал, что в высоком доме с башней живет очень могущественный колдун, который может делать всякие штуки, о каких нормальный человек в здравом уме даже думать не станет, – сказал Базилио. – Наверное, это тоже одно из тех знаний, которые достались мне от моего создателя. Вы же и есть тот самый колдун?

– Ннннннууу... – заблеял я.

Очень уж растерялся от такого определения. Хотя «делать всякие штуки, о каких нормальный человек в здравом уме даже думать не станет» – чистая правда. За этим – ко мне.

– Он, он, – подтвердила Меламори. – Ты в хороших руках.

Вид у нее при этом был бесконечно гордый. И я сразу растаял. Очень, оказывается, приятно, когда девушка хвастается тобой перед ужасным чудовищем. Даже если прекрасно понимаешь, что следующим шагом хитроумной девушки будет настойчивая просьба оставить чудовище в качестве нового домашнего любимца. Небось уже предвкушает, как будет ходить с Базилио в гости к родителям и прочим знакомым, только-только начавшим забывать те страшные времена, когда Меламори наносила визиты исключительно в обществе мохнатого арварохского паука и требовала, чтобы все его гладили.

– Это очень хорошо, что вы и есть могущественный колдун, – сказал

мне Базилио. – Потому что вдруг вы сумеете сделать так, чтобы я не исчез? Пожалуйста!

– Макс, ты сумеешь? – встревоженно спросила Меламори. – Я надеюсь, тебя не придется уговаривать? Ты же сам понимаешь, что Базилио не надо куда-то исчезать?

– Понимаю, – печально согласился я. – Но пока совершенно не представляю, как это устроить. Придется звать кого-нибудь еще более могущественного.

– Конечно! – обрадовалась Меламори. – Слышишь, Базилио? Не вешай нос, то есть клюв. Мы все уладим.

Я в это время пытался решить, кого позвать на помощь. Кандидатов собственно было всего двое: Джуффин и Шурф. Но поди выбери. Джуффин, ясное дело, старше, опытней и вообще немыслимо крут. С другой стороны, Шурф тоже, мягко говоря, не самое беспомощное существо. И при этом постоянно читает всякую заумную древнюю хренотень. И знает кучу удивительных вещей, о которых Джуффин, будучи человеком разумным и практичным, даже не слышал никогда – просто нужно не было. Однако если Шурф уже спит, очень жалко его будить. А Джуффина – не особенно. Этот злодей сам столько раз будил меня в совершенно неподходящее время, что...

Я так и не успел принять решение. Потому что в окне показалась голова. Хвала Магистрам, на этот раз человеческая. Мужская, растрепанная и вполне симпатичная, несмотря на обстоятельства ее появления.

– Это мое чудовище к вам залезло, – сказала голова. – Хвала морю созерцающему, вы в порядке. Простите меня, пожалуйста. Я его сейчас уберу... Наверное. Если получится. По крайней мере, я постараюсь!

Базилио в панике рванул ко мне, явно намереваясь спрятаться за мою спину. Чуть не сшиб с ног, но вовремя затормозил. В жизни не встречал таких аккуратных чудищ.

– Спасите меня, пожалуйста, если вам не трудно! – взмолился он.

Надо же, какой вежливый.

– Спасу, – твердо пообещал я.

И на всякий случай встал между чудищем и окном. Не то чтобы верил в эффективность такой защиты, зато Базилио сразу успокоился.

– Трикки, – изумленно сказала Меламори. – Дырку над тобой в небе! Так это что, твое чудовище? Но как?!. А почему ты залез в окно? Внизу дверь открыта, мог бы нормально зайти.

– Ну не спускаться же теперь вниз, – смущенно пожал плечами наш новый гость.

Он уже залез целиком и теперь сидел на подоконнике. И во все глаза разглядывал – причем не Базилио, а меня. Вот уж никогда не думал, что могу успешно конкурировать с василисками.

– Вы, получается, знакомы? – растерянно спросил я Меламори.

– Еще как получается, – усмехнулась она. – Это и есть Трикки Лай, заместитель начальника нашей полиции, с которым ты не спешил знакомиться в надежде, что он как-нибудь сам свалится тебе на голову, а потом будут драки, погони и необитаемый остров. Но и так тоже ничего, да?

Ох.

– Значит так, – сказал я. – Давайте сразу договоримся о дальнейших действиях. Сейчас мы все пойдем вниз, в гостиную, где можно спокойно сесть в кресла и выпить камры или еще чего-нибудь – там разберемся. При этом никто из нас не будет исчезать, убегать, уничтожать друг друга и выкрикивать подозрительные заклинания. Условия жесткие, согласен. Но, по крайней мере, у меня не запрещено курить. Базилио, вперед! Пока ты не сдвинешься с места, мы отсюда не выйдем, потому что ты заслонил проход.

Чудище послушно протиснулось в дверь и затопало вниз по лестнице трогательными босыми пятками. А мы следом. Красивая получилась процессия, жаль, никто не видел нас со стороны. Даже я только примерно представлял, как мы сейчас хороши.

...В гостиной не было ни крошки еды, зато обнаружился почти полный кувшин камры из «Обжоры Бунбы», а у Меламори была с собой очередная бутылка какого-то безумного неземного вина из кладовых Семилистника, которое она регулярно получает от своего дядюшки Кимы, этими погребами заведующего. Благодаря ее вкладу, из меня получился неописуемо гостеприимный хозяин – нормальные люди таким вином даже с близкими далеко не всегда делятся. Жаль, Базилио не оценил. Прислушался к своим ощущениям и робко сказал, что никаких напитков ему, похоже, не хочется. И еды тоже, спасибо большое. То ли волшебным существам вообще не нужно ни есть, ни пить, то ли это была просто реакция на пережитый стресс. Поди пойми.

– Я должен все объяснить, – твердо сказал Трикки Лай, принимая из моих рук кружку с подогретой камрой.

– Безусловно, – согласился я. – Иначе будут жертвы.

– Какие жертвы? – встревожился он.

Бедняга Базилио задрожал и попытался спрятаться за креслом. Меламори погладила его как собаку и зашептала что-то утешительное в покрытый чешуей бок – выше просто не дотягивалась.

Надо же, какие все нежные.

– Я от любопытства помру, – объяснил я. – А больше никаких жертв. Это я так шучу. Привыкайте. Оба.

Базилио тут же успокоился и гортанно заклекотал, подставляя Меламори другой бок. Трикки Лай сдержанно улыбнулся краешком рта. И принялся рассказывать.

– Штука в том, что у нас послезавтра детский праздник.

Я чуть не поперхнулся.

– Да, начало неожиданное, я понимаю, – согласился он. – Тем не менее это так. Послезавтра будет большой праздник для детей полицейских. Я уже не первый год такие устраиваю, и это отлично работает на создание хорошей рабочей атмосферы, а она в нашем деле нужна даже больше, чем высокое жалование и ежегодные награды для лучших сотрудников. Впрочем, сейчас речь не о том. Просто по сложившейся традиции наш начальник генерал Бубута предоставляет для праздника свой дом и сад, а я...

– Что?!

Я ушам своим не поверил.

– Дом и сад, – повторил Трикки Лай. – Ему, кстати, это очень нравится, генерал Бубута отлично ладит с детьми. У них, как оказалось, много общих интересов. А я отвечаю за официальную программу развлечений. Придумываю новые интересные игры, которым детей на улице не научат, и показываю фокусы.

– Фокусы? То есть Базилио – это твой фокус?! – изумилась Меламори. Ну или возмутилась. Похоже, она сама еще не решила, какое из чувств кажется ей более подходящим к случаю.

– Ты совершенно права, – кивнул Трикки Лай. – Я решил разучить к празднику какой-нибудь новый трюк. А то показываю каждый год одно и то же. А детишки растут и учатся, многие уже сами умеют не хуже. Значит, надо постараться их удивить.

– Удивить? Ну тогда да, все получилось, – вздохнул я, в который раз покосившись на совершенно человеческие босые ноги Базилио.

– Нет-нет-нет, – отчаянно замотал головой Трикки Лай. – Задумывалось совсем не то! Я же, понимаете, не так давно живу в Ехо. Всего несколько лет. И за это время довольно многому научился. Сэр Джуффин говорит, я очень способный, и, наверное, так оно и есть, потому что начинать мне пришлось вообще с нуля. У нас в Тулане даже Безмолвная речь – редкость, особое тайное искусство, которым все мечтают овладеть, но мало у кого получается. А тут без магии не прожить.

О том, чтобы служить в полиции, колдую хуже, чем средний горожанин, и речи быть не может. Поэтому я учусь до сих пор, буквально каждую свободную минуту. Самое необходимое, что мне по должности положено уметь, уже умею. Но сверх этого – почти ничего. Просто не успеваю пока.

– Я и сам оказался в сходной ситуации, – улыбнулся я. – Когда поступал на службу, Очевидная магия была под почти полным запретом. Не выше четвертой ступени Белой и второй Черной, если не ошибаюсь. Уже на моей памяти разрешили колдовать поварам – аж до двадцатой ступени! Это тогда казалось невиданным либерализмом. И на таком фоне моих скромных умений было более чем достаточно. К тому же я специализировался в... скажем так, несколько иной области. Поэтому все было хорошо. И вот я возвращаюсь после нескольких лет отсутствия, а тут такое творится! Колдовать внезапно разрешили, и население взялось за дело всерьез. Даже за школьниками поди угонись. И теперь я целыми днями пытаюсь наверстать упущенное, не разбираясь, насколько оно мне нужно.

– Вот это роскошь, – вздохнул Трикки Лай. – Не разбираясь, надо же! Я-то с нужным пока едва справляюсь. И вдруг эти грешные фокусы. Но развлекать детей на празднике – это тоже нужное дело. Я сперва хотел попросить сэра Джуффина чему-нибудь эдакому меня научить, но постеснялся беспокоить его из-за пустяков. А тут еще книжка полезная по случаю в руки попала, я подумал: сам справлюсь. И вот результат.

Результат встревоженно моргнул и снова предпринял тщетную попытку спрятаться за креслом Меламори. Вот бедняга.

– Книжка значит, – ухмыльнулся я.

Не то чтобы я совсем не доверяю книгам, обучающим магии. Скажем так, я вполне доверяю им, когда они оказываются в руках искушенных экспертов, способных с первого взгляда отличить дельную вещь от диковинных фантазий безответственного автора, который за всю свою жизнь даже кастрюлю каши при помощи заклинаний ни разу не сварил. Но боюсь, чтобы сосчитать этих самых искушенных экспертов, хватит пальцев одной руки. Я сам, увы, не из их числа. И Трикки Лай, похоже, вряд ли.

То-то и оно.

– Это довольно старая книга, – принялся объяснять он. – Букинист на Сумеречном Рынке приблизительно датировал ее самым началом Эпохи Орденгов. Называется «Веселая Магия для будущих послушников»...

На этом месте я не выдержал и заржал, Меламори тоже прыснула, но тут же была вынуждена успокоиться и объяснить Базилио, что такой громкий смех – это у нас просто способ выражения веселья. А вовсе не

сдавленные рыдания и тем более не воинственный клич. Очень уж робкое чудище нам попало. Что неудивительно: у него было тяжелое детство. Продолжительностью примерно в четверть часа.

– Просто, как я понимаю, в то время все дети мечтали поскорей подрасти и поступить в какой-нибудь Орден. И автор книги дает понять юному читателю, что описанные в ней фокусы – первый шаг к осуществлению этой мечты, – укоризненно сказал Трикки Лай.

– Да ясно! – сквозь смех сказал я. – Но все равно. «Веселая Магия»! «Для будущих послушников»! Грешные Магистры, так не бывает!

– Это еще что, – заметила Меламори. – Вот у меня в детстве была книжка «Увлекательные приключения без ложки и горшка». Угадайте, о чем.

Теперь заржал и Трикки Лай. Бедный Базилио. Трудно ему с нами.

– Скажи, что ты это выдумала! – потребовал я.

– Ничего подобного. Попрошу родителей ее отыскать, сам увидишь. Очень полезная, кстати, книжка. Она была написана в Смутные времена и должна была научить совсем маленьких детей выживать в экстремальных обстоятельствах. Ну, например, когда приходится жить в лесу, потому что твой дом разрушен. Или прятаться в подвале от пьяных Магистров, которые только что убили твоих родителей. Или оказаться на пустынном морском берегу, потому что перевернулась лодка, в которой ваша семья удирали в безопасное место. Такое в ту пору то и дело случалось. И книжка, во-первых, объясняла детям, что к подобным неприятностям надо относиться как к приключениям и не вешать нос. А во-вторых, учила нехитрой, но совершенно необходимой для выживания магии: как развести огонь, согреть воду, добыть плоды, не залезая на дерево, превратить кучу листьев в теплое одеяло, и так далее. Корва настаивал, чтобы я всему этому научилась – дескать, сейчас времена мирные, но что будет завтра, не знает никто, и лучше подготовиться к любому развитию событий. А я и не особо возражала: это было гораздо интересней, чем все остальные обязательные занятия. Кстати, потом в Арварохе эти знания очень мнегодились. Потому что всю мою тамошнюю жизнь иначе как «увлекательные приключения без ложки и горшка» и не назовешь. Хотя нет, вру, ложка у меня все-таки была. Именная, с гравировкой, личный подарок Завоевателя Арвароха. Я с ней не расставалась, потому что пить кактусовый суп из раскаленного ведра – занятие очень на любителя... Но Магистры с ним, с Арварохом. Лучше рассказывай про свою книжку, Трикки.

– Ладно, – кивнул он. – Так вот, книжка эта хоть и старинная, но все-

таки детская. Поэтому фокусы там действительно довольно простые, не выше тридцатой ступени, а с этим я уже справляюсь легко. И решил, что проблем у меня не будет. Выбрал фокус, который показался мне самым интересным: из ниоткуда появляется невиданное, ни на что не похожее чудище и через несколько секунд исчезает. Если наловчиться и проделать его хотя бы дюжину раз подряд, да еще чтобы чудища все время были разные, получится очень эффектное выступление, и дети будут довольны – так я рассудил. И решил хорошенько потренироваться. Но вчера на службе, как назло, выдался очень непростой день, а ночью мне пришлось возглавить большую портовую охоту на разрушителей кораблей, так что поспал я всего пару часов, на столе в своем кабинете, а это похоже на отдых больше, чем чангайская пытка пляской. Но ненамного. Сегодня работы было ненамного меньше, и домой я добрался только к ночи. Любой разумный человек на моем месте завалился бы спать, но у меня же детский праздник! Выступление послезавтра, а я еще ни разу не попробовал воспроизвести фокус из книжки. И я пошел тренироваться. Сколько раз мне говорили, что нельзя спросонок колдовать, а я не верил. Наверное, потому и получилась ерунда.

– Я не ерунда! – вдруг возмутился Базилио. – Я – волшебное существо.

Трикки Лай был совершенно потрясен. Похоже, до него только сейчас дошло, что кошмарное дело его рук обладает разумом, волей, да еще и чувством собственного достоинства в придачу.

Надо отдать парню должное, на обработку новой информации и полную смену концепции у него ушло секунды две, не больше. Иным на это и целой жизни бывает мало.

– Извини, – наконец сказал он. – Я не хотел тебя обидеть. Когда я говорил «ерунда», я имел в виду не тебя, я себя. Просто я плохо сделал свою работу, и у меня получилось не то, что было задумано. Так понятно? И не обидно?

– Понятно, – подумав, кивнул Базилио. – Но все равно очень обидно, что я – не то, что ты задумал.

– В этом нет ничего обидного, – принялся объяснять Трикки Лай. – Потому что я собирался просто сделать фокус. Пустяковую иллюзию, которая появляется и сразу исчезает. А ты получился живой и настоящий. И такой огромный! Согласно книжке, ты раза в три меньше должен быть. То есть не ты, а иллюзия. Неважно. Важно, что к твоему появлению я был совершенно не готов. Представляешь, как я испугался?

– Ты испугался? – переспросил Базилио. – Точно-точно? И поэтому захотел, чтобы я исчез? А не потому, что я тебе не нравлюсь?

– Ну конечно, – подтвердил Трикки Лай. – Просто от неожиданности. К тому же я не знал, что ты умный и с тобой можно договориться. Думал, ты улетел, чтобы нападать на людей. Может быть, даже сожрешь кого-нибудь, а этого я допустить никак не мог. Побежал за тобой. И когда увидел, что ты залетел в башню Мохнатого Дома, полез за тобой по стене. Решил, что так будет быстрее, чем стучать в дверь, ждать, пока откроют, и объяснять, что случилось.

– Надо было просто послать мне зов, – сказал я. – Мы, конечно, не были знакомы, но для Безмолвной речи это не обязательно.

– Да, я сразу так и подумал. Но... наверное, просто постеснялся. Бывают ситуации, когда проще залезть на стену, чем все объяснить.

О да. Еще как бывают.

– Ты же живая легенда, Макс, – сочувственно сказала Меламори. – Ты и при жизни имел ту еще репутацию...

– При жизни?!

– Ой, прости. Я хотела сказать, до того, как исчез на несколько лет. Мои собственные родители иногда рассказывали о тебе такие вещи, что, если бы мы с тобой к тому времени не были настолько хорошо знакомы, я бы пожалуй предпочла держаться подальше. Из, скажем так, уважения. А теперь прикинь, какими подробностями успели обрасти эти байки за время твоего отсутствия! Помнишь истории про короля Менина? Можешь гордиться, о тебе рассказывают не хуже.

– Ладно, – растерянно сказал я, – буду гордиться. Все лучше, чем запереться в спальне и рыдать.

– Поэтому многие люди будут тебя стесняться, а другие – бояться, и с этим ничего не поделаешь, – заключила Меламори. – Я знаешь сколько раз Трикки про тебя рассказывала? Ну, что ты отличный и с тобой легко иметь дело. И он вроде бы даже верил. А все равно на башню по отвесной стене полез, лишь бы с тобой не разговаривать.

– Просто я подумал, что первое впечатление от знакомства самое яркое, – признался Трикки Лай. – Ну и решил, пусть лучше я запомнюсь придурком, который внезапно появляется в окне и требует вернуть его чудовище, чем занудой, который среди ночи присылает зов незнакомому человеку и долго лепечет какую-то невнятную чепуху. – И, подумав, добавил: – Тем более что благодаря магии лазать по стенам стало гораздо легче, чем раньше. Но это случилось сравнительно недавно, поэтому все равно выглядит довольно эффектно. Грех не воспользоваться.

Надо же, какой честный.

– В общем, так, – я решил подвести итог. – Значит, наш Базилио

появился на свет совершенно случайно, ты сам не знаешь, как это получилось и как долго продлится твоё колдовство. Поэтому если мы хотим, чтобы он жил долго и счастливо...

– Мы хотим! – твердо сказала Меламори, главный друг и защитник всех беспризорных чудовищ.

– Тогда надо звать на помощь Джуффина, – заключил я. – Никто из нас троих не знает заклинаний, дарующих долгую и счастливую жизнь вымышленным существам, которых на самом деле не бывает. А Джуффин... Ну, он сам по себе заклинание. Самое действенное из всех, какие я успел вызвать. Помогает вообще от всего.

«Если ты думаешь, будто жестоко разбудил меня среди ночи, причинив невыносимые страдания, оставь надежду, – весело сказал Джуффин. – Я мало того что не сплю, а еще даже не ужинал. И собираюсь заняться этим буквально с минуты на минуту. Присоединишься?»

«Лучше ты ко мне. Я сейчас сижу в гостиной Мохнатого Дома, и у нас тут нет ни крошки еды. Зато отличная компания. Я, Меламори и Трикки Лай, с которым ты велел мне немедленно познакомиться – ну вот, уже сделано. Я очень дисциплинированный. И с нами еще один... одна... одно... Слушай, даже не знаю, как сказать. Зато готов спорить, что ты в жизни такого не видел».

«Правда, что ли, готов спорить? – оживился Джуффин. – И какая будет ставка?»

«Да какая хочешь. Просто мне очень надо, чтобы ты срочно на это посмотрел».

«Ладно, – согласился он. – Но при одном условии: ты раздобудешь еду. И готовить ее будут не Королевские повара, окопавшиеся у тебя на кухне».

«Да что ж я, отравитель какой?»

– Не знаю, сэр Макс, не знаю. О тебе страшные вещи порой рассказывают, – ухмыльнулся Джуффин, входя в гостиную. – И ведь не зря рассказывают, – добавил он, во все глаза уставившись на нашего Базилио. – Интересных гостей ты принимаешь по ночам. Такого я действительно еще не видел, ты был совершенно прав. Но это не отменяет необходимости срочно меня накормить. Шли зов в любой трактир, пусть несут что угодно, лишь бы много и быстро.

– Хорошая ночь, – вежливо сказал Базилио. – Наверное, вам лучше сразу узнать, что я не питаю склонности к немотивированным убийствам и не ем людей. За этот вечер я уже не раз убедился, что моя внешность вызывает подобные подозрения. И хотел бы сразу их отвести.

– Это означает, мой друг, что тебя окружают плохие физиономисты, – утешил его Джуффин. – Мне бы в голову не пришло, что ты способен на такие ужасные вещи. Сразу видно, что ты – самое разумное и добродушное существо если не во всем городе, то в этом помещении – определенно.

– Спасибо! – воскликнул Базилио.

От избытка чувств он принялся подпрыгивать, мотая лисьим хвостом и всеми своими индюшачьими гребнями одновременно. Выглядело это, честно говоря, совершенно жутко, но мы не дрогнули. А я под шумок еще и заказ в соседний «Счастливый скелет» отправил. У них не самая изысканная еда в столице, зато доставка молниеносная. Их шеф-повар в детстве служил при кухне в Ордене Решеток и Зеркал и с тех пор очень хорошо понимает значение слова «быстро». Тамошний Великий Магистр, как рассказывают, за малейшее промедление превращал в камни не только наемных слуг, но и любимых учеников. А расколдовывал только под настроение, что означает – редко и неохотно.

– Мне бы очень хотелось узнать историю происхождения этого удивительного существа, – сказал Джуффин.

– Базилио! – хором выпалили мы с Меламори.

– Что?

– Его так зовут: Базилио, – объяснила она. – Макс придумал.

– Ясно. Очень мило с его стороны. Но это не ответ на мой вопрос.

Трикки Лай обреченно вздохнул и принялся рассказывать свою историю заново. Впрочем, Джуффину повезло: со второй попытки получилось совсем коротко и гораздо более внятно.

– Очень хорошо, – сказал Джуффин, дослушав его до конца. – И это тоже очень хорошо, – сказал он первому блюду с горячими пирогами, влетевшему в гостиную и аккуратно приземлившемуся на стол.

За блюдом следовала стайка тяжело нагруженных коллег.

– А меня вы позвали только для того, чтобы удивить? Или просто соскучились? – спросил он, молниеносно расправившись с первой жертвой. В смысле, с пирогом.

– Удивить – это приз в качестве извинения за беспокойство, – объяснил я. – Базилио нужна помощь. Ну, какое-нибудь заклинание, чтобы он не исчез в любой момент. А то обидно получится – только родился, и уже надо исчезать. Я бы так не хотел, даже если бы был чу... в смысле, таким удивительным существом.

– Ты и так удивительное существо, – заверил меня Джуффин. – Хотел бы я посмотреть на того, кто станет утверждать обратное! Но суть проблемы я уяснил. А с чего вы взяли, будто ваш Базилио должен

исчезнуть? По-моему, он производит впечатление вполне себе живучего материального объекта. Разве нет?

– Ну просто заклинание было такое, – смущенно сказал Трикки Лай. – Оно подразумевает, что объект появляется и тут же исчезает. Буквально через несколько секунд. Я, конечно, все на свете перепутал и невесть чего наворотил, но вдруг оно сработает, просто с опозданием? Теперь, когда мы с Базилио познакомились поближе и я оценил его душевные качества, хотелось бы этого избежать.

– Еще бы ты не оценил! – хмыкнул Джуффин. – Ладно, для начала мне нужно взглянуть на твою книжку. Где она?

– Дома, конечно. Принести? Я быстро...

– Быстро?! Отсюда до твоей квартиры, насколько я помню, четверть часа бегом в один конец. Ладно уж, сам схожу.

И исчез прямо из кресла. Не то что шагу не сделал, даже не привстал.

– Вот это класс! – восхитился Трикки Лай. И печально добавил: – А я пока только чужим Темным путем умею ходить. Уже пять лет практикуюсь, и никакого прогресса!

– Всего пять лет, – поправила его Меламори. – Этому все долго учатся. Вот лет через сто можешь начинать жаловаться.

– Я сам только сегодня научился, – признался я.

– Ну ничего себе! – изумился Трикки Лай. – Так удивительно слышать, что вы чего-то не умеете!

– Все мы чего-нибудь да не умеем, – сказал Джуффин. – И это прекрасно. Иначе в жизни было бы гораздо меньше сюрпризов и смысла.

На этот раз он образовался не в кресле, а на столе. Сидел там среди тарелок как парадное блюдо и торжественно размахивал добычей – тоненькой разноцветной книжонкой. Не слезая со стола, быстро ее пролистал. Одобрил:

– Вроде толковая. Мне бы такую в детстве! Где там твой фокус, Трикки? На какой странице?

– Номер восемь в разделе «Удиви всех».

– Ага, – кивнул Джуффин и уткнулся в книгу надолго. Секунд на двадцать. Давненько он на моей памяти так вдумчиво не читал.

– Ну так все ясно! – торжественно объявил он, захлопнув книгу. И конечно, умолк – в лучших традициях ведения светской беседы.

Предполагается, что собеседники будут вежливо ждать продолжения и, не дождавшись, умрут от любопытства один за другим. Подозреваю, что в бытность свою наемным убийцей Джуффин добрую половину врагов этим способом в гроб загнал. А вовсе не каким-нибудь хитроумным

магическим оружием.

К счастью, я не очень хорошо воспитан. Слышал когда-то краем уха, что понукать собеседника почти так же невежливо, как перебивать, и тут же выкинул эту ерунду из головы. Пренебрежение хорошим тоном не раз спасало мне жизнь и рассудок. Вот и сейчас, пока Меламори, Трикки Лай и Базилио умоляюще смотрели на Джуффина, я взял да и спросил:

– Что ясно-то?

– Как все получилось, – невозмутимо отвечал Джуффин. И сжалившись над нами, наконец объяснил: – Просто Трикки нечаянно применил сто восемьдесят пятую ступень магии вместо восемнадцатой. Создание одушевленных иллюзий очень похоже на этот детский фокус, только силы вкладывать приходится гораздо больше.

– Как это может быть? – опешил Трикки Лай. – Я же не умею сто восемьдесят пятую ступень! Я и до шестидесятой пока толком не добрался.

– Это тебе только кажется. Все мы чего-то не умеем, как я уже говорил, но при этом способны на гораздо большее, чем ожидаем. Ты не первый, кто сам себя так удивил. Это довольно часто случается с могущественными, но не очень опытными людьми – когда они много выпьют или, скажем, сильно рассердятся. Или испугаются. Ну или просто очень устанут – бессонница в этом смысле ничем не лучше Джубаткской пьяни, контроль утрачивается точно так же.

И укоризненно добавил:

– А ведь я предупреждал! Хотя, конечно, сам до сегодняшнего дня не подозревал, к какому потрясающему результату может привести твое упрямство. Ты сумел меня удивить, поздравляю!

– А я? – жалобно спросил Базилио. – Что будет со мной?

– Понятия не имею, – сказал ему Джуффин. – Потому что я – не предсказатель судьбы. Но что-нибудь обязательно будет, на этот счет можешь не переживать. Я хочу сказать, что бесследно ты не исчезнешь. Поблагодари сэра Макса, это он устроил.

Теперь пришла моя очередь не верить своим ушам.

– Вот этого точно не может быть! Потому что я вообще не колдовал с момента появления Базилио. Только зов послал – тебе, а потом в трактир. Но вряд ли это могло так подействовать на окружающую среду.

– Да, сэр Макс сразу сказал, что не знает, как мне помочь, – поддержал меня Базилио.

– Он, конечно, не знает, – согласился Джуффин. – Но все равно сделал все как надо. И колдовать не понадобилось. Сэр Макс дал тебе имя. А это самый верный способ удержать в Мире одушевленную иллюзию.

В древности это было знание из разряда общеизвестных банальностей, а теперь оно принадлежит к числу удивительных тайн, которые мудрые старики вроде меня время от времени открывают трепещущим ученикам.

– Спасибо! – воскликнул Базилио. – Теперь я не исчезну! Как это прекрасно!

– И в связи с этим надо срочно выяснять, чем тебя кормить, – спохватился я.

– Ну как – чем, – укоризненно сказал Джуффин. – Волшебные существа едят волшебную еду. То есть появившуюся в результате колдовства. Придется вам дружно осваивать это тайное знание, – и он выразительно похлопал книжкой по столу. – Фокус номер восемь в разделе «Удиви всех», только вместо невиданного чудища визуализируем какую-нибудь еду. Вернее, не какую-нибудь, а чего Базилио пожелает. А его задача – быстренько проглотить результат, пока не исчез. По-моему, будет весело.

– Даже слишком, – растерянно согласился я. – Особенно если кое-кто опять переборщит с магией, и у меня в доме заведется одушевленный пирог. Станет скитаться по коридорам и уныло восклицать: «Ах, жизнь коротка, я уже черствую! Съешьте меня кто-нибудь!» А я буду рыдать от сострадания. Блестящая перспектива.

– Ничего, я сама научусь, – пообещала Меламори. – И с магией не переборщу, ты меня знаешь, я очень аккуратная. Не сидеть же Базилио голодным!

– Это – моя ответственность, – твердо сказал Трикки Лай. – Буду приходить к вам и кормить Базилио. Я бы забрал его к себе, да ему там будет тесно. У меня очень маленькая квартира. Нарочно такую искал. Сперва поселился в Новом Городе, в огромном красивом доме, лучшее жилье в моей жизни, всегда о таком мечтал. А в итоге, смешно сказать, спал там в шкафу. Просто с детства привык к тесным помещениям, и этого уже не изменить.

– Вот и хорошо! – обрадовалась Меламори. – Базилио остается у нас! А кормить – корми, конечно, если сумеешь. Это честно. Но и меня научи. Чтобы можно было по очереди.

– Чего ты сейчас хочешь, Базилио? – спросил Трикки Лай. – Я тебе наколдую.

– Если можно, я бы съел селедочный торт с кремом, – робко промолвило чудовище. – Никогда прежде его не видел, но откуда-то знаю, что это – самая прекрасная еда в Мире.

– Точно! В детстве я их обожал, – согласился Трикки Лай. – Да

и сейчас, честно говоря, ел бы и ел, только здесь таких не пекут.

– Вот это очень интересный момент, – заметил Джуффин. – Одушевленная иллюзия обычно наследует характер и склонности своего создателя. И его знания о Море, по крайней мере, какую-то их часть. Поэтому Базилио знает о существовании туланских рыбных тортов и заранее уверен, что они ему понравятся.

– И вот откуда он знает все остальное, – кивнул я.

– И почему у него такой хороший характер, – добавила Меламори. – Ты отличный парень, Трикки. Я уже много лет собираюсь это тебе сказать, да как-то повода не было. А теперь, хвала Магистрам, есть.

– Спасибо, – хором ответили Трикки Лай и Базилио.

Потом мы умиленно смотрели, как Базилио клюет гигантский кремовый торт, возникший из небытия по воле его создателя, великого кудесника и прирожденного ведущего детских праздников. Честно говоря, я опасался, что бедняга на радостях обожрется до заворота кишок, но этого не случилось – буквально минуту спустя полуразрушенный торт исчез, как не бывало.

– Как, и все?! – разочарованно выпалила Меламори.

– Жизнь иллюзий недолговечна, – виновато объяснил Трикки Лай. – Обычно они существуют не дольше дюжины секунд. Мой торт продержался гораздо дольше положенного срока – я очень старался!

– Ты успел наесться? – спросила Меламори Базилио, который растерянно моргал, уставившись на пустое место, где только что был торт.

– Я пока не знаю, что значит «наелся», – ответило наше чудовище. – С другой стороны, я не испытываю неприятного чувства, хоть сколько-нибудь похожего на голод, как я его себе представляю. И я... наверное, это называется «счастлив»? Мне очень хорошо. И тепло внутри.

– Я буду делать тебе такой торт каждый день, – пообещал Трикки Лай. – Может быть, даже два раза – если со службы удастся вырваться.

– Я тоже могу делать селедочный торт, – сказала Меламори. – И вообще все, что захочешь. Ничего сложного в этом фокусе нет. Смотри!

И перед Базилио возник новый торт, больше прежнего, покрытый к тому же ярко-алым кремом.

– Правда, красиво? – гордо спросила Меламори.

Базилио с некоторой опаской клюнул ее угощение, после чего торт исчез.

– Ничего, следующий проживет дольше, – пообещала она. – Мне просто нужна практика.

– Надеюсь, вдвоем вы как-нибудь справитесь, – сказал я. – У меня всю жизнь были проблемы с готовкой.

– Конечно, мы справимся, – заверил меня Трикки Лай. – А если вы любезно проложите для меня Темный путь из моего кабинета в свой дом, я смогу кормить Базилио почаще.

– Не вопрос. С Темным путем мои отношения сложились гораздо лучше, чем с кулинарией.

– Ну тогда все улажено! – обрадовался он.

– Почти все.

Джуффин скорчил такую злодейскую рожу, словно внезапно вспомнил, что все присутствующие являются безжалостными похитителями младенцев, в связи с чем нас требуется немедленно допросить, предварительно как следует запугав.

– Дело за малым, – добавил он. – Осталось получить разрешение...

– Какое, к Темным Магистрам, разрешение?!

– Ну, видишь ли, содержание одушевленных иллюзий в доме, не оборудованном специальными охранными амулетами, препятствующими их свободному передвижению, вообще-то по-прежнему запрещено законом. Прогулки по городу, даже в сопровождении – тем более. – Джуффин виновато развел руками. – Честно говоря, нам просто в голову не пришло отменить этот запрет за компанию с прочими, потому что традиция создания подобной красоты, – он отвесил Базилио условно галантный поклон, – давным-давно... ну, не то чтобы окончательно утрачена, но, я бы сказал, зачахла. Некоторые направления практической магии, как ни смешно, порой просто выходят из моды, как одежда или, скажем, музыка. А потом вдруг снова входят; возможно, именно это сейчас и произойдет. И Ехо заполнится удивительными существами – если, конечно, сэр Макс сумеет добиться разрешения не только на содержание Базилио, но и на его прогулки.

– И тогда появятся еще такие, как я? – сообразил Базилио. – И я смогу с ними дружить? И ходить в гости? Это было бы прекрасно!

– Теоретически такая вероятность существует, – сказал Джуффин. – Но запасись терпением, обычно подобные перемены требуют времени. Так что привыкай пока дружить с людьми. Мы, конечно, не сахар, но с выбором у тебя пока не очень.

– Ну что вы, – вежливо возразил Базилио. – Люди – прекрасные существа. Мне ли, получившему от вас жизнь, сочувствие, приют и еду, жаловаться на судьбу?

Пока они обменивались любезностями, я обдумал внезапно

возникшую проблему. И с облегчением понял, что на самом деле ее нет.

– Слушай, ну так выдай мне это разрешение, – сказал я Джуффину. – Сам видишь, какой прекрасный у нас Базилио. Какой от него может быть вред? Одна только польза и удовольствие.

– Так-то оно так. Да только я никаких разрешений не выдаю. То есть могу подарить тебе хоть мешок бумаг, мне не жалко, а толку-то от них. Подписанные мной разрешения не имеют законной силы. Я – не та инстанция.

– погоди, – опешил я. – Как это? А кто тогда та?

– Сэр Шурф, конечно.

– А! – обрадовался я. – Тогда тем более никаких проблем.

– Боюсь, в ближайшее время тебе предстоит расстаться с некоторыми иллюзиями на его счет, – ухмыльнулся Джуффин.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но тут же его захлопнул. Потому что любое дело, в которое вовлечен сэр Шурф – уравнение с неизвестной переменной. Друг мой, конечно, надежен – даже не как скала, а как две скалы сразу. Но имя этим скалам Симплегады^[5], вот в чем беда.

– Даааааа... – протянула Меламори, выразив таким образом полное понимание ситуации.

– Так или иначе, все будет хорошо, – твердо сказал я. – Базилио в обиду не дам. В крайнем случае, уйдем с ним вдвоем куда-нибудь на край Мира. Босые и с котомками.

– Вот хорошо, что ты напомнил, – спохватился Джуффин. – Никакого края! Базилио должен оставаться в Ехо. Вдали от Сердца Мира он мгновенно развоплотится, и никакое имя тут не поможет.

– Ой! – испуганно пискнуло наше чудище. – Развоплощаться я совсем не хочу!

– Ну так никто и не заставляет. Просто живи в Ехо, и все будет в порядке, – успокоил его Трики Лай. – Не горюй, я и сам в таком же положении. Если уеду отсюда, сразу стану призраком, и привет. Нам с тобой еще повезло, Ехо – город большой, и жизнь тут интересная. Моря только нет. Но ладно, с такой рекой, как Хурон, вполне можно жить и без моря.

– Насчет интересной жизни – это ты в точку, – заметил Джуффин. – Выгляните-ка в окно.

Я думал, что уже примерно знаю, каких сюрпризов ожидать. Небо опять какого-нибудь не того цвета или ветер нам снова покрасили. Но нет, не покрасили. И небо было темным, как и положено ночью. Зато из него получился очень выгодный фон для многоцветной радуги, сияющей так

ярко, что на улице стало светло, почти как днем. И, скажем так, довольно пестро.

– А все уже небось дрыхнут и не видят, – наконец сказала Меламори. – Хорошо все-таки не спать по ночам. Вся красота наша!

– Пошли наверх, – предложил я. – Представляете, как это выглядит из башни?

Но путь из гостиной был перекрыт. На пороге сидели Армстронг и Элла и во все глаза таращились на Базилио. На мохнатых мордах был написан немой вопрос: «Интересно, это оно пришло нас съесть? Или мы должны съесть его? И если да, то почему его не покروшили в наши миски заранее?»

– Ой, – сказала чудовище и попыталось спрятаться за наши спины.

– Это просто кошки, – сказал я. И, чувствуя себя последним лживым негодяем, добавил: – Они совершенно безобидные.

В ответ на мою клевету Элла взвыла страшным басом и пулей вылетела в коридор. Армстронг рванул за ней, задрал хвост трубой.

– Такие красивые, – печально вздохнул Базилио, глядя им вслед. – Жалко, что я им не понравился.

– Да им никто особо не нравится, – утешил его я. – Если только он не паштет.

Радуга исчезла уже под утро, когда небо понемногу начало светлеть, а воздух налился прозрачной синевой. И тогда мы наконец пошли спать. Причем Трикки Лай уснул прямо на диване в гостиной, и ни у кого не поднялась рука его разбудить. А мы с Меламори отправились в спальню в компании Базилио, который заявил, что ему страшно оставаться одному. Такого осложнения я, честно говоря, не предвидел, но перенес стоически. Хорошо хоть в постель это чудище брать не пришлось: Базилио устроился на подоконнике, как на насесте и сразу же уснул. Зато Меламори подскакивала каждые пять минут, чтобы проверить, не развоплотился ли ее любимчик. Не то чтобы она не верила Джуффину, но тревога часто оказывается сильнее самой крепкой веры, мне ли этого не знать.

Едва задремав, я тут же снова проснулся от странного шума. Спросонок подумал, что на улицу под нашими окнами пытается приземлиться вертолет. Потом сообразил, что я в Ехо, а тут нет никаких вертолетов. От удивления проснулся окончательно и только тогда обнаружил источник шума.

На подоконнике по обеим сторонам от Базилио лежали Армстронг и Элла и залиvisto мурлыкали. Когда-то я каждую ночь засыпал под их

умиротворяющий грохот, как миленький, но эти счастливые времена давно миновали. Кошки не то обиделись на меня за долгое отсутствие, не то просто забыли, кто я такой и какая от меня бывает польза. Еду из рук вежливо брали, иногда неохотно позволяли себя погладить, но спальню мою обходили стороной, благо масштабы Мохнатого Дома это позволяют.

И вдруг – здравствуйте пожалуйста. Явились.

Но, увы, не ко мне.

– Это значит, что я им все-таки понравился? – шепотом спросил Базилио, приоткрыв один глаз.

– Понравился, не сомневайся, – зевнул я. – Спи уже, горе мое.

– Горе? – жалобно повторил он.

– Счастье, – вздохнул я. – Конечно же я хотел сказать «счастье». Перепутал, прости.

Всегда был уверен, что кутить ночь напролет следует именно в компании начальства. Тогда есть надежда, что завтра оно тоже опоздает на службу, а может быть, и вовсе не явится – это смотря как погулять. И некому будет вытаскивать тебя с утра пораньше из теплой спальни, до отказа набитой красавицами и чудовищами.

Мы-то как раз особо не кутили, но все равно так и вышло. Для начала мы дружно проспали. И никто не прислал нам зов, чтобы осведомиться, куда мы подевались. Даже Трикки Лая не разбудили и не потребовали срочно явиться в Дом у Моста, где без него, разумеется, все давным-давно пропало. По крайней мере, когда я около полудня спустился в гостиную, громогласно проклиная все на свете – не потому что так уж плохо себя чувствовал, а просто в качестве любимой утренней разминки – он сидел на диване и растерянно оглядывался по сторонам, как и положено человеку, только что проснувшемуся в незнакомом месте.

– Это вы почему ругаетесь? – осторожно поинтересовался он.

Я задумался. А действительно, почему?

– Потому что жизнь прекрасна и удивительна, – наконец сказал я. – И кто-то должен уравнивать это невыносимое счастье своим дурным настроением. В моем доме этот кто-то обычно я сам. Нельзя перекладывать ответственность за равновесие Мира на своих гостей.

Потом я угощал их с Меламори завтраком, причем не заказанным как обычно в ближайшем трактире, а добытым из Щели между Мирами. Если кто-то думает, будто я просто люблю пускать пыль в глаза, он совершенно прав. Очень люблю. Особенно когда есть возможность блеснуть перед людьми, которые только что у меня на глазах кормили иллюзорными

пирогам заспанное чудище, настолько ужасное при ярком дневном свете, что я даже не рассмеялся, увидев на его ногах тряпичные домашние туфли, зеленую и голубую. Уж не знаю, где они с Меламори нашли эти сокровища, у меня таких отродясь не водилось. Но на то и Мохнатый Дом, сколько в нем ни живи, а неисследованных комнат и неизведанных шкафов, до отказа набитых удивительными предметами непонятного происхождения, на твой век хватит.

Зато Армстронга и Эллу облик Базилио совершенно не смущал. Они не отходили от своего нового кумира ни на шаг, игнорируя не только всех присутствующих, но даже миски с едой – событие совершенно беспрецедентное.

После завтрака я вдоволь набегался Темным путем – в рабочий кабинет Трикки Лая и обратно, а потом к нему домой, чтобы он мог в любое время навестить своего питомца, не затрачивая времени на дорогу. Меламори тем временем принесла стопку старых газет, чтобы проверить, умеет ли Базилио читать. К счастью, знание алфавита он унаследовал от своего создателя в числе прочих. И пришел в восторг, обнаружив почти неисчерпаемый источник сведений о причудливой жизни удивительных существ, среди которых его угораздило оказаться. Поэтому мы устелили газетами весь пол в гостиной – листать их Базилио было очень неудобно, да и держать нечем. На мой взгляд, гостиной это пошло только на пользу, старые газеты выглядят гораздо элегантней, чем какие-то дурацкие ковры.

Утро, таким образом, прошло в приятных домашних хлопотах – как я их себе представляю. После чего Трикки Лай и Меламори все-таки отправились в Дом у Моста. А я послал зов Шурфу Лонли-Локли и сказал: «Обстоятельства сложились так, что мне надо срочно с тобой увидеться по самому настоящему важному делу. Как к тебе записываются на прием?»

«Через секретаря, разумеется», – невозмутимо ответил он.

Один – один.

«...и очередь, насколько мне известно, расписана на две дюжины дней вперед».

«Добивать поверженного противника нечестно, – возмутился я. – Лучше скажи, когда можно свалиться тебе на голову – так, чтобы не зашибить?»

«Да хоть сейчас, – неожиданно сказал Шурф. – Какая разница, как разговаривать? Времени что на Безмолвную беседу, что на обычную тратится одинаково. А тебе, насколько я помню, больше нравится вслух. Я сейчас в том же кабинете, где ты оставил меня вчера. Но буду вынужден покинуть его буквально через три минуты. Чем быстрее придешь, тем

больше успеешь сказать».

– Все-таки Темный путь – самое гениальное изобретение колдующего человечества, – торжественно провозгласил я, сделав шаг из своей гостиной прямо к его рабочему столу. – Раз – и все! Три минуты, говоришь? Ладно, тогда слушай внимательно. Мне нужно разрешение на содержание в доме одушевленной иллюзии. И еще на свободные прогулки этой иллюзии по городу. Но с этим, если что, можно немного подождать, а в доме она уже прямо сейчас сидит. И девать ее некуда. Вернее, его. Ай, неважно...

– Какая такая одушевленная иллюзия? – встревожился мой друг. – Что ты еще натворил?

– Не я. Ты меня переоцениваешь.

Пришлось совершить невозможное и втиснуть давешнюю историю в несколько коротких фраз.

– Ясно, – сказал Шурф. – Есть два варианта. Первый: я даю тебе это грешное разрешение прямо сейчас. Вернее, ближе к вечеру, когда у меня будет достаточно продолжительный перерыв в делах, чтобы его подготовить.

– Спасибо, дружище, – сказал я, мысленно показывая язык Джуффину, который страдал меня утратой иллюзий.

– погоди, ты меня не дослушал. Второй вариант такой: я говорю тебе, что подобные дела решаются в установленном порядке, согласно законодательству, и исключений тут быть не может. После чего мы начинаем стандартный процесс легализации одушевленной иллюзии, который, по моим расчетам, имеет некоторые шансы завершиться еще до конца этого года. Ну или в начале нового, как пойдет.

– А смысл? – изумленно спросил я.

– Смысла абсолютно никакого, – усмехнулся Шурф. – Зато у меня будет несколько прекрасных поводов заявиться к тебе в гости. Причем не в кратких промежутках между делами, а в рабочее время. Исключительно по долгу службы. Это называется «составление экспертного заключения о безопасности магического объекта» и обычно отнимает несколько часов. После чего я могу назначить повторную экспертизу и снова ее провести. В некоторых особо сложных случаях доходит до полудюжины экспертиз, и я не вижу ни единой причины, почему бы вашему Базилио не оказаться самым сложным случаем в моей практике. Ты же, в свою очередь, можешь наносить мне ответные визиты: лица, чьи дела я веду лично, имеют право на прием вне очереди. То есть, если называть вещи своими именами, это я имею право послать в задницу всех, когда у меня в кабинете сидит такое

лицо. Кроме разве что чиновников Королевской канцелярии и прочих придворных палачей, но они, хвала Магистрам, далеко не каждый день приходят пить мою кровь. Довольствуются малым. Ну что скажешь?

– Потрясающе, – вздохнул я. – Джуффин предупреждал, что, когда я приду к тебе за этой грешной бумажкой, мне придется расстаться с иллюзиями на твой счет. И был совершенно прав. Я-то наивно думал, что ты – бессердечный бюрократ-маньяк с обостренным чувством долга. И мужественно принимал таким, каков есть. А ты, оказывается, совершенно нормальный человек – разгильдяй, ловкач и пройдоха. Даже не знаю, как переживу такое открытие. Но заранее согласен на любую аферу.

– Прими во внимание, что в настоящий момент я – что-то вроде каторжника, – сказал Шурф. – А любой каторжник ради внеочередной прогулки мир перевернет.

Я сочувственно покачал головой. Что тут скажешь.

– А теперь, сэр Макс, исчезни, пожалуйста, как можно скорей, – велел он. – Я по твоей милости уже опоздал на совещание. Лучше приходи вечером, будешь писать заявление по всей форме. Думаю, это отнимет у тебя никак не меньше часа. А то и все полтора. И не вздумай заранее поужинать, у меня отличный повар. Будет обидно, если ты упустишь возможность...

– Провести экспертизу? – подсказал я. – И тут же назначить повторную? Договорились.

– Ты был совершенно прав, – сказал я Джуффину полчаса спустя. – Сэр Шурф – бюрократ, каких свет не видывал. Поэтому сегодня вечером мне предстоит писать заявление по всей форме. Заранее содрогаюсь. При этом он заявляет, что есть некоторые шансы завершить это дело до конца года. «Некоторые шансы», прикинь!

Я так старательно разыгрывал возмущение, что почти сам себе поверил.

– До конца года – это даже как-то чересчур быстро, – усмехнулся Джуффин. – Я, конечно, не предсказатель, но помяни мое слово, без непредвиденных задержек не обойдется. Думаю, тебе придется с утра до вечера обивать порог своего приятеля, чтобы ускорить дело. Впрочем, повар у них действительно прекрасный. За это многое можно простить.

– Тебя не проведешь, – разочарованно вздохнул я.

– Разумеется, нет. Но спасибо за попытку. Она меня развлекла. А теперь посмотри в окно.

За окном не происходило ничего особенного. Ну, кроме заката. Но

после вчерашнего дня я уже не был уверен, что закат через два часа после полудня следует считать выдающимся событием. Ночь после него не наступила, значит все в порядке. Теперь у нас – так.

– Похоже, закаты ему понравились, – наконец сказал я.

– Или ей.

– Или ей, – согласился я. – Просто «художник» – слово мужского рода. Кого угодно можно так называть.

– Думаешь, все-таки художник?

– Конечно, художник, – усмехнулся я. – Кто ж еще. Вон как зажигает... Если, конечно, это не кто-то из твоих знакомых развлекается, чтобы не дать нам заскучать. Ну или пари с кем-нибудь заключил, как долго будет водить тебя за нос.

– Все-таки вряд ли, – сказал Джуффин. – Я уже поговорил со всеми, кто хотя бы теоретически на такое способен. Начиная с Сотофы и заканчивая самим Магистром Хонной, который вообще-то уже полторы сотни лет не отзывается ни на чей зов. Просто не хочет. Но я был очень назойлив. Сказал каждому из них: «Если это твои штучки, большое спасибо, продолжай в том же духе, пока не надоест. Только хотя бы намекни, что нам не нужно никого искать и спасать, потому что мы, честное слово, найдем, чем еще заняться». Но никто не признался. Напротив, говорят: нет-нет-нет, давайте ищите, спасайте! И, похоже, никто не врет. Ложь от правды я, хвала Магистрам, пока отличить умею, и расстояние тут совсем не помеха. Зато теперь всем, включая Хонну, который, по идее, давным-давно забил на наши дела, стало интересно, что это за гений такой выискался – мало того что заставил весь город смотреть его сон, так еще и всем угодил.

– А что, правда всем?

– Вроде бы да. За последние два дня не поступило ни единой жалобы на нарушение общественного спокойствия, ни одной анонимной просьбы проверить, не злоупотребляет ли недозволенной магией подозрительный сосед, по слухам, до сих пор не получивший лицензию. Хотя обычно подобные кляузы пишут и по гораздо меньшему поводу. Какое-нибудь дерево в парке заговорит по-иррашийски, и нам тут же приходит полдюжины писем с требованием уговорить неведомого безобразника, нарушившего священное право растения хранить молчание. Будь я так строг, как требуют некоторые благонамеренные горожане, из этого города давно сбежала бы добрая половина населения, а оставшаяся подняла бы бунт и была бы совершенно права... Но на ветры и закаты никто пока не жалуется. Даже, наоборот, порываются отблагодарить. Незадолго до тебя ко

мне приходила делегация от столичного купечества. Сказали, что на общем собрании решили наградить неизвестного колдуна за доставленное удовольствие. Спрашивали, куда нести подарки. Еле отбился от них сто девятой статьей Кодекса – той, где говорится о праве всякого гражданина на сохранение в тайне любых своих дел и поступков, не вступающих в противоречие с законом. Все лучше, чем честно признаваться, что не знаю. Не знать мне по должности не положено. И, будешь смеяться, Его Величество тоже захотел отблагодарить неизвестного чародея за доставленное удовольствие. Мы с ним с утра разговаривали. Правда, Король сперва был уверен, что это ты устроил на радостях, в честь возвращения домой. «Я хорошо знаю сэра Макса и уверен, что это совершенно в его духе». Представляешь? Пока его переубеждал, чуть было сам не начал подозревать, что это ты развлекаешься.

– В некотором смысле Король прав, – сказал я. – То есть понятно, что не я такое устроил. Мы оба знаем, что такие штуки я делать не умею, по крайней мере наяву. А вот во сне... Знаешь, во сне вполне мог бы.

– Еще как мог бы, – согласился Джуффин. – Я же видел город, родившийся из твоего сна. Закаты там правда всего раз в день, в положенное время – недочет! Но спишем его на то, что ты тогда бы молодой и глупый. Не разошелся еще как следует.

– Вот-вот, – усмехнулся я. – К тому же кто знает, как там все происходило поначалу. Я уже и не помню... Так говоришь, этот сновидец может застрять у нас и никогда не проснуться? На его месте я был бы только рад. Ужасно тяжело было просыпаться после таких снов. Видеть ничего не хотел. И делать тоже. Только снова уснуть, желательно навсегда.

– Даже ценой жизни?

– А Магистры его знают. Наверное. Скорее всего, я бы просто не поверил, что умру. Или сказал бы – ай, плевать! Во сне я обычно храбрый.

– А знаешь, может быть, так будет проще, – вдруг сказал Джуффин.

– Как – «так»? И что – проще?

– Представить, будто нам нужно найти тебя. Ну, то есть кого-то очень похожего. Подумать, как бы ты себя вел, если бы это был твой сон. Чего хотел бы? Чего бы опасался? Чем мог бы заинтересоваться? На каких условиях согласился бы поговорить?

– Да на любых, – усмехнулся я. – Поговорить я готов вообще с кем угодно, без всяких условий. Зато на остальные вопросы ответов нет даже у меня. Во сне я бываю разными людьми. И некоторых из них мне не понять никогда. Но, наверное, ты правильно рассуждаешь. Будем считать, что ищем примерно такого же психа, как я. Иллюзия зацепки, наверное,

тоже лучше, чем ничего... Ох, смотри!

Посмотреть действительно было на что. По улице Медных Горшков несся вихрь с рыбьей головой. То есть сравнительно небольшой воздушный поток, передняя часть которого была похожа на голову огромной рыбы. Наяву такое совершенно невозможно, зато во сне – в самый раз.

Ну, строго говоря, это и был сон. Просто чужой.

– Нет, он гораздо круче меня, – вздохнул я. – Или она. Какая разница. Но, кстати, знаешь что? Будь я на его месте, я бы сейчас крутился где-нибудь рядом и наблюдал за реакцией публики. Художнику нужен зритель, вот что я тебе скажу. Это даже не вопрос тщеславия. Просто искусство – это способ высказаться. И очень тяжело никогда не получать ответа. Мало кто долго выдержит... Так, стоп. А где у нас?..

– Ага, – кивнул Джуффин. – Именно! Нумминорих скорее всего в Зале Общей Работы. По крайней мере я его никуда не...

Я не дослушал. Пулей вылетел из кабинета и коршуном накинулся на Нумминориха, который, ясное дело, тоже прилип к окну – дурак он, что ли, такие зрелища пропускать.

– Бегом за этим вихрем, – сказал я.

Нумминорих тут же выскочил в окно и вприпрыжку помчался по улице Медных Горшков в направлении Большого Королевского Моста. Хвала Магистрам, что существует Безмолвная речь, а то пришлось бы за ним по всему городу гоняться, чтобы договорить.

«Учти, нас интересует не эта прекрасная рыбья башка, – сказал я. – А люди, которые крутятся рядом. Ну или просто глядят на нее из окон. А может быть, с крыш. Присматривайся ко всем. И главное – нюхай! Если среди них есть хоть один сновидец... Ну даже не знаю. Действуй по обстоятельствам. Лучше всего заговори с ним, а сам зови меня. Или в пригоршню его и бегом сюда. Или иди за ним следом. Или хотя бы просто запомни, как он выглядел. Или она, или они, если их несколько. Не знаю, что из этого получится, но...

«Ладно, – ответил Нумминорих. – Я ничего не понял, но постараюсь что-нибудь сделать».

Вот что значит легкий характер. Получи я сам подобное задание, дырку в голове начальства проел бы, выясняя, чего ему все-таки надо, как лучше и что будет, если я ошибусь.

Впрочем, если разобраться, примерно такое задание я и получил.

– Понятия не имею, что из этого выйдет, – сказал я, вернувшись в кабинет. – Ну зато мы наконец-то начали хоть что-то делать. Уже можно

жить.

– Отличный подход, – кивнул Джуффин. – Что мне по-настоящему не нравилось в истории со сновидцами – это сидеть сложа руки и теоретически предполагать, что в беду попадут очень немногие. И, в любом случае, такова их судьба. Бывает, в конце концов, участь и пострашнее, чем умереть во сне – так я себе говорил.

– Не помогало? – понимающе спросил я.

– Если бы помогало, меня бы следовало гнать с моей должности в шею, – усмехнулся он. – Фатализм обычно свидетельствует о житейской мудрости и правильно выбранной философской позиции. Но с нашей работой он совершенно несовместим. Потому что в некотором смысле мы с тобой и есть судьба. Как минимум инструменты в ее руках. А инструментам положено действовать, а не утешать себя разумными рассуждениями.

– Тогда я тоже пойду пройдуся, – решил я. – В худшем случае порадуясь, что удрал со службы, воспользовавшись первым же предложением. А в лучшем дам судьбе шанс стукнуть кого-нибудь мной по голове. Если уж я – ее инструмент. На скальпель я мало похож, зато молоток из меня отменный.

– Возможно, даже целый топор! – сказал мне вслед Джуффин.

Это прозвучало столь утешительно, что я остановился и задрал голову, чтобы поблагодарить его за комплимент. Да так и застыл, разинув рот. Потому что увидел, как по небу бежит человек в синих штанах. Возможно, даже в джинсах, снизу толком не разглядишь. И лицо его тоже было неразлично, только копна развевающихся темных волос. Но я до сих пор уверен, что он хохотал. Наверное, потому, что сам бы на его месте ржал как сумасшедший – просто так, от избытка сил и сладчайшей вседозволенности, перепрыгивая с одного облака на другое.

– Я ничего не унюхал, – печально сообщил Нумминорих.

Я не заметил, когда он появился. И вообще обо всем на свете забыл, таращась на прыжки патлатого небожителя.

– Этот ветер-рыба нырнул в Хурон, – рассказывал Нумминорих. – Ну и уплыл, наверное. Или просто исчез. Кроме меня это видели еще несколько прохожих, но они совершенно точно не сновидцы. Обычные горожане. Так что...

– Конечно, ты не унюхал, – согласился я. – Очень уж высоко забрался этот красавец. Смотри, где он!

Нумминорих тоже задрал голову и ахнул.

– Вот здорово! Это же ему снится, да? Какой отличный сон! Даже мне

такие нечасто удастся увидеть, а ведь я все-таки учился...

– И выучился на нашу голову, – проворчал я.

Ворчать у меня были все основания. Потому что именно во время своей учебы у Тубурских мастеров сновидений Нумминорих умудрился вывернуть наизнанку некую волшебную шапку, тамошнюю главную реликвию. И с тех пор к нам валом повалили сновидцы. Вероятно, потому, что в результате этой выходки наш Мир превратился в пространство сновидения, но о таких вещах я предпочитаю не задумываться. С ума я уже пару раз сходил, и мне совсем не понравилось.

Тем временем небесный человек совершил еще несколько головокружительных прыжков, остановился, помахал нам рукой и исчез, как не бывало.

– Красиво, да? – сказал Джуффин, аккуратно приземляясь прямо перед нами.

Я окончательно перестал понимать, что происходит.

– Так это ты, что ли, по небу скакал? В штанах?! А прическа?..

– И хотел бы сорвать аплодисменты, да не имею права, – усмехнулся он. – Я просто увидел, как ты пялишься в небо и рванул на крышу, чтобы обеспечить себе идеальный обзор. Из окна-то неба почти не видно. Отличное было зрелище, рад, что не пропустил. Ну, будем считать, познакомились с будущей добычей. Удачный день!

Иногда его оптимизм меня бесит – как бесит больного необходимость постоянно принимать лекарство, поддерживающее его жизнь.

– Задание в любом случае не отменяется, – сказал я Нумминориху. – Теперь твоя работа – гулять по городу в поисках необычных зрелищ, вроде этого ветра с рыбьей головой. Закаты и прочие масштабные явления не очень подходят, потому что на них толпы глазуют, за всеми не уследишь. Нам бы лучше какое-нибудь камерное событие, которое целиком помещается на одной улице. Держи связь с Кофой, он обычно первым о таких вещах узнает. Но и просто на удачу полагайся, она у тебя, как я помню, есть. И как только увидишь что-нибудь необычное, вынюхивай поблизости сновидцев. У меня, понимаешь, возникла идея, что автору всей этой красоты интересно смотреть на реакцию зрителей. Надеюсь, что это хотя бы иногда так.

– Ну так он же с неба смотрит, – вздохнул Нумминорих. – Там его не унюхаешь. И тем более не поговоришь.

– Сегодня с неба, а завтра, глядишь, захочет потолкаться локтями в толпе. Мне было бы скучно все время вести себя одинаково. Будем надеяться, ему тоже. Или ей. Этого я, честно говоря, так и не понял. Штаны

кто угодно может носить, и волосы отрастить не проблема.

– Внешность – это вообще несущественно, – вставил Джуффин. – Во сне ее мало кто контролирует, а те, кому это удастся, обычно развлекаются, меняя облик каждые несколько минут. Мы, кстати, вообще не можем быть уверены, что автор всех этих ветров и закатов непременно человек. Он вполне может оказаться кем угодно – хоть рыбой, хоть деревом, хоть драконом о восемнадцати головах. Во вселенной много разных Миров, и я не сомневаюсь, что где-нибудь непременно живут разумные рыбы, драконы, деревья и, к примеру, коты. И заодно чудища вроде твоего нового приятеля Базилио, – подмигнул он мне. – Любой из них может внезапно увидеть во сне, что выглядит как человек. И самые мужественные, возможно, как-нибудь это переживут. Не станут подскакивать с криком и требовать, чтобы их подержали за ручку... то есть за лапку. За ветку, за щупальце, за крыло. Что выросло, за то пусть и подержат, лишь бы поскорее забыть этот страшный сон о том, как был человеком, да еще и в штанах бегал, как ташерец какой.

– Рехнуться можно, – простонал я.

– Нельзя, – строго сказал Джуффин. – Я, хвала Магистрам, пока твой начальник. И запрещаю тебе сходить с ума.

Всегда догадывался, что он тиран, каких поискать.

– Ладно, – вздохнул я. – Нет так нет. Не очень-то и хотелось.

– А Базилио... Можно я посмотрю на Базилио? – спросил Нумминорих. – Меламори столько о нем рассказывала! Я буквально одним глазом быстренько на него взгляну, ладно? Хотя бы в замочную скважину. А потом сразу пойду искать чудеса и нюхать прохожих.

– Ладно, – сказал я. – Что с тобой делать. Пошли.

В Мохнатом Доме, как и следовало ожидать, было довольнолюдно. Если хочешь, чтобы друзья почаще тебя навещали, заведи дома чудище, чем страшнее, тем лучше – верный рецепт!

Пол в гостиной уже был покрыт газетами только отчасти. Прочитанные Базилио складывал на стол в аккуратную стопку. И даже кошкам не позволил ее раскидать. Удивительно чистоплотное чудовище мне досталось – как пример и живой укор.

Кроме газет на столе помещались несколько кувшинов с камрой. По крайней мере, мне хотелось думать, что именно с ней, рабочий день-то еще не закончился. Теоретически все присутствующие в любой момент могли быть призваны срочно спасти человечество или хотя бы отдельно взятого околдованного злой мачехой сироту.

Впрочем, содержимым кувшинов никто особо не интересовался. Меламори, Кекки и Трикки Лай сидели на полу, окружив Базилио и дремлющих у него в ногах условно мелких хищников, а сэр Мелифаро в ультрамодном лоохи, едва прикрывающем задницу, и ярко-зеленой скабе, которая, хвала Магистрам, все еще худо-бедно достигала середины икры, носился по гостиной, возбужденно выкрикивая:

– Только один! Можно достать только один!

– Да, спасибо, я уже понял, – вежливо отвечал ему Базилио. – А теперь, пожалуйста, дайте мне подумать.

– Чем это вы тут?.. – начал было я, но вся компания, включая Мелифаро, дружно на меня зашипела: «Тс-с-с-с-с-с-с!»

– Какие строгости, – проворчал я. Но очень тихо. Из меня получился бы очень покладистый демон, усмирить которого – раз плюнуть.

«А он что, из моря вышел?» – Нумминорих тоже мгновенно усмирился и перешел на Безмолвную речь, чтобы никому не мешать.

«Почему из моря? – удивился я. – Трикки его у себя дома наколдовал. Откуда там взяться морю?»

«Просто он пахнет морем, – объяснил Нумминорих. – И больше, кажется, вообще ничем».

«Спасибо, дружище. Еще одной неразрешимой загадкой стало больше. Хорошо хоть меня не заставляют ее разгадывать. Но бескорыстное любопытство никто не отменял. От него и помру».

– Значит так, – сказал Базилио. – Достаем один камень из шкатулки с надписью «Черный и белый». Не забываем о том, что все надписи лгут. Значит, в этой шкатулке камни одинакового цвета. Если мы достали белый, значит два белых, если черный – два черных. Дальше элементарно: у нас осталось всего две шкатулки, на каждой написана неправда, значит, на самом деле все наоборот.

– Молодец! – воскликнул Мелифаро. – Гений и вундеркинд. Я сам решал подобные задачки в раннем детстве, но все-таки не на следующий день после рождения. Горжусь знакомством!

Все остальные, включая только что вошедшего Нумминориха, дружно зааплодировали. И только я завис, пытаюсь понять, каково было условие задачи.

– Есть три шкатулки, в одной лежат два черных камня, в другой два белых, в третьей черный и белый. Шкатулки надписаны, все надписи – ложь. Нужно достать всего один камень из одной шкатулки и определить, где какие лежат^[6], – сказал Трикки Лай, заметивший мои интеллектуальные мучения. – Мелифаро уже полчаса изводит Базилио головоломными

задачками.

– Он не изводит, – возразил Базилио. – Мне никогда в жизни не было так интересно!

Ну, с учетом того, что нашему чудищу еще и суток не исполнилось, вполне может быть.

– Ладно, – объявил я. – Базилио – слава! Возможно, даже вечная. А теперь небольшой перерыв на светскую жизнь. Базилио, это сэр Нумминорих Кута. Нумминорих, это Базилио. Ни на секунду не сомневаюсь, что вы оба видите друг друга как наяву. Правда, я уже могу наниматься церемониймейстером к Его Величеству? А, и самое главное! Вы все профукали совершенно офигительный ветер с рыбьей головой и пляску в облаках. Так случается со всеми плохими детьми, которые прогуливают школу. В смысле, службу. Сами виноваты.

– Это как – ветер с рыбьей головой? – изумился Трикки Лай.

– Невообразимо и неопишимо, – честно ответил я.

– А в облаках-то кто плясал? – нахмурился Мелифаро.

– Когда я смогу ответить на этот вопрос, стану самым счастливым человеком в Мире, – сказал я. – По крайней мере, сейчас мне так кажется. Нумминорих вам расскажет, он тоже все видел. Ему вообще-то надо работать, но думаю, большой беды не будет, если он задержится тут еще на четверть часа. И заодно объяснит вам, какой помощи мы сейчас ждем от всех присутствующих и отсутствующих. А еще больше – от милосердной судьбы; впрочем, по моему опыту, на эту даму надежды мало.

– Спасибо, – обрадовался Нумминорих.

– Да не за что. Вводить людей в курс дела – тяжелый труд. Считаю, что я просто свалил его на тебя. Развлекайтесь дальше, а я пошел бесцельно бродить по городу, сверкая безумными глазами. Потому что именно в этом заключается теперь моя работа.

– Смотри не надорвись, бедняжка, – ласково сказал Мелифаро.

– Постараюсь, – невозмутимо отвечал я. – Но твердо обещать не могу.

И уже на пороге хлопнул себя по лбу, вспомнив о главном.

– Только не вздумайте тащить Базилио на прогулку. Мне даже лицензию на его пребывание в доме еще не выдали. О разрешении на выход в город пока даже думать боюсь. Оно у нас, конечно, обязательно будет. Но, к сожалению, не прямо сейчас. И даже не послезавтра, это я вам всем гарантирую. Не грусти, Базилио, нагуляешься еще. Но пока придется потерпеть.

– Ничего страшного, – сказал Базилио. – Я уже понял, что мой облик

кажется большинству людей неприятным и даже пугающим. И в связи с этим пока не уверен, что мне так уж хочется на улицу. Сожалею только, что из-за меня вам приходится хлопотать.

Ну просто ангел.

– Ничего, – утешил его я. – Хлопоты – не самое страшное, что может случиться с человеком.

– Шурф дорвался до бумажек? – понимающе спросила Меламори. – И хочет посвятить весь остаток твоей жизни их правильному заполнению? Страшный он все-таки человек.

– О да, – подтвердил я. – Совершенно ужасный.

– Совершенно ужасный ты человек, – сказал я Шурфу несколько часов спустя, когда пришло время «писать заявление по всей форме». В смысле, ужинать. – Знаешь, о чем мы не подумали? О твоей репутации. Меламори теперь всю жизнь будет считать тебя бесчеловечным монстром. И, подозреваю, не она одна. Если уж ты даже мне пустяковое разрешение на содержание безобидного чудища без бюрократических пыток не выдаешь – представляешь, какой вырисовывается образ?

– Вот и прекрасно. Именно этого я и добиваюсь. Не то чтобы мне потребовалось рассориться персонально с леди Меламори; впрочем, по моему опыту, несколько дней спустя ей надоест сердиться на человека, убить которого в порыве справедливого негодования довольно затруднительно, и она сама как-нибудь придумает мне подходящее оправдание. Но вообще репутация бесчеловечного монстра мне бы сейчас совсем не помешала! По моим наблюдениям, чем хуже думают о тебе люди, тем реже они вынуждают тебя подтверждать их опасения делом. В этом смысле, моя скверная репутация – залог спокойствия Соединенного Королевства. И моего личного заодно. Но зарабатывать ее по-настоящему неприглядными поступками я, разумеется, не могу. Ты со своей одушевленной иллюзией, по правде сказать, очень меня выручил. Все знают, что ты не только живая легенда и великий герой, по слухам, не то спасший Мир от невесть чего, не то, напротив, чуть было не погубивший его окончательно, но и мой друг. И если весь город, включая придворных Его Величества, будет судачить о том, как я заставил тебя побегать из-за пустяковой, в сущности, бумаги, число желающих сесть мне на голову несколько сократится. Или хотя бы перестанет стремительно возрастать. Что тоже неплохо.

– Да, идея отличная. Но боюсь, когда горожане наконец увидят Базилио, они поймут, что ты просто милосердно пытался спасти их

задницы, – усмехнулся я.

– Он правда настолько ужасен?

– Кошки и леди Меламори считают, что прекрасней Базилио нет существа в этом Море. А на мой вкус, хуже и выдумать трудно. Представь: голова индюка с круглыми глазищами, рыба туша в чешуе, лисий хвост. И человеческие ноги, чтобы мало не показалось. Ну, правда, длинные и стройные. Но это совершенно не спасает ситуацию в целом. Что, кстати, обидно, потому что более деликатного существа я в жизни не встречал. И с головой там все в порядке. Нынче днем я застукал в своей гостиной Мелифаро, который пытал нашу иллюзию какими-то задачками для вундеркиндов. И представь себе, Базилио щелкает их, как орехи. Ума не приложу, как он будет жить дальше. Добросердечным умникам и в человеческой шкуре среди людей обычно несладко, а каково среди нас чудовищу, от которого все шарахаются?

– Иногда выглядеть чудовищем – это как раз спасение, – заметил Шурф. – Ладно, завтра же приду на него посмотреть. Около полудня не слишком рано?

– Не слишком, наверное. Хотя какое время теперь считать полуднем – отдельный смешной вопрос... Слушай, а ведь если так и дальше пойдет, скоро станет принято договариваться: «Встретимся сразу после четвертого заката». Вчера их было девять, а сегодня – целых одиннадцать, если я ничего не пропустил.

– Поскольку эти закаты случаются не в какое-то определенное время, а когда придется, новым дополнительным ориентиром во времени они вряд ли сделаются. Ну и в любом случае все это, как я понимаю, ненадолго. На годы не растянется.

– На годы не растянется, – повторил я. – И вряд ли это будет моя заслуга. Вообще не представляю, как договариваться с человеком, которому нравится плясать на облаках, пока по улице несется созданный им ветер с рыбой головой...

– Ветер с рыбой головой? Это как? – изумился Шурф.

– Невозможно пересказать, – вздохнул я. – Как, собственно, всякий сон. Обычное дело: для самого важного в языке нет слов, а все остальное звучит как нелепица. Ну, может быть, тебе повезет, и наш гениальный сновидец любезно повторит этот трюк прямо под твоими окнами. А рыба-ветер, пролетевшая мимо нас, по свидетельству Нумминориха, утопилась в Хуроне. Ну или, напротив, обрела там дом и теперь счастливо живет под корягой, кто ее знает. На самом деле неважно. Важно, что я примерно представляю, как сейчас себя чувствует создатель всех этих чудес. Он

может все, переделывает реальность по своему вкусу, командует ветрами и закатами, развлекается на полную катушку, скачет по небесам, срывает аплодисменты и наверняка беспокоится лишь о том, как бы расширить свою аудиторию. Глупо же ограничиваться одним-единственным городом, когда ты практически сам Господь Бог, взбалмошный и добродушный. И наверняка амбициозный, как и положено большому художнику. Ты, кстати, не знаешь, как обстоят дела с закатами в других городах Соединенного Королевства? А в соседних странах? И на дальних материках? Жаль, мне раньше не пришло в голову разузнать. Хотя понятия не имею, какая польза от подобного знания. Но бескорыстное любопытство пока никто не отменял.

– Совершенно верно. Я задался тем же вопросом еще вчера. И согласно собраным мною сведениям, удивительные природные явления, которым мы стали свидетелями, пока можно наблюдать только в Ехо. Но это как раз понятно. Человеку крайне редко снится весь Мир сразу. Как правило, внимание сновидца способно вместить сравнительно небольшой фрагмент зримого пространства. Если исключения и встречаются, то не как следствие счастливой случайности, а в результате долгой целенаправленной работы.

– Вот совершенно не удивлюсь, если все, что сейчас творится в Ехо, и есть следствие такой работы. Творческий итог долгой жизни, посвященной сладким снам. Прощальная гастроль.

– Вряд ли. Серьезные мастера сновидений обычно иначе развлекаются, да и масштабы у них другие. Во всей этой избыточной красоте слишком много простодушного восторга, свойственного скорее новичкам. Но если ты угадал, тем лучше. Тогда и спасать никого не надо. Мастер сам разберется, какие ему видеть сны, что делать со своей жизнью и когда умирать. А больше никого его дела не касаются.

– Меня касаются, – твердо сказал я. – Мастер он там или нет, а я видел, как он скачет по облакам. И все остальное: оранжевое небо, ночную радугу, дурацкий ветерок с рыбьей башкой... И знаешь что? Я по-прежнему не особенно в него верю. Если завтра выяснится, что всю эту красоту устроил Джуффин, чтобы меня развлечь и заодно чему-нибудь такому хитроумному научить, я первым заору: «Так и знал!» Но все равно плевать. Что бы я обо всем этом ни думал, а допустить его гибели уже не могу. Очень странное, знаешь, чувство – как будто мне надо спасти собственную жизнь. Хотя это, конечно, совершенно не так. В смысле, я вовсе не вообразил, будто помру в один день и час с этим неизвестным художником...

– Художником?

– Ты бы на моем месте сказал «поэтом». Неважно. Важно, что я собираюсь бороться за его жизнь как за свою. Потому что она и есть моя – в каком-то смысле бесконечно далеко от здорового... Нет, не могу объяснить.

Шурф посмотрел на меня очень внимательно. Не то как на редкую книжку, не то как на очередную одушевленную иллюзию, не то просто как на полного идиота. Но спросил, как совершенно нормального человека:

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Наверняка, – сказал я. – Только не знаю, чем именно. Сам придумай.

– Ладно, – невозмутимо кивнул он. – Тогда рассказывай, как ты собираешься искать этого своего «художника». Не может быть, что за все это время вообще ни одной идеи. Я тебя знаю.

– Пока только одна. Даже не столько идея, сколько надежда, что он будет крутиться в толпе, собравшейся поглазеть на очередное удивительное зрелище. И другая надежда: что наш художник пахнет как все остальные сновидцы – чем-то чужим. И что Нумминорих каким-то чудом окажется в нужном месте в нужное время и его унюхает. И не спугнет, и позовет меня. А я сумею убедить этого гения проснуться. Ну или заставить – понятия не имею как! Посмотрим по обстоятельствам. Как видишь, все очень зыбко. Зато Джуффин почему-то доволен. Иногда я начинаю думать, что у него действительно нет никаких своих идей. Хотя звучит, конечно, почти кощунственно...

– Ну, с Джуффином ты сам разбирайся. Я уже давно зарекся думать, будто способен догадаться, что творится у него в голове. А вот что касается этого мастера закатов. Ты, как я понимаю, сделал ставку на его желание увидеть реакцию публики. Это вовсе не лишено смысла...

– Да, не лишено. Я даже подтверждение тут же получил, – мрачно сказал я. – Он действительно пришел поглядеть, как нам понравился ветер с рыбьей головой. Только любовался эффектом с неба. Попрыгал по облакам, потом помахал нам на прощание и исчез. Таким образом, запланированный мной разговор по душам не состоялся по техническим причинам.

– У меня есть другая идея, – сказал Шурф. – Не стану утверждать, будто она непременно сработает. Но я успел неплохо изучить людей. В частности, многих ныне живущих поэтов. С некоторыми до сих пор дружен – насколько это вообще возможно в моем положении. И знаешь, что я заметил? Как бы высокомерен и самодостаточен ни был поэт, сколь бы искренне ни считал себя лучшим из лучших или даже единственным

стоящим, он горячо интересуется чужими стихами. Самые первые чтения в «Трехрогой луне» начались чуть ли не сразу после войны. И я знаю нескольких поэтов, которые с тех пор не пропустили вообще ни одной встречи. Да и остальные не приходят только по очень уважительной причине – болезнь или отъезд. И потом жадно расспрашивают знакомых: «Как все прошло? Кто что читал? И как их принимали?» Понимаешь, к чему я веду?

– Пока не очень, – неуверенно сказал я. – То есть про поэтов-то ясно. Но что из этого следует?

– Что логично было бы не бегать по пятам за чудесами этого «художника» в надежде найти его где-нибудь поблизости, а устроить... Скажем так, аналог поэтических чтений. Нечто такое, что он не захочет пропустить. Что-нибудь в его вкусе. И как минимум столь же эффектное. Чтобы он увидел, восхитился и сам стал бы гоняться за тобой по всему городу – с родной душой даже во сне всякий захочет поговорить. Собственно, во сне тем более. Понятия не имею, что это могло бы быть. Но уверен, что придумать можно.

– Ого, – растерянно сказал я. И повторил: – Ого!

Был совершенно сокрушен необъятностью открывшейся мне задачи. Но и восхищен четкостью ее формулировки. Впервые за эти дни мне стало ясно, что нужно делать. А что оно пока кажется невозможным – не беда. Мне почти все сперва кажется невозможным, не привыкать.

– Я подумаю, – наконец сказал я. – И ты подумай, пожалуйста. Не факт, что получится, но... Слушай, как же мне нравится твоя идея! Знаешь, есть такая поговорка: «Не догону, так согреюсь».

– Никогда не слышал. Но она прекрасно описывает суть и смысл магии. Именно так мы все и живем.

Домой я решил идти пешком. Плевать, что Темным путем быстрее, зато на ходу мне лучше думается. Возможно, мой мыслительный процесс протекает в пятках, а голова нужна исключительно для приличия. Чтобы хоть что-то было как у нормальных людей.

«Например, светящиеся деревья, – думал я, ускоряя шаг. – Или нет, фигня какая-то. И не факт, что деревья захотят в этом участвовать, а без их согласия нехорошо... А может быть, пусть облака плывут не в небе, а над самой землей? Чтобы мы ходили, буквально касаясь их макушками. Или даже по пояс. Хотя, они же вроде бы только с виду пушистые, а на самом деле мокрые. Ай, какая разница, у нас-то будет просто иллюзия. Интересно, такое можно устроить наяву?.. О, или нет! Можно же небо сделать

зеркальным. Это, пожалуй, покруче, чем просто цветное. Нет, стоп, от кого-то я уже о таком слышал. Или просто видел во сне? Ладно, какая разница, лишь бы этому гению понравилось... А еще круче, если бы весь город вдруг запылал как гигантский костер. Невероятная была бы красотища! Но за такие художества мне голову откусят и правильно сделают, все-таки огонь – не цветной ветерок и не дополнительный закат. Пока люди поймут, что он – просто иллюзия, полгорода сляжет с сердечными приступами, сам бы на их месте слег...»

Примерно на этом месте меня прервал Нумминорих. Вернее, его зов.

«На Площади Побед Гурига Седьмого ТАКОЕ ТВОРИТСЯ!» – выпалил он.

Когда голоса в твоей голове срываются на крик, Безмолвная речь становится непростым процессом. Поэтому я не стал расспрашивать, а ответил: «Сейчас», и шагнул прямехонько на площадь. Искусство Темного пути прекрасно еще и тем, что позволяет до минимума сокращать Безмолвные разговоры.

Впрочем, тогда я об этом не думал. И вообще ни о чем. Не до того стало. На площади действительно творилось нечто неописуемое, было из-за чего так орать. Про себя я потом окрестил это зрелище «фонтаном ветров» – исключительно отдавая дань дурацкой потребности хоть как-нибудь все называть. На самом деле происходящее было почти целиком по ту сторону слов. Как, впрочем, и положено всякому качественному сновидению.

Из-под земли в самом центре площади вырывались ветры. Точнее, воздушные потоки. Некоторые по традиции были цветными, некоторые просто густыми, как туман. Один из ветров был похож на рулон узорчатой ткани – если только возможно вообразить рулон, находящийся в непрерывном движении и одновременно остающийся на месте. Еще один состоял из ярких светящихся точек, другой казался песчаным вихрем, третий – горизонтальным дождем. А самое невероятное, что все они при этом оставались ветрами и дули изо всех сил, раскачивая деревья и фонари на столбах. Зато были милосердны к собравшимся на площади зевакам – никого не сбивали с ног, а проносились над нашими головами, срывая тюрбаны и капюшоны с самых долговязых. Я выше среднего роста, но мой тюрбан все-таки уцелел, а вот Шурфу, окажись он здесь, пожалуй, не поздоровилось бы, если бы вовремя не пригнулся.

Вспомнив о нем, я послал ему зов, потому что нет на свете дел, ради которых можно пропускать подобные зрелища. Но он не отозвался. Словно и не было в Море такого человека. Будь мы знакомы не так хорошо, я бы,

пожалуй, переполошился, решив, что друг мой внезапно отправился в мир иной. Впрочем, скорее всего Шурф действительно туда отправился, но не в мрачном переносном, а в веселом буквальном смысле. Чтобы наконец-то как следует выспаться, не жертвуя ни делами, ни удовольствиями. Послушался меня, молодец.

Но как же не вовремя. Такое зрелище пропустить!

«Макс, ты уже здесь?» – снова раздался в моей многострадальной голове голос Нумминориха.

К счастью, он больше не орал, скорее говорил шепотом, насколько это вообще возможно, когда переходишь на Безмолвную речь.

«Здесь. Рехнуться можно, что творится, – откликнулся я. – А ты остальных уже позвал? Или мне?..»

«Это потом, – перебил меня Нумминорих. – Послушай. Я сейчас стою рядом с человеком, который совершенно точно из спящих. Очень сильно пахнет чем-то чужим. И у него пышные темные волосы, как у того, кто скакал по небу. И он плачет, поэтому я не решаюсь с ним заговорить. Не знаю, что можно сказать. Лучше ты, ладно? Приходи сюда. Мы там, где Меламорин любимый трактир с мороженым. Совсем недалеко от него».

То есть на другой стороне площади. Мне часто везет по большому счету и почти никогда в мелочах. Пришлось пробиваться через довольно плотную толпу. Столько народу в одном месте я не видел даже во время ежегодных карнавалов. Похоже, к этому моменту на Площади Побед Гурига Седьмого собралась уже добрая половина жителей Старого Города – те, кому недалеко добираться. И народу все прибывало.

Вот когда я пожалел, что больше не ношу Мантию Смерти. Столько лет мечтал от нее избавиться, потому что совсем не люблю, когда от меня шарахаются люди. А те, чьи нервы покрепче, просто делают такое специальное непроницаемое лицо, идеально подходящее для официальных переговоров с опасными маньяками и представителями власти. И поди пробейся к ним со своими дурацкими уверениями, что ты нормальный живой человек. Терпеть этого не могу.

Даже досадно, что за все годы, что я ходил в Мантии Смерти, мне ни разу не пришлось прокладывать себе путь через толпу горожан, не то чтобы невежливых, просто настолько увлеченных зрелищем, что перестали обращать внимание на все прочие раздражители вроде деликатного шепота: «Разрешите пройти», – и неназойливые движения локтей и колен, подтверждающие намерение протиснуться во что бы то ни стало. В прежние времена вокруг меня сразу образовалось бы пустота, и я бы наконец оценил убедительную силу своего наряда. А теперь пришлось

полагаться исключительно на собственную пронырливость.

Что Темным путем можно быстро пройти не только на другой край Мира, но на и столь незначительное расстояние, я, каюсь, сообразил уже гораздо позже. Поэтому потерял кучу времени. И когда наконец добрался до Нумминориха, никаких патлатых незнакомцев рядом с ним уже не было.

– Исчез, – коротко доложил тот. – Не ушел, а именно исчез. Буквально только что. По-моему, он заметил, что я за ним наблюдаю, хотя я старательно смотрел в сторону – ну, не совсем же я дурак.

– А почему ты думаешь, что заметил?

– Потому что он сам ко мне подошел. И сказал мне на ухо очень странную фразу: «Когда я был дитя и бог». А потом сразу исчез. Можешь не говорить, что надо попробовать пойти по следу, в смысле, по запаху. Я и сам так подумал, только никакого следа нет. Остался слабый запах в том месте, где он стоял. И все. Наверное, я просто перестал ему сниться. Да?

– Наверное, так, – кивнул я. И повторил: «Когда я был дитя и бог», в надежде, что произнесенная вслух эта фраза сразу станет понятной.

Но нет, не стала.

– Кажется, где-то я это уже слышал, – неуверенно сказал я. – Но где, от кого, при каких обстоятельствах? Глухо. Вот ведь дырявая башка!

Сновидец исчез, зато его фонтан ветров еще долго украшал собой площадь, и все срочно вызванные нами друзья успели вдоволь им налюбоваться. Леди Хенну, жену Нумминориха я привел из Нового Города Темным путем, чтобы не теряла кучу времени на дорогу, остальные добрались сами. Даже Шурф как ни в чем не бывало объявился примерно четверть часа спустя, словно никуда не исчезал, и тут же завел свою песню о счастливой судьбе столичных поэтов – дескать, таких мощных источников вдохновения не было у их предшественников даже в древности, когда Мир, если верить сохранившимся документальным свидетельствам, изменял свой облик куда чаще, чем нынче. И все в таком роде. Я особо не прислушивался, потому что меня наконец-то осенило. Видимо, просто по ассоциации, иных объяснений у меня нет.

– Да это же Хименес! – вслух сказал я. – Когда я был дитя и бог, Могер был не селеньем скромным, а белым чудом вне времен ^[7]...

– Что? Какой Могер? Кто такой Хименес? – неслаженным хором накинулись на меня друзья – те, кто стоял поближе и расслышал, что я бормочу.

– Неважно, – вздохнул я. – На самом деле совершенно неважно.

Хотя важнее этого открытия не было для меня ничего.

...Пестрые ветры уgomонились уже за полночь – не внезапно исчезли, а постепенно иссякли, так что в последние несколько минут «фонтан ветров» походил на маленький лесной родник, и слабое дуновение можно было ощутить только у самой земли, встав на четвереньки, словно собираешься напиться. Я и правда так поступил, просто не смог удержаться от искушения вдохнуть разноцветный воздух; думал, буду от него пьян до утра или всю жизнь, это уж как повезет, но обошлось. Я вообще ничего особенного не почувствовал. Зато укрепил свою репутацию самого храброго идиота в Мире, в любой момент готового сунуть голову в пекло, чтобы проверить, не жарят ли там случайно сладкие пирожки.

Люди, ставшие свидетелями этого невероятного зрелища – не меня на четвереньках, конечно, а фонтана разноцветных ветров, – слонялись потом по Старому Городу до самого рассвета, не в силах просто пойти домой и остаться там наедине с новым, навсегда изменившимся собой; трактирщики, по сведениям Кофы, заработали за эту ночь втрое больше, чем в самые многолюдные праздники.

Мы и сами, уж на что вроде бы привычные ко всему из ряда вон выходящему, тоже совсем не спешили расходиться по домам. Только железный сэр Шурф сразу отклонялся, сославшись на неотложные дела, а Кофа покинул нас еще раньше, как только убедился, что бьющие из-под земли ветры – очередная иллюзия, красивая, безопасная и бесполезная, а значит, не входящая в сферу его профессиональных забот. Сразу видно, кто у нас взрослые бывалые колдуны, а кто восторженная молодежь.

Однако в рядах восторженной молодежи я оставался недолго. Будь моя воля, шлялся бы по Ехо до самого утра, очень уж давно, оказывается, не делал этого в большой компании друзей, которая теоретически как бы провожает друг друга домой, а на деле сворачивает в каждый второй трактир и застревает там у барной стойки – не столько ради возможности пропустить очередную рюмку, сколько чтобы еще раз обменяться восторженными взглядами, мечтательными улыбками и невнятными репликами: «Дааа... Это было – дааа...»

Но мое открытие оказалось сильнее меня. И теперь оно рвалось наружу. То есть к человеку, с которым я должен был его обсудить.

– Фантастическая красота нынче творилась на площади, – сказал Джуффин. – Но тебе, похоже, досталось еще кое-что сверх программы?

– Строго говоря, не мне, а Нумминориху. Он довольно долго стоял совсем рядом с нашим давешним прыгуном по облакам. А я как идиот пробирался к ним через толпу с другого края площади. Темным путем

пройти не сообразил, голову мне бы за это оторвать, согласен. Но пока новая вырастет, я буду не в форме, а это вряд ли поможет делу.

– Да ее и отрывать особо не за что, – отмахнулся Джуффин. – Ты просто еще не освоился с этой возможностью. На превращение нового умения в привычное действие всегда требуется время. А что рассказывает Нумминорих? Он уверен, что это был тот же человек, что и днем?

– Как он может быть уверен? Прическа такая же, это точно. И пах этот красавец, как положено спящему. Вот и все аргументы в пользу нашей версии. С другой стороны, когда все так шатко и зыбко, два совпадения гораздо лучше, чем ничего. Плюс еще один необычный момент: Нумминорих говорит, этот человек плакал.

– И что? Почему это кажется тебе необычным?

– Ты же сам видел эти бьющие из-под земли разноцветные ветры. Скажи на милость, где там повод для слез? Стоять, распахнув рот, бессмысленно улыбаться до ушей, обниматься от полноты чувств с незнакомцами, пускать по кругу прихваченную с собой бутылку вина – вот нормальная человеческая реакция. Люди, по чьим головам я пробирался через площадь, примерно так себя и вели. Плакать, мне кажется, мог только художник. В смысле, автор этого восхитительного безобразия. Я бы, может, сам зарыдал, если бы такое сотворил и своими глазами увидел, как оно работает. В смысле, как воздействует на людей.

– Учти, из этого правила довольно много исключений, – заметил Джуффин. – У меня есть знакомый, отставной генерал Гвардии Его Величества, прошедший все тяготы Смутных Времен, который всегда плачет в опере, причем совершенно вне зависимости от ее сюжета. Так уж на него воздействует эффект соединения инструментальной музыки и голосов. А одна из охранниц нашего речного порта счастливо рыдает всякий раз, когда к причалу подходит очередная укумбийская шикка. И вовсе не потому что у леди был возлюбленный пират, погибший в какой-нибудь жаркой битве за полторы дюжины рулонов чангайского шелка. Просто сердце ее рвется на части при взгляде на совершенство корабельных форм. Скажу тебе по секрету, даже мой дворецкий вполне может украдкой пустить слезу, наблюдая за гонками амобилеров. То ли от умиления, то ли просто печалюсь по тем временам, когда он сам лихо носился по полю для соревнований, рискуя свернуть себе шею на всяком крутом повороте. Кто его знает. Все люди разные, сэр Макс, и реакция даже на самые простые вещи бывает совершенно непредсказуемая.

– Вот как!

Я попытался представить плачущего Кимпу. Но ничего не вышло.

Воображение отбивалось от меня руками и ногами, пронзительно вереща, что не позволит так зверски себя эксплуатировать. И его можно было понять.

– Тем не менее я согласен считать слезы третьим совпадением, – неожиданно заключил Джуффин. – Ты совершенно прав, пока все так шатко и зыбко, имеет смысл сперва хвататься за любую опору и только потом разбираться, что она собой представляет. Вот когда встанем на ноги потверже, сможем позволить себе быть придиричивей.

– И это еще не все! – торжествующе сказал я. – Перед тем как исчезнуть, этот тип шепнул Нумминориху: «Когда я был дитя и бог». Тебе эта фраза ни о чем не говорит? Правильно, и не должна. Это просто цитата. И я знаю, откуда он ее выдрал.

– Хочешь сказать?..

– Именно. Рядом с Нумминорихом стоял мой земляк. Его спящее тело лежит сейчас в мире, который я успел очень неплохо изучить. И стихотворение это помню – не целиком, фрагментами. Но это как раз совершенно неважно. И знаешь, что я тебе скажу? Мне кажется, там, у себя дома, он – старик.

– Из чего такой вывод?

– Из текста, конечно. Стихотворение написано от лица старика, скорбящего о временах, которых не вернуть. И об утраченной детской способности ощущать себя бессмертным, а мир – полным чудес. Понимаешь, если уж он стал цитировать эти стихи первому попавшемуся незнакомцу, значит, они все время крутятся в голове. Причем во сне. Наверное, очень много для него значат. Не знаю. Но пока мы только громоздим одно смутное предположение на другое, чем моя версия хуже прочих?

– Ничем, – согласился Джуффин. И ухмыльнулся: – Надо же! Меньше всего я ожидал, что ты станешь рассуждать о поэзии. Я, конечно, говорил, что мне очень не хватает сэра Шурфа. Но имел в виду вовсе не его удивительную способность незаметно свести любой разговор к лекции по литературе. И даже не неподражаемое умение носить свои убийственные перчатки так элегантно, словно они не вышли из моды полторы тысячи лет назад. А великий дар составлять годовые отчеты такой немыслимой красоты, что придворные бюрократы, собравшись в узком кругу, цитировали их друг другу, как древние поэмы. Вот чему тебе следовало бы у него учиться, а не всякой милой ерунде вроде литературоведческих исследований и прогулок Темным путем! Впрочем, ладно. Я и сам понимаю, что хочу невозможного. Забудь.

Но я все равно скис.

– Думаешь, я говорю ерунду?

– Нет, что ты. Напротив. Довольно логичная вырисовывается у нас теперь картина. Какое отношение она имеет к реальности – иной вопрос. Время покажет. Но если доверять моему чутью, сейчас мы с тобой стоим на ногах куда крепче, чем нынче утром. Я и не надеялся. Только знаешь что? Если даже ты прав и этот человек действительно глубокий старик, вряд ли мы можем позволить себе расслабиться. Будить его надо все равно. Жизнь не становится менее ценной только оттого, что она коротка.

– Такая постановка вопроса мне и в голову не приходила. Жизнь человека, которому однажды приснилось, что он устроил всю эту красоту, – драгоценность. Я бы вообще с удовольствием сделал его бессмертным, да не умею. А ты?

Джуффин укоризненно покачал головой.

– Конечно нет. Я неплохо умею лечить болезни, а еще лучше – ранения, особенно нанесенные колдовством. И могу продлить почти любую жизнь – при условии, что ко мне более-менее вовремя обратились. Но бессмертие каждый добывает себе сам. В таком деле захочешь – не поможешь.

– Ну да, – вздохнул я. – Конечно, дурацкий был вопрос. Просто такой уж нынче выдался день. И такой вечер. И такая ночь пришла теперь им на смену, что я состою практически из одного сердца. А оно у меня гораздо глупее, чем голова. Хотя, казалось бы, куда еще.

– Ну что ты, – мягко возразил Джуффин. – Совершенству предела нет.

– Хумморих Лохматый, входивший в число первых мудрецов-покровителей Королевской Высокой Школы, утверждал обратное, – неожиданно вмешался Куруш, до сих пор спокойно дремавший на спинке кресла. – Он даже вывел математическую формулу, позволяющую вычислить предел всякого конкретного совершенства. Но к сожалению, я не могу вам ее процитировать, поскольку формула была утеряна задолго до того, как я вылупился из яйца.

– Когда это я тебе такую чушь рассказывал? – изумился Джуффин.

– Ты не рассказывал, – утешил его Куруш. – Просто окно часто бывает открыто, а некоторые прохожие довольно громко разговаривают. А забывать услышанное я, сам знаешь, не умею.

Вернувшись наконец домой, я застал в гостиной Трикки Лая, который сидел на полу практически в обнимку с Базилио и о чем-то с ним шептался. Их окружал своего рода магический круг, но не начертанный мелом,

а образованный аккуратно разложенными стопками самопишущих табличек и книг.

– Вот так надо разрезать этот пирог, – возбужденно говорил Базилио, тычась клювом в лежащий перед ним рисунок. – В условиях задачи не сказано, что линии должны быть прямые!

– Ох, простите, сэр Макс, – восторгнулся Трикки Лай, увидев меня. – Я, конечно, непростительно засиделся у вас в гостях. Да еще и в ваше отсутствие. Но Мелифаро притащил Базилио целую кучу интереснейших задач. И мы как начали их решать, так теперь остановиться не можем.

– Ну так вы не у меня, а у Базилио засиделись, – улыбнулся я. – Он же тоже тут живет. А вы – его гость. И вообще создатель. Немилосердно было бы пытаться вас разлучить. Плохо другое: вам наверняка на службу с утра пораньше. Так что ложились бы вы спать. В этом доме много свободных комнат. На мой вкус, даже чересчур. Выбирайте любую.

– Спасибо, – сказал он. – Даже не стану пытаться вежливо отказаться. Сил на это никаких нет.

– Значит Трикки может остаться тут ночевать? – обрадовалось чудовище.

– Конечно. Чем он хуже тебя?

– И мне можно будет спать в его комнате? – Базилио даже подпрыгнул от восторга.

– Ну, это как договоритесь, – сказал я.

А сам чуть в пляс не пустился, сообщив, что наше компанейское чудовище при всем желании не сможет обосноваться в двух спальнях одновременно. И кошки наверняка последуют за ним. Прекрасная, головокружительная перспектива!

Дух противоречия во мне силен необычайно. Иногда это бывает на пользу, но чаще приносит массу неудобств. Когда мой дом пуст, я теряю всякий интерес к одиноким размышлениям и отправляюсь на поиски подходящей компании. Но как только дом наполняется жизнью, все, о чем я мечтаю, – это провести утро в полном одиночестве. И едва разлепив глаза, с досадой морщусь при мысли о том, что в гостиной мне вполне может встретиться живая душа. Чья именно – не имеет значения. По утрам я предпочитаю любить всех заочно.

Однако в то утро мне повезло. Трикки Лай, надо полагать, давным-давно ушел на службу. Меламори, которая вчера вернулась даже позже, чем я, как ни странно, тоже успела смыться. Где находился Базилио, мне доподлинно не известно, однако подозреваю, что ночью он утащил с собой

в спальню пару книжек с головоломками и теперь не объявится, пока их не победит. Тем лучше. Человек рожден для того, чтобы завтракать в одиночестве.

Судьба была ко мне настолько милосердна, что в дверь постучали только после того, как я успел выпить кружку камры и вдумчиво приступить ко второй. Стучали скорее настойчиво, чем деликатно; впрочем, возможно, я придираюсь.

Я сперва хотел было вовсе проигнорировать этот неуместный шум. Если кому-то угодно столь упорно стучаться в незапертую дверь – на здоровье, а я пока покурю. Но потом я вспомнил, что сэр Шурф собирался прийти знакомиться с Базилио. Полдень, правда, еще не наступил, но мало ли, как у него там перекроилось расписание. А что в дверь стучит вместо того, чтобы просто появиться в гостиной – так вполне возможно, этого требуют правила профессионального этикета, в которых я совершенно не разбираюсь. Он же не просто в гости собирался, а экспертизу проводить. И если в каких-нибудь неведомых инструкциях написано, что эксперту следует входить в помещение только по приглашению хозяина дома через парадную дверь, будет стучать, пока ее не высадит, я его знаю.

Поэтому я отставил кружку в сторону и пошел открывать.

Однако вместо Шурфа на пороге стояли Друппи и Дримарондо. Вид у собак был чрезвычайно решительный и деловитый. Друппи даже обниматься ко мне не полез, только приветливо замотал ушами. Невиданная сдержанность. Всегда бы так.

– Хвала Магистрам, ты не съеден и даже не искусан! – воскликнул Дримарондо. – А где чудовище? Мы пришли тебя от него спасти!

– Зачем спасать? Чудовище славное и совершенно безобидное. И наверное, еще спит. Впрочем, точно не знаю. Давайте заходите. Сейчас придумаю, чем вас накормить. Только чур никого не трогать. И даже не пугать.

Собаки переглянулись.

– Пошли в дом, – наконец сказал Дримарондо. – Там разберемся. Да и второй завтрак еще никому никогда не вредил.

Друппи пулей рванул вперед, сметая все на своем пути. Все – в смысле, меня. На ногах я устоял только каким-то чудом.

– Я думаю, он просто соскучился по дому, – смущенно сказал Дримарондо.

А я думаю, что кое-кто просто неуклюжий бегемот.

Но говорить об этом вслух было бы, конечно, бестактно.

В ожидании угощения – я очень надеялся, что даже прошедшие суровую придворную школу повара не сумеют испортить мясо, которое не нужно готовить, только порезать на куски – Дримарондо объяснил причину их внезапного появления.

– В Университете сплетничают, что в Мохнатом Доме завелось какое-то чудовище. Я сперва подумал, что это ты просто решил попугать прохожих...

– Хорошего же ты обо мне мнения!

– Очень хорошего, – серьезно подтвердил Дримарондо. – Если время от времени пугать прохожих, прикинувшись чудовищем, это существенно снизит риск квартирных краж. Да и шуметь у тебя под окнами, возможно, станут несколько меньше.

Нельзя не признать, что в его рассуждениях был здравый смысл.

– Но потом я услышал, что чудовище вдвое выше человеческого роста. И вроде бы с птичьей головой.

– С индюшачьей, – подтвердил я.

– Я, конечно, знаю, что ты умеешь колдовать. Но все-таки птичья голова – это, на мой взгляд, как-то чересчур. К тому же вчера ты не пришел к нам в гости. И я подумал: вполне возможно, чудовище действительно есть. А вдруг оно удерживает тебя в плену? Я бы сразу побежал сюда, но ты знаешь, я довольно плохой боец. Поэтому позвал на подмогу Друппи. И вот мы здесь.

– Спасибо вам, – сказал я. – Еще никто никогда не пытался спасти меня от чудовищ. Здорово знать, что в случае чего у меня есть надежная защита! Но чудовище, которое поселилось в доме, обижать не надо. Базилио очень славный. И вежливый. И умный: головоломки решает лучше, чем я сам.

– Логическое мышление никогда не было твоей сильной стороной. Но у тебя много других достоинств, – утешил меня Дримарондо.

А Друппи в знак солидарности лизнул меня в нос.

– Не могли бы вы... Ой!

Я обернулся. На пороге стоял Базилио и таращился на собак. Наверное, с его точки зрения, они сами были чудовищами – как все достаточно крупные существа, которых видишь впервые в жизни.

Друппи озадаченно присел на задние лапы и зарычал. Кажется, просто от удивления. Дримарондо сказал:

– Похоже, я переоценил свою потенциальную способность сражаться с чудовищами. Извини, Макс, но я испытываю непреодолимое желание спрятаться под столом.

– Ни в чем себе не отказывай, – великодушно согласился я.

– Я тоже испытываю непреодолимое желание спрятаться под столом, – наконец вымолвил Базилио. – Но я там не помещусь. Можно я просто пойду отсюда?

– Конечно, можно, – сказал я. – Но не нужно, потому что это дру...

Заканчивать фразу было бесполезно: Базилио уже умчался. Я вздохнул – придется теперь искать беднягу по всему дому и утешать. Друппи был твердо намерен сопровождать меня в столь опасном мероприятии, но я убедил его, что Дримарондо гораздо больше нуждается в защите. Потому что будучи интеллектуалом с развитым воображением, он куда больше подвержен страхам, чем примитивные простодушные существа вроде нас.

К тому же из кухни наконец принесли еду для собак. К счастью, с мясом ничего особенно ужасного не сделали, только зачем-то посыпали сахаром и сушеными цветами, но я его быстро отмыл. Не о чем говорить.

Оставив собак наедине с завтраком, я отправился на поиски Базилио. Сунулся в пару ближайших спален, а потом сообразил, что сам на его месте наверняка спрятался бы в башне – на максимальном расстоянии от кошмарных гостей. И вылететь в окно, если что, всегда можно – тем же путем, что вошел.

Видимо, все чудовища рассуждают примерно одинаково. Во всяком случае, Базилио действительно сидел в башне. Хорошо хоть на замок не заперся; впрочем, без рук это довольно сложно. Клюв все-таки несовершенный инструмент.

Армстронг и Элла сидели рядом со своим любимчиком и утешительно мурлыкали. Но их усилия оставались тщетными – ни счастливым, ни умиротворенным Базилио, увы, пока не выглядел.

– Ну и чего ты испугался? – спросил я. – Это просто собаки. Такие же мои друзья, как и люди, которые сюда приходят. И договориться с ними ничуть не сложнее, чем с людьми.

– Запах, – коротко объяснил Базилио.

Грешные Магистры, еще один нюхач на мою голову!

– Тебе неприятен запах собак? – уточнил я.

– Не в этом дело. Просто по запаху можно определить, кто что чувствует. И твой большой белый друг был очень на меня сердит. А тот, что поменьше, больше испуган, чем сердит. Но страх – это тоже очень опасно. По-моему, они собирались затеять драку. Наверное, не хотят, чтобы я тут жил?

– Они просто еще не разобрались, – объяснил я. – Наслушались

глупостей, решили, что ты взял меня в плен...

– А что, обо мне и такое рассказывают? – ужаснулся Базилио. – Плохи мои дела!

– Ай, ладно! Обо всех нас время от времени рассказывают всякую ерунду, – утешил его я.

Но Базилио совсем упал духом.

– Зря я родился чудовищем, – прошептал он.

И я не нашел что на это возразить. Потому что, положив руку на сердце, совсем не хотел бы оказаться на его месте.

– Зато тебя кошки полюбили как родного, – наконец сказал я. – Ни на шаг не отходят. А этого еще никому не удавалось добиться.

– Я очень ценю их доброе отношение, – вздохнул Базилио. – Даже не знаю, чем я его заслужил. Этим господам уж точно все равно, как я выгляжу. Но остальным-то не все равно! Если хочешь дружить со всеми, лучше быть похожим на человека, чем на какое-то удивительное волшебное существо, это я уже понял.

Поди возрази.

– Пойдем вниз, – предложил я. – Собаки правда совсем не страшные. Если бы ты так быстро не убежал, сам бы в этом убедился. Но ничего не потеряно. Вы еще вполне можете подружиться.

Но Базилио упрямо помотал головой. Дипломатическая миссия моя, таким образом, зашла в тупик.

– Ладно, – сказал я. – Тогда посижу тут с тобой, если не возражаешь.

– Спасибо, – сказал Базилио. И помолчав, вдруг добавил: – Хотел бы я родиться человеком! Как же вам хорошо! Если ты человек, никто тебя не боится. И не рычит. И не хочет, чтобы тебя не стало. Никаких проблем!

– Тут ты крепко ошибаешься, – сказал Шурф. – Быть человеком – вовсе не такое большое удовольствие, как может показаться. И проблем хватает. Многие люди друг друга боятся, причем порой не без повода. А уж рычат на нас так часто, что мы даже внимания не обращаем на подобные пустяки.

Он, оказывается, уже какое-то время стоял на пороге.

А я и не заметил.

– Значит, уже полдень, – констатировал я.

– Даже немного больше. Я потратил некоторое время, объясняя Дримарондо и Друппи, что у тебя, конечно, не в меру доброе сердце, но это не вина, а скорее беда. И наказывать тебя за гостеприимство, переворачивая все кресла в гостиной, не следует.

– А они уже перевернули все кресла?!

– К моменту моего появления только одно. Но лиха беда начало. Ты что, пригласил собак поселиться в Мохнatom Доме? На мой взгляд, это не самое разумное решение в твоей жизни. Хотя тебе, безусловно, виднее.

– Это не мое решение. Просто до Дримарондо дошли слухи о Базилио. И ребята пришли меня защищать. Защитили, как видишь. Базилио теперь наотрез отказывается спускаться в гостиную. И его можно понять.

– А почему вы нас не представили? – вдруг спросил Базилио. – У людей же положено знакомиться. Или не всегда? Или... – его голос дрогнул, – с такими как я... с чудовищами знакомиться не обязательно?

– Извини, пожалуйста, – сказал Шурф. – Знакомиться, безусловно, положено. И с людьми, и с чудовищами, со всеми без исключения. Просто я довольно бесцеремонный человек и порой забываю об элементарной вежливости. Но злого умысла в моем поведении нет, одна только безалаберность. Меня зовут Шурф Лонли-Локли. Вижу тебя как наяву.

По всей форме прикрыл глаза ладонью, а потом отвесил Базилио такой глубокий поклон, каких на моей памяти от него никому не доставалось. Чудовище тут же повеселело, а я начал понимать, почему моего невыносимого друга так внезапно полюбили горожане.

– Идем в гостиную, сэр Базилио, – сказал Шурф. – Я невольно услышал небольшую часть вашего разговора и считаю, что сэр Макс совершенно прав: вам с собаками следует установить добрые отношения. Ты теперь живешь в этом доме и в твоих интересах ладить со всеми, кто здесь хотя бы иногда появляется. И собаки заинтересованы ровно в том же не меньше чем ты. Чем скорее мы покончим с этим делом, тем лучше для всех. Пошли и ничего не бойся. Я на твоей стороне. И гарантирую твою безопасность.

Базилио кивнул и торопливо зашлепал за ним вниз по ступенькам. Кошки затопали следом. Я замыкал шествие, чувствуя себя чрезвычайно важной персоной. Кто еще может похвастаться, что его домашних питомцев мирит сам Великий Магистр Ордена Семилистника, Благостного и Единственного.

И ведь помирил.

Несколько минут спустя собаки и чудовище обсуждали, какие помещения в доме им следует совместно исследовать в первую очередь, а что можно отложить на потом. Кошки помалкивали, но всем своим видом выражали сдержанное презрение к любым действиям, которые будут предприняты без их участие. В ходе беседы Дримарондо то и дело безудержно похвалялся своими успехами в Королевском Университете, который поминал к месту и не к месту, а Друппи с удовольствием

демонстрировал новому приятелю, как ловко он перепрыгивает через обеденный стол – в тех редких случаях, когда ему каким-то чудом удастся не приземлиться в самом центре многострадальной столешницы. Но терпение и труд, безусловно, принесут свои плоды, в это мой пес верит свято.

– А теперь можешь гостеприимно предложить мне пустую кружку, – сказал Шурф после того, как вся компания удалилась осматривать подвал, где, по утверждению Дримарондо, можно было унюхать запахи из соседних домов и развлечься, отгадывая, кто в них живет и что готовят на обед.

– И себе возьми, – добавил он. – Потому что камру я принес с собой. Орденский повар изрядно меня избаловал, наш общий друг Франк тоже внес свою лепту в воспитание моего вкуса, поэтому пить что попало, как в прежние времена, я теперь не стану.

И вытряхнул из пригоршни специальный дорожный кувшин, плотно закрытый крышкой. Надо же, какой предусмотрительный.

– Однако лихо ты всех утешил и примирил, – сказал я. – Тебе бы дипломатическими переговорами ворочать.

– Ну так я ими и «ворочаю», – флегматично отозвался Шурф. – В свободное от возни с твоими собаками и чудовищами время.

– Ох, действительно. Прости. Никак не привыкну к твоей новой работе. И кстати о работе, как прошла экспертиза? В смысле, как тебе понравился Базилио?

– Очень понравился. Если бы ты не был моим другом, с которым я намерен еще неоднократно выпить камры в спокойной обстановке, я бы дал разрешение на его содержание прямо сейчас. И на самостоятельные прогулки тоже – после соответствующей подготовки.

– Какая тут может быть «соответствующая подготовка»? – изумился я. – И кого, собственно, следует готовить? Научить Базилио не бить витрины и не бросаться под амобилеры? Это будет совсем несложно. Гораздо труднее убедить возниц не терять сознание при виде такого прекрасного пешехода.

– Не преувеличивай. Его облик действительно довольно причудлив, но не настолько, чтобы терять сознание. Ты же не потерял – я имею в виду, когда впервые его увидел.

– Ну так то я.

– Ты действительно один из самых храбрых людей, каких я встречал в своей жизни, – серьезно сказал мой друг. – Но при этом твоя способность делать из мухи слона многократно превосходит скромные достижения среднего горожанина. Так что в сумме получается примерно одна и та же

реакция. Ты выстоял, значит выдержи и остальные. Уверен, что после нескольких газетных публикаций о добром нраве и светлом уме удивительного чудовища, обитающего в Мохнatom Доме, сопровождаемых более-менее достоверными портретами Базилио, прохожие будут глазеть на него не со страхом, а просто с любопытством. Именно это я имею в виду, когда говорю о соответствующей подготовке. Ну и самому Базилио не помешало бы побольше узнать о людях и городской жизни – чтобы пореже попадать в неприятные ситуации, не обижаться на каждый неприветливый взгляд и не делать трагедию из пустого собачьего лая.

– Я бы на его месте, наверное, не справился, – признался я. – Очень трудно жить среди людей, для которых ты в самом лучшем случае – занятное зрелище. И уж точно не равный им, сколько головоломок ни реши. Окажись он, к примеру, демоном из другого мира, можно было бы просто помочь ему вернуться домой. А у одушевленных иллюзий, как я понимаю, и дома-то никакого нет. Иногда я думаю, что было бы милосердней дать ему исчезнуть. Но что сделано, то сделано.

– Выброси из головы эту чушь. Могущественному человеку вроде тебя нельзя иметь столь дикие представления о милосердии. Запомни раз и навсегда: всякое существо рождается для того, чтобы познавать мир. А не для того, чтобы всем в этом мире понравиться. С этой точки зрения Базилио находится в очень неплохом положении. Умственных способностей он не лишен, органы чувств, как я понимаю, у него работают даже лучше, чем у человека. Более того, у него с первого дня жизни есть кров, пища, интересные занятия и дружеская поддержка. Да он просто редкостный счастливчик!

Я не ожидал такого напора и совершенно растерялся.

– Кроме всего, – добавил Шурф, – Базилио, похоже, унаследовал легкий характер своего невольного создателя. Трикки Лай – отличный образец для подражания. Он умен, но при этом достаточно наивен, чтобы быть счастливым, невзирая на обстоятельства, тщательный анализ которых поверг бы в глубокую скорбь людей вроде нас с тобой. Видел бы ты его в те дни, когда он был призраком! Мне кажется, даже Джуффин поначалу не особенно верил, что бедняге удастся вернуть утраченную телесность. Зато сам Трикки не унывал. Еще и нас утешал, обещая, что все будет хорошо. Ежедневно обнаруживал какие-нибудь новые преимущества своего призрачного состояния и с таким энтузиазмом о них рассказывал, что впечатлительный сэр Мелифаро начал наводить справки, нельзя ли и ему стать призраком на некоторое время, сохранив возможность вернуться в тело, как только надоест. Едва его образумили... Так что Базилио не

пропадет. Вот если бы его создателем был ты, это могло бы стать настоящей катастрофой!

Я невольно улыбнулся.

– Ну, по крайней мере, это ему точно не грозит. Уже родился, дело сделано.

– И я о чем. Говорю же, он редкостный счастливчик. А ты сразу – «исчезнуть»!

– Ты же понимаешь, – сказал я, – невозможно не примерять предстоящую ему жизнь на себя.

– Понимаю, – кивнул он. – И именно поэтому очень сержусь. А вовсе не потому, что подозреваю тебя в тайном намерении милосердно испепелить беднягу.

«Бедняга» как раз появился на пороге в сопровождении своих новых приятелей. Все выглядели чрезвычайно довольными жизнью в целом и друг другом в частности.

– Мы были на кухне, – доложил Дримарондо. – Люди, которые там хозяйничают, сперва вели себя очень странно и болтали ерунду.

– Что именно они вам наговорили?

– Будто слишком много есть вредно для здоровья. Впрочем, я вступил с ними в дискуссию, одержал победу и остатки мяса по праву достались нам. Но теперь я чрезвычайно обеспокоен обстановкой, сложившейся в доме за время нашего отсутствия. Сегодня эти люди отказывались кормить нас, завтра они начнут отнимать еду у тебя. Придется нам с Друппи немного здесь задержаться и присмотреть за хозяйством. Ты, сэр Макс, всегда был излишне мягкосердечен и не умел постоять за свои права, таким и остался. Тебе нужна защита.

Друппи коротко и решительно гавкнул, выразив таким образом полное согласие с позицией товарища.

– Лучше бы просто сказали, что Базилио понравилось с вами играть, и он упросил вас остаться, – проворчал я. – А повара пришли в восторг от того, что хоть кто-то в этом доме согласен есть их стряпню и твердо пообещали с утра до ночи пичкать вас деликатесами. Это был бы честный разговор. И я бы все равно сказал «да», потому что я и правда излишне мягкосердечен. Этого у меня не отнять.

– Ну видишь, все улажено, – бодро сказал Дримарондо, обращаясь к Базилио. – А ты переживал: «Не разрешит, не разрешит»...

– Когда моя жизнь окончательно станет невыносимой, пойду проситься к тебе в Орден, – сказал я Шурфу. – У вас же там каждому послушнику отдельную комнату дают, правда?

– И посторонних, включая детей и домашних животных, приводить туда строго запрещено, – кивнул он. – Очень предусмотрительно! Тот, кто когда-то придумывал Орденский устав, хорошо понимал, ради чего люди отказываются от мирской жизни.

– Представляешь, ни одного заката еще не было, – сердито сказал мне Джуффин.

Вообще-то в два пополудни подобные сетования звучат довольно смешно. Но мне было совсем не до веселья.

– Думаешь, все кончено? – спросил я. – Мы не успели?

– Не знаю. Надеюсь, что нет. Времени прошло совсем немного. Ну и потом, сновидцу вовсе не обязательно умирать, чтобы исчезнуть из нашего поля зрения. Он может просто мирно проснуться у себя дома – в любой момент. Вдруг рядом с ним оказался толковый знахарь? Или сам решил, что хватит с него. Всякое случается. Жаль только записку нам не оставил, гадай теперь, как у него дела.

– Слушай, а может, он просто устал после вчерашнего выступления? Представляешь, сколько сил ушло на эти ветры?

– Да почти несколько их не ушло, – поморщился Джуффин. – Он же не колдует в поте лица, а просто видит сон. Во сне все легко удается. С другой стороны, в твоих словах есть здоровое зерно: после такого грандиозного шоу обычный несвоевременный закат может показаться скучной ерундой. Хочется снова устроить что-нибудь невероятное, а в голову ничего не приходит. Думать-то во сне как раз гораздо трудней, чем действовать. Особенно сочинять.

– Наяву тоже не сахар, – заметил я. – Я вон вчера пытался придумать, что бы такого интересного натворить. И вместо гениальных идей в голову лезла полная ерунда.

– погоди. А ты-то зачем придумывал? – изумился Джуффин. – Тоже собираешься заснуть покрепче и устроить нам веселую жизнь?

– Нет. Я собираюсь устроить веселую жизнь наяву. Не засыпая. Но пока не придумал, как она будет выглядеть. Поэтому и с тобой не спешил советоваться – не о чем пока.

– Ладно, не советуйся. Но все-таки поясни причудливый ход своей мысли. А то совсем изведусь.

– На самом деле это причудливый ход мысли сэра Шурфа, – улыбнулся я. – Он подсказал мне, что поэты обычно интересуются чужими стихами даже больше, чем аплодисментами собственным. Поэтому, может быть, имеет смысл ловить нашего художника на зрелища? Пусть знает, что он тут

не один такой молодец. Может быть, сам бросится нас искать. Захочет, чтобы ему приснился задушевный разговор с тем, кто устроил такую красоту. И тогда кто-нибудь из нас тут же чудесным образом попадется ему на глаза. Не факт, конечно. Может быть, он псих-одиночка и терпеть не может конкуренции. Или просто сочтет нас бездарями, недостойными внимания. Но почему бы не попробовать?

– Почему бы не попробовать, – задумчиво согласился Джуффин. И помолчав, добавил: – Удивительные вещи мы все сейчас узнаем – о других людях и о самих себе. О том, чем нас можно удивить и растрогать. И чего мы на самом деле ждем от магии – когда творим ее своей волей и когда становимся свидетелями чужих деяний. И о награде, которую, сами того не подозревая, ждем за самые бескорыстные свои поступки. И еще о чем-то самом важном, что находится за пределами слов. Эти знания совсем не похожи на те, за которыми я гонялся всю жизнь. Чувствую себя так, словно весь долгий путь, пройденный мной, был проложен через узкий коридор, и вот теперь, когда я решил, будто зашел так далеко, что дальше, пожалуй, некуда, стены внезапно рухнули, и я оказался в поле, пересечь которое можно, только двигаясь во все стороны сразу. И вниз, и вверх. Потрясающее ощущение. Уже только ради него следовало заинтересоваться печальной судьбой некоторых сновидцев.

– Мне кажется, ты сейчас очень хорошо объяснил, что может сделать с человеком искусство, – улыбнулся я. – Хотя говорил совсем о другом, я понимаю.

– Прекрасно, если так. Потому что лично я пока сам толком не понимаю, чего тебе наговорил. Вдохновенная болтовня – не моя специализация, я предпочитаю хорошо продуманные реплики. Но похоже, пришло время осваивать и ее.

– Придумай тогда, чего бы нам тут устроить, – попросил я. – Чтобы вдохновение зря не пропадало.

– Лучше бы ты спросил об этом вчера днем, – вздохнул он. – Потому что я до хрена всякой красивой ерунды могу выдумать, не сходя с места. Но вся она ни в какое сравнение не идет с давешними ветрами на площади. Разве что... Вот! Представь себе: весь город вдруг начинает пылать как огромный костер...

Я расхохотался.

Джуффин удивленно покачал головой:

– Всегда знал, что у тебя хорошее чувство комического. Но даже не предполагал, что настолько.

– Просто пожар – это было практически первое, что пришло мне

в голову, – объяснил я. – И я сразу подумал, что за такие штучки ты мне голову откусишь. Потому что пока горожане разберутся, что огонь – всего лишь иллюзия...

– Твоя правда, – печально согласился Джуффин. – В твоём воображении я гораздо разумней, чем оказался на деле. Интересно, хватит ли моего хваленного могущества на то, чтобы откусить голову самому себе? Надеюсь, что все-таки нет.

Вода пришла в город незадолго до заката. То есть, конечно, не вода, а иллюзия воды. Ноги мои оставались абсолютно сухими, когда я стоял на улице Медных Горшков, по колено в этой неосязаемой, но зримой синезеленой воде, которая стремительно прибывала. Сделав несколько шагов, я не почувствовал никакого сопротивления. Да и откуда бы ему взяться.

Дышать вода тоже совершенно не мешала – я предусмотрительно проверил это заранее, не дожидаясь, пока меня накроет с головой. Просто лег на согретые осенним солнцем мелкие камни мозаичной мостовой и смотрел из-под зыбкой толщи воды на поднимающиеся над ней островерхие крыши. И думал, как же, наверное, будет красиво, когда вода зальет их целиком.

Но она не залила. Похоже, наш неизвестный гений решил не пугать горожан, которых по идее должен был считать просто незначительными деталями своего сновидения. Или все-таки догадывался, что мы существуем независимо от него? Так или иначе, но вода перестала подниматься, едва достигнув моей груди. Невысоким людям она доходила до подбородков, и только детям не пришлось усаживаться на тротуар, чтобы оказаться под водой целиком. Но они-то как раз были от этого в восторге, а их родители если и беспокоились, то только первые пару секунд.

– Джуффин был прав, когда говорил, что из города ушел страх, – сказал сэр Кофа Йох, невесть откуда возникший рядом со мной.

Ну то есть понятно, что не «невесть откуда возникший», а просто пришедший не то со стороны «Обжоры Бунбы», не то от Большого Королевского Моста, просто я его не заметил.

– Штука в том, что подобный случай уже был на моей памяти, – продолжил Кофа. – Лет за двадцать до окончания войны за Кодекс Нинки Глекки, Старший Магистр Ордена Плоской Горы, устроил нам аналогичное представление – уж не знаю зачем, никакого практического смысла в нем и тогда не было. Правда, в тот раз под водой оказался не весь город, а всего пара дюжин кварталов в районе причала Макури. Оно и понятно, парень-то

действовал наяву, а это гораздо труднее. Но речь не о том. Знал бы ты, какая тогда началась паника! Даже некоторые жители Левобережья стали спешно грузить детей и драгоценности в свои амобилеры, хотя казалось бы, где причал Макури, а где они. А бедняки с окраин драпали из города пешком, в чем были, причем некоторые так больше никогда и не вернулись в столицу, сказали – ну уж нет, хватит с нас того потопа, натерпелись! При том, что в тот день, как и сегодня, никто даже ног не промочил. И вот не прошло и полутора сотен лет, весь город залит точно такой же водой, а вместо паники у нас восторг и веселье. На набережной у Гребня Ехо уже начались танцы, даже музыкантов успели вызвать... Интересно, кстати, кто им заплатил? Или сами на радостях вызвались поиграть? Совершенно неважно, но очень любопытно. Ладно, выясню потом.

– Если бы я последние полчаса не занимался допросом двух бессовестных карманников, решил бы, что это я сам как-нибудь нечаянно наколдовал, – раздался голос сверху.

Мы с Кофой задрали головы и увидели Трикки Лая, который сидел на подоконнике своего кабинета, устроенного под самой крышей Дома у Моста. То есть на втором этаже. Вообще-то здание Управления Полного Порядка у нас самое многоэтажное в столице, просто нижний этаж находится так глубоко под землей, что туда как минимум четверть часа по лестницам спускаться приходится – это если очень спешить.

А между пятками забравшегося под крышу Трикки и землей было чуть больше полудюжины метров. По бокам от него на улицу таращились две пары любопытных глаз – видимо, те самые бессовестные карманники.

– Ты-то тут при чем, мальчик? – изумился Кофа.

– Просто это же моя самая большая мечта исполнилась, – смущенно объяснил Трикки Лай. – Еще раз увидеть море. Очень без него скучаю, а из Ехо мне уезжать нельзя, вы в курсе. И вдруг море само ко мне пришло! Но я тут действительно ни при чем. Просто получил подарок. Знать бы еще, кого за него благодарить. А вы уже знаете?

Кофа мрачно помотал головой. Думаю, ему было очень непривычно не знать имени виновника столь грандиозного происшествия. Вроде бы и понятно, что сновидцы из других миров – совершенно не его специализация, а все равно досадно.

– Если вдруг узнаю, обязательно скажу, – пообещал я.

В этот момент один из карманников решил воспользоваться благоприятной ситуацией и рванул с подоконника вниз. Явно не сообразил, что попадать в наши с Кофой объятия – то еще удовольствие. Я-то, положим, ладно, а Кофа – человек старой школы, он за такие сюрпризы и в

ночной горшок может превратить. Или, к примеру, в сапожную щетку. Потом, конечно, расколдует, но неповторимых впечатлений хватит на всю оставшуюся жизнь.

Однако вмешиваться нам не пришлось. Трикки Лай даже с места не двинулся, только протянул руку, что-то сказал – мне показалось, коротко выругался – и беглец снова оказался где ему положено. То есть на подоконнике рядом со следователем.

– Городские сплетни не врут, от меня действительно невозможно удрать, – ласково сказал ему Трикки Лай. – Это же вообще самое первое, чему я научился, прежде чем занять свою должность. Потому что какой смысл всех вас ловить, если удержать невозможно? Пустая трата времени и сил.

– Ого! – восхитился я. – Вот это класс!

– Да, очень неплохо, – подтвердил Кофа. – С мало-мальски умелым колдуном такой простой фокус, конечно, не пройдет, ну так полиция ими нынче и не занимается.

Ох. В мое время «простыми фокусами» у нас назывались совсем другие вещи. Но говорить это вслух я благоразумно воздержался.

Сказал:

– Пойду посмотрю, как пляшут на набережной. Когда еще доведется.

– Судя по тому, как развиваются события, еще неоднократно, – ухмыльнулся Кофа.

Но я все равно пошел в сторону Гребня Ехо. Пошатываясь, как пьяный от переполняющих меня противоречивых чувств, по грудь в сверкающей изумрудно-синей воде, которой на самом деле не было.

Которая одна только и была сейчас вокруг.

Музыку я услышал еще издалека.

Традиционная Угуландская танцевальная музыка проста, незатейлива и не сказать чтобы разнообразна – бесчисленные зазорные вариации на тему хорошо если полудюжины популярных мелодий, как по мне, довольно навязчивых. Зато воздействие этих мелодий на слушателя таково, что ноги его сами пускаются в пляс, не спрашивая разрешения у головы, которая в это время вполне может порицать невзыскательный вкус местной публики. Остальному организму до ее мнения дела нет: ноги пляшут, руки размахивают им в такт, сердце ликует, а голос, страшно сказать, подпевает – если, конечно, их властелин не обладает железной волей, способной утихомирить тело.

Я – обладаю. Потому не приплясывал на ходу. Ну, скажем так, почти

не. Тем более под водой это совершенно незаметно.

А оказавшись на набережной, я застыл, распахнув рот. И впервые за очень много лет пожалел, что у меня нет с собой фотокамеры. Ну, собственно, ее и быть не могло, местное человечество ничего подобного пока не изобрело и, как я понимаю, не планирует. Довольствуются простенькими волшебными зеркалами, в которых иногда застывают отражения, причем не по воле владельца, а когда зеркало само того пожелает; никогда заранее не знаешь, что в итоге получится – парадный портрет или злобная карикатура, которую следует как можно скорее расколотить, а осколки закопать в землю поглубже, чтобы никто никогда не нашел. Говорят, это и есть самое интересное – ждать сюрприза, гадая, кто из домашних отразится в зеркале последним и как при этом будет выглядеть. Мне такой фатализм совсем не близок, но сейчас я бы не отказался даже от дурацкого зеркала – вдруг повезет, и в нем навсегда отразятся смеющиеся люди в развевающихся одеждах, танцующие по горло в воде, которая не стесняет их движений.

Я стоял и думал, что счастье, конечно, бывает разным и со стороны выглядит тоже по-разному, часто вообще никак, но из открывшегося мне зрелища мог бы получиться отличный парадный портрет счастья. Вот так оно проявляется, когда хочет, чтобы его заметили, оценили и поняли все.

Ну, по крайней мере я заметил, оценил и понял. И жадно смотрел на мелькающие улыбки, взлетающие к небу руки, солнечные блики на поверхности воды – пока мне не закрыли глаза.

То есть натурально подошли сзади и закрыли глаза ладонями. Так школьники часто делают: «Угадай, кто?»

Конечно, я угадал.

Вернее, не угадал, а просто сразу узнал. Некоторые прикосновения – это гораздо больше, чем голос и даже лицо, особенно в помешавшемся на магии Море, где голоса и лица порой меняются по несколько раз на дню, зато тепло рук и тяжесть тени неизменны и выдают с головой – но только тем, кто очень хорошо нас изучил. И кому мы сами совсем не прочь показаться.

– Сейчас вы спросите, почему я до сих пор так и не зашел поздороваться, – сказал я. – А я не придумаю, что тут можно соврать и честно отвечу, что боялся. А вы удивитесь, с каких это пор я вас боюсь. И тогда я, наверное, предложу: «А вот угадайте», – если, конечно, нахальства хватит. Что совсем не факт.

И тогда, как я и надеялся, раздался смех, негромкий, но такой звонкий, что заглушил даже музыку, звучавшую к тому моменту не только в моих

ушах, но во всем теле. Хватка, удерживавшая мою голову, ослабла, я наконец обернулся и увидел девчонку-подростка – длинную, тощую и такую угловатую, словно тело ее состояло исключительно из нескольких дюжин острых локтей и коленок. Плюс коротко стриженная голова, украшенная широкими скулами, веснушчатым носом картошкой и огромными, в пол-лица фиалковыми глазищами в обрамлении рыжеватых выгоревших ресниц.

Уму непостижимо.

Ясно, что леди Сотофа Ханемер может изменять внешность, как пожелает – чем она хуже нас всех. Удивителен был не сам поступок, а легкомысленный полудетский облик, который выбрала для вылазки в город эта могущественная ведьма.

С другой стороны, вот и Шурф вчера прикинулся подростком. Может быть, это у них просто новая Орденская мода? И на тех, кто всегда появляется на людях взрослым человеком, смотрят сочувственно и снисходительно, как сэр Мелифаро на мое долгополое лоохи – дескать, дело хозяйское, но неужели ты сам не понимаешь, что выглядишь как болван, и это очень просто исправить?

– Потанцуй со мной, дяденька, – сквозь смех сказала эта тощая пигалица. – А там разберемся.

Я вообще-то совершенно не умею танцевать. Но об этом даже заикаться было бесполезно. Когда это леди Сотофу Ханемер останавливали подобные пустяки.

В любом случае могущества ее хватило на то, чтобы я не отдал ей ноги. А большего и желать грешно.

– У тебя очень хорошие задатки, сэр Макс, – говорила Сотофа, пока я пытался справиться с ногами, руками и прочими частями тела, которые совершенно не привыкли кружиться, подпрыгивать и сгибаться в самых неожиданных местах. – Со временем из тебя вполне может получиться такой, знаешь, развеселый балбес, на которого, конечно, можно положиться, но только если успел изучить, как влияют на твое настроение фазы луны, изменения погоды, газетные заголовки и прочие обстоятельства. Идеальный характер для могущественного колдуна, чего еще желать.

– По-моему, я уже примерно такой и есть, – отвечал я немного нараспев, невольно стараясь попасть в такт.

– Ишь, размечтался! – смеялась она. – До подобного совершенства тебе еще расти и расти. Пока ты у нас серьезный, мрачный и не в меру

ответственный мальчик, который, конечно, выучился более-менее успешно прикидываться, будто валяет дурака, но меня-то не проведешь! Я тебя насквозь вижу. Впрочем, старайся дальше, ты на верном пути. В один прекрасный день заиграешься, поверишь себе, и вот тогда игра наконец закончится, и начнется самая настоящая жизнь. Хорошая. Твоя. Тебе понравится, вот увидишь.

И я ей верил, конечно. Как не верить, когда самое могущественное существо из всех, кого ты когда-либо встречал, обещает тебе жизнь настолько прекрасную, что ты пока не в силах ее себе вообразить, но уже вполне в силах просто поверить на слово, не переспрашивая, не уточняя, не требуя ни гарантий, ни доказательств, соглашаясь со всем, что скажут: «Да. Спасибо. Да».

– Вода уходит, – неожиданно сказала Сотофа. – Пока почти незаметно, но скоро от нее не останется ничего, кроме прекрасных воспоминаний. Неудивительно, это наваждение и так продержалось гораздо дольше, чем можно было рассчитывать. Мы с тобой даже сплясать успели. Пора и честь знать. Закрой-ка глаза.

Я послушно зажмурился, а когда снова открыл глаза, мы стояли на пороге садовой беседки, где леди Сотофа Ханемер не раз принимала меня в гостях. Воды тут, кстати, не было – ни по пояс, ни по колено, вообще ни капли.

– Я не допускаю в свой сад чужие сновидения, – объяснила леди Сотофа. – Даже такие красивые, как это море, залившее город. В домашних делах должен быть порядок. На моей территории все только мое – и магия, и наваждения, и пирожки, и сны, и болтовня, и гости. Вот, к примеру, ты.

Я молча кивнул. Голова кружилась после давешних танцев, тут на ногах бы устоять.

Девочка-подросток заговорщически мне подмигнула, лихо крутанулась на пятке, и передо мной наконец оказалась более традиционная версия леди Сотофы Ханемер – маленькая пухлая старушка с добродушным румяным лицом. Ясно, что этот ее облик – даже большая ложь, чем все прочие, но к нему я, по крайней мере, уже давно привык.

– Давай заключим сделку, – сказала она. – Я угощаю тебя камрой, а ты рассказываешь, почему меня боишься. Терять тебе все равно нечего: ты в плену. На целую четверть часа, потом живи как знаешь.

– А я уже не боюсь, – сказал я, принимая из ее рук кружку. – Меня пугал только самый первый момент. Все почему-то представлял, как вы на меня посмотрите и спросите: «Эй, а это кто? А сэра Макса куда подевали? Такой был хороший мальчик».

– То есть ты почему-то решил, будто, увидев тебя, я на радостях тут же сойду с ума? – рассмеялась леди Сотофа.

Я помотал головой.

– Нет, конечно. Просто думал, что вы гораздо проницательней всех остальных вместе взятых. И если вдруг я – не тот, за кого меня все столь любезно принимают, вы это сразу увидите. И вряд ли промолчите. А я ничего не хочу об этом знать. Потому что...

– Дырку над тобой в небе, сэр Макс, – озадаченно промолвила она. – С какой стати ты вдруг «не тот»? Из какой щели между Мирами ты выцарапал эту безумную идею?

– Даже не знаю, – честно сказал я. – Не то чтобы я старался сочинить себе проблему позаковыристей. Но она все равно откуда-то взялась в моей голове. Просто столько всего случилось за последние годы. Джуффин рассказал, будто я появился на свет из-за его колдовства, но от этого мои воспоминания о детстве и юности, проведенных в другом мире, вовсе не перестали быть менее достоверными. И шрам на руке от ожога горящим бензином – веществом, которого здесь, в Мире, вообще нет – по-прежнему все тот же шрам, и плечо, сломанное, когда мне было двенадцать лет, по-прежнему ноет, если я неловко что-нибудь ухвачу, и книги, на которых я вырос, вполне себе объективно существуют в той реальности, где были написаны, время от времени я даже встречаю людей, которые их тоже читали. Да вот хотя бы этот неизвестный спящий художник, приведший в Ехо море, разноцветные ветры и ночные радуги, вдруг процитировал первому попавшемуся незнакомцу стихи, которые я когда-то знал наизусть, хорошо, что Нумминорих их запомнил... Но воспоминания – ладно, Магистры с ними, пусть будут. Я готов быть тихим скрытным безумцем, если так почему-то надо. Запаха нет, прохожие не шарахаются, к знахарям никто силой не тащит, вот и спасибо, остальное переживу. Но иногда я делаю вещи, на которые по идее человек вообще не может быть способен, каким бы хорошим колдуном ни был, а я ведь пока, будем честны, в магии совсем новичок, хоть и повезло мне с учителями безмерно. Но некоторым штукам меня совершенно точно никто не учил. Например, я довольно долго жил в городе, который когда-то мне снился. Что само по себе полбеда, Джуффин вон говорит, что люди часто видят во сне реально существующие места, а некоторые счастливики даже прогуливаются там вполне себе во плоти, у нас сейчас как раз полно подобной публики. Гораздо более странно, что от моего присутствия этот город рос и обретал плоть. А я принимал в этом процессе деятельное участие, хотя теперь, наяву и в здравом уме сложно сказать, в чем именно оно состояло. Но и это не все.

Время от времени мне грезятся не то сны, не то просто видения. О каких-то совсем других, чужих жизнях. Порой они бывают похожи на реальность куда больше, чем она сама. Чьи это сны? И чьи жизни? И кто, в таком случае, я? И куда подевался мой старый знакомый сэр Макс, быть которым легко и приятно? Мне, во всяком случае, нравилось. Иногда я вообще думаю, что он как сидел в Тихом Городе, так и сидит. Это очень страшная версия, однако на вопрос, откуда взялся я, она не дает ответа. Надеюсь, это – просто глупость, как и все остальное. И вы меня сразу признали, зря я боялся. Наверное, я – это все-таки просто я.

– Вот когда ты действительно станешь развеселым балбесом, которым сейчас с переменным успехом прикидываешься, подобные вещи перестанут тебя интересовать, – улыбнулась леди Сотофа. – Бедный мальчик! Давно надо было с тобой поговорить, но мне в голову не приходило, что за твоим отсутствием стоит нечто большее, чем обычное неумение планировать время, помноженное на стеснительность, которая всегда мешала тебе меня беспокоить без особо веских причин. Вечно упускаю из виду, что ты не девочка...

– Хотя это, в общем, не очень сложно заметить, – вставил я.

– Да. Особенно когда ты начинаешь говорить глупости, – рассмеялась она. – Ничего не поделаешь, сам виноват, что ведьмой не родился. Нам в этом смысле гораздо проще. Нам, девчонкам, совершенно все равно, кто мы. Вполне достаточно того, что мы есть. Воспринимаю, осознаю, действую – на том и спасибо. Какая разница, кем я была вчера и кем стану завтра, если сегодня я – это я. И это «сегодня» – мое. Навсегда.

Я озадаченно покачал головой. Нельзя сказать, что она меня успокоила.

– Да ты пей камру, – сказала леди Сотофа. – Остынет, придется подогреть, а это уже совсем не то. И выброси из головы свои печальные глупости. Жаль, конечно, что никто, включая меня, не сообразил вовремя сказать тебе, что у каждого настоящего мага несколько жизней, и мы проживаем их не последовательно, одну за другой, а одновременно. Все сразу! Другое дело, что поначалу никто из нас не выбирает, какую из жизней будет осознавать наиболее ярко и считать единственной. Потом начинаются все эти, как ты говоришь, сны и видения, похожие на реальность даже больше, чем она сама. Главное тут – сохранять любопытство и желательно невозмутимость; впрочем, не станем требовать от себя невозможного. Хочешь делать из этого трагедию – на здоровье, кто ж тебе запретит. Важно не то, как ты себя в связи с этим чувствуешь, а удивительный факт, что некоторым из нас удастся научиться проживать

все свои судьбы во всей полноте. И это становится дополнительным источником силы, да такой, что даже само Сердце Мира захочет держаться к тебе поближе – из тех же примерно соображений, из каких все прочие колдуны стараются жить рядом с ним.

Я слушал ее, распахнув рот и преданно моргая бессмысленными глазами, примерно как Друппи, когда я, забывшись, начинаю излагать бедном псу свои текущие взгляды на устройство Вселенной.

– Ты, конечно, ничего сейчас не понимаешь, – вздохнула Сотофа. – Оно и к лучшему, понимать подобные вещи тебе пока рановато. Просто имей в виду, что все, о чем ты рассказываешь, – нормальный этап становления мага. Мы все примерно через это прошли. Вернее, продолжаем идти, потому что это приключение длиной в жизнь. Любую, даже бесконечную.

– Спасибо, – сказал я. – «Нормальный этап становления» – это то, что я хотел услышать больше всего на свете. Особенно меня восхищает определение «нормальный». Очень соскучился по возможности принимать его на свой счет.

– Ничего, – улыбнулась леди Сотофа. – В юности мы все немножко чокнутые, это неизбежно. И только потом, задним числом, взглянув на свое прошлое со стороны, понимаешь, что это были вполне счастливые и беззаботные времена. Изнутри это, к сожалению, не так уж очевидно.

Она проводила меня за ограду. Сказала:

– Отсюда уже можно уйти Темным путем. Из сада, впрочем, тоже не запрещено, просто мало у кого получается. Очень уж хорошо я его заколдовала в Смутные Времена. Теперь такие предосторожности вроде бы ни к чему. Но расколдовывать лень. Пусть уж остается как есть. Хорошего тебе дня.

– Спасибо, – поблагодарил я. – День и так-то складывался лучше некуда. А с вашим пожеланием – даже не знаю, чем он закончится. Но заранее рад, что прожить его предстоит именно мне. А не какому-то чужому дяде.

Леди Сотофа вдруг обняла меня – крепко и сердечно, как в старые времена, когда я чувствовал себя рядом с ней любимым внуком, приехавшим на каникулы. И тогда я окончательно понял, что вернулся. И не куда-нибудь в очередной из пригрезившихся мне Миров, а домой.

– Отлично мы с тобой потанцевали, – сказала она. – А теперь проваливай. У меня куча дел.

Темным путем я так и не воспользовался. Пошел пешком в надежде,

что это поможет собраться с мыслями. Потому что невыразимое счастье невыразимым счастьем, а необходимости найти и обезвредить, в смысле разбудить нашего гениального сновидца никто не отменял.

Однако как я ни пытался сосредоточиться, мысли мои норовили разбежаться в стороны и, по возможности, спрятаться где-нибудь под кустом. Их можно понять, уродись я сам столь неказистой немудреной мыслишкой, тоже предпочел бы скрыться от позора.

Брел, одним словом, как пьяный. Столько всего вдруг сразу со мной случилось – изумрудно-синее море, накрывшее город, музыка, этот нелепый танец с леди Сотофой, и разговор, освободивший меня от почти непосильного груза, который я, оказывается, все это время таскал за собой, сам того не замечая.

На мосту Кулуга Менончи меня поймала Меламори. То есть натурально изловила, как кошка замечтавшуюся птицу. Но есть не стала, просто обняла, прямо на глазах у прохожих и сновидцев; первым, впрочем, было пока не до нас, приходили в себя после давешнего наводнения. А что до вторых – кому какое дело, что им однажды приснились два человека в странных просторных одеждах, развевающихся на речном ветру, которые стояли обнявшись на мосту, и человек, что пониже ростом говорил:

– Я тебя искала – не по-настоящему, тогда бы послала зов. А просто играла с собой в такую игру: встречу, не встречу? Выиграла, как видишь. Только поздновато, вода уже ушла. Ну как ты? Что у тебя происходит?

Надо отдать мне должное, я почти сразу вспомнил, кто она такая. И не стал скрывать, что обрадовался. И даже отверз было уста, чтобы сказать – ничего особенного, встретил на набережной Сотофу, очень хорошо поговорили, поставила она мне голову на место, сразу же надо было к ней бежать, а я, дурак, как всегда...

Но вместо этого почему-то произнес:

– И все, чем смерть жива и жизнь сложна, приобретает новый, прозрачный, очевидный, как стекло внезапный смысл^[8].

Глаза у Меламори стали круглыми, как у буривуха, в которого она умеет превращаться, по крайней мере, иногда.

– Макс, ты что, стал сочинять стихи?

Таким дрожащим голосом обычно спрашивают у героев: «Ты что, сражался с ядовитым драконом и теперь собираешься умереть от его укуса еще до ужина?»

Я помотал головой.

– Нет, так далеко пока не зашло. Просто цитирую чужие. Извини. Даже не понимаю, как это вышло. Просто ты спросила, как у меня дела, и я

сказал явно не то, что планировал. Вернее, оно само...

– Это на тебя так наводнение подействовало? – понимающе спросила Меламори.

– Скорее леди Сотофа. Я ее встретил на набережной, а потом камру с ней пил. В общем, все вместе. Но я уже вполне взял себя в руки. Стихов больше не будет.

– Это как раз жаль, – улыбнулась Меламори. – Хорошие стихи. Поэтому собственно я за тебя так испугалась. Призвание не выбирают, а быть поэтом – совсем не сахар. Родители дружили с покойным Айрой Кори – знаешь его? Нет? Неважно, просто поверь на слово, что он один из великих. Классик. На века. И я однажды случайно услышала, как сэр Айра сказал: «Писать – все равно что всаживать меч себе в сердце и мучиться не столько от боли, сколько от того, что не можешь вонзить его еще глубже – вот на что уходят все силы». Я тогда маленькая была, но на всю жизнь запомнила, что быть поэтом очень тяжело. И вдруг узнаю, что ты так влип! Но если стихи чужие, тогда все хорошо. А кто автор? Кто-нибудь совсем молодой-неизвестный? Или сэр Шурф, на полчаса оторвавшись от своих возлюбленных бланков с печатями, кого-нибудь древнего и забытого в своей библиотеке раскопал? Потому что я его точно не знаю.

– Конечно, не знаешь. Он из другого мира.

– Ну надо же, – вздохнула Меламори. – Миры разные, а люди, в сущности, такие одинаковые. Мне сейчас так близко то, что он написал! Как будто перед этим мы с ним вместе стояли, укрытые этой бескрайней водой и смотрели из нее на солнце. У меня так и не хватило слов, чтобы рассказать самой себе, что на самом деле со мной случилось. А у него хватило. И он написал.

– Думаю, поэзия примерно для этого и нужна, – сказал я. – Чтобы мы наконец-то смогли рассказать самим себе, что с нами происходит.

Умиrotворенные, мы пошли в сторону – не то Управления Полного Порядка, не то Мохнатого Дома. Я не знал, куда мне сейчас нужно больше. И решил, что это, наверное, выяснится как-нибудь само.

– Если вы с Джуффином все-таки найдете человека, которому снятся такие удивительные сны про ветры, закаты и воду, почитай ему эти свои стихи, – вдруг сказала Меламори. – И скажи, что он сделал с нами примерно вот это. Пусть знает. На его месте я бы хотела знать.

Я остановился прежде, чем понял, о чем собственно речь. Как громом пораженный – так в подобных случаях говорят. Хотя что тот гром в сравнении с молниями, которые иногда сверкают во тьме человеческой головы. Их обычно называют идеями, но потрясения от встречи

с некоторыми из них это определение не передает.

– Ты чего? – встревоженно спросила Меламори. – Не хочешь читать ему стихи – не читай. Я не настаиваю.

– Нет уж, обязательно почитаю, – сказал я. – И чем скорее, тем лучше. Ты гений, знай об этом пожалуйста. Я потом объясню, ладно? А сейчас побегу. Если получится, покорми Базилио этим вашим мистическим кремовым тортом, воняющим селедкой и стремительно исчезающим в никуда.

– Ладно, – пообещала она. – Хотя нынче с утра торт у меня исчезал уже не очень стремительно. Почти целую минуту продержался, Базилио большой кусок склевал. Но добавка ему не повредит. А мне – лишняя тренировка.

Я улыбнулся, помахал ей рукой и шагнул прямо в кабинет Джуффина, страшно довольный тем, что мне удался столь эффектный уход. Темный путь – это не только удобно, но и чертовски красиво. Сообразил бы раньше, какие возможности он открывает человеку, который обожает выпендриваться, давным-давно научился бы.

Однако никакой иной пользы от моей поспешности не было. В кабинете сидел только Куруш, да и тот спал так крепко, что не обратил на мое красивое появление никакого внимания.

Тогда я послал Джуффину зов, но и тут не имел успеха. Причин для беспокойства, ясное дело, никаких – то ли на Темную Сторону по какой-то надобности отправился, то ли в другой Мир, то ли в Холоми по делам, то ли просто в карты играть засел и не хочет отвлекаться. Но как же не вовремя! Меня натурально на части разрывала идея, которую следовало немедленно обсудить. И тут же начать воплощать.

Затормозить мне в этот момент было примерно так же просто, как паровозу, несущемуся вниз с обледенелой горы. Хотя ни паровозов, ни даже ледяных гор в Ехо отродясь не было. Но когда это меня останавливало.

– Дело хозяйское, – сказал я опустевшему Джуффину креслу. – Значит, будет тебе сюрприз.

И послал зов сэру Шурфу в надежде, что хотя бы он пока никуда не подевался из этого Мира. В конце концов, сам жаловался, что сидит в Иафахе как на каторге. И как минимум одна прогулка у него сегодня уже была.

«Будешь смеяться, – сказал я, – но ты мне снова нужен. И снова по делу».

«Если по неотложному, то ты пропал, – хладнокровно заметил Шурф. – Потому что вот именно сейчас у меня сидит личный церемониймейстер Его Величества. Этому доброму человеку кажется, будто я слишком хорошо живу. И чтобы исправить положение, он принес мне в подарок целых сорок восемь поправок к Кодексу Хрембера, касающихся применения магии в придворных ритуалах. Семнадцать мы уже подробно обсудили, можешь меня поздравить. Но раньше чем через два часа я из его лап не вырвусь. Столько твое дело терпит?»

«Дело-то терпит, – признался я. – В отличие от меня самого. Ладно, только один вопрос, чтобы я успокоился и не бегал по городу в поисках другого помощника. Ты умеешь писать на небе?»

«Умею», – коротко сказал он. И исчез из моего сознания, оставив меня погибать.

Погибать я пошел домой – в надежде, что застану там Меламори. Но поскольку снова воспользовался Темным путем, изрядно ее опередил. Зато в гостиной присутствовал мой зверинец – весь, в полном составе. Базилио сидел на ковре, скрестив свои обескураживающе человеческие ноги, Армстронг и Элла блаженно дремали, прижавшись к его чешуйчатым бокам, а Дримарондо расхаживал взад и вперед с чрезвычайно недовольным видом. На мое появление обратил внимание только Друппи, бросился мне навстречу, восторженно мотая ушами, остальным было не до меня.

– Ну еще немного подумай, – говорил Базилио. – Это же очень простая задача!

– Я гуманитарий, – надменно ответствовал Дримарондо. – Мой ум создан для решения задач иного рода, и мне не следует без особых причин совершать над ним насилие. Вот когда ты будешь способен провести семантический анализ сочинений Тессара Лохрийского, я, так и быть, соглашусь вернуться к твоим пустяковым проблемам.

– Эту формулировку надо запомнить, – сказал я. – Теперь я знаю, как отвечать злодеям, которые то и дело пытаются принудить меня к тяжелой умственной работе: мой ум создан для решения задач иного рода, и точка.

– Сэр Макс! – Базилио наконец меня заметил и очень обрадовался. – Может быть, вы согласитесь решить эту задачу? Просто чтобы Дримарондо убедился, что ничего сложного в этом нет.

«Ой! – подумал я. – Надо же так влипнуть!»

Позориться перед не в меру сообразительной одушевленной иллюзией и собственными домашними животными мне совсем не хотелось.

– Я вообще-то тоже гуманитарий, – сказал я, отступая к выходу. – И как раз собирался заняться семантическим анализом. Давно пора! А то у меня сочинения Тессара Лохрийского уже дюжину дней не анализированы. Как людям в глаза смотреть...

– О, да ты тоже заинтересовался наследием великого Тессара? – обрадовался Дримарондо, внезапно обнаружив во мне родную душу.

И я окончательно понял, что пропал.

Ситуацию спасла Меламори, которая наконец до нас добралась. Удивленно поглядела на только что сбежавшего якобы по неотложному делу меня, но ничего не сказала. Наколдовала для Базилио отличный кремовый торт размером с половину обеденного стола, вонявший, как трюм старого рыболовецкого судна, который ни разу не пробовали отмыть, велела собакам проверить, что творится в кухне, и не подъедают ли злокозненные повара приготовленные для псов окорока, вероломно закусывая их кошачьим паштетом. Базилио вызвался оказать друзьям посильную моральную поддержку, сонные Армстронг и Элла преданно последовали за ним, гостиная опустела, и я перевел дух: пронесло! По крайней мере, на какое-то время.

– Еще немного, и Базилио принудил бы меня решать его дурацкие головоломки, – пожаловался я.

– Я так и поняла, – кивнула Меламори. – Меня он уже пытал утром, после того как Трикки сбежал на службу. Я кое-как решила одну задачку из трех и тоже быстренько смылась. Боюсь, в ближайшее время Базилио предстоит сделать пренеприятнейшее открытие: он гораздо умнее подавляющего большинства людей. Даже не знаю, как он с этим справится.

Сэр Шурф прислал мне зов не через два часа, как обещал, а всего через полтора: «Можешь приходить». Все-таки любопытство – страшная сила.

– По твоей милости господину церемониймейстеру предстоит сегодня нелегкая ночь, – сказал он. – У меня было всего два способа ускорить дело: принять все его поправки, не особо вникая в суть, или же отклонять все подряд. Первый способ гуманней и избавил бы нас обоих от пустых хлопот, зато второй безопасней для Соединенного Королевства и Мира в целом. Да и аргументировать отказ куда проще, чем оформлять одобренный документ. В итоге досточтимый сэр Кумалкаята отправился все переписывать, а у меня впервые за долгие годы появился самый настоящий личный враг.

– Слушай, – встревожился я, – и что теперь будет? Надеюсь, он не

подошлет к тебе отравителей?

– Да хоть бы и подослал, что от них толку. Яды на меня все равно не действуют.

– И на том спасибо. Прости, что помешал тебе работать. Совсем не хотел доводить до таких крайностей!

– Какие же тут крайности? – удивился мой друг. – По-моему, все устроилось наилучшим образом. Человек моего положения просто обязан иметь врагов при дворе Его Величества. Вон покойного Магистра Мони Маха терпеть не мог сам Король. Для меня это, конечно, совершенно недостижимый уровень, но я готов довольствоваться малым. Рассказывай лучше, что именно ты собираешься писать на небе?

– Разумеется, стихи, – сказал я. – Прозу оставим для заборов.

– Надеюсь, с заборами ты как-нибудь справишься сам? – нахмурился Шурф. – Я не настолько ценю прозу, чтобы заниматься ее переписыванием.

– Если будет надо, справлюсь. Но сперва – небо. Хочу вступить в дружескую переписку с нашим благодетелем. После сегодняшнего пришествия большой воды я окончательно понял, что в зрелищах ему нет равных. Куда уж нам. Зато мы можем попробовать воздействовать на него силой слова. Но я писать на небе, сам понимаешь, не умею. И вдруг вспомнил, как ты однажды закрыл его облаками. А писать на нем слова, наверное, даже проще. Да?

– Не сказал бы, что проще, но сделать можно, – отмахнулся он. И помолчав, спросил: – Ты Джуффину успел рассказать?

Я помотал головой.

– Собирался. Но он очень некстати куда-то подевался. И до сих пор не откликается.

– Побег из Холоми, – коротко объяснил Шурф.

Я ушам своим не поверил.

– Из Холоми?! Это же невозможно!

– Теоретически – да. На практике же Хехта Сай, Старший Магистр Ордена Решеток и Зеркал, отбывающий пожизненное заключение за несколько сотен убийств, в том числе среди мирного населения, не участвовавшего в борьбе Орденов, сумел разжалобить камни, из которых сложены стены его камеры. Оказывается, если практически не умолкая жаловаться на судьбу полторы сотни лет кряду, у камней могут не выдержать нервы. Или сердце. Боюсь, моих познаний недостаточно, чтобы с уверенностью утверждать, на каком именно участке камня зарождается сочувствие к страдальцу. Так или иначе, камни Холоми позволили Хехте Саю выйти. Не на улицу, конечно, а на Темную Сторону, которая его

приняла. Беспрецедентный случай! Джуффин, конечно, разберется – и с беглецом, и с камнями. Но какое-то время ему будет не до нас.

– Может быть, оно и неплохо, – сказал я. – А то раскритиковал бы мою идею в пух и прах, и я бы утратил энтузиазм. А без энтузиазма мне сейчас никак нельзя. Сразу вспомню, что совершенно растерян, понятия не имею, что делать и не верю в успех. А в таком состоянии – ну вот разве что камням жаловаться хорошо. У меня уже к завтрашнему утру весь дом рыдать будет. И спрашивать, чем мне можно помочь.

– К утру не будет, – совершенно серьезно возразил Шурф. – У камней, видишь ли, очень замедленное восприятие. Известно, что говорить с ними следует, растягивая каждый звук минимум на три часа, и только потом произносить следующий. И всякую фразу при этом приходится повторять не менее полусотни раз – на указанной скорости. Дальше сам считай.

Я прикинул, сколько времени может уйти на одно только лирическое вступление: «Я – человек-бедняжка», – и присвистнул.

– Похоже, этот Хехта Сай добровольно превратил свою жизнь в кошмар.

– Не преувеличивай. Почему сразу «кошмар»? – пожал плечами Шурф. – Вполне умиротворяющее занятие, если, конечно, как следует втянуться. И не смотри на меня как на палача, у меня и в мыслях не было предлагать тебе попробовать. Лучше скажи, что за стихи ты собрался писать на небе? С выбором я, сам понимаешь, могу помочь.

– Еще как понимаю. Но хочу начать с того, что ему знакомо и близко.

– А как ты выяснил, что именно ему знакомо? И тем более близко?

– Так он же... Ох, ну конечно! Этого я тебе еще не рассказывал. Потому что совсем дурак с дырявой башкой. Когда на Площади Побед бил фонтан ветров, Нумминорих стоял рядом с человеком, у которого есть некоторые шансы оказаться автором всех этих наших чудес. И тот сперва плакал, а перед тем, как исчезнуть, сказал Нумминориху: «Когда я был дитя и бог». Парень ни хрена не понял, но честно передал мне послание. И я опознал цитату. Я знаю этого поэта. И многих других, которых наверняка читал наш загадочный друг, большой любитель Хименеса.

– То есть можно более-менее уверенно предположить, что он твой земляк?

– Ннну... Да. Условно говоря, земляк. Во всяком случае, я в контексте. И это упрощает задачу до него достучаться.

– Не уверен, – неожиданно возразил Шурф. – По моему опыту, когда человеку снится что-то хорошо знакомое, он не обращает на это особого внимания. Вспомнилось и вспомнилось, ничего удивительного тут нет. Но

когда читаешь во сне книги или слышишь стихи, которых не знал наяву, это производит очень сильный эффект.

– А у меня наоборот. Когда снится что-то новое, необычное и непонятное – это просто нормально. А когда во сне вдруг появляются знакомые люди, города и, например, стихи, это настораживает. Все люди разные. Осталось угадать, на кого из нас похож этот тип, цитировавший Хименеса.

– Не надо гадать, – вкрадчиво сказал сэр Шурф. – Просто послушай:

Только закрыв глаза
на границе между Миром
и грудой его веселых обломков,
из которых складывают сновидения,
можно вспомнить, что Тень твоя – ветер.
Дует над степью, заросшей черной лиловой
белой колючей сияющей красной
горькой на вкус выгоревшей живой
неназываемой непостижимой,
а все-таки просто травой,
на краю того Мира, что ты никогда не увидишь,
даже если откроешь глаза.

– Удар ниже пояса, – признал я после того, как ко мне вернулся дар речи. – Совершенно невозможно с тобой спорить, когда в ход идут такие аргументы. Это случайно не Айра Кори? Меламори о нем сегодня рассказывала. Как он говорил: «Писать – все равно что всаживать меч себе в сердце и мучиться, что не можешь вонзить его еще глубже». С подобным подходом я бы не удивился...

– Нет, – перебил меня Шурф, – это были стихи Кибы Кимара. Просто первое, что пришло на ум. А Айра Кори писал вот что:

Когда я умер
в городе, где хрустальные лестницы
соединяют небо с землей,
а в реках живут золотоглазые отражения

тех, кто хотя бы однажды сидел у воды,
многие плакали,
когда я
умер,
открыл свои золотые глаза
в городе, где только дожди
соединяют небо с землей,
а в реках живут молчаливые рыбы.
Никто здесь не плачет,
говорят мне: «Хорошее утро»,
думают,
я проснулся
дома.

– Ну ни хрена себе, – вздохнул я.

Ясно теперь, почему мой друг так помешан на угуландской поэзии. Сам бы на ней помешался, если бы время от времени что-то читал. И слушал хоть немного внимательней в тех редких случаях, когда мне удавалось добраться до «Трехрогой Луны», например.

Но я решил не сдаваться.

– Сбиться с дороги —
это слиться с метелью,
а слиться с метелью —

это двадцать столетий пасти могильные травы^[9].

– Ого, – удивился Шурф. – Это из другого Мира поэт?

– Ну да.

– Надо же, а так похож на наших. Если бы я разбирался в поэзии немного хуже и у меня был хоть малейший шанс не знать чего-то, заслуживающего внимания, вообще не усомнился бы, что это угуланец, причем скорее всего младший современник леди Уттары Май. Это последняя четверть Эпохи Орденов. Считается, что именно Уттара Мая положила начало современной поэтической традиции, отказавшись от строгой рифмы, используя ритм, близкий к крэйскому заклинательному

строю, и одновременно расширив поэтический словарь практически до разговорного.

– И как она писала? В смысле, что? – спросил я, уже почти забыв, ради чего мы на самом деле собрались.

– Ну вот например:

Смерть – это трава,
которая прорастет сквозь твои руки
в тот день, когда ты вспомнишь,
что смерти нет.

Я довольно долго молчал, оглушенный явственным запахом свежескошенной травы, заполнившим не то кабинет, не то только мое внутреннее пространство; второе предположение выглядит более правдоподобным, но только с оговоркой, что никакой разницы на самом деле нет.

Но потом я встряхнулся и сказал себе: «Соберись, тряпка. Сейчас мы ему покажем, что бывают и другие поэты, ничем не хуже угуландских. Не может быть, чтобы ты совсем ничего не помнил!»

Память у меня скверная, но местами все же цепкая. Поэтому вспомнил кое-что. Хотя силы наши, конечно, были неравны – сэр Шурф знал несравнимо больше. Но порой милосердно умолкал, чтобы дать мне слово. Не такой уж он, в сущности, злодей.

Опомнились мы только час спустя. И только потому, что Шурфу прислал зов кто-то из помощников. По выражению его лица я понял, что наличие в Мире каких-то дурацких подчиненных и бессмысленных дел, о которых они своевременно напоминают, стало для моего друга крайне неприятным сюрпризом.

– Я только что отменил вечернее занятие с Младшими Магистрами, плановые консультации для Старших, внеочередную ревизию расходов провинциальных резиденций и три личных аудиенции разной степени важности, – наконец сказал он мне. – Понятия не имею, когда я все это буду навестывать. Поздравляю, сэр Макс. Ты в хорошей форме. Тебе по-прежнему удастся разрушать мои планы и превращать мою жизнь в хаос. И я по-прежнему испытываю благодарность вместо приличествующего в подобных случаях негодования.

– Из всего вышесказанного следует, что это скорее ты в хорошей

форме, – заметил я.

– Да, в общем, оба вполне в порядке, – усмехнулся он. – Что не отменяет нашей с тобой основной проблемы: как мы будем выбирать?

– Выбирать – что?

– Стихи, конечно. Что именно мы будем писать на небе? Потому что если все сразу, получится слишком мелко. С земли не разобрать.

– Ой-е! – я схватился за голову.

Действительно проблема.

– Так, стоп, – сказал я минуту спустя. – А почему собственно надо выбирать что-то одно? Будем писать все, что вспомнили. Просто не сразу, а по очереди. И твое, и мое. Не знаю, примет ли нашего сновидца хоть чем-то, зато общеобразовательная польза несомненна. Этаким небесный фестиваль поэзии разных Миров. Заранее завидую горожанам. Хотел бы я быть на их месте. Идешь по улице, задираешь голову к небу, а там внезапно стихи. И какие! А вечером уже новые. Ночью – опять. И уже начинаешь ждать – что дальше? Утром первым делом бежишь к окну – читать. По-моему, здорово.

– Звучит убедительно, – мрачно сказал Шурф. – Но с таким объемом работы я при всем желании не справлюсь. Один раз тебе помочь – не вопрос. Два или даже три – ладно, предположим. Хотя понятия не имею, как выкрою столько свободного времени завтра...

– Столько – это сколько? – растерялся я.

Почему-то был уверен, что написать стихи на небе можно за пять минут, на бегу, в перерыве между другими делами.

– Часа два, как минимум. А то и все три. Любая магия, изменяющая внешний вид небесного свода, требует немалых затрат времени и сил. Одна только предварительная подготовка занимает не меньше получаса. И сам процесс примерно вдвое-втрое больше, зависит от объема текста. А потом желательно немного поспать, чтобы восстановить силы. При этом у меня действительно есть дела, которые невозможно отложить. И довольно много. Я их не выдумал, к сожалению.

– Да ясно, что не выдумал, – вздохнул я. – Надо же, как все оказывается непросто. Ладно, тогда научи меня. Я у нас пока практически бездельник. Орденом руководить не надо, на службу с утра приходиться не обязательно, и даже чудище, которое внезапно завелось в моем доме, любезно кормят другие люди. Вполне можно позволить себе расслабиться и писать стихи на небесах.

Шурф с сомнением покачал головой.

– Можно попробовать, – наконец сказал он. – Но тебе будет трудно. Ты

же, насколько я знаю, даже Безмолвную речь до сих пор не любишь. А тут степень концентрации гораздо выше. И продолжительней по времени.

– Терпеть не могу Безмолвную речь, – согласился я. – Но используй же, когда надо. И вообще, мне не любить, мне – делать. Это разные вещи.

– Хорошо, попробуем, – согласился Шурф. И удивленно добавил: – Надо же, как тебя зацепило.

Я хотел было честно объяснить, что просто хватаюсь сейчас за призрачную возможность хоть как-то продвинуться в свалившемся на меня деле, скорее всего непосильном. Но вместо этого сказал:

– И все, чем смерть жива и жизнь сложна, приобретает новый, прозрачный, очевидный, как стекло, внезапный смысл.

– Что?

– Тоже стихи. Фрагмент, остальное я забыл; впрочем, неважно. Давай ты напишешь это на небе прямо сейчас. А дальше я сам, если смогу. Нет, не «если». Смогу. Куда я денусь.

– Ладно, – неожиданно легко согласился мой друг. – Пошли.

– Куда?

– На крышу, разумеется. Сидя в помещении, с небом ничего путного не сделаешь. Можно, конечно, и просто на улицу выйти, но некоторые исследователи небесных и облачных магических практик упоминают популярное в эпоху Короля Менина суеверие, согласно которому чем выше заберешься для колдовства, тем вероятней успех.

– Именно суеверие?

– Да. В основе его лежит наивное предположение древних крэйев, будто небо обладает индивидуальным сознанием и волей. И ему приятно видеть, как мы прикладываем усилия, чтобы к нему приблизиться. Ничем таким небо, конечно, не обладает, поскольку оно представляет собой всего лишь панораму воздушного пространства, открывающуюся при взгляде, направленном вверх. И наши усилия оценить некому, это ясно любому мало-мальски образованному человеку. Но в некоторых практических вопросах я суеверен, как дикарь. И это, скажу тебе по секрету, отлично работает.

Мы вернулись на землю не два, не три даже, а целых четыре часа спустя. Потому что процесс очень замедлился из-за моего обучения. Зато в итоге я почти все сделал сам – под руководством Шурфа. И чувствовал себя теперь так, словно все это время пил Джубатыкскую пьянь, и одновременно меня не слишком сильно, но настойчиво избивали палкой. Тело ныло от напряжения, голова была тяжелой и пустой, а перед глазами

скакали огненные буквы – следы тех, которые мы так долго и упорно выводили на фоне ночного неба.

Чертовски красиво получилось, надо сказать. Мой наставник обещал, что надпись продержится как минимум часа три. Неплохо для начала.

– Ты очень упрямый, – сказал Шурф. – Если уж тебе в кои-то веки приспичило, вполне способен вогнать в гроб себя и всех, кто по милости судьбы оказался рядом. Для дела это просто отлично. А теперь плохая новость: пока тебе все-таки рано действовать самостоятельно. Нужно хотя бы еще одно занятие. Как минимум.

– Тоже мне плохая новость, – отмахнулся я. – Или ты хочешь сказать, что собираешься сбежать на край Мира, лишь бы больше никогда не иметь дело с таким настырным тупицей?

– Нет, побег на край Мира пока не входит в мои ближайшие планы. Ужас твоего положения состоит в том, что завтра свободное время у меня будет только рано утром. Если начнем примерно за полчаса до рассвета, есть шанс, что уложимся в срок.

– Да, – согласился я, – это достойная месть за все мучения, которые я тебе причинил. Сам лучше не придумал бы. А все равно хрен я от тебя отвяжусь. Благо бальзам Кахара никто не отменял. Выживу как-нибудь.

– Договорились, – кивнул он. – Тогда иди спать. Прямо сейчас. Если не отдохнешь хоть немного, не сможешь работать.

– Ну конечно, – сказал я вслух. А про себя упрямо добавил: «Держи карман шире!»

И дело даже не в том, что я такой уж истовый борец за личную свободу. А просто невозможно было удержаться от искушения прогуляться по городу и посмотреть на лица прохожих, которые, задрав головы к небу, сами себе не веря, читают начертанные нами огненные письма: «... прозрачный, очевидный, как стекло внезапный смысл». И подслушать, о чем они после говорят. Или как молчат. Никогда себе не простил бы, если бы отказался от этой прогулки. А там хоть трава не расти.

Сквозь мои руки.

Проспал я в итоге всего часа два. Но был на месте вовремя. И действовал в этом состоянии столь эффективно, что управились мы даже быстрее, чем вчера, хотя выбранное Шурфом стихотворение Кибы Кимара было очень длинным. То есть всего двенадцать строчек, но когда пишешь их в небе, буква за буквой, это огромный объем.

Все это так меня вымотало, что я не рискнул возвращаться домой Темным путем. И пошатываясь от усталости, побрел по утреннему городу –

досыпать. И каким-то чудом туда пришел, ни разу не заблудившись, хотя глаза закрывались на ходу, а сонный ум то и дело пытался поднять себе настроение паническими воплями: «Ой мамочки, это где же я сейчас?»

Дома я успел забраться под одеяло, укрыться им с головой и уже почти провалился в сон, но тут откуда ни возьмись в моем сознании зазвучал жизнерадостный голос сэра Джуффина Халли. Как будто он все утро просидел в засаде, терпеливо выжидая, когда наступит самый неудачный момент для беседы.

И вот дождался.

«Стихи в небе – твоя работа?» – не здороваясь, спросил он.

«Моя, – сознался я. – Если тебе не нравится, можешь прийти и задушить меня подушкой. Только, пожалуйста, не буди».

«Обойдешься, – твердо сказал Джуффин. – Я только что вернулся с Темной Стороны. Я – герой, в очередной раз совершивший невозможное. И заодно столько возможного, что хватило бы на пару-тройку вполне достойных жизней, наполненных событиями. Единственная награда, которая меня удовлетворит, – завтрак в твоём обществе. Поэтому поспишь когда-нибудь потом».

Я был так потрясен его жестокостью, что даже забыл обрадоваться, что он вернулся. Хотя еще вчера ночью очень этого ждал. И мечтал расспросить – о сердобольных камнях Холоми, о похождениях магистратубийцы на Темной Стороне, да вообще обо всем. Но не теперь же!

Большой глоток бальзама Кахара только примирил меня с неизбежным. Не более того.

– Признавайся, – сказал я, входя в почти пустой обеденный зал «Обжоры Бунбы» и усаживаясь напротив Джуффина, – ты же нарочно все это затеял.

– Я много чего нарочно затеял, – флегматично ответил он. – Ты сейчас о чем?

– Ну как же. Вывернул Мир наизнанку, заманил сюда толпы сновидцев, притащил меня в Ехо, внушив, будто их надо от чего-то там такого хитровыкрученного спасать – и все это только ради того, чтобы снова получить возможность регулярно поднимать меня по утрам, примерно через три минуты после того, как я доползу до постели.

– Видишь ли, от некоторых пагубных привычек не так-то просто избавиться, – покаянно вздохнул Джуффин. – Но я не теряю надежду, что в один прекрасный день сумею взять себя в руки и обуздать эту страсть. И ты ее не теряй. А пока – терпи.

– Ты никогда не учил меня убивать, – мрачно резюмировал я. – И теперь ясно, почему.

– Не учил, потому что для убийства тебе достаточно плюнуть. Другое дело, что ты постоянно об этом забываешь. И правильно делаешь. Рассеянный убийца – это прекрасно. Он дарит людям радость и символизирует торжество жизни над смертью. Но учти, если ты немедленно что-нибудь не съешь, вскоре начнешь символизовать прямо противоположное. Я тебя предупредил!

Я внял и принялся уплетать омлет. Но не потому что позволил себя запугать. А просто от этого грешного колдовства жрать хочется даже больше, чем спать. Страшная штука.

– Стихи в небе – это вместо пожара? – спросил Джуффин, милосердно выждав, пока я утолю первый голод. – Чтобы художника приворожить?

Я молча кивнул.

– Великого Магистра небось припахал, выдернув из теплой постели? – ухмыльнулся он. – А сэр Шурф не успел тебе сообщить, что неприкосновенность его личности охраняется законом? И всякий, кто попытается силой или угрозами принудить его к действиям, выходящим за круг повседневных обязанностей руководителя Ордена, может быть объявлен государственным преступником.

– Правда, что ли? – изумился я. – Класс! Какой прекрасный закон! Только на месте Шурфа я бы внес одну небольшую поправку: «...к действиям, НЕ выходящим за круг повседневных обязанностей, бла-бла-бла», – далее по тексту. По-моему, давно пора – если ему дороги жизнь и рассудок. Но на небе я, кстати, сам писал. Великий Магистр только руководил процессом. И еще трубку курил. И выглядел страшно довольным: ночь, стихи, и надо мной можно издеваться сколько влезет. На правах строгого наставника. Думаю, именно так он и представляет себе счастье.

– Примерно, – кивнул Джуффин. – Но ты, однако, даешь! Предложи мне кто-нибудь спор, я бы без раздумий поставил на то, что ты сбежишь, проклиная все на свете, едва начав разучивать этот фокус. Утомительный и, прямо скажем, не самый нужный в жизни.

– В том-то и штука, что сейчас – самый. Я хочу, чтобы стихи на небе менялись как можно чаще. Никогда не знаешь, кого чем зацепит, это непредсказуемо. И выбрать совершенно невозможно – даже в одном Мире слишком много хороших стихов. А уж в двух сразу – страшное дело! И при этом сэр Шурф, как выяснилось, пока не готов посвятить их популяризации всю свою жизнь целиком и без остатка. Хорош любитель поэзии!

Пришлось брать дело в свои руки. А то бы действительно сбежал, ты совершенно прав. Жуткая нудьга эти ваши небесные и облачные магические практики... Кстати, прости, что с тобой не посоветовался, прежде чем начинать. Меня в кои-то веки вдохновенно осенило, а ты исчез. Я бы взорвался, дожидаясь.

– И правильно сделал, что не стал ждать. Я же с самого начала сложил с себя ответственность, признался, что понятия не имею, как подступиться к этому делу. Поэтому, пока ты им занимаешься, я для тебя не столько начальник, сколько помощник.

– Помощник? – восхитился я. – Правда, что ли? И если я попрошу тебя написать на небе стишок – всего один, пока я посплю – ты согласишься? А дальше я сам. Честно!

– Ладно уж, напишу, что с тобой делать, – неожиданно согласился Джуффин. – Но только учти: выберу на свой вкус. Стихи – дело серьезное. И какие-то мальчишки, возомнившие себя великими ценителями, мне тут не указ.

– Ну так отлично! Вдруг у этого художника вкус как раз с твоим совпадает, а не с нашим? Всяко больше шансов.

Я так обрадовался, что окончательно проснулся. И, во-первых, сразу потребовал дополнительную порцию. А во-вторых, вспомнил, откуда Джуффин вернулся. И набросился на него с расспросами.

– Ну наконец-то! – проворчал он. – А я уже начал опасаться, что кроме стихов ты теперь больше ничем не интересуешься.

И мстительно принялся набивать трубку. Видимо, рассчитывал уморить меня паузой. Но я с честью выдержал испытание.

– Для начала скажи, что ты уже знаешь, – наконец смиловился Джуффин.

– Практически ничего. Только что некий Магистр Ордена Решеток и Зеркал, отбывающий пожизненное заключение за кучу убийств, разжалобил камни Холоми, и они выпустили его на Темную Сторону. Еще я знаю, что выйти из Холоми без личного согласия коменданта невозможно. Но это уже, как я понимаю, устаревшая информация.

– Да не то чтобы устаревшая, – задумчиво сказал Джуффин.

Выпущенное им кольцо дыма дрогнуло, сложилось в вопросительный знак и принялось весело подскакивать над столом. Очень милый фокус. Но, на мой взгляд, несколько несвоевременный.

– Штука в том, что Хехта Сай не столько разжалобил камни Холоми, сколько обратился к их чувству справедливости, – наконец сказал он. – Рассказал им свою историю, а камни внимательно его выслушали. Что,

будем честны, следовало сделать мне, причем еще полторы сотни лет назад. Правда, я не занимался его делом лично. Он был не моей добычей, а мне и со своими возни хватало. Но по большому счету это меня не извиняет.

– Его что, за чужие убийства засудили? – изумился я. – А как же магический жезл Канцелярии Скорой Расправы? Он же не загорится над невинным человеком, разве не так?

– Так, да не совсем. Хороший колдун может повлиять на жезл и подчинить его своей воле. Поэтому делами самых могущественных людей я всегда занимаюсь лично; другое дело, что Хехта Сай – не один из них. Впрочем, в его случае с жезлом все было в порядке. Магистр Хехта Сай действительно совершил все убийства, в которых его обвиняли. Формально все правильно. А на деле он не более виноват, чем камень, которым разможили несколько сотен голов, прежде чем он понял, что происходит, треснул от горя и рассыпался на осколки.

– А что, и такое бывает? – изумился я.

– В истории Соединенного Королевства действительно зафиксировано несколько убийств, совершенных при невольном участии камней, обладающих сознанием. Последствия бывали разные, в том числе и такие, как я описал. Собственно, как я понимаю, именно этот аргумент помог Хехте Саю договориться с камнями Холоми. Такому несчастью камни вполне могут посочувствовать, даже если оно произошло не с одним из них, а всего лишь с человеком.

– И как он так влип?

– Рассорился с женщинами своего Ордена. Что в принципе вообще никому делать не рекомендуется. А если ты при этом состоишь в Ордене Решеток и Зеркал, подобный неосмотрительный поступок практически приравнивается к самоубийству. Их даже собственный Великий Магистр побаивался. И, на мой взгляд, правильно делал.

– Такие злющие тетки?

– Боюсь, сэр Макс, ты нашел самое точное определение. При всем моем уважении к этим могущественным леди, иначе и не скажешь.

– И так его достали, что решил – пропади все пропадом? – я исполнился сочувствия.

– Да не то чтобы. Просто бедняга совершенно не умел пить.

– В смысле? Быстро напивался и падал под лавку? Или песни орал?

– Хуже. От выпивки он быстро терял разум и становился буен, как бойцовый индюк. Лез в драку по всякому поводу, которые сам же и создавал. Рассказывают, что однажды, еще в юности, Хехта Сай по пьяному делу чуть не убил лучшего друга и после этого старался по

возможности воздерживаться от выпивки. Что в его ситуации было чрезвычайно трудно – и даже не потому, что так уж хотелось напиться. Просто когда ты чрезвычайно способный молодой колдун, получивший звание Старшего Магистра в непростительно юном возрасте, любимец и личный ученик самого великого Эшлы Рохха, и всем вокруг известно, что у тебя есть одно-единственное слабое место, можешь быть уверен, что выпить тебе будут предлагать по дюжине раз на дню. В надежде, что рано или поздно ты совершишь роковую ошибку и твое теплое местечко освободится для других желающих.

– Понимаю, – кивнул я. – Хотя на самом деле совершенно не понимаю! Вроде бы взрослые люди, все как один могущественные колдуны собрались вместе, чтобы заниматься магией в хорошей компании – в этом же вроде бы смысл Орден? И вдруг такую фигню творят – интриги какие-то, склоки, борьба за места. Ну вот как это возможно?!

– Ну так в этом и заключается главная трагедия Эпохи Орден, – пожал плечами Джуффин. – И основная причина катастрофы, которой она завершилась. Очевидная магия, в отличие от Истинной, не изменяет самого колдуна, а, напротив, потакает ему во всем. Чем больше у тебя становится сил, тем ярче проявляются изначально присущие тебе достоинства и изъяны. А человек несовершенен – любой, в этом правиле нет исключений. Вот и прикинь, каков выходит итог.

– Печальный, – согласился я. – И что в итоге случилось с Хехтой Саем?

– После очередной попойки, от которой не удалось отвертеться, он спьяну забрел на женскую половину резиденции. Насколько я знаю, даже ничего особенного там не натворил – разве что бранился, пытаясь отыскать дорогу в свои покои. Но в Ордене Решеток и Зеркал на этот счет были строжайшие правила. Женщины Ордена яростно охраняли свою территорию от мужчин. Даже Великий Магистр не имел права посещать их без особого приглашения, об остальных и говорить нечего. Почему эти ведьмы просто не убили Хехту Сая на месте – отдельный вопрос. Уверен, это сошло бы им с рук, как уже не раз сходило. Но женщины Ордена решили обойтись с ним иначе. Сказали: появился к нам пьяным, вот и оставайся таким навек. Наложили соответствующее заклятие и выставили беднягу вон. По их меркам это было чрезвычайно мягкосердечное решение. Великий Магистр Эшла Рохх самолично выразил благодарность женщинам Ордена за милосердие и выразил надежду, что однажды у них хватит великодушия простить молодого коллегу и позволить ему протрезветь. Думаю, в итоге этим бы дело и кончилось,

если бы хмельной Хехта Сай не повадился буяннить в городе. И внезапно оказался на удивление грозным драчуном – при том что в трезвом состоянии воинственностью не отличался, и все его многочисленные умения не имели никакого отношения к боевой магии. Однако первая же пьяная драка за пределами резиденции принесла ему легкую победу над двумя Младшими Магистрами Ордена Семилистника, с которым Орден Решеток и Зеркал уже тогда враждовал не на жизнь, а на смерть. Потом последовали другие убийства, причем настолько выгодные для дел и репутации Ордена, что Великий Магистр решил не лишать себя столь прекрасного бойца. И попросил женщин оставить все как есть. Уговаривать их, сам понимаешь, долго не пришлось. Таким образом, Хехта Сай несколько лет, не приходя в сознание, сражался с врагами своего Ордена. А что время от времени ему под горячую руку подворачивались простые горожане – да кого это в ту пору волновало? Уж точно не Эшлу Рохха. И не его коллег-соперников из других Орден.

– Вот в это тоже трудно поверить, – вздохнул я. – То есть я не думаю, будто ты привираешь. Подозреваю, что наоборот, еще много не договариваешь, чтобы меня не шокировать. Но вообразить не могу, что еще совсем недавно в Ехо было вот так.

– Не можешь – и хорошо, – сказал Джуффин. – Не надо тебе ничего воображать. Сейчас не так, и хвала Магистрам. И мне с ними за компанию. И Кофе. И еще некоторым господам. Мы славно поработали, чтобы сперва закончить эту бессмысленную войну всех против всех, а потом привести Мир в порядок. До меня совсем недавно дошло, что все уже получилось, дело сделано, можно ставить точку и начинать новую игру. С тех пор хожу пьяный, почти как Магистр Хехта Сай. Только на радостях, а не от чужих чар. И драки не затеваю – это я, надо сказать, большой молодец!

– Да уж, – усмехнулся я.

– А похождения вечно пьяного Хехты Сая завершились почти одновременно с гражданской войной. Чуть раньше. Его, кстати, не кто-нибудь, а сэр Кофа поймал, обездвигил и лично отвел в Канцелярию Скорой Расправы – на суд. А оттуда – напрямик в Холоми. За такое число убийств всегда давали пожизненное заключение, смертная казнь в Соединенном Королевстве даже во время войны была запрещена. Другое дело, что убить преступника при задержании считалось обычным делом; с большинством так и поступали – в соответствии с тайным распоряжением Нуфлина Мони Маха, которое лично я предпочитал по возможности игнорировать. Кофа тоже. Впрочем, Хехту Сая он сперва хотел убить на месте, очень уж был на него зол. Но у Кофы в ту пору

завязался роман с одной девицей из Канцелярии Скорой Расправы, и в тот день как раз было ее дежурство, а свежепойманный подсудимый – отличный предлог для внеочередного свидания. Ну и лишний раз похвастать хорошей добычей перед новой подружкой никогда не повредит. Так уж Хехте Саю в тот день повезло – остался жив и был со всеми удобствами размещен в тюрьме Холоми. Где, как ты понимаешь, внезапно пришел в себя.

– А почему?

– Ну как почему? Там же никакая магия не действует. Заклинание злющих, как ты выражаешься, теток благополучно перестало работать. Хехта Сай впервые за долгие годы трезво взглянул на Мир. И можешь себе представить, каково ему пришлось.

– Да, – вздохнул я. – Вот уж всем похмельям похмелье. Вроде бы чуть ли не вчера за праздничным столом сидел, потом, кажется, с кем-то подрался, дальше все смутно. И вдруг – трах, бац! – ты уже в Холоми, и вежливые люди в форменной одежде говорят, что сидеть тут ты будешь до самой смерти. Чокнуться можно.

– Примерно так. А со временем Хехта Сай сумел вспомнить разные интересные подробности. В частности, с чего все началось. Еще и не такие секреты можно выколотить из своей памяти, когда вся твоя жизнь – бесконечный досуг, из развлечений остались только сон и книги, а единственный собеседник – ты сам. Говорит, голову об стену разбить хотел, когда осознал, что много лет был пьян не по своей воле, а теперь до конца жизни придется расплачиваться за это сомнительное удовольствие. А еще труднее оказалось пережить, что Великий Магистр, учитель и, как казалось, близкий друг, даже не попытался снять с него заклятие. Если это не предательство доверия, то что тогда? И со всем этим теперь как-то надо жить – причем не в Море, полном приключений и новых знакомств, а в одиночном заключении, которое никогда не закончится.

– Начинаю понимать, как этот тип разжалобил камни, – мрачно сказал я. – Мне уже тоже хочется зарыдать и выпустить его на волю. Или хотя бы узнать, что это сделал ты. Поймал его на Темной Стороне, выслушал, пожалел и отпустил. Эй, не смотри на меня на придурка! Я и сам понимаю, что такое невозможно.

– Разумеется, невозможно, – холодно подтвердил Джуффин. – Я действительно поймал этого красавца на Темной Стороне, куда он ухитрился пройти без опыта и учителя – с первой же попытки, прикинь. Ну правда, помощь камней Холоми дорогого стоит, даже не представляю, на что они на самом деле способны в тех редких случаях, когда чего-то

захотят. Впрочем, поймать Хехту Сая было легче легкого – он даже не пытался спрятаться. Бродил по Темной Стороне, разинув рот, и плакал от счастья. Одно удовольствие иметь дело с такими беглецами! Воспользовавшись случаем, я устроил ему небольшую экскурсию, а потом вернул в камеру. Где помог написать апелляцию по всей форме. И уже отправил ее по инстанциям. В смысле, положил себе на стол.

Я ушам своим не поверил.

– Так его освободят?!

– Ну да. Думаю, уже нынче вечером – при условии, что ты хотя бы на время оставишь в покое сэра Шурфа, без чьей подписи дело не уладится. Еще и компенсацию за несправедливое наказание выплатят. Немалые, к слову, деньги. А чему ты так удивляешься? По закону человек не может быть осужден за преступления, которые совершил, находясь под воздействием чужого колдовства. Магистра Сая уже давным-давно освободили бы, если бы он вместо того, чтобы разговаривать с камнями, попробовал договориться с людьми. Письма-то из Холоми доставляют всем адресатам, включая меня и даже Короля. И добиться дополнительного разбирательства совсем не сложно.

– Тогда почему он даже не попытался?

– Ну, видишь ли, Хехта Сай не верит в правосудие и законность. Что совершенно нормально для человека, родившегося и выросшего в Эпоху Орденов. Ему просто в голову не пришло, что с тех пор все могло настолько измениться. Моим объяснениям бедняга удивился больше, чем всем чудесам Темной Стороны вместе взятым. И еще долго тщился понять, в чем, собственно, состоит подвох. Которого, как ты понимаешь, не было. В камеру я бы его и без согласия приволок. И камни Холоми принесли мне торжественную клятву, что больше не станут вмешиваться в наши дела. Следовало, конечно, взять ее еще много лет назад, просто никому в голову не пришло, что по каким-то вопросам у камней может быть особое мнение, отличное от нашего.

– Ладно, – сказал я, – все хорошо, что хорошо кончается. Хотя если этот душевный человек, способный разжалобить камни, вдруг решит отметить счастливое спасение стаканчиком-другим, это может стать началом новой истории. Которая нам совсем не понравится.

– Все-таки вряд ли. Последняя вечеринка произвела на него неизгладимое впечатление. И в любом случае это не наша проблема. В тюрьму парень попал по ошибке, факт. Но закон о бессрочной ссылке для Старших Магистров особо опасных мятежных Орденов пока никто не отменял. Хехта Сай покинет Соединенное Королевство сразу после того,

как переступит порог Холоми, я лично за этим прослежу. Ссылка пойдет ему на пользу. Пусть забудет пока об Очевидной магии и прочих развлечениях Сердца Мира и просто путешествует. Забавно, но почти никто из всех этих мятежных Магистров, чуть не погубивших Мир, никогда не высовывал носа за пределы Угуланда. О других странах и городах большинство знало, в лучшем случае, из книг. Могущественные, надменные, невежественные вечные подростки, так толком и не начавшие жить. Так досадно было их убивать! До сих пор сожалею о каждом, не дожившем до изгнания. Я, видишь ли, очень хозяйственный. Всякий человек кажется мне пустым мешком, который можно порвать на лоскуты и сжечь, а можно под завязку набить новым, невиданным, небывалым опытом. А потом забросить этот мешок куда-нибудь за пределы Мира и посмотреть, что случится – это, конечно, главное удовольствие для меня.

– То есть я правильно понимаю, что у тебя появился новый ученик? – улыбнулся я.

– Скорее всего. Темная Сторона его приняла, а это означает, что у меня нет особого выбора. Вернее, у нас обоих. Но есть еще два игрока – время и судьба. Теперь слово за ними.

– Отлично, – сказал я. – А пока все эти игроки раздумывают над очередным ходом, у тебя как раз есть пара часов, чтобы написать на небе обещанный стишок. Потому что я, честно говоря, совсем с ног валюсь. Отпустишь?

– Отпущу, конечно. Сразу после того, как задашь мне вопрос, которого я жду все утро.

– Какой вопрос?!

Я совершенно растерялся.

– Ну сам подумай, – вздохнул Джуффин. – Я видел надпись на небе и сразу выяснил, что ее сделал ты. При этом я достаточно опытный человек, чтобы иметь представление, сколько сил забирает подобный трюк, особенно у новичка. И прекрасно понимаю, как ты себя сейчас чувствуешь и до какой степени нуждаешься в отдыхе. Но все равно выдергиваю тебя из постели для разговора. Ясно, что история Хехты Сая могла бы подождать до вечера. Да хоть до следующего года. Тебя она, строго говоря, вообще не касается – так, очередной любопытный эпизод. Но тогда зачем?

– Ну как – зачем? Чтобы причинить немыслимые страдания, – усмехнулся я.

Джуффин досадливо дернул бровью – дескать, не до шуток сейчас.

Ладно, нет так нет.

– Ты был на Темной Стороне, – сказал я. – Наверное, что-то там

увидел? И мне по какой-то причине следует об этом знать?

– Ну наконец-то. Можешь ведь, когда хочешь.

– И что там было?

– А у тебя никаких идей?

Вот и первый стоящий повод процитировать умницу Дримарондо:

– Мой ум создан для решения задач иного рода, и мне не следует без особых причин совершать над ним насилие.

– На самом деле еще как следует. Но ладно, Магистры с тобой. Я решил поискать на Темной Стороне следы автора свалившейся на нас красоты. Ну вдруг он все-таки не сновидец с дальнего края Вселенной, а нормальный бодрствующий колдун из местных? Предположим, что все, кого я расспрашивал, были со мной честны и действительно пальцем о палец не ударили, чтобы нас развлечь; хотя твердо на это рассчитывать – все равно глупость. Но кроме моих знакомых в Море есть и другие люди, способные насыщать качественные наваждения. Теоретически какая-нибудь вдохновенная куманская принцесса, тубурский игрок в сновидения или, чем только Темные Магистры не шутят, юный арварохский шаман вполне могли бы оказаться в Ехо и устроить нам подобное представление. Их магия совсем не похожа на нашу, а значит, остается шанс, что я ее просто не замечаю. И хороши мы с тобой будем, пытаюсь разбудить сновидца, которого на самом деле нет – примерно так я рассуждал. Ну и вообще, почему бы не воспользоваться случаем и не задать вопрос Темной Стороне? Она может промолчать, но когда отвечает, не врет. Никогда.

– И что? – с замирающим сердцем спросил я. – Кто это на самом деле чудит?

– Никто, – сказал Джуффин. – Вернее тот, кого с точки зрения Темной Стороны не существует. То есть все-таки просто человек, чье спящее тело лежит сейчас в какой-нибудь другой реальности. Как я и думал с самого начала. Поиски не отменяются. Но новость состоит не в этом.

– А в чем же?

– В том, что творца ветров, закатов и наводнений с точки зрения Темной Стороны нет в этом Море, однако созданное им – очень даже есть. Все эти удивительные события оставили след на Темной стороне – даже более зримый, чем большинство так называемых реальных происшествий. Что совершенно невозможно, когда имеешь дело с обычными наваждениями. И неизбежно, когда речь заходит об Истинной магии. Которая, если ты помнишь, существует во всех Мирах и в пространстве между ними. Которая, строго говоря, и есть сама жизнь во всей своей полноте. Я не знаю, что тут еще можно сказать, сэр Макс. Разве что: «Так

не бывает». Но в моих устах это прозвучит в лучшем случае смехотворно. Так что и пробовать не стану.

– Все-таки нам попался настоящий художник, – вздохнул я. – В юности был совершенно уверен, что искусство – разновидность магии. Ну, то есть настоящее искусство, а не всякая маскирующаяся под него халтура. И даже теперь так думаю – при том, что «магия» для меня уже давно не просто красивое слово, а набор совершенно конкретных действий и их результатов. Но все равно.

– Не уверен, что до конца понимаю значение, которое ты вкладываешь в слово «художник», – задумчиво сказал Джуффин. – Но мы безусловно имеем дело с выдающимся магом. И мы у него в долгу, потому что изменения, оставленные его деяниями на Темной Стороне, определенно пошли на пользу нашему городу и всему остальному Миру.

– Вот и выбери для него за это самый лучший стишок, какой сможешь вспомнить, – сказал я. – И напиши на небе разборчивым почерком. Не знаю, сможем ли мы спасти жизнь этого гения. Честно говоря, чем дальше, тем больше сомневаюсь. Чихать он хотел с дальних облаков на нашу спасательную экспедицию! Зато поблагодарить его можно прямо сейчас. Сказать, что мы потрясены и растеряны. И что Мир больше никогда не станет для нас прежним – после всего, что он тут натворил. Для художника это очень важно. Он обязательно должен знать.

– А кстати, почему бы прямо так и не написать? – спросил Джуффин. – Вот ровно этими простыми человеческими словами? Дело хозяйское, но, по-моему, так гораздо понятней. И побуждает к диалогу. Нет?

– Не знаю. Может, и так. Но, по-моему, простые человеческие слова – это слишком мало. И слишком понятно. «Спасибо»? Ну ладно, пожалуйста. И все, не о чем дальше говорить. А так – ну как минимум может стать интересно, с какой это стати во сне вдруг появились стихи, написанные на небе, знакомые и неизвестные, вперемешку. И почему именно эти? Кто их сочинил и кто выбирал? Я бы сам не отказался от такого сна. Впрочем, сейчас я бы даже от кошмара про школьные экзамены не отказался, лишь бы голова при этом лежала на подушке.

– Ладно уж, – усмехнулся Джуффин, – ступай. Ты свободен. И даже апелляция писать не надо, прикинь, как тебе повезло.

Да не то слово.

Домой я шел практически на автопилоте, но под ноги все-таки смотрел. Поэтому заметил, хоть и не сразу, что с тротуарами и мостовыми Старого Города что-то немного не так. И уже в нескольких кварталах от

дома понял наконец, что именно – сквозь мелкие разноцветные булыжники стала прорасти трава. Тоже разноцветная. Черная, лиловая, белая, красная – в точности, как в стихах, которые были сейчас написаны на светлом пасмурном небе почерком не то чтобы каллиграфическим, но выгодно отличающимся от тех каракулей, которые получаются, когда я пишу пером или даже кладу руку на самопишущую табличку. Все-таки я молодец.

А уж он-то какой молодец, наш неведомый адресат! Прочитал стихи, которые вдруг появились на небе, и сразу подумал: «О, цветная трава, наверное, это красиво, а ну-ка попробуем». Или еще лучше – решил отправить нам ответное послание. «Я прочитал то, что вы написали, и мне понравилось», – как-то примерно так.

Я разрешил себе думать, что так оно и есть. Потому что, когда вам предстоит много тяжелого и скорее всего тщетного труда, заснуть счастливым дураком – не прихоть, а обязанность. Практически священный долг.

Человек, мирно уснувший в собственной спальне, расположенной на втором этаже огромного, почти пустого дома, вправе рассчитывать, что и проснется, как засыпал – в одиночестве. Но, видимо, только при условии, что этот человек – не я.

Потому что проснулся я от дружного смеха – как бы деликатно приглушенного, зато исходящего из нескольких глоток сразу. И помнится, спросонок сперва ужаснулся, решив, что не смог добраться до дома, уснул под каким-нибудь кустом, где меня обнаружили условно сердобольные прохожие. Теперь небось обсуждают – это сколько же надо выпить с утра, чтобы дойти до жизни такой. Интересно, они меня уже узнали? Или есть надежда сойти за человека, похожего на самого сэра Макса? Который, вероятно, и напился-то с горя, не в силах пережить столь роковое совпадение.

Но все-таки нет. Открыв глаза, я обнаружил, что лежу не под кустом, а в собственной постели. В спальне на втором этаже Мохнатого Дома, как и было сказано. Только кроме меня здесь почему-то была еще целая толпа народу. Люди, звери и чудовища – все собрались.

На подоконнике сидели Меламори, Нумминорих и Трикки Лай. Сэр Мелифаро пока деликатно топтался на пороге, зато ржал громче всех – видимо, для компенсации. На краю моей постели возлежал Базилио, под боком у него мурлыкали Армстронг и Элла, на ковре устроились Друппи и Дримарондо, ради дополнительного удобства перетащившие туда

большую часть моих подушек.

Впрочем, Магистры с ними, с подушками. Не жалко. А вот все остальное вызывало вопросы. Очень много вопросов, сливающихся в один, можно сказать краеугольный вопрос философии: «Какого черта?!»

Но задавать его я не стал, потому что все эти красавцы тут же дружным хором спросят, кто такой черт. А я им уже столько раз объяснял, что даже шутить на эту тему неинтересно. Особенно спросонок.

Поэтому я вежливо поинтересовался:

– А что, в доме больше не осталось свободных помещений?

– Прости нас, пожалуйста, – сказала Меламори. – Я сейчас все объясню!

– Даже не представляю, как ты справишься, – вздохнул я. – Потому что происходящее, на мой взгляд, совершенно необъяснимо!

– Да ну тебя, засоня, – встрял Мелифаро. – Неужели ты нам не рад?

– Рад, – сказал я. – То есть вообще, в целом, абстрактно – ужасно рад. Порой от счастья криком кричу, прикинь. Но вот прямо сейчас, здесь, в спальне – как-то не очень. Я и так едва жив. А мне еще всю ночь пахать и пахать.

– Она, кстати, уже довольно скоро наступит, – заметил Мелифаро. – В смысле, ночь. Так что, может быть, и к лучшему, что ты проснулся.

– К худшему, – твердо сказал я. – Причем для всех.

– Если собираешься испепелить нас гневным взором, учти, пожалуйста, что я пришел последним. И вообще не ведал, что творю. Просто шел мимо, увидел в окне ребят, Трикки мне помахал, я истолковал это как приглашение: «Давай, поднимайся», – кто же знал, что они засели в твоей спальне? А кстати, почему?

– Ответ на этот вопрос мне тоже хотелось бы получить.

– Ну просто в доме началась уборка, – объяснила Меламори. – В общем, ничего страшного в ней нет, но Базилио придерживается иного мнения. Он – прости, дружок, что выдаю твой секрет – немного побаивается слуг.

– Хотя по идее должно быть наоборот, – меланхолично заметил я.

– Ну что ты. Это же Королевские слуги. Пока они находятся при исполнении обязанностей, они ничего не боятся. Вот если бы Базилио пришел к ним домой, когда они отдыхают, мы бы еще поглядели, кто кого!

– Если можно, я все-таки пока воздержусь от визитов, – робко заметило чудовище. – Не хотелось бы зря беспокоить людей.

– Ладно, – великодушно согласилась Меламори. – Не хочешь – не беспокой.

– Уборка, – напомнил я. – Ты говоришь, в доме началась уборка. И что такое ужасное случилось потом? Они так старательно скребли и драили, что стерли Мохнатый Дом с лица земли? И кроме моей спальни от него ничего не осталось?

– Дом цел, – успокоила меня Меламори. – Просто Базилио спросил меня, где можно пересидеть уборку – так, чтобы его никто не видел и не трогал. Я посоветовала твою спальню. Потому что пока ты там дрыхнешь, она неприкосновенна.

– Неприкосновенна значит, – меланхолично повторил я, обводя взглядом собравшихся.

– С точки зрения слуг, безусловно, – подтвердила Меламори. – Но мы-то не проходили обучения при дворе Его Величества. Какой с нас спрос?

– Ладно, – сказал я. – Почему здесь оказался Базилио, мне ясно. Будем считать, он оправдан. Но все остальные?!

– Ну, положим, Армстронг и Элла пошли с Базилио сразу, – объяснила Меламори. – Они же теперь ни на шаг от него не отходят, сам знаешь. Какое-то время все было спокойно, я даже успела сходить на службу, поймать какого-то мрачного хмыря, без которого шеф жизни себе не мыслил, и вернуться, чтобы тебя проведать. А когда вернулась, обнаружила, что собаки тоже перебрались к тебе. Дримарондо говорит, чтобы охранять.

– Видишь ли, – рассудительно сказал Дримарондо, – нам показалось, что неразумно оставлять тебя в спальне наедине с чудовищем. При всем уважении к Базилио, вынужден признать, что информации об особенностях пищевого поведения подобных существ у нас пока явно недостаточно. Вполне возможно, раз в год – например, как раз в середине осени – ему необходимо съесть одного человека, чтобы подготовиться к зиме. Поймите меня правильно, я не утверждаю, будто дела обстоят именно так! Но твердых гарантий, что мое предположение ошибочно, у нас тоже нет. Поэтому мы с Друппи решили, что нам следует за тобой присматривать. Хуже-то всяко не будет!

– Очень мило с вашей стороны, – вздохнул я. – Не думаю, что представляю собой вкусную и полезную пищу для кого бы то ни было, включая Базилио. Но все равно приятно, когда тебя охраняют.

– Он и мне то же самое рассказал, когда я застукала их в спальне, – вставила Меламори. – Но я, честно говоря, подозреваю, что на самом деле ребята тоже решили спрятаться от уборки. Они у нас, конечно, самые храбрые в мире псы, кого хочешь от съедения спасут. Но уже успели отвыкнуть от этих наших человеческих глупостей с мокрыми тряпками,

пока жили одни.

– Святые слова, – согласился Дримарондо.

Друппи взмахнул ушами в знак солидарности.

– В общем, я решила, что тоже вполне могу тут с вами посидеть, – сказала Меламори. – Уборка меня не пугает; к тому же она уже давным-давно закончилась. Но в жизни всякого сурового воина вроде меня должно быть место умилению. А тут как раз подходящее зрелище – ты и Базилио, практически в обнимку. И еще кошки с собаками. Когда еще такое увижу. Открыла окно, села на подоконник, набила трубку и принялась вами любоваться.

– И тебя можно понять, – признал я.

– А потом пришли Трикки с Нумминорихом, – сказал Трикки Лай. – Трикки решил покормить Базилио, а Нумминорих напросился посмотреть, как это происходит. Они собирались зайти как приличные люди, через парадную дверь в гостиную, но увидели в окне меня и решили продемонстрировать, как ловко они лазают по стенам. Я и глазом моргнуть не успела, а они уже были тут.

– Мы просто не поняли, что ты тут спишь, – вставил Нумминорих. – Не заметили под одеялами. И запах твой меня не смутил – ты же в этом доме живешь! Вполне естественно, что везде тобой пахнет.

– Очень неловко вышло, простите, – вставил Трикки Лай. – Если бы я знал, что вы спите именно в этой комнате, первым предложил бы отправиться в гостиную. Но я не знал. Меламори правда все время говорила: «Тише, тише», – но я думал, она просто опасается, что мы разбудим кошек, и тогда уже спокойно не посидишь.

– А потом я увидел всю эту компанию в окне, – сказал Мелифаро. – Трикки мне помахал, я зашел, подождал их в гостиной, понял, что спускаться никто не собирается, и отправился к ним сам. Захожу, и тут Меламори говорит: «Сейчас Макс каааак проснется! И всем полный конец обеда!» И мы заржали. Но это, оказывается, была не шутка, а страшное пророчество. Я потрясен.

– Правильно ли я понимаю, что неприятность случилась по моей вине? – внезапно спросил Базилио. И драматическим шепотом уточнил: – Означает ли это, что меня сегодня так и не покормят?

Вот теперь рассмеялся и я. Но оказался единственным бессердечным злодеем. Все остальные, включая моего защитника Дримарондо, бросились утешать бедное голодное чудовище, адресуя мне укоризненные взоры.

За это я прогнал их в гостиную. Но вместо того, чтобы добыть себе кофе из Щели между Мирами и насладиться наконец блаженным

одиноким, почему-то вскочил, быстро оделся и отправился за ними. Иногда я бываю чертовски непоследователен. Но тут уж ничего не поделаешь.

...Зов Джуффина настиг меня примерно час спустя. Я как раз допивал доставленную из «Обжоры Бунбы» камру и безуспешно пытался убедить себя, что работать гораздо веселей и интересней, чем бездельничать в компании разнообразных чудовищ. То есть конечно же волшебных существ – людей, василисков, кошек и собак.

«Еще дрыхнешь?» – спросил шеф.

«Ну не то чтобы вот прямо дрыхну, – осторожно ответил я. – Скорее пребываю на границе между состояниями сомнамбулического одевания и осознанного поглощения завтрака. Возможно, существует какой-то специальный магический термин для обозначения этой ступени перехода от сна к бодрствованию?»

«Кончай трепаться, – нетерпеливо сказал он. – И если ты еще в Мохнatom Доме, дуй в башню и посмотри в окно. А то пропустишь самое интересное».

«В смысле, стихи, которые ты на небе написал?» – встрепенулся я.

«Это зрелище ты уже благополучно проспал. Давай бегом, поговорим потом».

– Шеф велел срочно подниматься в башню и пялиться в окна, – объявил я присутствующим. – Кто со мной?

Вот именно тогда, на сотой примерно ступеньке до меня наконец дошло, что в башню можно преспокойно ходить Темным путем. Чем она хуже дальних стран и ближайших трактиров? Это несколько запоздалое открытие кардинально изменило к лучшему всю мою дальнейшую жизнь, но в тот вечер уже не пригодилось – я и так был почти на месте. И настолько выбился из сил, что распахнув окно и высунувшись в него чуть ли не по пояс, сперва не увидел ничего кроме разноцветных огненных пятен, пляшущих перед глазами. Но потом перевел дыхание и понял, что огненные пятна – вовсе не послание из таинственной глубины организма, разгневанного столь жестокой эксплуатацией. А вполне себе объективная реальность.

За окном полыхал закат. Но вместо одного солнца к горизонту устремилась целая толпа светил. Я несколько раз начинал их считать и сбивался, не дойдя даже до второй дюжины. Потому что, во-первых, ума можно лишиться от такого зрелища, какая тут арифметика. А во-вторых, заходящие солнца были разные – побольше и поменьше, алые, золотые,

лиловые, малиновые и зеленые, – но некоторые все же походили друг на друга, как близнецы. И к горизонту они продвигались с разной скоростью, одни плавно катились вниз, другие то застывали на месте, то обгоняли соперников стремительным рывками. Все это сбивало с толку и не давало их сосчитать.

Друзья мои, кажется, обменивались подходящими к случаю нечленораздельными восклицаниями и идиоматическими оборотами удивительной красоты – я не вслушивался. Из транса меня выдернул звонкий голос Базилио: «Ой, а у вас так часто бывает?» – и общий ответ, тихий как выдох: «Никогда».

– Никогда, – повторил я вслух. И послал зов Джуффину – просто чтобы поблагодарить.

Без него мы, балбесы, так и просидели бы в гостиной, не поинтересовавшись, что творится за окном. И все пропустили бы. И какой тогда вообще смысл.

«Сам знаю, что я молодец, – сразу сказал он. – И даже не потому, что позвал тебя смотреть на закат, это как раз дело нехитрое. А потому, что вся эта красота изготовлена по моему заказу».

«Это как?!»

«Приходи, расскажу. Только не ищи меня в кабинете. Я сижу на крыше Управления. Не лучшая точка обзора в Ехо, согласен, но соседние дома еще ниже, и река совсем рядом, так что вид вполне ничего».

– Действительно вполне ничего, – сказал я, усаживаясь рядом с ним. – Удивительно, что мы с тобой тут одни.

– Ну так я больше никого не пускаю, – пожал плечами Джуффин. – Официально считается, что крыша Управления Полного Порядка – общая территория Тайного Сыска и Городской полиции. Но меня такое положение дел совершенно не устраивает. И все об этом знают. Какой дурак захочет со мной связываться, сам подумай.

И то верно.

Мы немного помолчали, глядя на многочисленные солнца, уже почти достигшие линии горизонта.

– Ровно три дюжины, – сказал Джуффин.

– А я не смог сосчитать. Все время сбивался.

– Понимаю. Просто мне было очень важно выяснить, насколько точно выполнен мой заказ.

– Вот, да. Какой заказ? Почему заказ? И кому? То есть это уже не наш гений во сне развлекается, а кто-то из твоих приятелей наяву? Правильно?

– Неправильно, – ухмыльнулся Джуффин. – В том-то и штука.

– Ничего не понимаю.

– Совершенно верно, не понимаешь. А если бы прочитал, что я по твоей просьбе написал на небе, словил бы на лету. Но ты все проспал. Хотя бы цветную траву по дороге домой заметил?

– Точно, – вспомнил я. – Была же трава. Из стихотворения Кибы Кимара, которое мы с Шурфом на рассвете писали. Тех же цветов. И я еще подумал...

– Вот именно, – кивнул Джуффин. – И я подумал ровно то же самое. И решил, что такую игру грех не продолжить. И вспомнил подходящие к случаю стихи леди Кайвы Айтонхи – самые известные, про три дюжины солнц. Неужели не слышал? Хочешь сказать, что сэр Шурф никогда не привязывал тебя к стулу и не заставлял учить наизусть классические шедевры конца Эпохи Орденгов? С ума сойти. Я-то думал, вы друзья.

– Ну, прежде чем привязать к стулу, меня еще поймать надо, – заметил я. – Не всякий справится с такой задачей. Зато ты ловко заманил меня в ловушку, сразу видно хорошего охотника. С крыши-то я гарантированно никуда не денусь, пока вся эта красота не закончится. Самое время заняться гуманитарным насилием. Лучше поздно, чем никогда.

Джуффин поморщился.

– Терпеть не могу читать стихи вслух. Впрочем, ладно.

Я приготовился почтительно внимать, но он просто достал из кармана самопишущую табличку, хлопнул по ней ладонью и протянул мне.

– Сам читай.

И я прочитал:

Тому, кто родился на рассвете,
когда солнце поднималось над горизонтом,
придется прожить три дюжины жизней.
Плясать, убивать, исцелять,
ошибаться, советы давать мудрецам,
рыскать зверем по лесу, птицей летать,
кричать под ножом мясника,
носить драгоценности,
ползти по речному дну,
вдов утешать поцелуями,
быть домом горящим
и тем, кто из этого дома сбежал,

и тем, кто не спасся,
и тем, кто ликует на пепелище,
и белым цветком, и демоном, посаженным на цепь,
и королевской тенью.
Когда, приплясывая от нетерпения,
придет веселая смерть,
за горизонт закатится не одно,
а сразу три дюжины солнц.

– Действительно очень четкий заказ, – согласился я, дочитав. – И выполнен в точности. Захочешь, не спишешь на совпадение.

– На то и был расчет. Заодно мы убедились, что наш благодетель умеет считать. Понятия не имею, зачем нам такая информация, но пусть будет.

– Стоп, – сказал я. – Слушай, а ты можешь превратить эти закаты в рассветы?

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Джуффин.

– Заставить эти солнышки снова подняться на небо. Как будто рассвело. Хотя бы на несколько секунд. А потом пусть исчезают, я не против. Отменять ночь – это было бы слишком. Я ее люблю.

– Но зачем?

Я не успел пуститься в объяснения, Джуффин кивнул:

– Да, понимаю. Стихи о смерти. А ты хочешь перевернуть метафору по-своему, чтобы восторжествовала жизнь. Очень наивно, зато наглядно, согласен. Почему нет? Правда, я никогда не пробовал управлять чужими иллюзиями. Как-то не до того было, все больше с реальностью разбирался. Хотя по нынешним временам поди отличи одно от другого... Ладно. Дай только сообразить, с какого конца за это дело браться.

– Так, может быть, просто подождать, пока вся эта красота закончится, и тут же устроить свое представление? Так же, наверное, легче?

– Гораздо, – неохотно согласился Джуффин. – Но неинтересно.

– Ну извини, – вздохнул я. – Думал, что прошу практически о невозможном. А оказывается, это просто слишком скучная ерунда.

– Не слишком, – утешил меня Джуффин. – Умеренно скучная. Как-нибудь переживу.

Это, конечно, было очень здорово – когда все три дюжины солнц скрылись за линией горизонта и тут же снова принялись подниматься,

озаряя наши многострадальные небеса разноцветными лучами небывалых оттенков. Я почти услышал, как весь город восхищенно ахнул, снова задирая головы вверх.

– Спасибо, – сказал я Джуффину.

– Да не за что, – отмахнулся он. – Самому нравится. Хорошо, что ты предложил. Что теперь?

– Попробую назначить свидание.

– Логично. Но как?

– А хрен его знает. Может быть, достаточно просто правильно выбрать стихи?

– Все может быть, – кротко согласился Джуффин. – Как скажешь. Всегда лучше попробовать, чем ничего не делать. Только я тебе в этом деле не помощник. Мне нынче еще узника из Холоми выпускать. И волочь его куда-нибудь на край Мира, где о поэзии пока слыхом не слыхивали. Блаженные должно быть края!

– Ничего, – сказал я. – По вопросам литературы у меня есть персональный консультант.

...Вообще-то я уже начинал опасаться, что еще немного, и сэр Шурф станет реагировать на меня как на прочих докучливых посетителей – запирается в кабинете, окружив себя защитным барьером от Безмолвной речи. А секретарям велит внести мое имя в черный список нежелательных гостей, для которых он всегда занят. Или вообще умер, предварительно выйдя в отставку, мало ли, что в городе об этом пока молчат.

Но друг мой держался стойко. Вместо того чтобы бежать от меня как от чумы, предложил выпить камры. И как-то даже не особо бурно радовался, когда я, наскоро пересказав ему все новости, объявил, что мне надо спешить. Ночь на дворе, а на небе еще ни единого слова не написано. Где такое видано вообще.

– Только подскажи, что мне там написать, – попросил я. – Чтобы это выглядело... нет, даже не как просьба встретиться. А как полная уверенность, что иначе просто нельзя.

– В таком деле не может быть гарантий, что тебя правильно поймут, – заметил Шурф. – То есть ясно, что таких гарантий не может быть вообще никогда, даже если говоришь совсем простые вещи. Скажешь, к примеру, что погода нынче необычно теплая для осени, а собеседник вдруг решит, будто ты намекаешь, что он не по сезону одет, и начнет оправдываться или просто затаит обиду. Зря смеешься, на моей памяти множество дружб и любовных союзов давали трещину из-за подобных пустяков; рассказывают даже, что смертельная вражда между союзными когда-то

Орденами Стола на Пустоши и Могильной собаки началась с того, что Великий Магистр Тотта Хлус пожаловался другу на скверное самочувствие, а Великий Магистр Махлилгл Аннох решил, будто его несправедливо обвиняют в предательском колдовстве. А уж поэзия – пространство настолько непредсказуемое, что даже о себе никогда заранее не знаешь, как в следующий раз отзовешься на знакомые с детства строки.

– Еще как знаешь! – упрямо сказал я. – Просто не головой. Сердцем. Или животом. А может быть, своей Тенью. Каким-то таким специальным местом, предназначенным для знания невыразимых вещей.

– И это тоже правда, – согласился он. – Ладно, хорошо. В таком случае попробуем снова положиться на леди Уттару Маю. Когда речь заходит про сердце, живот и Тень, за этим – к ней. Держи. Будем надеяться, это – то, что надо.

Вручил мне самопишущую табличку. Спросил:

– Уверен, что сам справишься?

– А куда деваться? – вздохнул я.

– На крышу, конечно.

Вот именно.

Три часа спустя дело было сделано. Усталый, но страшно довольный собой, я сидел на крыше Мохнатого Дома и наблюдал, как далеко внизу редкие ночные прохожие замедляют шаг, поднимают головы к небу, а потом останавливаются – одни буквально на секунду, другие надолго, хотя много ли нужно времени, чтобы прочитать сияющие строчки, занявшие почти все небо:

Я – пестрый дракон,
вылетевший из правого рукава фокусника.

Ты – из левого.

С тех пор хожу по улицам,
как по речному дну,
а по речному дну – как по небу.

Не знаю,
кому из нас удалось сбежать
с той ярмарки,
где все так громко смеялись.

– Если не придешь, – сказал я вслух неведомо кому, – будешь совсем дурак. И я чего доброго перестану в тебя верить. Никогда не поздно решить, будто тебя выдумал Джуффин ради невысказанного удовольствия поводить меня за нос. На него вообще все что угодно можно свалить. Очень мне с ним повезло.

Не то чтобы я всерьез рассчитывал на эффект этого монолога. Но все равно немного огорчился, что ничего не произошло. Пришлось призвать на помощь здравый смысл и терпение, которые, положив руку на сердце, никогда не были моими близкими друзьями. Но этой ночью не бросили в беде.

Мне казалось, я просидел на крыше целую вечность. Хотя на самом деле не так уж долго – судя по тому, что надпись на небе выглядела как новенькая.

Сперва я ждал, что неизвестный сновидец появится буквально с минуты на минуту, потом сердился, что этого не случилось, потом развлекался, придумывая причины, по которым он тормозит. Представлял себя на его месте: ну вот, предположим, мне снится такой же сон. И что? Да все что угодно, на самом-то деле. Тут наяву не всегда знаешь, как себя поведешь, а уж во сне...

Потом я придумывал, как буду жить дальше, после окончательного и бесповоротного провала своего гениального плана. Но и тут получалось – да как угодно. Можно придумать что-нибудь еще, а можно просто забить. Сказать Джуффину: «Ты переоценил мои возможности, я не справляюсь». И пусть выкручивается сам, так будет лучше для всех.

А потом я выбросил из головы и надежды, и предположения, и опасения – чтобы не мешали подбирать очередной подходящий к случаю стишок. Решил: дождусь, пока эти строчки исчезнут, напишу что-нибудь новенькое и пойду спать. А завтра начну все сначала. Верить в успех приятно, но, к счастью, совершенно не обязательно. Действовать можно и без веры, по крайней мере, пока есть такое прекрасное топливо, как упрямство. А его мне не занимать.

– Эй, – негромкий, чуть охрипший, как бывает от долгого молчания голос раздался над самым моим ухом, – это же твои стихи там, на небе?

К стыду своему должен сознаться, что сперва решил, будто кто-то из соседей забрался на мою крышу, рассудив, что пора бы нам познакомиться. По нынешним временам дружба с владельцем настолько высокого дома – огромная удача. Приходишь в гости с коробкой домашнего печенья, и к

твоим услугам лучшая в городе обзорная площадка. А что сосед – подозрительный хмырь, который когда-то несколько лет кряду вышагивал по городу в Мантии Смерти, так у каждого свои недостатки. За такую отличную крышу даже людоедство можно простить. Умеренное, конечно. В домашней обстановке, за правильно сервированным столом, с вином и гарниром. Всякой толерантности есть предел.

Я даже успел ехидно подумать, что моя дружба с соседями всегда должна начинаться знакомством с Базилио. Кто не убежит сразу, переходит во второй тур и получает пачку головоломок. А одолев их, тут же отправляется к Трики Лаю на ускоренные курсы изготовления волшебных селедочных тортов. И только после этого может официально считаться другом дома. Потому что с человеком, который с честью выдержит все эти испытания, я и правда готов дружить. Он заранее мой кумир.

И только где-то на этом месте я наконец-то понял, кто ко мне обращается. «Мама дорогая, – с ужасом подумал я, – все получилось, я пропал! О чем я буду с ним говорить?!»

Сам, конечно, дурак, не позаботился заранее подготовить сценарий. Думал – главное, чтобы этот гений объявился, а там разберемся.

Ладно, на вопрос-то в любом случае можно ответить.

– Это стихи леди Утары Май, – сказал я. – Я их только на небо перенес.

– Зачем?

– А зачем все эти ветры, закаты, радуги и разноцветные небеса?

– Они не «зачем», а «потому что». Просто потому что вдруг стало возможно все. Кто же удержится?

– Понимаю. Ну вот и стихи примерно поэтому. Друг научил меня писать на небе. Никогда прежде этого не делал и теперь не остановлюсь, пока не надоест.

И наконец посмотрел на своего собеседника.

Ночь выдалась совсем тихая, но его темные кудри все равно развевались словно бы на ветру – в точности как в тот день, когда он прыгал по облакам. Что же касается лица, его почти не было.

Ну, то есть как – не было. Когда вместо лица зияет пустота, это жуткое зрелище. Такое я однажды видел^[10] и повторения, честно говоря, совсем не хотелось бы. А тут все на месте – лоб, глаза, нос, рот, уши и подбородок. Просто черты оказались настолько невыразительными, что их можно было вовсе не принимать во внимание. Отметить, что лицо есть, и заняться чем-нибудь более интересным. Например, взглянуть на аккуратный ворот серой сорочки, тонкое запястье, туго обтянутое линялой джинсой колено, наивно

подивиться убедительной обыденности деталей и продолжить разговор.

– Глупо спрашивать во сне о таких вещах, – сказал незнакомец, – но я все равно спрошу. Все это существует независимо от меня? Ты, крыша, стихи на небе? Оно останется, если я проснусь?

– Спрашивать-то как раз не глупо. Зато глупо отвечать. Потому что сказать можно все что угодно, а доказать ничего невозможно. И как бы я ни старался, все равно останусь просто голосом в твоей голове, которому веры нет. Ну или есть – как решишь.

– Да. А все-таки как обстоят дела с точки зрения голоса?

– С точки зрения голоса, мы с крышей, небом и городом очень даже существуем и прекрасно себя чувствуем. Совершенно независимо от тебя и тысяч других сновидцев.

– Погоди. Почему – тысяч? Откуда взялись какие-то тысячи?!

Похоже, он всерьез огорчился. Мне бы, наверное, тоже было обидно внезапно выяснить, что я тут не единственный.

Пришлось объяснять, хотя углубляться в эти малопонятные метафизические дебри – сомнительная затея.

– Вышло так, что в последнее время куча народу стала видеть во сне этот город и всех нас. Мой друг говорит, у нас теперь что-то вроде модного курорта. Все любители интересных свиданий с подушками внезапно рванули к нам. Смешная на самом деле ситуация – сниться куче народу сразу, ничего специально для этого не делая... Но слушай, я же совсем не о том хотел с тобой говорить.

– А о чем?

– Прежде всего сказать тебе спасибо. Будет обидно, если тебе внезапно надоест сон о том, как мы сидим на крыше, и я не успею поблагодарить за события последних дней – все эти закаты, ветры, радуги, вышедшие из берегов неведомые моря и прочую красоту. Удивительная получилась штука. Наш город исполнен магии, и это совсем не метафора, магия тут самая что ни на есть практическая. Здесь младенцы умеют позвать няньку без слов, а подрастая, приучаются тихо играть на потолке, чтобы не путаться под ногами у взрослых; повара используют простенькие заклинания вместо соли и перца, старые дверные замки в голос орут, предупреждая о приближении чужаков, а пироги сами летят из кухонь на столы ленивых едоков. Но ничего подобного твоим чудесам никто до сих пор не творил. Никому просто в голову не пришло взять да и заняться преображением Мира – просто так, бескорыстно, ради удовольствия посмотреть, что выйдет. Правда, рассказывают, еще каких-то двести лет назад здешние колдуны постоянно перекрашивали небо, каждый – в свои

цвета. Но это делалось не для красоты, ребята просто соревновались друг с другом, чей цвет дольше продержится, тот и молодец, всех победил. Поэтому они не считаются.

– Так, стоп, – сказал мой сновидец. Невнятные черты его лица заострились от напряжения, пальцы барабанили по разноцветной черепице, из-под них вылетали звезды, крупные, как воробьи, и совсем мелкие, как пыль, но он их не замечал. – Все это как-то слишком хорошо, чтобы просто взять и поверить. Но ладно, предположим, ты говоришь правду. И, что еще важнее, говоришь ее некий настоящий, хоть где-нибудь кроме моего сознания объективно существующий ты. Я этого хочу, поэтому пусть так. Но тогда получается, то, что мне удалось сделать во сне, видели настоящие живые люди? Существующие наяву? И это произвело на них впечатление?

– «Впечатление» – еще слабо сказано. Мы же теперь целыми днями как пьяные ходим, забросили неотложные дела, то и дело выглядываем в окна, чтобы ничего не пропустить. В городе только и разговоров, что о твоих выходах, и все, затаив дыхание, ждут: что дальше? Знахари рассказывают о больных, которые выздоравливают с невиданной скоростью, потому что чертовски обидно валяться в постели, пока все остальные гоняются за разноцветными ветрами и танцуют на набережных по горло в этой твоей неосязаемой, но явно дурманящей ум воде. Рассорившиеся друзья мирятся ради возможности обсудить происходящее, капитаны отменяют выгодные рейсы, поэты запираются на чердаках и пишут лучшие в своей жизни стихи, пожилые лавочники спешно передают дела наследникам, чтобы успеть насладиться разнообразием Мира, пока на это еще есть время и силы. И слушай, даже вообразить не могу, сколько в эти дни завязалось новых романов! Мало что так объединяет людей, как совместно пережитое чудо. Представляешь, во что превратилась из-за тебя наша жизнь?

Сновидец мой молчал, и я испугался было, что надоел ему со своей восторженной болтовней. Вдруг исчезнет – вот прямо сейчас? Навсегда решив для себя, что разговоры с незнакомцами вовсе не так интересны, как казалось, пусть больше никогда не снятся, ну их к чертям.

Но нет, он сидел рядом, сложив руки на коленях, внимательно слушал, глядя прямо перед собой. Наконец сказал:

– Вот именно чего-то такого я и хотела всегда. Больше всего на свете. Вот те раз.

– Так ты девочка? – спросил я.

Почему-то именно так: «девочка», а не «женщина». Вероятно, сказалось влияние леди Сотофы, которая называет «мальчиками»

и «девочками» вообще всех, невзирая на годы и чины.

– Да уж, девочка, – хрипло каркнул мой сновидец. Вернее, сновидица. – А что, незаметно?

– Не очень, – честно сказал я.

– Что, прямо совсем-совсем дядька? – внезапно рассмеялась она.

Я присмотрелся внимательней.

– Да тоже, пожалуй, нет. Такое, знаешь, очень нейтральное лицо. Я бы сказал, вообще никакое. Вспомнить потом захочу – не смогу. В жизни, наверное, не так?

– Вроде бы не так, – неуверенно сказала она. – По крайней мере, у меня слишком большой нос, это обычно сразу бросается в глаза. И еще веснушки. И такой дурацкий скошенный подбородок, его еще называют «безвольным»; в книжках такие обычно у второстепенных героев, трусов и подлецов. Господи, как же это меня всегда бесило!.. Но знаешь, сейчас дошло, что я до сих пор ни разу не вспоминала, как выгляжу во сне. Вообще об этом не думала. Как-то не до того было. И зеркала не попадались навстречу. Ну или я просто не хотела их замечать. По-моему, страшно было бы увидеть во сне свое отражение. В детстве я этого так боялась, что даже научилась определять, когда сплю – специально, чтобы в зеркало не посмотреться... Слушай, так, наверное, поэтому и лицо совсем никакое, что оно мне не снится? Как думаешь?

Я молча пожал плечами. Какой из меня специалист? Потом сказал – просто чтобы не затягивать паузу:

– То-то леди Сотофа обрадуется, когда узнает, что все это нам девочка устроила.

– Кто обрадуется?

– Одна моя знакомая. Самая невероятная ведьма в Соединенном Королевстве. Подозреваю, что и во всем Мире круче ее никого нет, хотя тут сложно утверждать наверняка. Международных соревнований у нас пока не устраивали. Ай, неважно. Просто ей нравится дразниться. Например, говорить, что девочки лучше мальчиков. И даже глупости у них в головах и в половину не такие дурацкие, как у нас. Теперь ты станешь ее козырной картой на вечные времена.

– Надо же, – усмехнулась она. – А мне, сколько себя помню, пытались доказать обратное.

– Да, примерно представляю, – кивнул я.

– Откуда?

– Ну видишь ли...

Я на миг замешкался, но потом решил: когда не знаешь точно, о чем

можно сказать, а о чем следует промолчать, лучше говорить правду. По крайней мере не запутаешься.

– Я долго жил там, где ты сейчас спишь.

– Как это? В моем доме?!

– Ну это все-таки вряд ли. Просто когда-то я был частью той реальности, которая для тебя явь. Одним из миллионов этих, знаешь, бессмысленных статистов, которыми заполняют улицы городов. Должен же кто-то там ходить – по крайней мере когда ты выглядываешь в окно.

– А в каком городе? – оживилась она. – И когда? До какого года?

– В разных городах. Очень давно. И все это совершенно неважно, – сказал я и сам удивился резкости своего тона.

Почему-то очень не хотелось обсуждать с ней подробности. Как будто разговор мог каким-то непостижимым образом вернуть меня обратно.

Хотя конечно же не мог.

Ну, по крайней мере она не обиделась. Наоборот, рассмеялась:

– Сейчас, чего доброго, выяснится, что ты тоже спишь и видишь сон. И больше всего на свете боишься проснуться – в точности как я.

Вот как. Больше всего на свете, значит.

– Когда-то этот город и правда мне снился, – сказал я. – Но попал я сюда гораздо позже. И уже наяву. Целиком, со всеми потрохами.

– Разве такое возможно?!

– Конечно нет. Но у некоторых людей иногда получается. Может быть, и у тебя...

Она не дала мне договорить.

– У меня уже все получилось. Я уже тут. Этого достаточно.

– Нет, – мягко сказал я. – Совсем нет.

Тогда она взяла меня за руку. Вернее, вцепилась мне в руку, да с такой силой, что потом долго еще оставались два бледных, но все-таки вполне заметных синяка.

Требовательно спросила:

– Вот видишь?

– Что?

– У меня настоящее тело. Мое оно, не мое, неважно, какое-то есть, и хорошо, сойдет. Главное, я – тут. Твердая, теплая, не призрак какой-нибудь дурацкий. И могу не только делать разные удивительные вещи, но и есть, и пить например. Я уже пробовала. Зашла в какой-то ресторан, пожаловалась, что голодна, и меня накормили. Сказали, за счет Короля – ну, на то и сон, чтобы все так просто решалось, правда?

– На самом деле сон тут ни при чем. У нас всех желающих за счет

Короля кормят, – улыбнулся я. – А ты правда была голодна? Вот чего у меня совершенно точно никогда не бывает во сне, так это аппетита.

– У меня тоже не было. Просто захотела проверить, смогу ли я есть. Смогла. Это важно.

– На самом деле, к сожалению, неважно. Просто тебе снится, что у тебя есть тело, способное есть. И трогать других людей. И вообще на все что угодно способное. Но это не отменяет того факта, что твое настоящее тело сейчас лежит в постели. Или не знаю, где ты заснула. Но оно лежит там. И если ты еще какое-то время не проснешься, оно умрет. В этом, собственно, и заключается проблема. Зато у тебя вполне может получиться потом...

Но она снова меня перебила.

– Умрет – вот и отлично! Этого я и хотела.

– Смерть отличной не бывает, – сердито сказал я.

– Ну слушай. Ты же пока ни черта обо мне не знаешь. Да и нечего там знать. Если я скажу, что мне шестьдесят восемь лет, ты, конечно, и бровью не поведешь, потому что это мои шестьдесят восемь лет, а не твои. Чужая старость не тяготит. Это мне каждый шаг дается с трудом и болью – не такой сильной, чтобы орать во весь голос, но игнорировать ее тоже не получается. И дальше будет только хуже, наяву чудес не бывает, по крайней мере таких. Сам подумай, на хрена мне такое тело? Чтобы потаскаться с ним еще несколько лет, а потом умереть в муках? В бесплатной больнице, где персонал экономит на обезболивающих? Среди чужих людей, которые ждут, когда я уже наконец издохну и заткнусь? Спасибо большое, такая соблазнительная перспектива! Но если появился шанс умереть во сне прямо сейчас – беру, не задумываясь.

– Понимаю, – кивнул я. – Но...

– Даже это на самом деле фигия, – неожиданно сказала она. – Возраст, болячки, бедность. Все можно пережить, когда есть смысл.

– Смысл?! – изумился я. – Да у тебя во сне смысла больше, чем у всего остального человечества наяву.

– Вот именно, во сне. Только во сне, – яростно бросила она. – И всегда так было. Наяву я полная, безнадежная бездарность. Как бы художница – считается, что так. С настоящим дипломом! Сколько себя помню, рисую. Пейзажики, натюрмортики, иногда абстрактушечки – это у нас называется «для души». Хочешь честно скажу? «Для души» – это даже ужасней, чем честные кондовые пейзажики. Которые, кстати, довольно охотно покупают. За гроши, конечно, но больше я и сама бы за них не дала. Впрочем, я бы за них не дала вообще ничего. Зато отдала бы все на свете за то, чтобы эти

бездарные картинки вдруг оказались чужими. Как будто я сошла с ума и зачем-то их присвоила, но теперь-то ясно, что я тут ни при чем. Уфф, пронесло! Но такому, конечно, не бывать.

– Ннно... – начал было я, но она не дала мне вставить ни слова.

– Я с детства знала, для чего нужно искусство. И каким должен быть художник. И зачем вообще это все. Чтобы изменять всякую человеческую жизнь, а через сумму таких изменившихся жизней – весь мир. Изменять – и даже не потому что такова моя воля. А потому что такова воля мира. Он всегда хочет меняться и зовет на помощь всех, кто окажется рядом. А настоящий художник просто стоит ближе всех, вот в чем секрет. Вечно подворачивается под руку в самый неподходящий, то есть наоборот, в самый нужный и самый прекрасный момент... Слушай, я же правда еще подростком все это поняла. Но понимание ничего не изменило. В своем воображении я связывала невидимые линии мира сладостным звенящим узлом. А на практике малевала дурацкие пейзажи, от которых не пахло свежей травой. И портреты, ни один из которых ни разу не заговорил. И даже не принялся стареть вместо хозяина, хотя, казалось бы, чего проще. «Миленько, – говорили мне. – Очень миленько». Страшный на самом деле приговор. Я думала – ладно, вырасту, научусь. Выросла, вот даже состарилась. Но научилась только халтурить, не особо мучаясь совестью, потому что какая разница, что намалевано красками по холсту? Художнику нужен совсем другой материал – тот, из которого сотканы воздух, звезды, вода. И вот этот незримый звенящий свет, заполняющий все живое. И сила, чтобы удержать все это в руках. И вдруг сбылось! Во сне, но это настолько больше, чем ничего, что грех привередничать. А если верить тебе – говорю же, очень хочу поверить! – все эти удивительные вещи происходят не только в моем сознании, но и для других людей. Отлично же, слушай! Просто отлично. И какой душой надо быть, чтобы проснуться и променять все это на скучную жизнь бездарной старухи. Зачем?!

– Затем, что твое сознание может тут резвиться, только пока тело остается живым. Если бы дела обстояли иначе, не стал бы тебя искать...

– А ты меня искал? – удивилась она. Невнятные черты снова заострились от напряжения, сложились на миг в недоверчивое и, чего уж там, довольно неприятное лицо. – Надо же! А я думала, это я тебя нашла. Человека, который зачем-то пишет на небе стихи. Захотела и нашла, оказалась рядом. А стихи в небе – это, получается, была просто приманка?

«Идиот, – подумал я. – Боже, какой фантастический идиот. Кто за язык тянул?»

Надо было как-то выкручиваться.

– Стихи – это совершенно отдельно от поисков. Просто для собственного удовольствия. Ты меня вдохновила. Захотелось тоже сделать что-нибудь удивительное. Просто невозможно сидеть сложа руки, когда в городе такое творится.

Никогда не умел врать. Между Мирами путешествовать в сто раз легче. И даже камру варить.

Но по крайней мере она не ушла. Только спросила мрачно:

– Так зачем искал-то? Автограф хотел попросить? Чтобы еще больше вдохновиться?

Глупая, в общем, шутка. Но кто из нас может поручиться, что всегда удачно шутит во сне.

– Просто очень плохо будет, если ты где-то там скоро умрешь, – сказал я. – Совершенно ужасно. Абсолютно неправильно. Так нельзя. Я этого не допущу.

– Ты смешной такой, – вздохнула она. – Ведешь себя в моем сне, как хозяин положения. А может, ты и правда есть наяву? И все остальное тоже? Тогда примерно понятно, что происходит.

– Правда? – растерялся я. – И что же?

– Реальность всегда сопротивляется изменениям. Хочет их, но все равно сопротивляется. Это правило. Неизбежная двойственность бытия. И если, предположим, у меня действительно начало что-то получаться... Ха! Ну да, и тут в ответ на первые серьезные успехи сразу появляешься ты. И начинаешь уговаривать меня проснуться. То есть исчезнуть отсюда навсегда и больше ничего тут не делать. Конечно! Все сходится.

Совсем сумасшедшая, оказывается. С другой стороны, а чего я ждал? Нормального рассудительного человека, с которым можно вежливо поговорить о погоде, а потом приступить к обсуждению условий, на которых он согласится проснуться? Ну-ну.

От отчаяния я решил зайти с козырного туза. Которого у меня скорее всего не было ни в одном из рукавов. Но с этим, решил я, разберемся потом.

– Я помогу тебе сюда вернуться, – сказал я. – Полностью. То есть целиком. Не разбрасываясь спящими телами, постепенно превращающимися в трупы. Обещаю.

– Очень мило, – усмехнулась она. – Вернуться сюда в беспомощном теле больной старухи. Которая все равно скоро окочурится. Блестящее предложение. Почти невозможно отказаться! Но я, пожалуй, все-таки возьму себя в руки и воздержусь.

– Вообще-то здесь живут очень долго. По крайней мере я знаком

с людьми, разменявшими уже не первую тысячу. И выглядят они при этом отлично; впрочем, выглядеть, как пожелаешь, вообще не проблема. Ни для кого. Смотри.

Я поднес руки к лицу, мысленно умоляя всех существующих и несуществующих богов: «Чуваки, пусть получится что-нибудь эффектное и достаточно обаятельное, мне же с этой рожей еще продолжать выступление!»

– Ну надо же! – изумленно воскликнула моя новая подружка, когда я отнял руки от лица. – Наверное, ты все-таки не мой сон. Я совсем другое загадала. Решила: пусть кожа у тебя станет зеленая, глаза квадратными, а посреди лба вырастет рог.

– Спасибо, – растерянно сказал я. – Встречались мне девушки с завышенными требованиями к внешности кавалеров. Но чтобы настолько...

Она коротко хохотнула.

– Извини. Просто не так уж много у меня способов разобраться, что происходит. А мне очень надо. Поэтому придумала наскоро диковинное чудище. Если бы ты в него превратился, все стало бы ясно: ты – мой сон. А у тебя только глаза увеличились и нос кверху задрался.

– На твоём месте я бы и сам старался понять. Но все равно нет никаких гарантий. Может быть, я просто такой неприятный сон, которым трудно управлять? Пока не проснешься, не узнаешь.

– Да что ж ты заладил – «проснешься», «проснешься». Не проснусь! Мое слово твердо.

Мать твою. Слово, видите ли, у нее.

– На самом деле ужасно обидно, – вдруг сказала она.

– Обидно – что?

– Эти стихи, которые ты написал на небе, про драконов из двух рукавов. Они выглядели, как обещание. Как призыв: «Я такой же как ты, я все понимаю, приходи». Ну, собственно, на то и был расчет, да?

– Не было никакого расчета.

Но она и слушать не стала. Говорю же, я совсем не умею врать.

– Можно понять, почему ты меня боишься, – торопливо говорила она. – Ты и, наверное, многие другие. У меня же такая власть над этой вашей реальностью! Такая безраздельная власть. Я сплю, вы бодрствуете, поэтому все тут будет по-моему – пока не проснусь. А значит, надо меня разбудить, да поскорей. Потому что – а вдруг завтра вода, пришедшая в город по моей воле, окажется не красивым наваждением, а настоящей мокрой водой, под которой скроется все? Или повинующиеся мне ветры

начнут сносить крыши ваших уютных домиков и выдергивать с корнем деревья, а солнце зайдет навсегда? И вы ничего не сможете с этим поделать. Ни-че-го! Мне бы в голову не пришло причинять какой-то вред, но вы же меня совсем не знаете. Зато знаете, каковы люди – вообще, в принципе, в среднем. Каково большинство. Ломать, крушить, мучить – вот что станет делать рядовой представитель большинства, ощутив безнаказанность. Этим знанием о себе подобных обладает любой взрослый человек, если не совсем дурак. И оно не располагает к доверию. Ты хочешь, чтобы меня здесь не стало, и ты по-своему прав. Кто угодно на твоём месте решил бы, что так спокойней. Понимаю. Осуждать не могу. Но видишь ли, мой далекий несбывшийся единственный лучший друг, у меня в этом деле свои интересы. Просыпаться в постели, где лежит бессмысленная бесталанная больная старуха, я не стану.

– Сколько угодно можно воображать, что прекрасная всемогущая ты, пляшущая на облаках – отдельно, а спящая старуха – отдельно, поэтому долой ее навсегда! – сердито сказал я. – Но так не бывает. Ты – сумма слагаемых. И единственное, чего я действительно боюсь – что одно слагаемое сдуру угробит другое. И не останется вообще никого.

– Бойся чего хочешь. Твои страхи – не моя забота. Никакой суммой я быть не желаю. Я – это я, и никаких спящих старух! А ты можешь сидеть на этой крыше и бояться меня хоть до скончания своих дней. Если ты мой сон, это приговор, не подлежащий обжалованию, а если нет... ну, считай, что я просто хотела сказать что-нибудь обидное. Я очень сержусь на тебя за этот дурацкий стишок, который выглядел, как лучшее обещание в моей жизни. Но ты – не второй дракон, не моя тайная тень, не вечный близнец, о котором тоскует каждый, родившийся в одиночестве. С тобой даже поговорить толком не о чем. «Проснись» да «проснись». «Убирайся отсюда» – вот и весь твой разговор. Ладно. Считай, уже убралась.

И исчезла. Чего, собственно, и следовало ожидать. Еще удивительно, что так долго продержалась. Дипломатическими способностями я никогда не блистал.

«Надо было звать на помощь Джуффина, – уныло подумал я. – Сразу, как только она появилась». Вот это, кстати, отдельный интересный вопрос: почему я его не позвал? Хотел поболтать с гениальным художником? С родной душой? Наедине, без свидетелей? Ай молодец.

А теперь уже в любом случае поздно.

– Ты все равно не умрешь, – упрямо сказал я вслух. – Я этого не допущу. Только через мой труп, ясно тебе?!

Теперь, задним числом, мне кажется, что я услышал саркастический

смешок – очень тихий, где-то далеко-далеко. Но это все-таки вряд ли.

В любом случае прозвучало мое заявление совсем неубедительно. Просто от бессилия вырвалось. И от нелепого желания оставить за собой последнее слово. Все-таки очень тяжело мне бывает проигрывать. Особенно когда ставка в игре – чужая дурацкая драгоценная жизнь. Которая только что ушла у меня из рук, потому что я – плохой охотник.

Строго говоря, не охотник вообще.

«Ты чем сейчас занят?»

Мне сперва показалось, что Джуффин стоит рядом, и я почти обрадовался: так он, получается, здесь? И слышал весь разговор? И не вмешивался, потому что уже придумал, что делать после того, как мои жалкие попытки договориться провалятся в тартарары? Или потому, что дело показалось ему совсем безнадежным? Да нет. Не может такого быть. Сейчас он...

Но потом до меня дошло, что шеф просто прислал мне зов. И пора бы уже хоть что-нибудь ответить.

«Сижу на крыше, оплакиваю свой провал».

«Какой провал?»

«Полный».

«Спасибо, что так подробно все объяснил».

«У меня было свидание, – сказал я. – Она пришла, представляешь? А я все испортил».

«Потрясающе, – откликнулся Джуффин. – Ты еще и личную жизнь успеваешь налаживать. Или, наоборот, разрушать? Неважно, факт, что успеваешь. Такому темпу можно позавидовать».

«Она – это художник, – объяснил я. – Наш сновидец, мастер ветров и закатов, гений, неоднократно благодетельствовавший Мир и всех горожан за компанию. Совершенно безумная оказалась тетка. Прекрасная. Упрямая, как сто идиотов сразу. Прочитала мои стихи на небе. То есть не мои, а леди Уттары Маи. Неважно. Важно, что прочитала и пришла. А я оказался совершенно не готов. Лепетал какую-то неубедительную фигню. И тебя почему-то не позвал ее уговаривать. И провалил все дело. Она мне не поверила. Решила, я придумал такую хитрую хитрость, чтобы ее прогнать, потому что мы тут ужасно боимся чудес. Прямо в голос кричим целыми днями от страха, бедняжечки. А она не собирается просыпаться. И, если что, заранее согласна умереть во сне. Говорит, только об этом и мечтает. Потому что все равно уже старая и не на что не годится – там, у себя дома, наяву. Ты не представляешь, как мне ее жалко».

«Ну почему же, примерно представляю, – сказал Джуффин. – Жалость – крайне незрелое чувство, мешающее как твоему внутреннему становлению, так и работе, которой ты сейчас занимаешься. Но настолько естественное в твоём возрасте, что я даже не стану морочить тебе голову соответствующими нотациями. Не можешь не жалеть – жалею на здоровье. Не убивать же тебя за это».

«Убивать – это, пожалуй, действительно было бы несколько слишком», – растерянно согласился я.

«Ну вот, хотя бы по этому пункту мы с тобой договорились. Теперь включи голову и слушай дальше. Во-первых, как бы ни хотелось тебе крупномасштабной драмы, забудь о своих амбициях. Ты провалил не все дело, а только первый раунд переговоров. Однако тот факт, что переговоры вообще начались, сам по себе – огромный успех. Я, признаться, не рассчитывал, что первое свидание состоится так быстро».

«Ну а толку от этого свидания».

«Толку?! Всего пару часов назад мы не знали о нашем госте вообще ничего. Теперь мы знаем, что он – гостья. Плюс кучу дополнительных подробностей; расскажешь как-нибудь потом. Какой тебе еще нужен толк?»

«Как – какой? Чтобы она проснулась. И осталась в живых».

«Прекрасная цель. Но кто сказал, будто она может быть достигнута мгновенно? Быстро, сэр Макс, только кошки родятся; впрочем, насколько я разбираюсь в сельском хозяйстве, даже на это требуется какое-то время».

«Слушай, – сказал я. – Ты вообще чего такой подозрительно спокойный? Что не ругаешь меня последними словами – ладно, положим, это вообще не твой метод...»

«Просто с руганью ты сам отлично справляешься. Зачем делать одну и ту же работу дважды?»

«Но ты у меня даже никаких подробностей не выпрашиваешь. Как будто тебе совершенно не интересно. «Расскажешь как-нибудь потом» – ничего себе! Это совсем на тебя не похоже. Выглядит, словно ты и так все уже знаешь. Но откуда? Это же не ты мне подослал не пойми кого, чтобы?..»

«Чтобы разыграть? – подсказал Джуффин. – Да, это было бы немного слишком. И смысла особого не вижу. Ладно бы розыгрыш мог пойти на пользу тебе или делу. А просто сбить с толку, запутать – зачем? Чтобы потом ты мне дырку в голове проел, трагически повествуя о своем провале? Мне не настолько скучно живется, сэр Макс. Скажу тебе больше, мне живется настолько нескучно, что разговор о твоём свидании действительно придется отложить на завтра. Или даже на послезавтра. Все зависит от

того, насколько быстро мы разберемся с просьбой Короля».

«С какой еще просьбой?» – опешил я.

«С Королевской, – любезно повторил он. – Подробностей сам не знаю. Их нам изложат завтра утром. Его Величество утверждает, что дело совсем пустяковое, даже беспокоить занятых людей неловко, но придворные уговорили его прибегнуть к нашей помощи. Поэтому за два часа до полудня мы с тобой должны быть в замке Рулх. Соответственно, жду тебя в Управлении на полчаса раньше. И не вздумай опаздывать. У нас всего один Король. И он не так уж часто беспокоит тебя предложениями бросить все дела и выпить с ним камры».

Ну, в общем, да.

«Поэтому выброси пока из головы свою неудачу, – сказал Джуффин. – А также все эти закаты, ветры, радуги и прочую поэзию. И отправляйся спать. Вполне возможно, завтра утром тебе понадобится использовать голову по ее прямому назначению. Поэтому пусть она будет ясной».

«Все равно не будет, сколько ни спи. Утро – такое специальное неумеренно светлое время суток, которое следует уравнивать помраченным рассудком. Я просто делаю посильный вклад в мировую гармонию. Но неблагодарное человечество с тобой во главе не ценит моих усилий».

«Так уже лучше, – обрадовался шеф. – Практически старый добрый сэр Макс, любитель остроумно ныть по пустякам».

«Я стараюсь, – вздохнул я. – Но мне пока очень хреново».

«Это нормально, – утешил меня Джуффин. – Так иногда бывает. Потом проходит. И однажды выясняется, что прошло навсегда. Просто дело времени, как и все остальное. Так что страдай на здоровье, пока получается».

Прекрасный, дельный совет.

Страдать я решил где-нибудь в городе. Потому что сидеть в гостиной с друзьями, чудовищами, и кто там еще в гости зашел, и принимать участие в общем веселье было сейчас невыносимо. Ворочаться с боку на бок в спальне – еще хуже. Зато ходить по улицам, бездумно глаза по сторонам – в самый раз. Пока не остановлюсь, можно вообще ни о чем не думать. А, например, просто считать шаги, очень внимательно, потому что уже на второй тысяче числа начинают путаться в голове, и остальные мысли благоразумно прячутся по самым темным ее углам. Они у меня совсем не любители арифметики.

Домой я вернулся уже под утро, доведя счет почти до пятидесяти трех

тысяч, а организм – до состояния немого изумления масштабами собственной дури. Зато заснул раньше, чем голова коснулась подушки – шикарно вымотался.

А поутру я споткнулся о собственный труп, о чем уже рассказывал – прежде, чем принялся вспоминать, как дошел до такой жизни.

* * *

Джуффин, с которым мы только что распрощались, внезапно снова появился в моем сознании.

«Будешь смеяться, – сказал он, – но только что я тоже получил уникальную возможность споткнуться об твой труп. Он так удачно лежал прямо на пороге Управления! Правда, я не воспользовался шансом, а аккуратно его переступил. После чего твой труп мстительно исчез, не дав мне всласть им полюбоваться. Зато в кабинете меня поджидал второй точно такой же. Так мило с его стороны...»

«Так, стоп, погоди, – попросил я. – Ничего не понимаю. Еще два моих трупа?»

«Даже три. Третий лежит на мостовой улицы Медных Горшков, я его из окна вижу... Оп! Уже не вижу. Исчез. Какие-то они у тебя недолговечные. Впрочем, ты всегда отличался легкомыслием».

«Ничего не понимаю, – повторил я. – Кроме одного: надо срочно послать зов всем, кто может недостаточно сильно обрадоваться, увидев мое мертвое тело. И предупредить, что оно – бутафория. А то потом я же первым буду люлей получать за такие шутки. Из великого множества неиссякаемых источников. И поди докажи, что идея была не моя».

«Твоя правда, – согласился Джуффин. – Давай. Я возьму на себя Кофу, полицию и газеты, которым нынче верят больше, чем собственным глазам. Сколько бы твоих трупов ни валялось по городу, о них забудут еще до конца года – наваждением больше, наваждением меньше, невелико событие по нынешним временам. Но всего одна траурная статья в прессе, и от тебя начнут шарахаться, как от настоящего воскресшего мертвеца. Только учти, все это не должно помешать тебе быстро одеться и пулей лететь ко мне. Кстати, и Короля надо бы предупредить, что мы придем к назначенному часу. А то, чего доброго, обнаружит в замке несколько твоих мертвых тел и изменит планы. Например, отправится заказывать костюм для твоих похорон».

«Ого! То есть я вхожу в число лиц, на чьих похоронах обязан

присутствовать Король?»

«Только если удастся доказать, что ты героически погиб ради блага Соединенного Королевства. Но не беспокойся, это я как-нибудь устрою, даже если ты однажды помрешь, подавившись супом».

Приятно знать, что твое будущее устроено.

...Перед человеком, вынужденным срочно сообщить близким, что он жив, встает интереснейшая задача – решить, с кого начать. И у кого достаточно железные нервы, чтобы оказаться в самом конце списка утешаемых. Беда в том, что единственное правильное решение: «со всех сразу» – технически невыполнимо.

Впрочем, когда человек этот бежит по бесконечным коридорам огромного дома в поисках своей гардеробной, а потом тупо взирает на склад одежды, силясь понять, есть ли среди этих тряпок хоть что-нибудь достойное визита к Королю, за дело берется автопилот. Он гораздо умнее меня, а потому сразу связался с Меламори.

«Очень вовремя, – сказала она. – Я уже собиралась тебя будить. Спустись, пожалуйста, в гостиную. Тут Базилио рыдает».

«Наткнулся на мой труп? Я как раз собирался сказать, что это не то, о чем можно подумать... В смысле, ничего не значит!»

«Да с трупом как раз никаких проблем, – утешила меня Меламори. – Дримарондо первым нашел его у входа и объявил, что это полная фигня, раз ничем не пахнет. У нас другое горе: нынче ночью Базилио не спалось. Он много размышлял о жизни и окончательно решил, что хочет быть человеком. В смысле, выглядеть, как человек. Трикки, добрая душа, сразу честно сказал ему, что это совершенно невозможно, и сбежал на службу. А я осталась утешать беднягу Базилио. Но у меня ничего не получается! Попробуй теперь ты».

Ох. Только этого мне не хватало.

«Если я сейчас пойду утешать Базилио, рыдать станет Джуффин, – сказал я. – А вскоре к нему присоединится Король. Потому что у нас назначено свидание. Ужасно не вовремя, понимаю. Но меня просто поставили перед фактом».

«Да, – мрачно согласилась Меламори, – дело плохо. Король – это веская причина не прибегать к шантажу и угрозам. А я в кои-то веки была готова на это пойти, лишь бы свалить на тебя домашние проблемы. Ужасно обидно!»

«Просто скажи Базилио, что раз в тысячу лет приходит день, когда все чудовища превращаются в людей, – посоветовал я. – И при этом никто не знает, когда такой день был в последний раз. Из-за Смутных Времен,

например. Предположим, тогда убили хранителя специального календаря, и все перепуталось. Поэтому надо просто ждать. Может быть, несколько сотен лет, а может быть, всего до конца года. Как думаешь, годится? Его это утешит?»

«Можно попробовать, – сказала Меламори. – Хуже-то всяко не будет. Но какой же ты, оказывается, потрясающий врун!»

«Я не врун, я фантазер. Примись я все это рассказывать, меня не только Базилио, а даже кошки сразу раскусят. Но, может, у тебя получится?»

«Может быть, – неуверенно согласилась она. – Правда, в последний раз я убедительно врала лет сорок назад. Родителям. Сказала им, что завела нового любовника, поэтому к ужину меня ждать не стоит. А сама отправилась обедать с Джуффином. С чего, собственно, и началась моя работа в Тайном Сыске».

«А на нового любовника родители были согласны?» – удивился я.

«Ну естественно. Некоторое число любовных связей считается не только допустимым, но даже в каком-то смысле обязательным для образованной юной леди из хорошей семьи. В отличие от государственной службы. Вот это был настоящий шок!»

С тех пор как я в последний раз наносил визит в замок Рулх, прошло много лет. И я успел совершенно отвыкнуть от всех этих придворных ритуалов, которые могут свести с ума неподготовленного человека. Переступаешь порог, и тут вдруг на тебя накидывают сеть, символизирующую абсолютную власть хозяина дома, а потом чуть ли не силой запикивают в паланкин и долго волокут куда-то по бесконечным коридорам, то поднимаясь на несколько этажей вверх, то снова спускаясь. Путешествие еще не завершилось, а собственный Мохнатый Дом уже стал казаться мне маленьким и уютным. В этом смысле очень удачно все сложилось.

Что еще мне понравилось в замке Рулх – по дороге мы ни разу не наткнулись на мой труп. После того как я нашел еще один в переулке Безмятежных Ткачей и парочку в коридорах Дома у Моста, это было особенно приятно.

Его Величество Гуриг Восьмой, которому этикет строго предписывает опаздывать на все встречи, включая официальные приемы в честь иностранных монархов, на этот раз выдержал не больше двух минут. Джуффин озадаченно приподнял бровь, а я взволнованно подумал: это что же такое ужасное у него стряслось, чтобы так спешить?

– Сэр Макс, – сказал Король, не утруждая себя церемонией приветствия. – Мы с вами непростительно долго не виделись. Все годы, что вас не было в Ехо, я надеялся, что ваше отсутствие – явление кратковременное. И, должен признаться, редких событий ждал с таким нетерпением, как вашего возвращения.

Я, признаться, даже опешил. Ну, то есть для меня не секрет, что Его Величество прекрасно ко мне относится. Думаю, мы могли бы стать хорошими друзьями – при каком-нибудь ином государственном устройстве. С действующим монархом все-таки особо не подружишь, слишком велика дистанция между ним и остальным миром. И сохранять ее – одна из Королевских обязанностей. Я, собственно, потому и удивился: совершенно не ожидал, что Гуриг так открыто и недвусмысленно мне обрадуется.

– С таким нетерпением я ждал разве что в раннем детстве, – говорил Король. – Особенно очередного визита посланника Куманского Халифа. Какие сладости он привозил, знали бы вы! С возрастом я стал к ним вполне равнодушен, но свой тогдашний восторг запомнил навсегда. Сэр Макс, вы уже догадываетесь, к чему я веду?

– Во всяком случае, если вы пожелаете меня съесть, я приложу все усилия, чтобы постараться вам в этом не препятствовать, – вежливо ответил я.

Король рассмеялся.

– Так далеко не зайдет! Вы мне нужны живым и здоровым. В частности, потому, что все эти годы я с нежностью вспоминал напитки, которые вы любезно доставали из Щели между Мирами в конце нашего совместного визита на Муримах. Помните?

Я начал понимать.

– Что именно вам тогда понравилось? Чай? Кофе? Какао?

– Все напитки были прекрасны. Но особенно мне запомнился такой светло-красный, прозрачный, под названием «клубничный компот». Я предлагаю сделку, сэр Макс. Мои придворные не станут пичкать вас камрой, приготовленной по старинному дворцовому рецепту – той самой горькой бурдой, которой в городе пугают непослушных детей. А вы за это добываете этот ваш клубничный компот и отдаете его мне. Ну и другие напитки не помешают, но ими я вполне готов делиться. Мы в полной безопасности: я распорядился запереть дверь, и начальник службы охраны не прибежит проверять, что за отравой вы тут меня пичкаете.

– Ого! – Джуффин изумленно покачал головой. – Вы теперь можете запереться в приемной с посетителями? Невероятное достижение.

– Не то слово, – усмехнулся Король. – Ломаю понемногу старые

порядки. Еще лет сто, и я смогу делать невообразимые вещи. Например, есть бутерброды в спальне, посещать Квартал Свиданий в сопровождении всего лишь одного личного телохранителя и играть в «Крак» с кем пожелаю, а не только со специально обученными придворными в звании Королевского Товарища для Игр. Мое правление войдет в историю как великая битва за гражданские права царствующих особ, и потомки станут благословлять меня каждое утро – за кружкой камры, присланной из трактира, а не безнадежно испорченной по старинным рецептам моих непритязательных предков.

Пока Гуриг вдохновенно вещал, я успел добыть из Щели между Мирами не только литровую кружку клубничного компота, но и эспresso для себя, и чай с лимоном для Джуффина, который обычно косится на кофе с таким видом, словно в младенчестве деревенская гадалка предсказала ему мучительную смерть от этого напитка. А к чаю на удивление лоялен – вот и поди его пойми.

Залпом выпив эспresso, я прибодрился и снова взялся за дело. Четверть часа спустя стол в Королевской приемной был заставлен разнообразными напитками так плотно, что я остановился, сообразив, что Королю до завтрашней ночи столько не одолеть. А мы, наверное, скоро уйдем. Или нет?

Ах, ну да. У Короля же к нам какое-то дело. Пустяковое, как он уверял Джуффина. Не то что жизненно важный компот.

На всякий случай я сказал:

– Я могу хоть каждый день добывать вам этот компот. И все остальное. Это, сами видите, отнимает совсем немного времени.

– Вижу, – кивнул Король. – И с радостью воспользовался бы вашим предложением. Но тут меня ограничивает закон.

– Закон запрещает вам пить клубничный компот чаще, чем раз в несколько лет?!

– Ну что вы, сэр Макс. К счастью, наши законодатели не знают о существовании такого напитка, в противном случае и правда могли бы запретить, им только волю дай. Но пока закон запрещает мне только использовать в личных интересах время и усилия государственных служащих, не занимающих соответствующие должности при дворе.

– Надо же, какие строгости!

Я был потрясен.

– Объективно говоря, закон довольно разумный, – вздохнул Король. – Никогда заранее не знаешь, какие прихоти обнаружатся у очередного монарха и какие страсти будут в нем кипеть. За нами, Королями, глаз да

глаз! А то рано или поздно дело кончится тем, что мой гипотетический преемник заставит сэра Джуффина целыми днями играть с ним в карты, что, как мы понимаем, не совсем благоприятно скажется на деятельности Тайного Сыска.

– А что, совсем неплохо, – ухмыльнулся Джуффин. – Я хоть сейчас готов.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Гуриг. – Я, признаться, тоже. Но, к счастью, работа вашей организации и неприкосновенность нашей казны надежно защищены соответствующим законом. Я бы и сегодня не позволил себе отрывать от дел вас и сэра Макса, если бы не обстоятельства, которые дали мне формальное право на официальную встречу. Дело в том, что в замке Рулх появилась Королева.

– Уму непостижимо, – вздохнул Джуффин. – Не верю! Вас и на официальный брак, который, строго говоря, в интересах Короны, до сих пор никому не удавалось уговорить. А уж склонить к тайному, от которого никакой династической пользы...

– Правильно делаете, что не верите. Разумеется, я не заключал никаких тайных браков. С чего бы? Мне и так достаточно непросто живется.

– Но что же тогда?..

– Я так долго сокрушался, что все эти забавные сновидцы, наводнившие столицу, обходят мою резиденцию стороной, что судьба внезапно решила пойти мне навстречу. Очень мило с ее стороны. Впредь постараюсь быть несколько осторожней в своих желаниях.

Джуффин так оживился, что даже про чай забыл.

– Правильно ли я понимаю, что какой-то неизвестной девице снится, будто она Королева? И поэтому теперь она бродит по замку Рулх, где Королеве самое место? И ведет себя соответственно?

– Совершенно верно, – кивнул Гуриг. – Особенно забавно, что меня она считает самозванцем, который каким-то образом занял место ее мужа, законного Короля. Не то убил его, не то околдовал, не то просто в темницу упрятал. И придворные, мерзавцы такие, все как один на моей стороне. Но недолго нам осталось торжествовать! Она вернулась из продолжительного изгнания, и теперь всем покажет.

– Хорошего мало, – нахмурился Джуффин. – Хотя, конечно, смешно. И давно это продолжается?

Король задумался, что-то про себя подсчитывая.

– Сегодня восьмой день, – наконец сказал он.

– И вы только вчера ко мне обратились?!

– Ну, видите ли, поначалу я не рассматривал появление этой женщины как проблему. Напротив, она отлично нас всех развлекала. И в знак благодарности я по мере сил тоже старался сделать ее сновидения интересными и насыщенными. То грозил ей страшными карами, то признавался в давней безответной любви. Время от времени посвящал ее в страшные тайны своего правления, наскоро придуманные специально для этой цели. Придворные по моей просьбе подыгрывали как могли: обращались с ней, как с настоящей Королевой, сентиментально вспоминали о доброте ее мужа, прежнего Короля, обещали помощь, потом вероломно заключали ее под стражу и тут же, согласно моему сценарию, организовывали побег – до порога замка, дальше она идти отказывается. Я с удовольствием навещал эту леди несколько раз в день, чтобы выслушать очередную порцию гневных обвинений. Будучи человеком довольно мягкосердечным и к тому же связанным по рукам и ногам необходимостью соблюдать законы и правила этикета, я прекрасно осознавал, что она – мой единственный шанс побывать в шкуре жестокого и беспринципного мерзавца.

– Действительно увлекательная игра, – улыбнулся Джуффин.

А я только страстно закивал, всем своим видом выражая понимание, солидарность и легкую зависть.

– В любом случае, поначалу я был совершенно уверен, что это удовольствие очень скоро закончится, – сказал Король. – Человек обычно спит не слишком долго. Неизвестно правда, как идет время в той реальности, где находится сам спящий. Но я наводил справки, в том числе и у вас, – легкий поклон в сторону Джуффина, – и выяснил, что один и тот же сновидец обычно не задерживается в Ехо дольше чем на несколько часов. Хотя случаются исключения.

– Мне в голову не пришло, что за вашим вопросом стоит что-то кроме естественного любопытства к новому явлению, – заметил Джуффин.

– Я приложил немало усилий, чтобы мой интерес выглядел именно так, – признался Гуриг. – Рад, что у меня получилось. Во-первых, провести вас, даже по мелочи – повод для особой гордости. А во-вторых, я совсем не хотел, чтобы вы вмешались и положили конец моему невинному увлечению ролью самозванца, захватившего чужой трон. Очень радовался этой игре. И наша гостья, как мне казалось, неплохо проводила время. Люди любят, когда им снятся интересные, остросюжетные сны, в противном случае наши Мастера Сновидений, специализирующиеся на авантюрных подушках, не богатели бы с каждым годом. Но пару дней назад я начал беспокоиться о судьбе этой милой спящей леди: очень уж

долго она находится в замке, не отлучаясь даже на полчаса. А значит, не просыпается. И я подумал: возможно, это не совсем полезно для нее?

Мы с Джуффином понимающе переглянулись.

– Возможно, не совсем полезно, – повторил он.

И тон его был чрезвычайно далек от оптимистического.

– Можно ли нам взглянуть на эту леди? – наконец спросил Джуффин. – Желательно, не показываясь ей.

– Конечно, – улыбнулся Король. – За ней ведется постоянное наблюдение. Потому что игра игрой, но вы сами говорили, что сновидцы бывают порой совершенно непредсказуемы и способны на немыслимые поступки. К счастью, до сих пор моя гостья довольствовалась разговорами и слезами. В противном случае я позвал бы вас гораздо раньше. Моя природная храбрость и склонность к авантюрам тоже ограничены соответствующим законодательством, увы. Заботиться о собственной безопасности я поклялся под присягой. И даже спасительная оговорка «по мере сил и необходимости» дает мне куда меньше свободы, чем хотелось бы.

Я опасался, что сейчас нас снова погрузят в паланкины и куда-то поволокут, безжалостно встряхивая на поворотах, но обошлось. В обществе Короля, оказывается, можно ходить по коридорам замка Рулх пешком, как по самому обычному дому. Какое облегчение!

Шли мы сравнительно недолго, всего-то раза три свернули да спустились по лестнице на один этаж. Возле одной из дверей Гуриг остановился, небрежно коснулся ее рукой, и дверь стала прозрачной, открыв нашим взорам роскошно обставленную комнату и сидящую за письменным столом изящную белокурую женщину в черном балахоне, отчасти напоминающем домашнее лоохи, в какие обычно кутаются после мытья.

– Она нас не видит, – сказал Король. – И не слышит. Думаю, ей вообще не до нас. Леди со вчерашнего вечера развлекается чтением документов, повествующих о гнусных злодеяниях моих наскоро вымышленных предков. Придворные историки постарались на славу; надеюсь, эти остроумные фальшивки еще не раз повеселят моих друзей. А пока ими наслаждается наша спящая гостья. Она очень довольна, что все так логично складывается: подлый захватчик престола родился и вырос в семье законченных мерзавцев. К тому же леди проговорила слуге, завоевавшему ее доверие, что надеется обнаружить в этих бумагах какую-нибудь магическую тайну, которая поможет покончить со мной навсегда.

Например, выяснится, что все в нашем роду умирали от удара в лоб засохшим печеньем из пумбы. Или бесследно таяли, облитые горячей водой.

Белокурая женщина тем временем подняла голову от бумаг и задумчиво уставилась в потолок.

– Какая красивая! – вырвалось у меня.

Хотя я, в общем, отдавал себе отчет, что собрались мы здесь вовсе не для вынесения оценок внешности Королевской гостьи.

– По-моему, это совершенно естественно, – заметил Джуффин. – Если уж тебе снится, что ты Королева в изгнании, глупо не выглядеть при этом ослепительной красавицей.

– А что, сновидец выглядит в своем сне, как сам того пожелает? – заинтересовался Король.

– По-всякому бывает. Но если для спящего это очень важно, то да – при условии, что он сумеет сосредоточиться на собственном облике. Внимание для сновидца такой же важный инструмент, как сила Сердца Мира для наших магов. Если выучишься им управлять, станешь властелином Мира. То есть, конечно, своего сновидения. Но пока спишь, ничего иного для тебя как бы и нет.

– Потрясающе интересно, – сказал Король. – Это и еще многое другое. Боюсь, самой долгой жизни не хватит, чтобы узнать все. Это меня иногда мучает.

– О! Долгие годы это мучило и меня, – оживился Джуффин. – Но с возрастом начинаешь понимать, что это скорее хорошая новость. Стань хоть трижды бессмертным, все равно не заскучаешь. Процесс познания бесконечен – хотя бы потому, что всякая новая ступень неизбежно влечет за собой перепросмотр всех концепций, усвоенных ранее.

– Так что с этой леди? – спросил я. – Когда я смотрю на нее боковым зрением, как ты учил, она то светится, то нет. Как будто сама не решила, как лучше. Обычно так не бывает, все, кого я до сих пор наблюдал в городе, мерцали более-менее равномерно. Еще одна не желающая просыпаться, на нашу голову?

– Или не умеющая, – пожал плечами шеф. – Результат все равно один. Поздравляю, сэр Макс! Вот мы с тобой и стоим в том самом тупике, куда с самого начала опасались угодить. Ясно, что барышню надо разбудить, чем скорее, тем лучше. И как мы будем это делать? Просто поговорить, как я понимаю, напрасная трата времени. Она решит, что мы подсланы самозванцем, и слушать не станет. А даже если выслушает – что с того? Чтобы проснуться по собственному желанию, надо быть настоящим

мастером сновидений. Вряд ли мастер стал бы развлекаться, выдавая себя за Королеву, хотя, конечно, чего только не бывает... Кстати, Ваше Величество, а вы уже пробовали объяснять своей гостье, что она просто спит и видит вас во сне? На некоторых людей подобное открытие действует как будильник.

– К сожалению, леди не из их числа, – сказал Король. – Я уже неоднократно поднимал эту тему – сперва из любопытства, потом из милосердия – но моя бедная Королева только надменно хохочет: совсем плохи твои дела, супостат, если пытаешься обезоружить меня столь жалким аргументом!

– Ладно, – вздохнул Джуффин. – Значит, не повезло. Есть идеи, сэр Макс? Потому что у меня их по-прежнему нет. О чем я честно предупреждал тебя с самого начала.

– Может быть, попробуем как следует ее напугать? – предложил я. – Когда людям начинают сниться совсем уж страшные кошмары, они обычно просыпаются. Я сам сколько раз вскакивал среди ночи в холодном поту...

– На самом деле бывает по-разному, – возразил Джуффин. – Одни просыпаются, другие, наоборот, увязают еще глубже. Вторых, как ни странно, гораздо больше. У тебя счастливое устройство организма: страх не парализует сознание, а побуждает его к действию. Собственно, именно поэтому ты до сих пор жив.

– Невзирая на огромное число моих трупов, усеявших нынче улицы города, – невесело ухмыльнулся я.

– Здесь они тоже были! – оживился Король. – Придворные с утра нашли целых три, в разных концах замка. Правда, я сам ни одного не видел – не успел. Очень уж быстро они исчезают.

И адресовал мне укоризненный взор, как будто я нарочно сократил время существования своих трупов, чтобы лишить Его Величество изысканного удовольствия их созерцать.

Хотелось начать оправдываться, но это было бы настолько глупо, что я предпочел просто сменить тему.

– Может быть, все-таки попробуем напугать эту леди? Проснется – хорошо, не проснется – будем думать дальше. Хотите, покажем ей Базилио? Он – совершенно безобидное существо, но при первой встрече я чуть не обделал... Извините, Ваше Величество. Переволновался.

– Речь о чудовище, которое завелось в Мохнatom Доме? – обрадовался Король. – У нас тут в последнее время только и разговоров что о нем. И о том, как вероломно поступил с вами новый Великий Магистр Семилистника, заставив восемь раз переписывать прошение о разрешении

на содержание в доме этого существа, пока не был удовлетворен не только формой, но и почерком. Поразительная душевная черствость! А ведь в прошлом, насколько мне известно, вы не раз спасали ему жизнь.

– Вероятно, после вступления в новую должность спасенная жизнь оказалась настолько тяжелой, что теперь он мне мстит, – предположил я.

И до крови закусил губу, чтобы не заржать. Однако горазд мой друг на себя клеветать! Впрочем, он прошел хорошую школу. Кофа в свое время немало потрудился, распространяя среди горожан ужасные слухи о Джуффине – начиная с того, что шеф Тайного Сыска питается вяленным мясом убитых врагов, и заканчивая подробными описаниями бесстыдных оргий в обществе мертвых магов древности. Или все-таки живых, зато на старейшем из городских кладбищ? Трудно вот так сразу вспомнить подробности; факт, что эти сплетни молниеносно разлетались по городу, становились прекрасной профилактикой мелких правонарушений и, таким образом, изрядно облегчали жизнь самому Джуффину и всему Тайному Сыску.

Но Шурф, конечно, превзошел своих великих учителей. Восемь раз переписывать прошение! Вот уж воистину история, леденящая кровь. Вяленным мертвецам и не снилось.

Джуффин понял, что я вот-вот провалю всю интригу и пришел на помощь.

– Сэр Шурф всегда был не без странностей, – холодно сказал он. – С другой стороны, пользы от них пока много больше, чем вреда, – это я говорю вам как государственный чиновник высшего ранга, заинтересованный в безукоризненном соблюдении законов и поддержании общественного порядка. А как частное лицо я, признаться, и сам шокирован.

– Так что, – спросил я, торопясь сменить опасную тему, – сходить домой за Базилио? Будем пугать спящую Королеву?

– Это прекрасное предложение, – вздохнул Гуриг. – Я бы очень хотел лично познакомиться с этим удивительным существом. Но, боюсь, особой пользы от него здесь не будет. Вынужден покаяться: прежде, чем воззвать о помощи, я попытался справиться с проблемой самостоятельно. И мне в голову пришла та же идея, что и вам – попробовать превратить сон бедной леди в совсем уж страшный кошмар. А поскольку мои придворные фокусники обычно занимают призовые места на общегородском конкурсе ужасающих иллюзий...

– А что, теперь и такой есть?

Перебивать, я знаю, невежливо. Но иногда совершенно невозможно

держат себя в руках.

– Да, есть. Проводится в начале зимы, – подтвердил Джуффин. – Нынешний будет уже четвертым. И придворным фокусникам Его Величества действительно нет равных в этом забавном искусстве.

– В общем, показывать ей чудовищ мы уже неоднократно пробовали, – заключил Король. – Леди, конечно, очень их боится. Но держится молодцом. Говорит, что все равно не отступится от священной цели вернуть себе престол и мужа. И не просыпается, что хочешь, то и делай.

– Все-таки, по моему глубокому убеждению, будить человека следует там, где он заснул. Тело есть тело, с ним, в отличие от беспокойного сознания, всегда можно договориться, – сказал Джуффин. И мрачно добавил: – Осталось понять, как отыскать ее спальню. Мы с Максом как раз на этом месте и застряли.

– Если бы по следу спящих можно было отправить Меламори! – сокрушенно вздохнул я. – Но у них и следа-то нет – как нет, строго говоря, и их самих. Правда Нумминорих утверждает, что у сновидцев есть запах. Жаль, что по запаху нельзя пройти в другой мир...

Джуффин посмотрел на меня так, словно я внезапно превратился в Базилио. Или еще во что-нибудь интересное, имеющее все шансы получить приз на этом их ежегодном конкурсе страшилищ.

– А вы уже пробовали? – наконец спросил он.

– Пока нет, но...

Я не договорил, потому что и сам понял – никакого «но» быть не может. Пока не попробуешь, не узнаешь.

– Пока не попробуешь, не узнаешь, – сказал вслух Джуффин, хитроумный похититель и талантливый популяризатор моих здравых мыслей.

– Хумгат его примет, если ты проведешь, это сейчас главное, – добавил Джуффин. – А там смотрите по обстоятельствам, как пойдет. Совершенно не представляю, что в Коридоре между Мирами могут быть хоть какие-то запахи. Но я и не нюхач.

Гуриг смотрел на нас во все глаза. Его можно понять: ужасно интересно быть свидетелем того, как свершаются великие открытия и затеваются опасные эксперименты. Я бы и сам с радостью оказался сейчас на его месте – в смысле, поглядел бы на нас с Джуффином со стороны. А не изнутри ситуации.

Но ничего не поделаешь, в подобных делах я вечно оказываюсь участником, а не счастливым зрителем в первом ряду. Такая судьба.

– Если я правильно понимаю, теперь вам придется вызвать в замок

сэра Нумминориха, – сказал Король. – Вызывайте, я прикажу, чтобы его пропустили. А пока можем дожидаться его в приемной. Не знаю, как у вас, а у меня там еще остался компот.

Считается, будто Нумминорих Кута, нюхач каких свет не видывал, в прошлом преуспевающий лавочник и вечный студент, любимчик Мастеров Сновидений, Темной Стороны, детей и домашних животных – мой ученик. Что, если хорошо знать нас обоих, звучит, мягко говоря, довольно забавно. Да что там, просто смехотворно звучит.

Потому что на самом деле я бы дорого дал, чтобы научиться быть таким как он. Но для этого, как я понимаю, мне пришлось бы просто родиться заново, иных способов нет.

Нумминорих относится к той редкой породе храбрецов, которым не приходится преодолевать страх – они его просто не ведают. Если выскочить на такого в полной темноте с криком: «Бууууу!» – он не вздрогнет от неожиданности и не приготовится защищать свою жизнь, а обрадуется: «Ух ты, что-то интересное тут творится!» Потом, миг спустя, у него появятся и другие, менее оптимистические версии, Нумминорих – человек опытный и совсем не дурак. Но его первой естественной реакцией на любое событие всегда будет доверчивая благодарность Миру, который снова великодушно пригласил его в игру.

Мне Нумминорих доверяет ничуть не меньше, чем Миру в целом. Зря, конечно, но поди его переубеди. Уверен, предложи я ему прогуляться на тот свет, Нумминорих только обрадуется: «А что, разве туда можно добраться? Так пошли скорей!» И даже завещания перед уходом писать не станет. Потому что – ну ясно же, что всякого, кто связался со мной, ждут приключения, как в волшебной сказке. А у сказок всегда бывает хороший конец.

Ужасно жаль, что я сам не могу разделить этот его оптимизм.

Вот и теперь перед заинтригованным Королем, озабоченным Джуффином и чрезвычайно мрачным мной внезапно появился человек с сияющими глазами, заранее восхищенный заданием, которое ему предстоит получить.

– Надо кого-нибудь унюхать? – сразу спросил Нумминорих, привыкший к тому, что его талант нюхача оказывается востребован куда чаще, чем все прочие.

Ясное дело, с таким подходом он почти всегда угадывает, зачем его позвали. Вот и теперь угадал.

– Надо, – сказал я. – Еще как надо, – и покосился на Джуффина в надежде, что он сейчас четко и ясно все объяснит.

Но Джуффин сидел в кресле с таким видом, словно явился сюда только для того, чтобы стать свидетелем страстного Королевского свидания с клубничным компотом. И даже Безмолвной речью воспользоваться не поленился: «Твоя идея, ты и объясняй. Мне и самому интересно послушать».

– Дорогой мозг, – сказал я вслух, – ты мне нужен, как никогда прежде. Пожалуйста, соберись и сформулируй!

Все присутствующие уставились на меня с уважительным интересом – так обычно смотрят на ярмарочных заклинателей рыб и танцоров со змеями. Однако воззвание сработало, мне действительно удалось сосредоточиться – не знаю уж почему.

– Нам нужно разбудить одну барышню, – сказал я. – Очень долго не просыпается, наверное, не может сама. Штука в том, что никто из нас не знает, на каком краю Вселенной находится ее кровать. И мне пришло в голову, что если ты ее понюхаешь, а потом мы с тобой уйдем в Хумгат...

– Мы будем путешествовать между Мирами? Вот прямо сейчас? – восхитился Нумминорих.

От избытка чувств он вскочил с кресла, на краешек которого только что робко присел – куда только подевалась теперь эта робость. Насколько я знаю Нумминориха, на этом этапе подготовки к ответственному заданию он должен был сплясать на столе. Но вовремя спохватился, пробормотал извинения и снова уселся на место. Его главный подвиг дня был таким образом благополучно свершен. Все остальное – ерунда по сравнению с необходимостью сдерживаться в Королевском присутствии.

– В Хумгате тоже надо будет нюхать, – сказал я. – Мы пока совсем не уверены, что в Коридоре между Мирами есть хоть какие-то запахи. Поэтому если ты ничего не унюхаешь, мы спокойно вернемся назад и будем думать, что делать дальше. Но если вдруг все-таки унюхаешь, попробуй позволить запаху увести тебя к его источнику. Между Мирами обычно примерно так и путешествуют – соединяя волю Хумгата со своей. Если ты потеряешься, я тебя найду, обычно мне это удается. А если вдруг что-то пойдет не так, действуй по обстоятельствам. Не знаю, что еще тут можно сказать.

– Больше ничего и не нужно, – заверил меня Нумминорих. – «По обстоятельствам» – это мне как раз очень понятно.

Говорю же, это мне бы у него поучиться.

– Если что, я отыщу вас обоих, – неожиданно пообещал Джуффин. –

Сновидцев я, положим, никогда в жизни искать не пробовал, зато за бодрствующими людьми между Мирами гонялся неоднократно. И всех, кто был мне нужен, благополучно поймал. Не в моих привычках позволять своим сотрудникам устраивать себе бессрочный отпуск в иных Мирах.

– В бессрочный отпуск я и сам не хочу, – серьезно ответил Нумминорих. – Я обещал Базилио, что вечером порешаю с ним головоломки. А послезавтра ко мне старый друг из Кумона приезжает, мы вместе когда-то учились. Лет тридцать уже не виделись, обидно было бы пропустить его визит.

В этом весь Нумминорих. Человек, твердо знающий, что если уж ему приспичило пригласить в гости старого друга, Вселенная в лепешку разобьется, чтобы встреча состоялась в назначенный срок.

Ужас даже не в том, что подобное убеждение выглядит неописуемо глупо и самонадеянно. А в том, что оно работает почище любой охранной магии, сколько раз в этом убеждался.

Когда Король распахнул перед нами дверь, за которой томила, вернее наслаждалась увлекательным чтением узница своих фантазий и Королевского чувства юмора, вышел небольшой конфуз. Белокурая красotka, вместо того чтобы испуганно завизжать или надменно осведомиться, кто все эти неприятные люди и почему они сочли себя вправе нарушить ее покой, вдруг бросилась мне на шею с торжествующим криком: «Вернулся мой муж, мой пропавший Король!»

На миг я почувствовал себя самозванцем и без пяти минут захватчиком престола. Растерянно обернулся к своим спутникам:

– Я не...

Джуффин и Гуриг хохотали, сложившись практически пополам. Не знаю, кто громче, оба хороши. И только Нумминорих сохранял полную невозмутимость и смотрел на меня, ожидая дальнейших указаний.

Ради него пришлось собраться.

– Нюхай пока, – сказал я ему. – Запоминай ее запах. А вы, господа, избавьте даму от моего прекрасного тела. Мне нужна полная свобода передвижений.

– Многие женатые люди так говорят, – ухмыльнулся Джуффин.

Но все-таки отодрал от меня цепкую блондинку, самую красивую женщину всех Миров. Когда в ее безумных синих очах заблестели слезы, сердце мое дрогнуло, и по его наущению я пообещал:

– Я обязательно вернусь!

Пусть спит пока с надеждой на лучшее.

Потом я ухватил Нумминориха за руку, скомандовал: «Закрой глаза», – и шагнул в дверной проем, увлекая его за собой.

...Я совсем не кокетничаю, когда говорю, что колдун из меня пока совсем плохонький. И, скажем, даже до уровня Трикки Лая, который попал в Ехо всего несколько лет назад, мне еще учиться и учиться. По крайней мере, на башню Мохнатого Дома залезть мне пока вряд ли по силам. И беглеца вернуть на место одним движением руки. Да что там, я даже над тортом этим дурацким, которые они с Меламори мастерят для прокорма Базилио, зачахну, и вовсе не факт, что доведу дело до конца.

Но некоторые вещи действительно даются мне так легко, что самому не верится. В частности, путешествия между Мирами – шаг за дверь, и я уже в Хумгате. Что в свое время было действительно трудно – научиться не попадать туда всякий раз, когда я переступаю очередной порог. Но с этим я худо-бедно справился, выработал полезную привычку тормозить у каждой двери, волевым усилием напоминать Миру, что я пока не собираюсь его покидать, и только потом идти дальше, по своим делам. Со стороны эта заминка уже почти незаметна – так все говорят.

То есть путешествовать между Мирами мне гораздо легче, чем этого не делать. Можно сказать, я всегда одной ногой там.

Все это я говорю к тому, что утащить Нумминориха в Хумгат мне было очень легко. В этом я с самого начала не сомневался. Но как пойдет дальше – этого даже весь мой богатый предыдущий опыт не мог подсказать.

Хумгат, или Коридор между Мирами, в нашей магической традиции принято описывать как некоторое непостижимое пространство, заполненное особой разновидностью пустоты, соприкасаясь с которой, человек как бы перестает существовать, но одновременно остается собой – даже в большей степени, чем в обычных обстоятельствах.

Я довольно много об этом думал и пришел к выводу, что Коридор между Мирами – это все же не столько пространство, сколько особое состояние сознания, находясь в котором, человек временно разрывает все связи с реальностью, как бы вовсе перестает быть, зато обретает способность переходить из одного мира в другой и даже подчинять эти перемещения собственной воле – при условии, что она достаточно сильна.

Моя воля, как выяснилось, сильна чрезвычайно. В обычной жизни она предпочитает проявляться как можно реже, тщательно замаскировавшись под обычное упрямство. Зато в Коридоре между Мирами из меня всякий раз вдруг вылезает самовлюбленный тиран с замашками властелина мира, заранее уверенный, что вся Вселенная только и ждет возможности

подчиниться его очередному капризу. К счастью, ничего особенного я в этом состоянии обычно не хочу – только попасть в какое-то заранее выбранное место, желательно к определенному времени – как и любой путешественник между Мирами, стремящийся поскорей вернуться к привычному режиму бытия.

Хотя пару раз мне удавалось захотеть немного задержаться в этом немыслимом то ли состоянии, то ли все-таки пространстве. И теперь, задним числом, я понимаю, что провел там лучшие часы своей жизни. Или даже ее лучшие вечности. Но повторить эксперимент все равно пока не стремлюсь – такой вот парадокс.

В этом смысле Нумминориху со мной действительно повезло: я надежный спутник для путешествий между Мирами. И достаточно опытный, чтобы осознавать там присутствие другого человека. И даже поддерживать с ним связь – способом, немного похожим на Безмолвную речь, только вместо проговаривания слов приходится рисовать перед мысленным взором подвижные и переменчивые образы. Мне это почему-то гораздо легче дается. Может быть, потому, что в Хумгате мне все легко.

Вот и сейчас я сразу понял, что Нумминорих по-прежнему чует – если не запах нашей спящей Королевы, то нечто очень на него похожее. А значит, вполне подходящее, чтобы взять след.

В обычных обстоятельствах я бы крикнул ему: «Отлично, давай же, бегом туда!» А в Хумгате нет слов, зато есть воля и воображение, поэтому достаточно просто увидеть, как мы оба устремляемся по незримой, но отчетливо существующей тропинке, сотканной не из запаха, не из света, не из смутных чужих воспоминаний о себе, но из суммы этих слагаемых, разделенной на наши представления о том, как должен выглядеть путь.

Вообразить действие, находясь в Коридоре между Мирами, означает его осуществить. Поэтому следующим моим впечатлением был тусклый свет ночника и голос Нумминориха, который сказал:

– Грешные Магистры, какая же тесная каморка!

На самом деле обыкновенная комната, бывают и меньше. Просто уроженец Ехо, да еще и владелец дома в Новом Городе, где земля дешева, вполне может испытать приступ клаустрофобии в любом помещении, не дотягивающем размерами до спортзала.

Но у Нумминориха была проблема посерьезней.

– Макс, – деревянным голосом сказал он. – Ты не переживай, если я вдруг... немножко отключусь. Запах!

Я сразу сообразил, в чем дело. То, что для меня просто спертый

прокуренный воздух запертой спальни, где, вероятно, уже не первый день лежит человек, недостаточно живой, чтобы проснуться, но недостаточно мертвый, чтобы не потеть, – довольно неприятно, но вполне выносимо – для нюхача почти смертельный удар.

Я метнулся к окну, дернул ручку, распахнул его настежь. Комната мгновенно наполнилась морозным, а потому очень свежим воздухом. Я силком подтащил к окну Нумминориха, который к этому моменту прислонился к стене и уже начал медленно сползать по ней на пол. Помог ему высунуться наружу, придерживал, чтобы не упал. За окном было темно, но судя по количеству людей и автомобилей на улице, далеко внизу, не ночь, а сравнительно ранний вечер.

– Так лучше? – спросил я. – Или тоже невыносимо?

– Вполне выносимо, – заверил меня Нумминорих. – Довольно тяжело, потому что все запахи незнакомые, не за что зацепиться. Но уже не тошнит, и в глазах не темно. И, слушай, так интересно!

В этот момент я окончательно перестал о нем беспокоиться. Когда человек говорит «интересно», – гибель ему явно не грозит.

Я оставил Нумминориха у окна, огляделся, оценивая обстановку – отдельная квартира-студия, кроме нас тут явно никого, входная дверь заперта, отлично, значит в ближайшее время нам никто не помешает – и подошел к разложенному дивану, где спала женщина, такая миниатюрная, что я не сразу разглядел ее в ворохе одеял. Выглядела она, прямо скажем, неважно – как всякий тяжело больной человек. Щеки ввалились, губы побелели, пересохли и потрескались, кожа приобрела землисто-зеленый оттенок. Но даже под этой предсмертной маской можно было разглядеть чрезвычайно симпатичную молодую девушку. Не настолько ослепительную красотку, как белокурая Королева, которой она была в своем сне, но таких, пожалуй, и вовсе не бывает. Я, по крайней мере, не встречал.

Только теперь я осознал, что оказался совершенно не готов к возложенной на себя роли знахаря. О летаргическом сне я знаю только из прочитанного в детстве романа Уэллса «Когда спящий проснется» и прочей художественной литературы. О том, как разбудить такого спящего, в книжках не говорилось ни слова – выходило, что нужно терпеливо ждать сто лет, пока он проснется сам. Такой подход совершенно меня не устраивал.

– Ну что? – спросил Нумминорих. – Она живая? Есть кого будить?

– Живая, – неуверенно сказал я. – Вроде дышит. Слушай, стыдно признаться, но я не понимаю, как ее будить. Просто потрясти, что ли? Почему-то боюсь к ней прикасаться. Хрупкая такая, еще сломаю что-

нибудь. Или сердце остановится от страха. Не целовать же ее, как в сказках, какой из меня принц? Совсем я у нас нынче беспомощный дурак.

– А твоим Смертным Шаром ее нельзя стукнуть? – деловито спросил Нумминорих. – А почему? Они у тебя что, не действуют в других мирах?

Вы когда-нибудь видели осу, которая забыла, что умеет кусаться? Да, я тоже думал, будто такое невозможно. До этого дня.

– Ты гений, – сказал я. – А я по-прежнему дурак. Зато, хвала Магистрам, больше не беспомощный. Распрекрасно мои Смертные Шары в других мирах действуют. В отличие от головы.

– Ты стал совсем как Джуффин, – улыбнулся Нумминорих. – Хвалишь за всякую ерунду. И прикидываешься, что не знаешь, как быть, чтобы я сам подумал. Но я все равно рад, что правильно тебе подсказал!

Я так растерялся, что даже разубеждать его не стал. Да и не до того пока было. Друг с другом потом как-нибудь разберемся, а барышню надо будить прямо сейчас. Не раздумывая и не сомневаясь: «А вдруг я ее убью?» Никаких «вдруг» быть не может. Действуй уже, балда.

Смертных Шаров я не пускал уже очень много лет – просто как-то не было нужно. Потому собственно и забыл об их существовании. И о невероятных возможностях, которые они открывают передо мной.

Вообще-то Смертный Шар – это такое чрезвычайно эффективное магическое оружие. И в кобуре его за собой таскать не надо, потому что он всегда готов появиться на кончиках пальцев, только прищелкни правильным образом – и привет, уже полетел. Все нормальные колдуны используют это оружие, чтобы быстро и безболезненно убивать противников; отсюда, собственно, и название «Смертный Шар». И только я оказался исключением из этого правила. Мои Смертные Шары обычно никого не убивают. Зато дают мне абсолютную власть над любым человеком, живым и даже мертвым. Это, кстати, только звучит привлекательно, а на деле очень бывает неприятно, когда нормальный живой негодяй или труп, только что с достоинством возлежавший на полу морга, вдруг ползет к тебе на четвереньках, бормоча: «Я с тобой, хозяин». И покорно выполняет любые приказы – хоть от смертельной болезни излечиться, хоть голову самому себе откусить.

Если бы я с раннего детства мечтал стать властелином Вселенной, первый же опыт со Смертными Шарами излечил бы меня от властолюбия навсегда. Очень неприятно, оказывается, быть человеком, чью волю беспрекословно выполняют другие.

Но иногда выбирать не приходится.

Поэтому я прищелкнул пальцами левой руки, а потом долго, целую

бесконечную четверть секунды смотрел, как маленькая шаровая молния летит прямо в лоб спящей красавицы, несбывшейся владычицы Соединенного Королевства Угуланда, Гугланда, Ландаланда и Уриуланда, а также графств Шимара и Вук, земель Благостного Ордена Семилистника, вольного города Гажин и острова Муримах. И растворяется в ее бледной коже, как шарик мороженого в кипятке. И бескровные губы спящей складываются в мечтательную улыбку и шепчут: «Я с тобой, хозяин».

– Слушай меня внимательно, – сказал я. – Когда я закончу говорить и замолчу, ты проснешься совершенно здоровой и хорошо отдохнувшей, как будто просто спокойно проспала одну ночь. И навсегда избавишься от моей власти. Ясно? Давай!

Только замолчав, я понял, что говорил с ней чересчур громко, практически орал. Наверное, потому, что мне надо было перекрыть звонкий набат пустоты, шумящей в ушах, и грохот собственного сердца, внезапно ставшего таким огромным, что заполнило все тело и кажется даже перелилось через край.

И потекло куда-то как река.

Но, хвала Магистрам, ничего страшного от моих воплей не случилось. Даже Нумминорих не вывалился от неожиданности из окна. И прохожие внизу не принялись задира́ть головы в поисках источника шума. В конце концов я благополучно заткнулся, наша подопечная открыла глаза и с изумлением уставилась на меня.

– Слушай, да ты же мне снился, – наконец сказала она. – Я тебе обрадовалась, не помню сейчас, почему... Но это как раз неважно. Я что, все еще сплю?

– Нет, – ответил я. – Бодрствуешь. Я тебя только что разбудил. Не пугайся, если выяснишь, что проспала много дней. Не знаю, сколько именно. И не понимаю, как тебе это удалось. Ты одна тут живешь?

– Сейчас одна, – растерянно кивнула она. – Слушай, а ты вообще кто?

– Считай, что добрый волшебник из твоего сна, – усмехнулся я. – Настолько добрый, что решил тебя разбудить, потому что человек не может спать бесконечно долго. Умирает в какой-то момент, особенно если за ним не присматривают. Без воды ни один организм долго не протянет...

– Я настолько долго спала?!

– Говорю же, не знаю. Сама потом разберешься. И постарайся подстраховаться на будущее. Подумай, кому можно доверить ключи от квартиры и обязательно сделай это, пусть надежный человек проверяет, что с тобой, если вдруг снова пропадешь на несколько дней. Если уж у тебя однажды обнаружился талант так крепко засыпать, лучше позаботиться

о безопасности. Обещаешь?

Она смотрела на меня во все глаза. К радостному удивлению постепенно прибавилось недоверие. Похоже, девочка начала задумываться, откуда взялся посторонний мужик в ее запертой квартире на черт знает каком этаже. И это она еще Нумминориха пока не заметила. Но, по моим расчетам, от этого знаменательного события нас отделяла буквально пара секунд. А два посторонних мужика, внезапно свалившихся тебе на голову – это достаточно веский повод заорать: «На помощь!»

Мне на ее месте, впрочем, и одного вполне хватило бы.

В общем, самое время отступать на заранее подготовленные позиции. В смысле, драпать сломя голову.

Но беда пришла, откуда не ждали.

– Я вспомнила, что мне снилось, – вдруг сказала девушка. – И думаю, что на самом деле оно не снилось. Это была моя настоящая жизнь. Мое королевство, захваченное врагом. И ты там был. Я сперва подумала, что ты – мой Король, но это только внешнее сходство, верно? Специально, чтобы меня обмануть и помучить. Ты – не он, ты – слуга моего врага, его придворный чародей. Вы наконец-то придумали, как от меня избавиться: отправить в ссылку куда-нибудь на самый дальний край Вселенной, лишить памяти, чтобы я поверила, будто всегда здесь жила, а мое королевство – просто несбыточный сон. Так? Скажи правду. Ты же видишь, я сейчас слаба и не смогу тебе отомстить. Но мне надо знать.

Вот это называется – приехали.

– Тут не место ссылки, а надежное укрытие, – внезапно вмешался Нумминорих. – Если бы мы не спрятали вас здесь, вас бы убили, это было уже решено. Мы успели буквально в самый последний момент.

Я уставился на него, разинув рот. Господи, что он несет? Зачем?!

Но сказанного не воротишь, а затевать спор на глазах у этой бедняги – верный способ окончательно свести ее с ума. Пришлось включаться в игру. И импровизировать на лету.

– Новая жизнь в удивительном волшебном мире, куда пока не знают дороги даже самые мудрые колдуны, – это гораздо лучше, чем смерть от руки Королевского палача, не так ли? – строго спросил я.

– Нннаверное, – неуверенно согласилась она.

– Вот и наслаждайся этим невероятным приключением. Твоя новая личность – прекрасная маска; надеюсь, жизнь этой милой девушки тебя развлечет и доставит немало приятных минут. И, пожалуйста, береги себя. Не выдавай себя ничем! Ни словом, ни жестом, ни намеком. Если твоя

тайна будет разглашена, все наши усилия пойдут прахом, и палачи самозванного владыки встанут на твой след. Они чрезвычайно бдительны и столь проницательны, что умеют подслушивать разговоры о своих делах, на каком бы дальнем краю Вселенной они ни велись.

Я очень надеялся, что мой добрый совет поможет бедняжке избежать повышенного внимания психиатров, с которыми я, при всем уважении, не посоветовал бы связываться никому. Мятежные Магистры периода упадка Эпохи Орденов – и те куда больше годятся в качестве заботливых опекунов такой милой барышни. И вообще чьих угодно.

– Вам следует запастись терпением и дожидаться лучших времен, – подхватил Нумминорих. – Не пренебрегая при этом возможностью взять от здешней жизни все радости, которые она вам предложит.

– А лучшие времена еще могут наступить? – дрогнувшим голосом спросила девушка.

Сэр Махи Аинти, который, в моем представлении, мало чем отличается от Господа Бога, да и то исключительно в выгодную сторону, однажды сказал мне, что надежда – глупое чувство. И вбил эту формулу в мою голову навсегда.

Но как же это глупое чувство может окрылить человека, видели бы вы.

Я был бы последним гадом, если бы честно сказал ей «нет». Поэтому ответил:

– Не знаю.

– Мы постараемся их приблизить, – пообещал Нумминорих.

Он говорил так уверенно, что еще немного, и я бы сам, чего доброго, начал верить, будто мы спасаем отрешенную от власти Королеву. А там вспомнил бы лица и имена остальных участников этого грандиозного заговора. И нерушимую клятву верности, которую мы, несомненно, принесли друг другу и загубленному супостатом Королю, собравшись на каких-нибудь священных развалинах, идеально подходящих для этой высокой цели.

В общем, надо было срочно уносить отсюда ноги – хотя бы во имя сохранения остатков собственного здравого смысла. Его у меня и так-то не то чтобы в избытке.

Поэтому я сгреб Нумминориха и увлек его к двери. Он не сопротивлялся – и на том спасибо.

– Пожалуйста, будьте счастливы! – торжественно провозгласил он, когда я взялся за дверную ручку.

– Я попробую, – прошептала не то наша вечная должница, не то жертва наихудшего из розыгрышей, в каких я когда-либо принимал

участие.

Последним титаническим усилием, которое я проделал в ходе этой безумной экспедиции, стала возня с тугой щеколдой. В конце концов я ее одолел – не зря о моем могуществе слагают легенды.

Ох, не зря.

...Чем еще хороши путешествия между Мирами – голову они знатно ставят на место. Не удивлюсь, если выяснится, что когда-то в далекой древности маги отправлялись в Хумгат специально для того, чтобы успокоить расстроенные нервы и избавиться от бредовых идей. А возможность попасть в какой-нибудь другой Мир – просто побочный эффект. Как тошнота и сонливость от таблеток.

По крайней мере, в Хумгате я настолько пришел в себя, что мимо цели не промахнулся. И даже с временем отлично справился – твердо решил, что в Ехо с момента нашего ухода должно было пройти не больше нескольких минут. И все получилось. Давно бы так.

– Ух ты! – восхитился Нумминорих. – А почему мы в моем саду? Я думал, если ушли из замка Рулх, туда и вернемся. Это не обязательно?

– Как видишь, не обязательно, – сказал я. – Мы в твоем саду, потому что я хочу с тобой поговорить.

– Тогда пошли в беседку. Мы с Хенной и детьми раз и навсегда договорились, что беседка – это вроде кабинета. Пока я там, меня трогать нельзя. Как будто меня вовсе нет дома.

– Отлично ты устроился, – одобрил я.

Но сердиться не перестал. И когда мы уселись в увитой яркой осенней растительностью беседке, спросил:

– На хрена ты ей наврал? И меня втянул в этот спектакль. А человеку теперь жить с нашим дурацким враньем в голове.

– Вот именно! – с энтузиазмом закивал Нумминорих. – Я тоже сразу подумал, что ей теперь с этим жить. То есть с воспоминаниями про сон, который она приняла за чистую монету. И переубедить ее шансов немного. Когда тебя заранее считают врагом, от правды обычно один вред, лучше сразу начинать врать. И тогда я представил себя на ее месте – чего бы я сам хотел? Уж точно не считать всю свою дальнейшую жизнь ссылкой и наказанием. Все что угодно, только не это! Зато я был бы рад поверить, будто меня спасли от большой беды. Потому что, во-первых – ну спасли же! Я мог погибнуть, а теперь живу, вот как повезло. А во-вторых, у меня, оказывается, есть верные друзья. Даже если они где-то далеко, и мы больше никогда не встретимся, знать о них радостно. И в-третьих, если уж я не могу выбирать, в каком мире жить, пусть меня поскорее убедят, что

я попал в чудесное место. И моя здешняя жизнь станет небывалым приключением. По-моему, если ты все равно обречен заблуждаться, то лучше – так.

Я растерялся. Потому что, с одной стороны, поди ему возрази. А с другой – все равно мы какую-то фигню устроили.

Или нет?

– Ладно, сделанного не воротишь, – вздохнул я. – Но по-моему, мы окончательно свели бедняжку с ума.

Нумминорих помотал головой.

– В том-то и дело, что не мы! Она сама. Да на ее месте кто угодно бы чокнулся. Представляешь, какой это был достоверный сон? И наверняка самое интересное, что случилось в ее жизни. Я бы, может, и сам решил, что вот это совершенно ужасное, зато значительное – правда. А остальное – чепуха, фальшивые воспоминания, результат чужой ворожбы. Потому что когда у человека появляется выбор, что считать правдой, он наверняка выберет ту версию, которая придаст жизни больше смысла. Ну, нормальный человек. Такой как мы с тобой.

– С этой точки зрения я не смотрел, – признался я.

Его наивное определение «такой как мы с тобой» расставило все по местам. На месте этой барышни я бы тоже предпочел считать правдой удивительный сон об иной реальности. Строго говоря, вся моя нынешняя жизнь – следствие подобного выбора. Просто мне повезло: мои сновидения оказались большей правдой, чем вся предшествовавшая им жизнь вместе взятая. Но...

– Кто сказал, будто правда превышает смысла? – произнес я вслух. – Наверное, ты прав, дружище. Скажем так, мне нравится быть человеком, который думает, что ты прав.

– Ну так и будь им, – обрадовался Нумминорих. – Ни в чем себе не отказывай! И мне хорошо: человек, которым тебе нравится быть, вряд ли откусит мне голову, как ты поначалу собирался.

Каков хитрец.

– Только в самый первый момент, – признался я. – Просто очень не люблю сюрпризов, если их устраиваю не я сам. Однако, слушай, ну и горазд же ты врать! Вот так на лету придумать убедительную байку – это...

– Для отца двоих детей это просто нормально, – усмехнулся он. – Сейчас-то мне живется полегче – я имею в виду, что могу хоть целыми днями скрываться на службе, пока сам не заскучаю и не захочу с ними поиграть. А когда-то мне приходилось сочинять по дюжине сказок в день,

и слышал бы ты, какой поднимался рев, когда мне не удавалось быть достаточно убедительным! Со временем у меня развилась особая разновидность интуиции, свойственная, наверное, всем мало-мальски сносным рассказчикам: обычно я угадываю, что именно от меня на этот раз хотят услышать. Наверное, с этой леди тоже так получилось: я просто сказал то, чего она очень ждала.

Мимо беседки тем временем проплыло маленькое оранжевое облако, похожее на щедрую порцию сахарной ваты. За ним другое, чуть крупней, цвета старой бирюзы. Облака плыли совсем низко буквально в метре над землей. Не то очередное общегородское чудо, не то просто Нумминориховы детишки развлекаются. Подняв глаза к небу, я обнаружил, что оно окрасилось в лимонно-желтый цвет.

– Небо, смотри-ка, желтое, и облака разноцветные в траве путаются, а мы уже внимания не обращаем, – сказал я. – Буквально за пару дней привыкли к новому пестрому Миру. Жалко будет отвыкать.

– А придется? – огорчился Нумминорих.

– Еще как придется. И надеюсь, в самое ближайшее время. Потому что мы теперь знаем, как доставить нашу спящую девочку домой.

– Погоди. Откуда взялась еще одна спящая девочка?

– Откуда взялась, это мы потом будем разбираться. Гораздо важнее понять, как еще раз уговорить ее на встречу.

– Ты о ком сейчас говоришь?

– О загадочной особе, устроившей нам все эти ветры, закаты и наводнения. А теперь еще и разноцветные облака, спасибо ей за это. Помнишь человека, который бегал по небу, а потом плакал и говорил с тобой на площади? Оказался спящей художницей, которой надоели краски и карандаши – настолько, что умереть готова, лишь бы к ним не возвращаться. Беда с этими девочками! Одним снится, что они королевы в изгнании, другим и вовсе власть над миром, не ограниченная ничем, кроме возможностей воображения. Зато просыпаться без посторонней помощи мы, видите ли, не умеем. Да и не хотим. Вот что значит жить в мире, где нет леди Сотофы Ханемер, которая умеет занять их делом... Так, стоп. Сотофа же! Вот с кем мне надо было поговорить еще ночью!

– А с сэром Джуффином не надо? – осторожно спросил Нумминорих. – И с Королем? Прямо сейчас? Они же сидят в замке, ждут новостей и до сих пор не знают, что у нас все получилось.

Ой. Да.

– Давай так, – сказал я. – С Джуффином поговоришь ты. Отправь ему зов, расскажи, как все прошло. Какую версию излагать Королю, полную

или сокращенную, пусть сам решает. И извинись от моего имени. Скажи, что меня внезапно осенило вдохновение, и я убежал вдаль, сияя безумными очами. Но твердо обещал связаться с ним, как только приду в себя.

– Ладно. Так и передам.

Я не кривил душой, когда говорил про вдохновение и безумные очи. Чувствовал себя натурально как художник, только что осененный новым замыслом и панически озирающийся по сторонам в поисках хоть какого-нибудь куска холста. Потому что если не начать вот прямо сейчас, можно взорваться.

Конечно, с леди Сотофой Ханемер мне следовало поговорить еще ночью – вместо того, чтобы бесцельно слоняться по городу, оплакивая свой провал и трагическую судьбу спящей упрямыцы.

Вот о чем я думал, когда делал шаг из одной садовой беседки в другую. Из сада Нумминориха в Новом Городе на территорию Иафаха. И только оказавшись на месте, сообразил, что сперва надо было спросить разрешения. Во-первых, из вежливости, а во-вторых, ясно же, что в жизни леди Сотофы Ханемер могут найтись дела поважней, чем мои вдохновенные визиты. И если теперь мне придется трое суток ее дожидаться, сам буду виноват.

Секунды две я раздумывал, не следует ли мне смыться отсюда подобру-поздорову, пока не выставили за беспардонность? И начать как бы с чистой страницы, сделать все честь по чести: прислать зов, попросить об аудиенции, прийти в назначенный час. А потом леди Сотофа появилась на пороге беседки, и вопрос таким образом был закрыт.

– Извините, – сказал я. – Что-то я совсем ума лишился. Сперва пришел и только потом сообразил, что это невежливо.

– Удивительно вовсе не это, – усмехнулась леди Сотофа. – Никогда не считала тебя большим знатоком правил этикета и любителем их соблюдать. А вот тот факт, что ты тут преспокойно сидишь, вместо того, чтобы жалобно взывать о помощи, заслуживает некоторого внимания. Я же, помнится, говорила тебе, что в свое время очень хорошо заколдовала свой сад.

– Ой, – пробормотал я. – Как-то не подумал. Совершенно вылетело из головы. Простите меня, пожалуйста.

– Да нечего тут прощать, – отмахнулась она. – Жив, здоров, в пыль не рассыпался, голова на месте, и даже нога в стене не застряла – вот и отлично, чего еще желать. Большинство так называемых выдающихся деяний вы, мальчики, обычно совершаете по невежеству или

рассеянности – когда то ли не знал, что речь идет о невозможном, то ли знал, но забыл.

– Похоже, это краткая история всей моей жизни, – невольно улыбнулся я.

– И я о том же.

Леди Сотофа села рядом со мной и сердечно меня обняла.

– Рада тебя видеть, сэр Макс, – сказала она. – Хотя даже вообразить не могу, что должно было случиться, чтобы ты вот так без приглашения ко мне вломился. Тебя обычно и пирогами-то не заманишь.

– Просто до меня кое-что дошло. Внезапно и при этом все равно гораздо позже, чем следовало бы... – пробормотал я, смущенный ее теплым приемом больше, чем любой выволочкой. И умолк, пытаюсь сформулировать суть своего запроса.

– Сэр Макс, обо мне говорят, что я очень страшная! – леди Сотофа тихонько пихнула меня локтем в бок. – Просто самая кошмарная ведьма из всех, кого носила эта земля. И учти, это становится правдой в тех случаях, когда мне попадается собеседник, злоупотребляющий долгими паузами. Что, ради всех Темных Магистров, до тебя дошло?!

– Просто выяснилось, что гений, устроивший то прекрасное наводнение и прочую красоту – девочка! – выпалил я.

– Я это подозревала, – невозмутимо кивнула леди Сотофа.

– Почему? – удивился я. – Потому что все так красиво и романтично?

– Вот уж точно не поэтому! – рассмеялась она. – Наглядевшись, как мои ученицы украшают свои комнаты, я навсегда выбросила из головы дурацкую идею, будто женщины самой природой предназначены для создания красоты и, как ты выражаешься, «романтики». Удивительно, что она вообще у кого-то возникла, да еще и так прочно утвердилась в головах.

– Но почему тогда?

– Да просто из-за масштабов, – пожалала плечами леди Сотофа. – Только почувствовала вкус вседозволенности, и ну сразу командовать стихиями да светилками. Причем ты учти, с ее точки зрения, это только начало. Разминка, так сказать.

– Разминка, – повторил я, вспоминая давешний разговор на крыше. – Да, похоже на то. Но разве это и есть типичный женский подход к делу?

– Именно! Женщины, по моим наблюдениям, вообще склонны к крайностям. Пока они молоды и глупы, готовы довольствоваться такой малостью, как любовь. То есть тем, что обычно называется «любовью», а на самом деле – просто неосознанное стремление к полной безопасности, которая, конечно, невозможна, зато кажется легкодостижимой в чужих

объятиях, согласно формуле: «я нужна, значит, сегодня не умру». Ради этой иллюзии бедняжки и сами в лепешку расшибутся, и всех, кто подвернется под горячую руку, расшибут. Зато если девочке удастся немного повзрослеть, поумнеть и помириться со своей смертью, тогда уж подавай ей весь Мир сразу, на меньшее не согласится. Поэтому, кстати, девочек гораздо легче учить магии. Как только поймет, что магия это и есть весь Мир – все, ты ее не остановишь. Ни на что не станет отвлекаться. Только и хлопот – следить, чтобы не чокнулась больше, чем полезно для дела. Безумие – обычная плата за чрезмерную целеустремленность и незнание меры, но с этим вполне можно справиться. А вот вас, мальчишек, отвлечь легче легкого, надо только угадать, кому чего предложить. Кому-то подавай корону, кому-то – просто шанс покрасоваться, кому-то – уверенность в своей правоте, кому-то – возможность спасти или, напротив, мучить других людей. Нашего общего друга Джуффина можно отвлечь любой интересной игрой, а тебя, есть у меня такое опасение, просто хорошей компанией. Если ключик подобран правильно, поворачивай его и любуйся, как очередной мальчишка сбился с пути. Потом, может быть, вернется – если, конечно, вообще вспомнит, куда и зачем поначалу шел. Впрочем, лучшие из вас всегда вспоминают и возвращаются. А то где бы уже был этот Мир.

– Но почему так? – спросил я. – Откуда взялась такая разница?

– Ну, видишь ли. Согласно одной старинной рукописи, которую откопал в нашей библиотеке твой приятель, в древности все люди были женщинами...

– Что?!

– ...и все они были могущественными ведьмами, – невозмутимо продолжила леди Сотофа. – Просто страшно вообразить, насколько. Могли абсолютно все! Но почти ничего не делали, поскольку ничего не хотели. Их интересовал не результат, а процесс; беда, впрочем, не в этом, а в том, что даже вожденный процесс давался им слишком легко. Пальцем шевелить – и то не обязательно. В итоге эти ведьмы так сами себе надоели, что придумали мужчин – специально для того, чтобы те создавали им всяческие помехи. И сперва отлично развлекались. А когда поняли, что несколько перестарались, было уже поздно что-либо менять. Так Мир пришел к нынешнему несовершенному состоянию. Из этой легенды следует, что мальчики таковы, поскольку их специально создали для того, чтобы все испортить. И вы отлично справляетесь!

Я смотрел на нее во все глаза.

– Неужели это может быть правдой?

Леди Сотофа всплеснула руками и звонко расхохоталась.

– Разумеется, нет. Это полная чушь! Но ты же поверил! Признайся, поверил?

– С огромным трудом, – сказал я. – И только потому, что услышал от вас.

– Спасибо за доверие, мальчик. Постараюсь больше никогда его не обманывать. Текст, о котором идет речь, действительно существует, но я хорошо знаю автора. Леди Иса Хум, исключенная из Ордена Решеток и Зеркал после того, как ее помешательство было признано неизлечимым. И учти, для этого надо было очень сильно постараться! Там у них от половины Орденских женщин безумием слегка пахло, и это считалось особым шиком и чуть ли не главным признаком достижения определенного уровня могущества. Но леди Иса даже среди них не прижилась. Ну и как следовало ожидать, без защиты Ордена долго не протянула. Но прежде чем трагически погибнуть в уличной драке с Младшими Магистрами Ордена Потаенной Травы, которую сама же и затеяла, бедняжка успела написать несколько глав книги, которая должна была называться «Великая тайная истинная правда обо всем». Единственный экземпляр рукописи мне удалось присвоить. Вряд ли я могу считаться настоящим коллекционером, но чрезвычайно ценю подобные курьезные редкости. К тому же охранять Мир от бредовых теорий – часть моей работы.

– Ну хвала Магистрам, – вздохнул я. – А то как-то неуютно мне стало.

– Ай, ладно! Не преувеличивай, – отмахнулась леди Сотофа. – Неуютно ему... Просто ты спросил, откуда взялась разница между мужчинами и женщинами, а я этого не знаю. Не могла же я вот так сразу признаться в своем невежестве! Меня извиняет только то, что ответа на этот вопрос не знает вообще никто – кроме, конечно, мудрой леди Исы Хум. Вот я на нее и сослалась.

Я укоризненно покачал головой.

– На самом деле разница между нами почти несущественна в обычной жизни, – внезапно сказала леди Сотофа. – Но обычно довольно ярко проявляется, когда человек обращается к магии. Встречаются, конечно, исключения. Наш с тобой общий друг сэр Шурф почти такой же упертый, как его мать. А, скажем, леди Меламори, напротив, ведет себя, как настоящий мальчишка, то и дело отвлекаясь от своего подлинного призвания на всякую ерунду. Впрочем, посплетничать о знакомых мы с тобой всегда успеем. Ты пришел ко мне не за этим. А сообщить, что человек, великодушно развлекающий нас своими сновидениями, –

женщина. Не думаю, что ты хотел просто порадовать меня столь лестной для всех женщин новостью. Ясно, что ты пришел за помощью. Я тебя внимательно слушаю.

Переход от болтовни к делу оказался для меня несколько чересчур внезапным, но я собрался с мыслями и более-менее подробно пересказал леди Сотофе, как приманил автора ветров, закатов и наводнений стихами, написанными на небе, как мы встретились на крыше Мохнатого Дома и о чем говорили. Как я надеялся, что смогу уговорить ее проснуться, поскольку не знал, как еще можно ее спасти. А теперь, так уж получилось, знаю. Но судя по тому, что утром город заполнился моими трупами, мы с этой леди в ссоре. И вряд ли она согласится снова со мной поболтать, хоть всю антологию современной угуландской поэзии на небо переписывай.

И так далее.

– Ясно. Ты научился разыскивать заплутавших сновидцев и теперь хочешь, чтобы я выманила для тебя эту женщину, – сказала Сотофа. – Не вижу ничего невозможного.

Я чуть не заплакал от облегчения. Вроде бы и знал, к кому иду с просьбой, а все равно, стыдно сказать, почти не надеялся.

– Но, видишь ли, я вовсе не уверена, что это нужно делать, – закончила она.

– Как это? – потрясенно спросил я. – Она же скоро умрет!

– Но она сама этого хочет, – пожала плечами леди Сотофа. – И в ее ситуации это вполне оправданное желание. Тебе никогда не приходило в голову, что чужую волю надо уважать?

– Просто я не думаю, что это и есть ее воля, – сказал я. – Мало ли, кто что говорит – в том числе, самому себе. Моя художница хочет умереть только потому, что уверена, будто это единственный способ избавиться от немоци. Если человек, страдающий мигренью, никогда не слышал о существовании лекарств от головной боли, рано или поздно он вззоет: «Отрубите мне голову!» – потому что она совершенно невыносимо болит, и иного средства прекратить мучения он не знает. Вопрос: следует ли мне уважать волю этого страдальца, когда у меня карман набит пилюлями от головной боли? Например.

– Пример удачный, – согласилась она. – Однако... Посмотри мне в глаза, сэр Макс. Ты правда уверен, что у тебя полный карман этих грешных пилюль?

Я много раз слышал от самых разных людей, что леди Сотофа Ханемер «совершенно ужасная». И всегда удивлялся, как подобное

определение могло прийти кому-то в голову. Могущественная, непредсказуемая, непостижимая – согласен. Да какая угодно. Но ужас-то тут при чем?

А сейчас, когда она заглянула мне в глаза, я это понял. И дело вовсе не в том, что взор ее был суров, пронизателен или что там еще говорят в подобных случаях. Просто глазами леди Сотофы на меня смотрело не человеческое существо. И даже не нечеловеческое. Вообще не существо. Словно бы сама сила, которая держит Мир, придавая ему форму и смысл, испытующе взирала на меня, прикидывая, чего я стою. И следует ли заполнять ли меня до краев, если уж выпал такой случай, или лучше поискать более подходящий сосуд.

И когда я был уже почти готов закричать то ли: «Не надо!» – то ли: «Давай уже, не тяни», – леди Сотофа улыбнулась, и все сразу встало на свои места.

– О полном кармане пилюль пока речи нет, – сказала она. – Но параштук у тебя, пожалуй, найдется. Имеет смысл попробовать.

И, помолчав, добавила:

– Джуффину я отказала. Правда, он и хотел гораздо большего. Не просто сильной помощи в конкретном деле, а чтобы я бросилась спасать всех подряд. Я понимаю и глубоко уважаю его позицию. На самом деле большая удача для всех, что такой могущественный человек, ловкий пройдоха и лучший убийца в истории Соединенного Королевства, одержим идеей, будто всякая жизнь – драгоценность. А уж если ее обладатель раз в жизни сподобился случайно сделать нечто из ряда вон выходящее – да хотя бы в собственном сне застрять – все, выноси кровать из дома!

Я невольно улыбнулся незнакомому выражению, заранее прикидывая, как я его при случае вверну. Сотофа истолковала мое веселье по-своему.

– Да, – согласилась она, – для того, кто думает, будто хорошо знает Джуффина, это должно звучать забавно. Однако именно так обстоят дела. Он сам – из счастливых, чудом спасенных от судьбы, похуже обыкновенной смерти^[11]. И в его положении естественно стремиться стократно оплатить этот счет. Однако у меня-то совсем иная судьба и другие счета, которые тоже надо оплачивать. И так сложилось, что в круг моих непосредственных обязанностей не входит возня со сновидцами, чье пребывание в Мире не опасно для его равновесия. Предвижу, что Джуффин очень обрадуется, узнав, что я согласилась тебе помочь. И не удивлюсь, если он станет через день присылать тебя с новыми поручениями, решив, что твое обаяние действует на меня сильнее, чем его хитрющие глаза. Я, собственно, не против – люблю, когда ты меня навещаешь. Но

предупреждаю: дело ограничится приятной болтовней за кружкой камры, это вам обоим лучше знать заранее. Сегодня я помогу тебе только по одной причине: женщина, чья участь так тебя занимает, заинтересовала и меня. Не все же одному Джуффину учеников в других мирах вербовать. Я тоже не прочь поразвлечься.

– Я именно так и подумал, – кивнул я. – Жалко, что не сразу. Не в тот момент, когда мы с ней сидели на крыше – вот бы тогда вас позвать! Но сделанного не воротишь.

– На самом деле, если очень захочешь, воротишь, – усмехнулась леди Сотофа. – Ничего невозможного вообще нет, привыкай понемногу к этой концепции, пора. Правда, вместо невозможного есть невообразимо трудное – тоже не сахар! И, положив руку на сердце, осуществить твой нынешний план действительно много проще, чем пересечь Мост Времени и вернуться во вчерашний день.

– Я уже столько слышал про этот Мост Времени. Но его концепция пока совершенно не укладывается у меня в голове.

– Вот именно поэтому тебе и не стоит пока пытаться его пересечь. Воображение – отличный помощник, и когда оно тормозит, лучше остановиться и подождать, чем пытаться справиться без него. А теперь давай поговорим о деле. Что тебе нужно для того, чтобы разбудить эту женщину?

– Просто оказаться рядом с ней – хотя бы на секунду.

То есть оказаться рядом должен в первую очередь Нумминорих. Он хороший нюхач...

– Да, – кивнула Сотофа. – Я знаю.

– Нумминорих должен встретиться с ней, чтобы почуять и запомнить ее запах. Но и мне надо быть рядом, чтобы потом провести его в Хумгат. Там он отлично берет след, мы уже это проверили.

– Тогда вы должны постоянно быть вместе, – сказала леди Сотофа. – Я устрою тебе свидание, о котором ты просишь, сэр Макс. Но не могу заранее предсказать его время и продолжительность. Однако рассчитывать, что тебе удастся задержать ее, пока Нумминорих доберется до вас, скажем, из Нового Города, явно не следует.

– Да, это понятно, – кивнул я. – А когда начнем? С какого момента нам следует быть наготове?

– Будь на моем месте Джуффин, он бы сейчас напомнил тебе, что наготове следует быть вообще всегда, – улыбнулась леди Сотофа. – И был бы абсолютно прав. Но поскольку ты мне не ученик, а просто любимчик, могу сказать по секрету: до вечера вряд ли случится что-то интересное.

Зато потом – в любой момент. Возможно, буквально на закате. А возможно, только дюжину дней спустя. Все зависит от того, насколько крепкие у нее нервы. Я ставлю на то, что не очень.

– Надеюсь, что так, – вздохнул я. – У нее же, наверное, буквально каждая минута на счету.

– Еще нет, – успокоила меня Сотофа. – Сил у нее пока предостаточно. Верь мне, в таких вопросах я, хвала Магистрам, эксперт.

Кто бы сомневался.

– Я что-нибудь еще должен делать? – спросил я. – Ну кроме того, что всюду таскать за собой Нумминориха и ждать?

– Больше ничего, – ответила она и поднялась, давая понять, что аудиенция окончена.

Я тоже встал.

– И не огорчайся, что никаких разноцветных ветров, наводнений и закатов сверх положенного больше не будет, – вдруг сказала Сотофа. – В Мире и без них хватает красивых зрелищ. А это самый эффективный способ...

– Эффективный способ – что?

– Больше не давать твоей подружке действовать. Точнее, не позволять ее иллюзиям овладеть городом.

Можно, конечно, сказать, что я был потрясен. Но это определение так же далеко от моего тогдашнего состояния, как понятие, описываемое словом «костер», от настоящего лесного пожара. А все остальные слова еще хуже.

Даже не знаю, почему это меня так задело. И чувства мои конечно же отразились на лице. Никогда не умел их скрывать.

– Да, довольно жестоко, – согласилась леди Сотофа. – Я отдаю себе в этом отчет. И сама не хотела бы оказаться в ее шкуре. Но тут ничего не поделаешь. Эту женщину интересует только власть над Миром – в той форме, в которой она ею сейчас обладает. На предложение вечной дружбы больше не отзовется, ты ее разочаровал раз и навсегда. Зато когда она поймет, что ей не дают творить все, что пожелает, придет к тебе договариваться. Или попробовать убить – после того, как твои трупы усеяли город, я уже ничему не удивлюсь. Но она придет к тебе, это факт. Потому что после вашего вчерашнего разговора ты для нее враг номер один. И номер два, и номер три тысячи шестьдесят пять. Все бесконечное число возможных врагов воплотилось для нее в твоём лице – потому что так проще. Талантливым девочкам вроде нее недосуг подолгу раздумывать о врагах, на эту должность просто назначается тот, кто первым под руку

подвернулся. После чего его можно попробовать победить и жить дальше долго и... в общем, как получится.

– Понятно, – кивнул я.

– Сам уже не рад, что со мной связался? – невесело усмехнулась леди Сотофа.

– Наоборот. Очень рад. Тому, что вы на моей стороне – сейчас и вообще.

– Это так, – серьезно сказала она. – И никогда не изменится. А теперь иди.

Я снова сперва сделал шаг из одной садовой беседки в другую и только потом вспомнил, что так делать нельзя. У Сотофы же сад зверски заколдован!

Но особо переживать по этому поводу не стоило, поскольку я по-прежнему был жив, здоров, в пыль не рассыпался, голова на месте, и даже нога в стене не застряла. Просто нечаянно совершил очередное невозможное, которое получается у меня само собой, практически помимо моей воли. Это вам не камру варить и не из бабума стрелять.

Смешно я все-таки устроен. И довольно неудобно для повседневной бытовой жизни – даже в магической реальности.

– Ты уже вернулся. Здорово! – сказал Нумминорих.

Он все еще сидел в беседке. Повезло мне, не надо искать, ждать или догонять.

– Сэр Джуффин велел мне отдыхать, – бодро отрапортовал он. – Я вроде пока не устал особо, но начальство надо слушаться. Вот, сижу тут.

– Правильно делаешь, – сказал я. – Времени на отдых у тебя осталось – ровно до заката. После чего тебе придется не отходить от меня ни на шаг. Такая тяжелая начнется у тебя жизнь.

– Ух ты! – восхитился он. – А долго?

– Лет двести.

Нумминорих и бровью не повел. «Напугал ежа голой задницей» – так мы в детстве говорили по сходным поводам.

– На самом деле вряд ли насколько долго, – признался я. – Если очень повезет, нынче же ночью пойдем будить очередную засоню. Если не очень, то через пару дней.

– Я примерно так сразу и понял, – улыбнулся он. – Потому что если бы действительно двести лет, ты бы не выглядел таким довольным.

А я-то думал, что в кои-то веки демонически мрачен, хоть парадный портрет пиши.

– Ладно, тогда пойду поищу, кого еще можно запугать, – сказал я. – Если уж с тобой не вышло.

Но отправился при этом в Дом у Моста. Вопреки всякой логике.

– Ну? – спросил Джуффин.

Только что не облизнулся. Но я все равно почувствовал себя пирогом на его тарелке.

Причем очень голодным пирогом.

– Не жрал я с утра, вот чего, – сказал я.

– Это легко поправимо.

– Значит, мое дальнейшее существование имеет какой-то смысл. И кстати, о существовании, что там с моими трупами? Все еще валяются по всему городу?

– Уже нет, – утешил меня Джуффин. – Похоже, это было разовое кратковременное явление. Как ливень или град. Зато вышел экстренный выпуск «Королевского голоса» с гигантским заголовком «Сэр Макс жив!» Если подвернется под руку, не читай, стошнит. Там три страницы о твоих былых заслугах перед Соединенным Королевством.

– Ох.

У меня даже в глазах потемнело, поскольку услужливое воображение тут же подсказало, как это может выглядеть. Лучше бы оно Мост Времени научилось представлять, все больше толку. И меньше экзистенциального ужаса.

– А вечером выйдет «Суэта Ехо», посвященная той же теме, – сочувственно сказал Джуффин. – Но там пафоса будет поменьше. И больше забавных историй о горожанах, которые находили твои трупы в собственных супружеских спальнях, уборных и амобилерах. Один, говорят, даже висел в Проломе Тойхи Менки и до обморока напугал какого-то гугландского фермера. Бедняга приехал отдохнуть в столицу и решил, что пока он гулял в придорожных трактирах, у нас тут начались новые Смутные Времена – если уж казненных мертвецов над въездом в город вывешивают. Крепись, сэр Макс. Это надо просто пережить. Уж лучше так, чем скорбные некрологи с последующим опровержением.

К счастью, именно в этот момент в окно влетел фирменный горшок трактира «Обжора Бунба» с еще булькающим жарким. После первого же проглоченного куска жить стало веселей. Подумаешь – какие-то газеты.

– Еще один вопрос, – промычал я с набитым ртом. – Ты пересказал Королю всю нашу историю? Без купюр?

– Конечно. Я, хвала Магистрам, убежденный монархист. И считаю, что

ни один честный гражданин не вправе лишать своего Короля законного развлечения.

– Просто я подумал, что ему, может быть, неприятно...

– Что где-то в неведомой реальности живет юная барышня, уверенная, будто он лишил ее престола и любимого супруга? – подхватил Джуффин. – И казнил бы, если бы не могущественные друзья, сумевшие спрятать бедняжку на краю Вселенной? Плохо ты все-таки знаешь людей, сэр Макс! Король совершенно счастлив. Говорит, ничего подобного еще не случилось ни с кем из ныне живущих – стать героем мифов и легенд иного Мира, причем даже пальцем о палец для этого не ударив. Просто удачно приснившись хорошему человеку в нужный момент.

– Ну уж – мифов и легенд. Чтобы история стала мифом, ее нужно не просто кому-нибудь рассказать, но и добиться, чтобы она переходила из уст в уста, из поколения в поколение. А на это шансов немного. Я велел нашей бедной Королеве молчать. На самом деле чтобы в местный приют безумных не упрятали, но...

– Безусловно, она последует твоему мудрому совету, – ухмыльнулся Джуффин. – И будет молчать – три дня или даже целый год, это зависит от темперамента. Но рано или поздно проговорится, я тебя уверяю. И если ей придет в голову записать свою историю вместо того, чтобы просто жаловаться маме и подружкам...

– Да, об этом я не подумал.

– И если она окажется талантливой рассказчицей, у Его Величества появится шанс, – заключил Джуффин. – У него сегодня вообще чрезвычайно удачный день.

– Что-нибудь еще случилось? – насторожился я.

– Ничего такого, что входит в круг наших с тобой профессиональных интересов. Просто перед уходом я объяснил Королю, как получить доступ к твоему компоту, не нарушая законов. И с Базилио заодно познакомиться. В замок-то его захочешь, не приведешь. Хоть три дюжины разрешений из сэра Шурфа выколоти, а на присутствие овеществленных иллюзий в любой Королевской резиденции, включая временные дорожные пристанища, наложен строжайший запрет – как раз вскоре после того, как закончилось правление Короля Менина.

– Ну да, – фыркнул я. – Представляю, как он всех достал этими овеществленными иллюзиями! И не только ими.

– Да, насколько я знаю, овеществленные иллюзии – это было наименьшее зло. Но под указ о безопасности Королевских резиденций попали и они – за компанию с фэтанами, людоедами, лесными оборотнями,

одухотворенными статуями, обладателями двух и более голов, говорящими животными, невидимыми подземными драконами и мертвыми рыбами.

– А мертвые рыбы чем не угодили?! – изумился я. – Какой от них вред?

– Просто у Короля Менина был специальный аквариум, где плавали исключительно рыбы, поданные к обеду и воскрешенные жалостливым Королем. Скажу больше, на заднем дворе толпами гуляли воскрешенные индюки и козы, а сколько дичи было выпущено в окрестные леса – не сосчитать! У Менина время от времени случались приступы любви ко всему живому, хорошо хоть сыр воскрешать не порывался. Но почему-то именно рыбы вызывали особую неприязнь придворных. Возможно, потому, что по городу ходили слухи, будто рыб кормят непокорными слугами? Полная чепуха, конечно. Общеизвестно, что мертвые рыбы питаются исключительно мелкими кладбищенскими камнями...

– Общеизвестно?!

– По крайней мере, было общеизвестно в ту эпоху. Однако после ухода Менина рыб изгнали из дворца.

– И куда подевали?

– Выпустили в Хурон. Где те отлично прижились и дали обильное потомство. Кстати, икра мертвой рыбы до сих пор – один из наиважнейших ингредиентов в некоторых знахарских снадобьях. На Сумеречном Рынке в хороший день стоит сорок корон за склянку – и моли при этом Темных Магистров, чтобы не всучили подделку! Отличить-то можно только по результату.

Я возвел глаза к небу, давая понять, что уже под завязку переполнен новой интересной, но совершенно бесполезной в настоящий момент информацией. Хватит пока с меня!

– Король, – напомнил я. – Король, компот и Базилио. Правильно ли я понимаю, что в ближайшее время мне следует ждать Его Величество в гости? Как ты это устроил?

– Просто напомнил ему, что какое-то время назад ты у нас числился царем народа Хенха. А закон не препятствует нашему Королю заводить личных друзей среди иноземных монархов, как действующих, так и отставных. В качестве друга он имеет право не только наносить тебе неофициальные визиты без сопровождения, но и принимать подарки. Например, поработивший его волю компот... – Джуффин наконец обратил внимание на выражение моего лица и добавил: – Надеюсь, это не слишком тебя стеснит?

Выглядел он, надо сказать, довольно виноватым. Впервые на моей

памяти. Ради одного этого имело смысл корчить недовольные рожи.

– Ладно, – великодушно согласился я. – В Мохнatom Доме уже такое творится – Королем больше, Королем меньше, никто и не заметит... Вот кстати, надо бы туда зайти, проверить как там дела. У меня с утра чудище рыдало.

– Эй, стоп! – возмутился Джуффин. – Какое может быть чудище? Я тебя кормил, развлекал, милосердно не торопил, а теперь ты уйдешь, так и не рассказав мне, о чем договорился с Сотофой? Мы, конечно, знатно покровсали Кодекс Хрембера, но пытки в Соединенном Королевстве по-прежнему запрещены.

Пришла моя очередь выглядеть виноватым. Все честно.

– Просто мне вечно кажется, что ты и так все знаешь.

– Ну что ты. Когда-то я и правда старался почаще держать тебя в поле внутреннего зрения. И, что бы ты сам об этом ни думал, вовсе не из любопытства, а просто потому, что таков был мой долг учителя. Ты в ту пору обладал удивительной способностью влипать в дюжину историй за одну минуту. И я, при всей своей беспардонности, далеко не всегда успевал за тобой уследить.

– Ну не настолько все было страшно, – польщенно сказал я.

– Поверь мне, настолько. Со стороны, знаешь ли, виднее. Но те времена давным-давно миновали, я в твою жизнь без приглашения не лезу. Впрочем, что ты поговорил с Сотофой, не сомневаюсь ни на секунду, но это просто элементарная логика. Я бы на твоём месте давным-давно к ней обратился. И после того, как Нумминорих любезно сообщил мне, что ты убежал, сияя вдохновенными очами...

– Безумными, – педантично поправил я.

– Что?

– Очи были не вдохновенные, а безумные. Нумминорих неправильно меня процитировал. Или ты сам перепутал.

– Издеваешься?

– В основном над собой.

– Ну-ну. Ладно, какими бы очами ты не сиял, а я сразу понял, что ты наконец-то вспомнил о существовании Сотофы. И помчался к ней, взывая о помощи. Поздравляю! Лучше поздно, чем никогда.

– А почему ты раньше не подсказал?

– Потому что в число моих первоочередных целей не входит задача отучить тебя пользоваться собственной головой. Да и для дела лучше, что ты прибежал к ней, повинувшись порыву, а не моему разумному совету. Сотофа такие вещи очень хорошо чувствует. А импульсивность

и искренность она ценит превыше всего. Она же в итоге согласилась тебе помочь?

– А это ты как вычислил? По моей довольной роже?

– Естественно. Не заручись ты поддержкой, продолжил бы сейчас ныть, что вчера провалил все дело. И Нумминориха позвать слишком поздно догадался, совсем беда! И – бах головой об стенку! Что делать, делать-то что?! Но вместо этого ходячего проклятия ко мне явился человек, вполне довольный собой и обстоятельствами. У которого всех забот – пожрать, да языком почесать.

– Ну это, положим, мое нормальное состояние, – ухмыльнулся я.

– Не льсти себе, – строго сказал Джуффин. – Лучше расскажи, на что именно ты ее уломал.

– Леди Сотофа твердо пообещала, что устроит мне еще одно свидание. И если рядом будет Нумминорих, сам понимаешь, абсолютно все равно, как оно пройдет. Нам и нужна-то буквально секунда – приняхаться.

– Ясно, – кивнул Джуффин. И, помолчав, добавил: – Похоже, этой спящей леди здорово повезло.

– Может быть, ей повезет, – осторожно согласился я. – Но прямо сейчас придется несладко.

– Что ты имеешь в виду?

– Не будет больше ни разноцветных ветров, ни пестрых облаков, ни этих безумных закатов. Ни, кстати, моих трупов, но это как раз скорее хорошая новость, особенно для странствующих фермеров из Гугланда.

– Ого. То есть Сотофа собирается наложить вето на зримое проявление чужих иллюзий? Она права, кто угодно занервничает, решив, что внезапно утратил силу. А после того что наша гостья натворила сегодня утром, у нее сомнений не возникнет, что это твоя месть, и надо идти мириться. Ну или, наоборот, ссориться. Сам бы устроил ей такую ловушку, если бы умел.

– А ты не умеешь? – удивился я.

Он помотал головой.

– Никогда не думал, что это может пригодиться. Обычно от иллюзий никакого существенного вреда, и они не настолько долговечны, чтобы всерьез с ними бороться. А в тех редких случаях, когда это не так, проще и эффективней сразу найти их создателя и разбираться непосредственно с ним. Это как раз моя специализация.

– Погоди, так получается, я зря морочил голову леди Сотофе? – спросил я. – Если ты можешь найти кого угодно...

– При условии, что он бодрствует, – напомнил Джуффин. – А для того чтобы найти спящего, надо ему присниться – без вариантов.

– Ну это ты точно можешь, – заметил я.

– Могу, – согласился он. – И собирался предложить тебе это как крайнюю меру, если все остальные способы не сработают.

– Но почему как крайнюю? – удивился я. – По-моему, это гораздо гуманней, чем...

– Чем заставлять нашу спящую колдунью пережить тяжелый момент полного бессилия? Не уверен. Мое появление в чужом сне – это серьезная встряска, сколь бы дружественно я ни был настроен. В свое время я успешно использовал этот метод как оружие.

– Ну не знаю, – с сомнением протянул я. – Мне-то ты снился...

– Вот именно что тебе. Тебе хоть солнце на голову урони – встанешь, отряхнешься, проворчишь, что паленым воняет, и пойдешь дальше.

– Тоже мне, нашел богатыря. На твоём фоне...

– Да забудь о фоне. Естественно, ты знаешь и умеешь гораздо меньше, чем я. Но только потому, что у тебя не было семисот с лишним лет, чтобы успеть научиться. А сила есть уже прямо сейчас – даже несколько больше, чем просто достаточно. Вот и все. У твоей новой подружки, кстати, тоже прекрасный потенциал. Но после того как ты сказал, что там, дома, у нее старое и больное тело, я решил не рисковать, пока мы окончательно не зайдем в тупик. И принялся ждать, чем закончится твой визит к Сотофе, до которого ты, по моим расчетам, все-таки должен был додуматься не позже нынешнего вечера.

– И толку дружить с самым хитрым человеком в Соединенном Королевстве, если думать все равно приходится самому? – вздохнул я. Но вполне притворно. На самом деле был рад, что не обманул его ожиданий.

– Зато очень полезно дружить с начальством, – подмигнул Джуффин. – Потому что ни один нормальный начальник, находясь в здравом уме, не отпустил бы тебя среди бела дня домой утирать слезы чудовищу. Лицензия на содержание которого, кстати, так до сих пор и не получена. А я отпущу.

– Спасибо, – сказал я.

И уже на пороге спросил, осененный внезапной надеждой:

– Слушай, а как ты думаешь, леди Сотофа может превратить Базилио в человека?

– Вот уж не знаю. Зато совершенно уверен, что она способна превратить в чудовище тебя, если ты сунешься к ней с такой дурацкой просьбой.

– Ладно, – вздохнул я. – Тогда сперва выпрошу у Шурфа лицензию на содержание в доме еще и меня. Потому что Меламори с документами возиться точно не станет. А я хочу быть законопослушным чудищем. Таков

мой изысканный каприз.

Домой я решил пойти пешком – просто, чтобы перевести дух и подумать. А еще лучше – понять, что думать мне особо не о чем, и просто глазеть по сторонам. Заодно вспомнить, что Ехо и без разноцветных ветров – вполне ничего себе город. И бледное осеннее небо нравится мне ничуть не меньше, чем какое-нибудь оранжевое. Или зеленое. Например.

Подняв голову к небу, я застыл как вкопанный. Потому что на светло-сером, как старая упаковочная бумага, фоне снова появились стихи. Которых я определенно там не писал. И даже рассеянностью не объяснишь: такую кропотливую работу случайно, не заметив, не выполнишь.

Ну и потом, я их прежде никогда не слышал. А то бы, пожалуй, не забыл.

Белей костей мертвой рыбы
на окраинном берегу последнего моря,
холодней ее мертвых глаз,
ясней удара
птичьего клюва в пустую глазницу —
свет,
путь к которому лежит
через такую темную тьму,
где даже зажженный фонарь
не увидит,
не вспомнит себя.

Я их прочитал – раз, потом другой. И третий. И наверное, случайно выучил наизусть, потому что весь остаток пути бормотал вслух: «даже зажженный фонарь не увидит, не вспомнит себя», – на радость немногочисленным прохожим, которых судьбы послала мне навстречу. Вероятно, в наказание за какие-то неведомые мне, но явно беспрецедентные грехи.

Впрочем, прохожие не были шокированы моим безобразным поведением. Наверное, подумали, что это я просто накладываю на любимый город какое-нибудь страшное заклинание. Как и положено живой легенде, чья репутация на самом деле мало чем отличается от облика

бедняги Базилио, даром что голова не индюшачья, и даже намека на хвост нет.

Но все равно эти добрые люди приветствовали меня добродушными улыбками. Некоторые даже говорили – дескать, как они рады, что я оказался жив. А я улыбался в ответ, как последний малахольный дурак, самый непутевый на свете ярмарочный шут, отставший от своего циркового фургона. Или как зажженный фонарь.

Впрочем, где-то на полдороги к дому я пришел в себя настолько, что прогнал с лица признаки избыточной экзальтации. А еще пару минут спустя включил голову. И послал зов главному подозреваемому в нарушении спокойствия – если не общественного, то моего.

«Стихи на небе – твоя работа?»

«Ну разумеется, – невозмутимо отвечивал сэр Шурф. – Я так понял, что тебе недосуг их писать. Или просто надоело. А о помощи не просишь, потому что я несколько сгустил краски, жалуясь на свою чрезмерную загруженность».

«Спасибо, – сказал я. – Это очень круто. На самом деле я, конечно, должен был еще вчера ночью сказать тебе, что стихи сделали свое дело и больше не нужны. Но сперва пожалел будить, а потом все так завертелось...»

«Да, после того как ты с утра пораньше прислал мне зов и попросил не обращать внимания на твои трупы, я сразу подумал, что тебе предстоит довольно насыщенный день».

«Довольно насыщенный, лучше и не скажешь. Хотя выкроить пару минут, чтобы поговорить с тобой, все равно было можно. Но теперь я даже рад, что так получилось. Не будь я разгильдяем с дырявой головой, не получил бы такого подарка. Эти стихи – ну вот прямо в сердце. Как нарочно для меня. Просто я тоже откуда-то знаю про этот свет. И про тьму, в которой даже зажженный фонарь себя не увидит... Ну, в общем. Ты меня сделал».

«Строго говоря, не я, а все та же леди Уттара Мая. Ты дал мне повод вспомнить ее стихи, которыми я когда-то зачитывался. Но потом появилось столько прекрасного нового, и я на какое-то время забыл, что тоже знаю про эти свет и тьму, которые, наверное, важнее всего в Мире. Важнее меня самого».

«Слушай, – спросил я, – а леди Уттара Мая – где она сейчас? Чем занимается?»

«Нигде, ничем. Она умерла совсем незадолго до начала Эпохи

Кодекса».

«Была убита?»

«Да нет. Просто от старости. Ей к тому времени было уже изрядно больше трехсот».

«Всего-то?» – изумился я.

«Ну, строго говоря, для обычного человека это очень долгая жизнь».

«Так то для обычного. А она...»

«Понимаю. И отчасти разделяю твое возмущение. Просто «обычный» в данном случае означает – не посвятивший свою жизнь магии. Для хорошего колдуна и тысяча лет не срок, это правда. Но таких на самом деле довольно мало. Ты судишь по своему ближайшему окружению и упускаешь из виду, как обстоят дела для большинства».

«Да, – согласился я. – Наверное, так».

И поспешил распрощаться. Как-то я внезапно скис, хоть и сам понимал, что глупо так огорчаться из-за смерти незнакомой женщины, которая прожила долгую и наверняка счастливую жизнь. По крайней мере, в некоторые моменты очень счастливую – лучше вдохновения все-таки ничего нет. Разве только прогулки по Темной Стороне, да и то потому, что для них тоже требуется вдохновение.

Я уже подходил к дому, когда голос Шурфа снова зазвучал в моем сознании.

«Я не произвожу впечатление наивного простака, способного поверить в любую сказку, если она кажется ему утешительной?» – спросил он.

«Ты чего?» – изумился я.

«Просто хотел убедиться, что являюсь для тебя достаточно авторитетным источником информации».

«Дырку над тобой в небе! И надо было меня пугать? И так ясно, что ты просто образцовый авторитетный источник чего бы то ни было. Даже если завтра ты объявишь, будто Мир вылупился из индюшачьего яйца, мне придется взять волю в кулак и как-то уживаться с этой бредовой концепцией. Поэтому, пожалуйста, постарайся и дальше скрывать от меня эту страшную правду».

«Ладно. А теперь слушай меня внимательно. Поэты бессмертны. Не в том смысле, что мы знаем их имена и иногда вспоминаем стихи, а в буквальном. Их сознание неугасимо, вот что я имею в виду».

Я не стал спрашивать, откуда он это знает. Знает, и хорошо. Мне достаточно.

Только и сказал: «Спасибо». И вошел в дом.

...И пал на пороге, сраженный любовью. В смысле, любовью Друппи

ко мне. Пес мой, в общем, понимает, что несколько великоват и тяжеловат для того, чтобы позволить себе набрасываться с объятиями на такую неустойчивую конструкцию, как человек. Особенно с разбега. Но иногда все равно не может держать себя в руках. Особенно если очень соскучился.

А в состоянии «очень соскучился» Друппи приходит примерно минуты за три разлуки. Будь я автором задачника, непременно спросил бы на этом месте: сколько раз в день хозяин дружелюбной громадины оказывается на полу?

Правильный ответ – очень много.

В общем, ситуация такова: Друппи регулярно сбивает меня с ног, ибо сердце его исполнено любви. А я в ответ на это всегда ругаюсь – не то чтобы последними словами, но, скажем так, предпоследними. Штука в том, что Друппи очень нравятся ругательства. Подозреваю, он прекрасно понимает значение всех этих слов, но волевым решением постановил считать их хвалебными и приятными. Поэтому когда я его браню, радостно мотает ушами, а иногда даже хвостом, хотя овчаркам Пустых Земель это вообще-то не свойственно.

Поэтому когда я возвращаюсь домой обычным путем, через дверь, мне всегда заранее известно, что меня там ждет. Это, наверное, и называется «стабильные отношения».

И на сей раз я от всей души костерил Друппи, а сам тем временем оглядывался, оценивая обстановку. В гостиной никого, даже Дримарондо где-то загулял. Не то в чулане спит, не то в Королевский Университет отправился лекцию читать, поди его разбери.

– А где Базилио? – спросил я.

Словами ответить Друппи, конечно, не мог. Зато тут же продемонстрировал готовность отвести меня туда, где грустит наше бедное чудище. Или уже не грустит? Я очень надеялся, что Меламори еще не разучилась врать, и моя байка про удивительный день, когда все подряд превращаются в людей, все-таки возымела терапевтическое действие.

Я кое-как поднялся с пола, и последовал за Друппи, который, как это часто случается от чрезмерного желания угодить, сперва запутался и повел меня в направлении кухни, но тут же опомнился и поскакал обратно, к лестнице и вверх, перепрыгивая через четыре ступеньки сразу. Я мчался следом, мстительно бормоча: «А вот как сбегу от тебя во время прогулки Темным путем, то-то ты тогда наплачешься!»

В общем, если вы ведете малоподвижный образ жизни и страдаете, не имея под рукой постоянного объекта для бессмысленных угроз, овчарка Пустых Земель – идеальная собака для вас. От всего сердца рекомендую.

Однако до нужной двери я все-таки добрался живым. И, как положено герою в финале трудного пути, узнал тайну. Даже целых две. Во-первых, у Базилио гость. А во-вторых, наше благовоспитанное чудовище принимает своих гостей в кабинете. В моем, конечно. Потому что выделить Базилио личный кабинет я пока не догадался. И совершенно зря – в отличие от меня, он знает, как следует использовать подобные помещения.

Впрочем, «мой кабинет» – это громко сказано. Пользовался я им за все время жизни в Мохнatom Доме раз десять от силы. Просто вечно забываю о его существовании. Да и зачем скитаться по коридорам, когда гостиная – вот она, сразу за входной дверью. Очень удобно, и никто не заблудится – так я рассуждал.

Но умница Базилио не привык пасовать перед трудностями. Поэтому сидел в кабинете. Правда, не в кресле, куда вряд ли втиснулись бы его рыбье тело, лисий хвост и неизменно следующие за ним Армстронг и Элла, а на подоконнике. Кресло же занимал седой старик в невзрачном сером лоохи. Умеет наш Король в гости наряжаться, что тут скажешь. Хорошо, что Джуффин меня заранее предупредил, а то в жизни не догадался бы.

Эти двое так увлеклись беседой, что не заметили нашего появления, благо Друппи не ринулся с ними обниматься, а преданно прижался к моей ноге.

– Так кто из драконов проглотил принцессу? – азартно спрашивал Базилио.

– Конечно, Крумби-Бо, – отвечал гость. – Поскольку очевидно, что один из пары Алай-Бар – Марги-Руш говорит правду, остальные, согласно условиям задачи, гарантированно лгут. И если Крумби-Бо прямо заявляет, что не глотал принцессу...

– Правильно! – Базилио на радостях чуть с подоконника не свалился. И одобрительно добавил: – Вы такой же умный, как сэр Мелифаро!

– Это сравнение чрезвычайно мне льстит...

В этот самый момент они меня и заметили. И оба ужасно смутились. Я почувствовал себя строгим отцом, не вовремя вернувшимся со службы и внезапно обнаружившим, что дома ему никто особо не рад.

– Это Старший Помощник Придворного Профессора овецественных иллюзий, – затараторил Базилио. – Он специально пришел со мной познакомиться, потому что обо мне, оказывается, рассказывают удивительные вещи. Представляете, сэр Макс?!

– Примерно представляю, – вздохнул я. И поспешно добавил: – Я очень рад. И ни за что не стал бы вас беспокоить, если бы не древняя традиция этого дома подавать всем гостям разнообразные волшебные

напитки, которые я добываю из другого Мира. Вот так!

Быстренько сунул руку под ближайшее кресло, извлек из Щели между Мирами очередной кувшин клубничного компота и торжественно водрузил его на стол. Тщательно замаскированное Величество наградило меня таким взглядом, что я впервые в жизни ощутил себя спасителем отечества. Очень странное, надо сказать, чувство: как будто все дела на тысячу лет вперед, включая неотложные сегодняшние, уже сделаны, осталось быстренько посетить торжественную церемонию открытия собственного памятника, а потом – только возлежать на лаврах. Можно с книжкой.

– А вы посидите с нами, сэр Макс? – спросил Базилио. И тоном коварного соблазнителя добавил: – Мы решаем интересные задачки!

В принципе этого вполне достаточно, чтобы я пулей вылетел вон. Меня спас Король. Ласково сказал чудищу: «У сэра Макса полно дел, дружок. Поэтому придется нам с тобой его отпустить».

Только оказавшись в коридоре, я решился послать ему зов. Вообще-то беспокоить своего Короля Безмолвной речью – такое вопиющее нарушение этикета, что лучше уж сразу голым на парадном дворцовом столе сплясать. Желательно во время официального приема Арварохской делегации. Но не отблагодарить своего спасителя было бы еще большим свинством.

«Спасибо, – сказал я. – Совершенно не умею решать эти головоломки. А жить в одном доме с чудовищем, окончательно утратившим ко мне всякое уважение, было бы неудобно».

«Очень хорошо вас понимаю, сэр Макс, – отозвался Гуриг. – Я и сам в детстве терпеть не мог все эти хитроумные задачки. Настолько, что мечтал запретить их специальным указом, когда вырасту и стану Королем. Но потом, каюсь, забыл. Да и решать, как видите, со временем выучился. Сорок лет непрерывных тренировок – великая вещь».

Чем заняться человеку, в чьем доме Король и чудовище уединились ради совместного решения головоломок? Разумеется, ложиться спать.

Именно так я и сделал. И благополучно продрых почти до заката. Спал бы и дальше, если бы не голоса в голове. Вернее, всего один голос, принадлежавший Нумминориху, который дисциплинированно осведомился, куда ему приходиться.

Хороший, кстати, вопрос. Где следует поджидать женщину, которой снится, что она на вас сердита? С одной стороны, какая разница. Захочет найти – из-под земли достанет, не захочет – хоть на главной площади брачный танец дикарей Энго исполняй, все равно не заметит. С другой – возможно, ей покажется логичным вернуться туда, где вы вчера

поссорились? Пусть в ее безумном запутанном сне хоть что-нибудь будет просто. Например, выбор места действия.

«Давай на крыше Мохнатого Дома, – решил я. – Тебе далеко добираться?»

«Совсем близко. Я уже в Старом Городе. Слушай, а может быть, принести что-нибудь поесть? Не факт, что заказ из трактира сумеет залететь так высоко. Силы стандартного заклинания обычно хватает максимум до второго этажа».

«Тогда тащи всего да побольше, – решил я. – Если маленький румяный пирожок начнет с жалобным писком биться в запертые окна гостиной, у меня не выдержат нервы, я побегу его спасать и провалю все дело».

Нумминорих быстро обернулся, мы даже конец заката успели застать. Сидели, наворачивали фирменное блюдо нового шеф-повара «Ландаландского Корыта» под названием «грешный чох», на поверку оказавшееся просто гигантским тонким блином, в который завернули все вкусное сразу, смотрели, как стремительно темнеет небо и чувствовали себя натурально мальчишками, впервые в жизни отправившимися в поход до ближайшего озера, например.

Сколько ни путешествуй по дальним странам, иным мирам и чужим сновидениям, а пикник на крыше все равно кажется небывалым приключением – так уж счастливо устроен человек.

– Представляешь, – вдруг сказал Нумминорих, – смотрю на небо и думаю: «Какой цвет у него сегодня интересный, темно-синий, переходящий в лиловый, надо же было придумать!» И только потом сообразил, что это вообще-то нормальный цвет вечернего неба. Кажется. Или раньше у него все-таки был другой оттенок?

– Да он каждую ночь немного другой, – улыбнулся я. – Все же от погоды зависит – пасмурно, ясно. И от освещения, кстати. Одно дело, когда смотришь на небо из окна или с улицы, где горят фонари, и совсем другое – отсюда, с крыши. Но вообще ты очень интересную штуку сейчас подметил. Небо снова стало обычным, а мы больше не уверены, что оно было таким всегда. Вот что делает с людьми настоящее искусство: лишает уверенности, выбивает из-под ног твердую почву и дает потрясающий шанс ощутить себя новорожденным, который не знает пока ни единого правила бытия. И поэтому оно так важно. А вовсе не потому, что красиво.

– Магия, кстати, делает с людьми ровно то же самое, – заметил Нумминорих. – С тех пор как я впервые попал на Темную Сторону, дня не проходит, чтобы не спросил себя: «А сейчас-то я где?» Причем часто

вообще ни с того ни с сего, на ровном месте, даже без намека на необычный запах. Просто потому, что теперь я знаю о существовании иных вариантов реальности. И о том, как быстро и незаметно они могут сменять друг друга. Потрясающий опыт, который меняет вообще все. И навсегда.

– Всегда знал, что искусство – это разновидность магии, – сказал я.

И ведь правда. Всегда это знал.

Я очень надеялся, что ждать придется недолго. Что любимый художник жителей столицы Соединенного Королевства и мой персональный кумир заявится на крышу еще до полуночи и устроит мне скандал с оплеухами; заранее решил, что пару-тройку придется стерпеть, лишь бы ей полегчало.

Очень надеялся, что у нее не хватит выдержки дождаться даже завтрашнего утра. Как только окончательно поймет, что даже ночное небо раскрасить больше не получается, так сразу и примчится выяснять отношения.

Надеялся, но совершенно в это не верил. И заранее прикидывал, как мы с Нумминорихом будем жить дальше. Завтра, послезавтра и, возможно, еще целую дюжину дней. Спать, понятно, можно по очереди и вовсе не обязательно на крыше. Не следует забывать, что этот наш пикник над городом – просто прихоть, а не дань суровой необходимости. Можно даже другими делами заниматься – теми, которым не мешает чужое присутствие. То есть далеко не всеми, но многими. Но отдельно интересно, как решать с туалетом и ванной? Деликатно ждать друг друга под дверью, морально подготовившись выскочить, если понадобится, в любой момент и, соответственно, в любом виде? Или лучше не рисковать, а ходить туда вместе?

Жизнь с каждой минутой размышлений казалась мне все более и более сложной штукой. Впрочем, с размышлениями вечно так.

К счастью, надежда победила веру – в этом конкретном раунде.

...– Зря ты так, – произнес знакомый хриловатый шепот.

Воцарилась мучительная пауза, в ходе которой я безуспешно сочинял ответ. Пока думал, она добавила:

– И я тоже зря. Это была плохая шутка. И пользы от нее никакой, и радости.

Я наконец обернулся и увидел то же, что и вчера: темные кудри, тонкие запястья, незапоминающееся лицо. Впрочем, сегодня на аккуратном носу вдруг появились веснушки. Интересно, это потому, что я вчера узнал об их существовании и мое внимание трансформировало внешность

спящей? Или штука в том, что теперь она сама все время помнит о своих веснушках? Когда так мало понимаешь, почему-то нестерпимо хочется найти разумные объяснения хотя бы пустякам.

Строго говоря, ни слушать дальше, ни отвечать не было нужды. Художница пришла, Нумминорих ее понюхал, чего тянуть. Но я очень не люблю обрывать разговор на полуслове. Особенно когда мой собеседник в беде.

– Да, – согласился я. – Шутка с моими трупами вышла просто ужасная. Хуже всего, что из-за нее обо мне написали в газетах. Но это уже случилось, и я как-то пережил, так что забудь.

– Почему в газетах? Какие могут быть газеты? – неожиданно встревожилась она.

– Обыкновенные, ежедневные. «Голос Ехо» и «Суэта Ехо». Мне еще повезло, что телевидения тут нет. А то бы до конца года по всем каналам мои трупы показывали на радость беременным женщинам и нервным ветеранам войны за Кодекс.

– Как тут у вас все, оказывается, сложно, – вздохнула она. – И интересно. Газеты выходят. И получается, совсем недавно была какая-то война. Ни за что бы не подумала.

– На самом деле война была довольно давно, – сказал я. – Больше века назад закончилась. Просто люди здесь живут лет по триста как минимум. Поэтому большинство участников войны до сих пор живы.

– Так жаль, что я ничего не знаю об этом месте. И наверное, уже не успею узнать.

– Успеешь, – твердо сказал я. – Гораздо больше, чем можешь вообразить.

Она отвернулась и теперь смотрела прямо на Нумминориха. Но не стала ни здороваться с ним, ни спрашивать меня, кто этот человек. Похоже, и правда, просто его не видела. Не ждала, что кроме меня ей приснится еще кто-то, вот он и не приснился. Чокнуться можно от такой логики, честно-то говоря.

Зато сам Нумминорих был в восторге.

«Надо же! – сказал он мне, деликатно перейдя на Безмолвную речь. – Сiju тут с вами как в плаще-невидимке. Очень странное чувство. И немножко смешно, как в детстве мамыны разговоры с гостями подслушивать, спрятавшись под столом».

Вот уж кто ни от какой логики не чокнется никогда. И другим не даст. Очень мне с ним повезло.

– Я сперва так испугалась, что ничего не получается, – наконец сказала

моя художница. – Думала, вот и все, наверное, я уже умираю, если даже собственный сон перестал меня слушаться. Но время шло, а я не умирала. Наоборот, чувствовала себя полной сил. И ходить, и летать по-прежнему было легко и весело. Ну то есть стало бы весело, если бы не страх и досада, что я больше ничего не могу сделать. И все оставалось на месте – город и небо над ним, и свет не мерк в глазах, звуки не гасли, предметы не распадались на части и не превращались во что попало, как это обычно случается во сне, когда над ним утрачен контроль. И я опять думала, что вы же правда вполне можете существовать сами по себе, независимо от моей воли. И этот город, и лично ты. Вообще все, что тут есть. Тогда получается, я еще не умираю, просто ты на меня рассердился и прекратил мои чудеса. Не знаю как. Но если подумать, я же вообще ничего не знаю – ни об этом месте, ни о тебе, ни даже о себе – о той части себя, которая живет здесь. И не понимаю, как вообще сюда попала. Точно не по собственному желанию! Просто в голову не пришло бы, что можно чего-то такого захотеть. Я когда-то запоем читала разные книжки про сновидения. Мне с детства иногда снились удивительные сны. Не такие как этот, но яркие, достоверные, чуть ли не живее, чем сама жизнь. Решила разобраться, почему так. И что это вообще такое – наши сны? Откуда они берутся? Есть ли в них хоть какой-то смысл? Но от книжек только еще больше запуталась. Господи, чего там только не писали! Все – разное. Причем попадались довольно дельные вещи, вполне совпадающие с моим опытом. Но о том, что человек может увидеть во сне нечто настоящее, реально существующее, нигде не было сказано ни слова. Да я бы, пожалуй, и не поверила. Такая возможность совершенно не укладывается в голове!

– Она и в моей голове не особенно укладывается, – сказал я. – Что совершенно не мешает мне сейчас с тобой разговаривать. Я хочу сказать, практика превышает теории. Можно вообще ни хрена не понимать, а оно все равно будет с тобой происходить, и хоть ты тресни.

– И вот опять не сходится! – она сердито стукнула кулаком по колену. – Ты со мной так разговариваешь... Ну я же вижу, что ты совершенно не сердишься на дурацкую шутку с трупами. И чувствую, что ты мне не враг. А все равно такое устроил, не даешь мне ничего сделать. Почему? Какого черта? Сам же говорил, всем в городе нравятся мои чудеса, люди с нетерпением ждут, что будет дальше. И что – все? Больше не ждут? Или они обойдутся, потому что твоя месть важнее? Ты что, действительно самый главный тут?

– Нет, – сказал я. – Определенно не самый главный. Просто самый упрямый. Вбил себе в голову, что ты не умрешь, а уж если я чего решил,

будет по-моему. Любой ценой. Но обычно выходит даже не слишком дорого. Я, видишь ли, еще и экономный.

И повинаясь какому-то нелепому, мне самому непонятному порыву, поцеловал ее в лоб, который оказался таким горячим, что обжег мне губы. Не всерьез, но довольно чувствительно, так что потом еще несколько дней было больно пить горячую камру.

Но в тот момент я не почувствовал ожога. Вскочил, помог подняться Нумминориху и увлек его за собой – не к двери, потому что их здесь не было, а к люку, ведущему на чердачную лестницу, в надежде, что он тоже подойдет.

Мне кажется, мы очутились в Коридоре между Мирами даже раньше, чем я успел просунуть в этот грешный люк хотя бы ногу. Очень уж я спешил.

«У нее такой запах, золотой и холодный, ни на что не похож, и идти за ним жутко и сладко, как будто я преследую свою смерть, которая так долго скрывалась от меня на краю Вселенной, что стала почти желанной», – думал Нумминорих, когда мы были в Хумгате.

То есть, пока нас не было вовсе нигде, и думать, строго говоря, тоже было некому.

Но он все равно каким-то образом думал. И я не мог об этом не знать, потому что в полном отсутствии всего даже тишайшая чужая мысль звучит как душераздирающий крик. И возвращает тебя к себе самому, только что утраченному навек, но уже обретенному, заново осуществившемуся в чужой комнате, залитой солнечным светом из распахнутого настежь окна.

– Ух ты, мне повезло! – восхитился Нумминорих, отпуская мою руку. – Здесь вполне можно дышать.

Воздух в комнате, на мой взгляд, был свежайшим, запах разогретых солнцем деревянных половиц смешивался с тонким ароматом почти отцветших на улице лип; впрочем, что для меня «тонкий аромат», для нюхача – практически удар кувалдой по носу. И еще великое множество ударов со всех сторон – запахов, неуловимых для меня, но острых и ярких для Нумминориха. И при этом совершенно незнакомых. Все – в первый раз.

Счастье на самом деле, что он такой выносливый.

Комната, в которой мы оказались, была почти пустой. Только стол в дальнем углу, задвинутый под него табурет, маленький одежный шкаф-чехол из белого полотна на жестком каркасе и узкая кушетка у окна.

И да, конечно. Никаких картин на стенах. Нигде никаких картин.

На кушетке, застеленной не простыней, а покрывалом из желтого искусственного меха, лежала женщина. Очень бледная, с пегими от седины волосами и обещанными веснушками на носу, действительно слишком крупном для такого маленького узкого лица. Вместо пижамы или ночной сорочки на ней было длинное темно-зеленое платье из тяжелого блестящего бархата, слишком нарядное даже для торжества. Разве только со сцены в таком выступать. На ногах – растоптанные домашние туфли из ярко-оранжевого войлока, украшенные голубыми помпонами, уже изрядно истрепанными. Убийственный на самом деле контраст.

Возраст ее выдавало не лицо, расслабленное глубоким сном, а потому почти молодое, и даже не седина, больше похожая на результат неудачной покраски, а сложенные на груди руки – по-мужски большие, морщинистые, с тяжелыми подагрическими пальцами.

Сначала мне показалось, она не дышит. Земля ушла из-под ног: выходит, мы все-таки опоздали. Но пока девяносто девять процентов меня готовились рыдать, сокрушая лбом стены, микроскопическая разумная часть сознания взяла управление в свои руки. Я лизнул ладонь, поднес к лицу женщины и спустя несколько бесконечно долгих секунд ощутил легкую прохладу. Все-таки дышит. Стало быть, живем. В прекрасном прямом смысле этого слова.

– Слушай, – сказал вдруг Нумминорих, – может быть, мне мерещится, а может быть, нет. Но лучше, чтобы ты знал. Оттуда, – он показал пальцем куда-то под стол, – пахнет...

Он запнулся и умолк.

– Пахнет – чем? – переполошился я.

– Сам толком не понимаю. Кажется, чем-то похожим на смерть. Но не мертвым телом, не кровью, не...

Дальше я не слушал. Метнулся к столу, опустил на корточки. Кроме табурета под ним стояла пластиковая корзина для бумаг. С точки зрения моего носа, оттуда не пахло вообще ничем. Я имею в виду, в ней не было ни гниющего яблочного огрызка, ни дохлой мыши, ни даже заплесневевшей хлебной корки. Только несколько кусочков полупрозрачного пластика и разноцветной фольги. Я не сразу понял что это такое – какой-то мелкий канцелярский мусор, зачем вообще было сюда лезть?

А потом до меня дошло. И я даже не поленился их сосчитать.

– Четыре больших упаковки снотворного сожрала, – сказал я. – А я, идиот, скорой смертью ее пугал.

– Чего? – удивленно переспросил Нумминорих.

Ясно, почему он ни черта не понял. Вообще-то в Море тоже есть снотворные зелья. Их немного, и особым спросом они не пользуются – по крайней мере, у нас, в Ехо, где каждый второй с детства знает пару-тройку простеньких усыпляющих заклинаний, а остальные не удосужились их выучить только потому, что отродясь не испытывали проблем со сном. В любом случае, от наших снотворных захочешь не помрешь. Единственный способ причинить себе вред с их помощью – выпить залпом дюжину ведер и лопнуть. Да и то не факт.

– Пилюли, – коротко объяснил я.

– Яд?

– Смотря сколько сожрать. Если одну-две – просто средство от бессонницы, если очень много – умрешь.

– А она съела очень много?

– Да.

– Ну хвала Магистрам! – внезапно обрадовался Нумминорих. И в ответ на мой изумленный взгляд смущенно объяснил: – Значит, я не сошел с ума.

– А должен был?

– Надеюсь, что нет! Просто этот запах – он такой странный. Очень слабый, едва уловимый. Ни на что знакомое мне не похож, но в то же время почему-то заставлял меня все время думать о смерти. Хотя мертвое пахнет совершенно иначе, и я это знаю. Я, честно говоря, начал подозревать, что мне мерещится. Что накручиваю себя. Или так ловко прячу собственный страх, что ему приходится притворяться тревогой по поводу непонятного запаха? Или вдруг я просто немножко чокнулся от всех этих путешествий между Мирами? Трудно было понять. Хорошо, что тебе сказал, и все сразу выяснилось.

– Очень хорошо, – согласился я. – Пожалуйста, всегда так делай. Обо всем сразу же мне говори. Мерещится, не мерещится, вместе всегда проще разобраться. Хотя я и сам, конечно, тот еще лось.

– Кто?!

– Менкал, – усмехнулся я. – Стою посреди собственной жизни, как в бескрайней степи, дико озираюсь, ни хрена не понимаю, зато на рогах бубенчики звенят. Поэтому со мной весело.

– Не всегда, – честно сказал Нумминорих. – Зато так интересно, что иногда мне кажется, я сейчас взорвусь. Просто от избытка... Не знаю, чего именно. От избытка всего!

Надо же. Значит есть от меня какой-то толк.

– Сейчас разбужу нашу подружку, и станет совсем интересно, –

вздыхнул я. – Как думаешь, она сразу выцарапает мне глаза или сначала все-таки выслушает?

– Я бы на ее месте обязательно выслушал, – утешил меня Нумминорих. – А вдруг ты что-то хорошее расскажешь?

Все бы так рассуждали.

Смертный шар я метнул, и рука не дрогнула. Ни секунды не маялся своими обычными страхами – а вдруг что-то пойдет не так и я ее нечаянно убью? Очень уж был сердит. Не то на старую художницу, покусившуюся на жизнь удивительного существа, которым сама являлась, не то вообще на весь мир или даже на все обитаемые Миры сразу, чего мелочиться? И еще на себя, хотя даже придумать теперь не могу почему. Просто, что ли, за компанию?

На самом деле всегда бы так сердиться. Экономит кучу нервов, как выяснилось.

Когда маленькая шаровая молния коснулась лба спящей, та открыла глаза, внимательно посмотрела на меня и вместо ненавистной мне формулы «я с тобой, хозяин», нелюбезно спросила:

– Чего тебе?

Вот это, я понимаю, воля. Ну или гонор. Один, собственно, черт. Не зря она – мой кумир.

Но ей от меня требовались не восторги, а приказы. Вернее, технические задания. Главное тут – собраться, четко сформулировать и ничего не забыть.

– После того как я замолчу, ты проснешься абсолютно здоровой, без малейших признаков отравления, полностью сохранив память обо всем, что было с тобой во сне. После чего навсегда избавишься от моей безграничной власти. Это все.

Я умолк и только тогда заметил, как сильно у меня трясутся руки. Из чего, вероятно, следовало сделать вывод, что я боюсь предстоящего разговора чуть ли не больше всего на свете.

Но это я и так знал. Когда ты не столько человек, сколько шанс, уникальный, невозможный, один на сто миллиардов, о таких обычно и мечтать не смеют, пока окончательно с ума не сойдут – очень страшно, что тобой не воспользуются.

– Да что ж это такое. Куда ни плюнь, везде ты, – сердито сказала моя жертва.

Она смотрела на меня с такой откровенной неприязнью, что мне стало

не по себе. Лучше бы и правда в драку полезла или крик подняла. Я вообще люблю бури: о бурях заранее известно, что они довольно быстро заканчиваются. Это знание меня успокаивает.

– Не любить меня можно, но совершенно бессмысленно, – сказал я. – Потому что от этого я все равно никуда не денусь.

– Да, я уже заметила, – усмехнулась она. – Слушай, а может быть, ты – просто мой персональный ангел смерти? Чего тогда тянешь? Давай забирай.

Это, кстати, был огромный соблазн – сказать: «Да, я ангел смерти. Снотворное жрала? Жрала. Значит, все в порядке, пошли». И утробно захохотать, как злодей в плохом кино.

Пока бедняга поймет, что происходит, я ее уже Сотофе на руки сдам. И пусть разбираются без меня. Я все-таки совершенно не гожусь на роль воспитателя неразумных юных девиц шестидесяти с лишним лет от роду. Особенно тех, которые думают, будто их жизнь уже кончена.

Но я твердо решил быть с ней честным. Сперва объяснить, что собираюсь сделать и зачем, а потом уже тащить в Хумгат. Если согласится, конечно. Откажется – будет полной дурой. Но свободу воли никто не отменял. Равно как и тот факт, что для некоторых людей она важнее самой жизни.

Нас, таких придурков, как минимум двое во Вселенной.

– Я не ангел, – сказал я. – И уж точно не смерти. Твой персональный не-ангел жизни – вот я сейчас кто. Кстати, ты была права, у тебя здоровенный нос. Совершенно потрясающий. Завидую. Будь у меня такой, я наконец-то стал бы похож на настоящего грозного колдуна, каковым являюсь по должности. Очень непрофессионально с моей стороны жить без такого носа. Отдашь мне его в обмен на путешествие в другой мир?

Теперь она смотрела на меня как на конченого психа. И нос свой драгоценный на всякий случай прикрыла рукой. Грешные Магистры, неужели решила, что я правда торгуюсь?

А ведь я просто хотел разрядить обстановку.

– Ладно, нос можно не отдавать, – вздохнул я. – Проведу тебя бесплатно, просто потому что обещал. Помнишь? Когда мы сидели на крыше, я сказал, что помогу тебе к нам перебраться. А ты не захотела или не поверила; впрочем, неважно. Имела полное право. И вообще спала, а значит, плохо понимала, что происходит. Теперь я тебя разбудил, но предложение остается в силе. Пока ты его не примешь, мы никуда отсюда не уйдем. Так и будем тут сидеть. Хотя боюсь, корзина с едой осталась на крыше. Очень глупо получилось. Придется теперь терпеть лишения.

После того как я сказал «мы», она наконец-то посмотрела на Нумминориха. И, как мне показалось, не очень ему обрадовалась.

Ну или я придираюсь.

– Вижу вас как наяву, – вежливо произнес Нумминорих, прикрыв глаза ладонью.

– Что ты сейчас сказал? – внезапно изумилась художница. – Видишь меня – как?!

– Вижу вас как наяву, – повторил он. – На самом деле это просто общепринятое выражение, никакого особого тайного смысла в нем нет. У нас так знакомятся.

Она тоже прикрыла глаза ладонью. Некоторое время молчала – то ли прислушивалась к своим ощущениям, то ли захотела повторить приветствие, но постеснялась. Наконец сказала:

– Из этой формулировки можно заключить, что вы живете во сне. И при этом очень честные люди, не прикидываетесь, будто есть какая-то явь. Мне это подходит. Именно то, что надо!

К счастью, Нумминорих не стал объяснять, что «наяву» в данном контексте означает «с открытыми глазами». То есть мы просто сообщаем новому знакомому, что запомнили его лицо и теперь способны воспроизвести его перед мысленным взором. Лично я при этом всякий раз радуюсь, что никто не устраивает проверок.

– Если подходит, тогда пошли, – сказал я.

– Куда?

Дырку над ней в небе. Мы же вроде бы только что обо всем договорились: другой Мир, я обещал, нос можно не отдавать, «именно то, что надо».

И вдруг опять двадцать пять.

– В тот Мир, который тебе снился, – терпеливо повторил я. – Откуда ты не хотела просыпаться. И я обещал...

– Так это все действительно было? – беспомощно спросила она. – И есть? Не просто мой счастливый бред? Но... Уже поздно! Где вы раньше шлелись со своим другим Миром, мальчики? Всего неделю назад?

И заплакала.

– Неделю назад мы о тебе вообще не знали, – сказал я. – Свинство, конечно, с нашей стороны. Но видишь, мы уже встали на путь исправления. Делаем, что можем.

– Но я же умираю, – бормотала она сквозь слезы. – Я пока ничего такого не чувствую, но точно знаю, что вот-вот умру. Иначе не может быть, я хорошо рассчитала...

– Ты очень хорошо рассчитала, – согласился я. – И нарядное платье надела, и окно открыла, чтобы в доме не воняло, даже если тебя не скоро найдут. Никогда не видел такого аккуратного и продуманного самоубийства, всем обычно плевать – чем хуже, тем лучше. Но тут пришел я и устроил бардак. В смысле, спас тебя, чтобы увести с собой в город, где несколько дней кряду дули твои разноцветные ветры. Не станешь же ты отказываться от гонорара за лучшую работу в своей жизни? Художник не должен быть голодным, ты в курсе? Поэтому просто позволь справедливости восторжествовать.

Она то кивала, то отрицательно мотала головой, хотела что-то сказать, но не могла перестать плакать, хотя очень старалась, я это видел. Ну или просто теоретически понимал.

– Макс, а можно будет вернуться отсюда прямо на твою крышу? – внезапно спросил Нумминорих. – Там в корзине осталось еще с полдюжины грешных чохов. Вот представляешь, тут такое творится: мы пришли в другой Мир, запахи сумасшедшие, за окном деревья, каких я в жизни не видел, небо слишком голубое, хуже, чем на картинках в детских книжках, человек чуть не умер и теперь плачет, тебя трясет, а я только об этих грешных чохах и думаю. Как будто нет ничего в жизни важнее. Это от путешествий между Мирами так сильно хочется жрать?

– А кстати, да, – вспомнил я. – Зверский аппетит просыпается. После первых визитов в Хумгат я менкала был готов проглотить, не разжевывая, с рогами, сбруей и поклажей. Со временем, кстати, такая реакция проходит; вот интересно, почему?..

Но отыскать ответ на этот актуальный вопрос мне не дали.

– Ладно, если так, пошли, – сквозь слезы сказала художница. – Сколько можно тянуть. Жива я, мертва, сплю или нет – потом разберемся. У тебя мальчик голодный! Мучается из-за меня. Так нельзя.

Никогда не знаешь, какой аргумент может оказаться решающим. Никогда.

Я помог ей встать с кушетки. Она осторожно сделала шаг, потом другой. Испуганно посмотрела на меня.

– Ноги больше не болят.

– А надо, чтобы болели?

– Да не то чтобы надо. Просто как-то не похоже, что я проснулась. И что еще жива.

– Извини, – сказал я. – Нечаянно тебя вылечил. Сказал: «Ты проснешься здоровой», – и вот нам прискорбный результат, пациент не

верит, что жив. Будет мне наука. В следующий раз скажу: «Проснешься со всеми болячками, которые были раньше». И все счастливы.

– Погоди, какой «следующий раз»? Почему «следующий раз»? Мне теперь все время придется?..

– Просыпаться в моем обществе? Ну что ты. Нет. Просто кроме тебя есть и другие слишком крепко заснувшие, которых надо будить.

– И ты?..

– Совершенно верно, работаю будильником. Буквально на днях устроился. Думал, непыльная работенка, посадил во дворе груши, приготовился их околачивать, а тут ты на мою голову... Руку давай.

– Зачем? – вдруг переполошилась она. И на всякий случай спрятала руки за спину.

– Затем, что мы не знаем дороги, – вмешался Нумминорих. – Только кажется, что просто добраться отсюда до крыши, где остывают наши грешные чохи, а на самом деле поди ее найди. А Макс дорогу знает. И нас туда отведет.

– Так вот как тебя, оказывается, зовут, – укоризненно сказала мне художница.

Как будто быть Максом – это такой неприятный порок, что-то вроде ночного храпа или пристрастия к чесноку. И порядочные люди заранее предупреждают об этом окружающих, чтобы те знали, чего следует ждать.

А я, негодяй, так долго скрывал.

– Бывает гораздо хуже, – сурово ответил я. – Даздраперма, Пучегор, Два Килограмма Риса. Или, к примеру, Гугимагон – тоже не сахар. А ведь какой великий был колдун!

Она бровью не повела. Сказала:

– Я – Анна.

– Не Кукуцаполь? Не Перкосрак? Не Миллианера? Ну и отлично. А теперь руку давай все-таки. И глаза закрой.

...Я не настолько невежественен, чтобы не знать, что в Хумгат кого попало за руку не тащат. Коридор между Мирами принимает очень немногих, и это вопрос не личного могущества даже, а какой-то особенной разновидности удачи. Одни рождаются избранниками Хумгата, другие – нет. Ни о ком заранее не знаешь, какой билет он вытянул в этой лотерее. Ну, то есть опытные люди вроде Джуффина умеют определять такие вещи на глаз, а я нет.

И я не настолько псих, чтобы пренебречь этим знанием. Поэтому у меня был план – простой, прекрасный, легко осуществимый и совершенно беспрюирышный. В фундаменте его лежал нехитрый фокус,

бывший в старину профессиональным секретом гильдии столичных грузчиков, потом ставший достоянием всех желающих, а с наступлением Эпохи Кодекса почти позабытый, поскольку требующаяся для его исполнения ступень магии немного превышала дозволенную тогдашними законами, а связываться с Тайным Сыском, особенно в лице его Почтеннейшего Начальника сэра Джуффина Халли никто особо не хотел. Репутация у него в начале мирных времен и правда была совершенно ужасная, это сейчас весело вспоминать.

Главное, что меня этому фокусу научили практически в первые дни моего пребывания в Ехо. И я так лихо с ним освоился, что до сих пор, обдумывая любую задачу, в первую очередь спрашиваю себя, нельзя ли решить ее, уменьшив кого-нибудь до практически полного отсутствия размера, спрятать в пригоршню и куда-нибудь отнести? Как ни странно, примерно в половине случаев оказывается, что это оптимальный выход. То ли задачи мне попадают такие однотипные, то ли мой любимый прием действительно куда более универсален, чем принято думать.

Вот и сегодня, когда после разговора с леди Сотофой мне пришлось всерьез задуматься, как доставить разбуженную женщину из одной реальности в другую, я сразу сообразил, что ее можно просто пронести через Хумгат в пригоршне. Штука в том, что когда человек настолько мал, на него невозможно воздействовать, будь ты хоть трижды неумолимым законом непостижимой природы. Просто объекта воздействия временно как бы вовсе нет.

Привилегию объяснить этот феномен я с легким сердцем оставляю ученым магам Соединенного Королевства; что касается меня, у меня даже местного высшего образования нет. И какое счастье, что на государственную службу я в свое время устроился по знакомству, а то клевать бы мне сейчас носом на задних лавках всех аудиторий, зарабатывая грозную репутацию самого тупого студента всех эпох.

Но, как я уже говорил, практика превыше теории. А практик я неплохой. И ни на секунду не сомневался, что нашел отличный выход. Я, собственно, до сих пор в этом не сомневаюсь, хотя опробовать свою идею мне так и не довелось.

Дело не в том, что я, как это со мной часто случается, так увлекся происходящим, что забыл о своих намерениях.

Не забыл. Просто передумал.

Решил, ей надо узнать, что такое Хумгат. А что там может с нами произойти – дело десятое. Ничего такого, с чем бы я не справился; а если не справлюсь, значит, это буду уже не я. И беспокоиться в таком случае

совершенно не о ком.

Только в самый последний момент, уже приготовившись перешагнуть порог распахнутой двери, которая вела в маленькую темную прихожую, уставленную подрамниками, я сообразил, что кроме Анны со мной еще и Нумминорих. И если что-то пойдет не так, лучше бы ему в этом не участвовать.

Поэтому я сказал деловито и небрежно, невольно скопировав манеру Джуффина, в которой он когда-то давал мне самые безумные задания:

– Ты нас сюда привел, значит, и обратный путь найти сможешь. Просто по нашему запаху. Как раз на крышу и попадешь. Надеюсь, наши грешные чохи еще не остыли.

Глаза у Нумминориха стали совершенно круглыми. Но любопытства в них было куда больше, чем тревоги.

– А ты? – спросил он. – А вы?

– А мы придем сразу следом, – сказал я. – Поэтому если у тебя есть сердце, оставь нам хотя бы половину припасов. Собственно это просто проверка...

– Хватит ли у меня силы воли не съесть все? – восхитился он.

– Вот именно, – усмехнулся я. – А что ты сумеешь найти дорогу без моей помощи, я и так не сомневаюсь. Пошли.

Я отпустил руку Нумминориха в тот момент, когда исчезло все – включая его руку и меня самого. Но с опытом приходит умение отличать одно «ничего» от другого: вот эта пустота образовалась на месте меня, та – на месте Нумминориха, и сейчас она, ликуя, удаляется от моей, устремившись к далекому, в целом бесконечном шаге отсюда, дому. И есть еще третья пустота, самая важная для меня сейчас – там, где только что была художница Анна.

Конечно, она сразу поняла, что это и есть смерть. То есть подумала, будто поняла. Но какая разница, если она была в этом совершенно уверена.

Я уже говорил, что в полном отсутствии всего даже тишайшая чужая мысль звучит как душераздирающий крик. А как грохочут чужие панические мысли, и описать не возьмусь. Хочется сказать: лучше бы мне этого не знать. Но врать не стану. Знать – всегда лучше.

Я, можно сказать, тонул в океане, который был криком Анны. Вернее, множеством ее криков – отчаянных, панических и гневных. И слушая этот хор, в очередной раз поразился силе ее духа: чем дальше, тем громче, постепенно заглушая ужас и скорбь в этом хоре звучала негибкая воля

продолжать быть – вопреки всему.

Хумгат принял мою спутницу. Если бы она оказалась здесь одна, я уверен, все равно нашла бы дорогу – не факт, что именно в Ехо, на крышу Мохнатого Дома, где уже ждал нас Нумминорих, но, несомненно, в какую-нибудь реальность, готовую радушно ее принять. Еще небось перессорились бы между собой, кому достанется моя Анна. Кто ж перед такой устоит.

И тогда наконец я позволил себе подумать: «Хвала Магистрам, ты можешь путешествовать между Мирами. Это очень хорошо. А теперь идем домой».

На крыше у Анны закружилась голова; счастье, что в том месте, куда мы шагнули, совершенно плоская площадка, специально для любителей падать в обмороки, захочешь не скатишься. И Нумминорих вовремя подскочил, зажав в зубах кусок недоеденного грешного чоха, помог мне ее подхватить. Потому что я, конечно, величайший колдун всех времен – всякий раз, вернувшись из очередного путешествия между Мирами, я свято верю в это минуты полторы, потом попускает – но падающие тела ловить совсем не мастер.

Впрочем, она быстро пришла в себя.

Я бы после подобных потрясений устроил всем веселую жизнь; да я собственно и устраивал, золотые были времена.

А Анна только сказала насмешливо:

– Говорю же, куда ни плюнь, везде ты. Во сне и наяву, перед смертью и после...

– Да не было никакой смерти, – улыбнулся я. – Просто переход между Мирами. С непривычки вполне можно перепутать.

– Надо было предупредить, – сердито сказала она.

И была совершенно права.

Я спрятал руку под полый своего лоохи, выудил из Щели между Мирами чашку кофе. Очень хотел, чтобы кофе оказался с коньяком и, судя по запаху, все получилось. Протянул ей:

– Подарок от нашей трансцендентальной транспортной компании. Каждому выжившему грузу. В смысле, пассажиру.

– Господи, здесь и кофе есть, – изумилась она.

– Чего нет, того нет, – честно сказал я. – Приходится добывать колдовскими методами. Я, собственно, магией только ради этого всерьез занялся.

– Правда, что ли? – восхитился Нумминорих.

– Ну скажем так, когда мне показали, что при помощи магии можно добывать кофе и сигареты, энтузиазма у меня здорово прибавилось. Можешь себе представить, как я полтора часа кряду неподвижно сижу, засунув руку под подушку? Полностью сконцентрировавшись на возжеленной цели?

– Полтора часа?!

– Ну, заврался, – признался я. – Но минут по сорок в самом начале точно приходилось высиживать.

– Одно из двух, – внезапно сказала Анна. – Или я живая-здоровая сижу на крыше в городе из своего сна и пью кофе. Или я все-таки умерла и попала в рай. Причем кофе все равно пью! В любом случае жаловаться мне не на что. Ладно, идем дальше.

– Сейчас собственно и пойдем, – согласился я.

– Куда?

– Туда, где тебя очень ждут. Совершенно прекрасное место. Сам бы туда попросился, да не возьмут. Для этого девчонкой надо было родиться.

– То есть тебя там не будет? – недоверчиво спросила Анна.

– Не будет, к сожалению. Разве что в гости как-нибудь зайду.

– Ну тогда я точно в раю, – рассмеялась она.

А потом сразу заплакала. Вернее зарыдала – громко, сотрясаясь всем телом, совершенно не обращая внимания на нас с Нумминорихом. И правильно, давно пора. Новорожденному младенцу положено немного пореветь. Хотя бы после порции кофе с коньяком, если иначе не получается.

Пока наша новорожденная проверяла силу своих легких, я послал зов леди Сотофе Ханемер.

«Можно я зайду к вам с подружкой? И оставлю ее у вас погостить? А то леди только что из Хумгата едва живая выбралась, а у меня дома, сами знаете, Базилио. В подобных обстоятельствах приглашать барышню провести ночь в моей спальне, по-моему, перебор».

«Я тебе дам «провести ночь»! – возмутилась Сотофа. – Хорошим девочкам в твоей спальне делать решительно нечего. Веди ее сюда немедленно».

«Только если вы не против, мы пойдем в Иафах пешком, – сказал я. – Потому что моя манера управлять амобилером – это ненамного лучше, чем Базилио».

«Это точно, – согласилась Сотофа. – Конечно, прогуляйтесь. Я никуда не спешу».

– Между прочим, я оставил вам целых два грешных чоха, – обиженно

сказал Нумминорих. – А вы не едите.

Анна, всхлипнув напоследок, потянулась к корзине. Молодец, что тут скажешь. Все бы так стремительно адаптировались.

Прогуляться пешком в Иафах – это я здорово придумал. Ночной Ехо и старожилу-то может показаться лучшим из городов, а уж для человека, который до сих пор видел наши улицы только во сне, такая прогулка – совершенно сокрушительное переживание.

Особенно если этот человек – художник.

Анна смотрела по сторонам с жадностью ребенка, которого выпустили из дома после очень долгой болезни. Вдыхала ароматы осенних цветов, речной воды и дыма садовых факелов. Улыбалась в ответ на приветливые улыбки прохожих, с любопытством разглядывающих ее карнавальным по нашим меркам наряд. Почти все время молчала, только восклицала иногда: «Ой, это та самая площадь!» – не поясняя, чем ей запомнилось это место. А я не пристававал с расспросами. Хватит с нее моей болтовни. На сегодня, да и вообще.

Уже на мосту Кулуга Менончи, который соединяет Старый Город с Иафахом, она вдруг спросила:

– Так почему ты не предупредил меня, что путешествие будет похоже на смерть? Из-за... Из-за таблеток?

– Совершенно верно, – кивнул я. – Очень на тебя рассердился. Всегда ненавидел самоубийства. Потому что бессмертие и без того проигрывает смерти на всех фронтах. Как бы стойко мы ни держались, рано или поздно приходит смерть и берет свое. Незачем добровольно ей помогать. Нельзя предавать своих.

– Каких это – «своих»?

– Живых, – сказал я. – Все живые – свои.

– Для ангела смерти у тебя весьма оригинальная позиция, – усмехнулась Анна. – Я бы даже сказала фрондерская.

– Будь я ангелом смерти, меня бы звали Самаэль^[12] или Абаддон^[13], – заметил я. – На худой конец, Анку^[14]. А я – просто сэр Макс из Ехо, главный герой экстренных выпусков сегодняшних газет. Вот тебе кстати лишнее доказательство. Об ангелах смерти в газетах не пишут.

– Логично, – согласилась Анна. – А жаль! Большая потеря для человечества. Ты такое восхитительное трепло! В твоей компании умирать одно удовольствие.

– Жить тоже вполне ничего, – улыбнулся я. – Некоторые правда

жалуются, что чересчур утомительно.

– Как же я их понимаю! Думаю, со временем мы с этими несчастными организуем в городе клуб пострадавших от встречи с тобой. Будем помогать друг другу восстанавливаться после травмы.

– Вот это была бы слава! – мечтательно вздохнул я. – Даже Королю Менину такая не снилась.

– Что именно не снилось Менину? – спросила леди Сотофа.

Она, оказывается, вышла нам навстречу. Стояла в тени деревьев, окружающих ограду резиденции, поди ее разгляди в безлунную ночь.

– Клуб пострадавших от встречи со мной, – объяснил я. – Анна собирается его организовать. И, вероятно, возглавить.

– Ты не поверишь, но Король Менин и тут тебя обскакал, – рассмеялась Сотофа. – Был одно время в Ехо закрытый клуб, основанный его бывшими придворными. Теми, кому пришлось подать в отставку по причине нервного расстройства... Ну и чего вы встали? Идите сюда.

Мы подошли ближе. Леди Сотофа внимательно посмотрела на мою спутницу и вдруг заключила ее в объятия.

– Добро пожаловать, девочка, – сказала она. – Я так тебя ждала.

– Я, наверное, тоже ждала, – прошептала Анна. – Всю жизнь. Только сама не знала, чего именно.

Они еще долго стояли, обнявшись. Ну и я тоже стоял – немного в стороне. Понимал, что больше им не нужен, но неловко было уходить, не попрощавшись. Вроде и ясно, что всем на самом деле плевать на этикет. А если что-то важное еще не было сказано, к вашим услугам Безмолвная речь. И целая вечность впереди, чтобы успеть наговориться. А все равно часами готов ждать возможности вежливо сказать: «До свидания». Удивительно все-таки устроен человек. По крайней мере, в моем лице.

– Знаешь, что я тебе скажу, сэр Макс? – внезапно спросила леди Сотофа. Анну она так и не отпустила, держала при себе, обнимая за талию, словно опасалась, что ее может унести любым порывом ветра.

Я отрицательно помотал головой. Дескать, откуда мне знать.

– Если ты когда-нибудь умрешь, как это с вами, глупыми мальчишками, то и дело случается, я лично прослежу, чтобы ты родился еще раз. Поселю тебя в тело какой-нибудь девчонки, тощей и страшной, как древний грех, чтобы женихи раньше времени голову не заморочили. И приберу к рукам, как только немного подрастешь. С превеликим удовольствием!

– Ну ни хрена себе у вас комплименты, – потрясенно пробормотал я.

– Я тоже подумала, что тебе понравится, – усмехнулась Сотофа. – Я у тебя теперь, видишь ли, в долгу.

«Сейчас или никогда», – подумал я. И сказал:

– Слушайте. Если про долг – не просто для красного словца, я знаю, как быстро сделать наоборот. В смысле, чтобы в долгу был я, причем всю оставшуюся жизнь. И в случае чего та тощая девчонка – тоже.

– Дырку над тобой в небе, сэр Макс! Что такое ужасное ты намерен у меня выпросить? Абсолютная власть над Миром тебе не нужна, это я совершенно точно знаю. Свою Тень поиграть не одолжу, покойников воскрешать не стану, а по Мосту Времени каждый ходит в одиночку. Зато все остальное вроде бы не настолько сложно, чтобы начинать с такого вступления.

– Тем лучше, – сказал я. – Мне всего-то и надо – одно чудовище в человека превратить. Ну, то есть чтобы оно выглядело как человек. Хотя бы иногда, если постоянно никак. А то очень уж горюет. Я бы и сам на его месте целыми днями рыдал.

– Ну на своем же не рыдаешь, – заметила леди Сотофа.

Анна тихонько хихикнула. Ну, хвала Магистрам, спелись окончательно. Ничто так не объединяет девчонок, как общий объект насмешек, это я знаю еще со школьных времен.

– У меня голова не индюшачья, – объяснил я. – И туловище без чешуи. Для жизни среди людей это, как оказалось, чрезвычайно важно.

– Не поспоришь, – согласилась леди Сотофа. – Ладно, я подумаю, что тут можно сделать. Никогда в жизни не занималась подобными глупостями, но с кем поведешься...

– Спасибо, – сказал я. – И насчет того, что буду в долгу всю жизнь, я совершенно не преувеличивал.

– Ай, прекрати, – отмахнулась она. – Мне достанется неплохое развлечение, вашему чудищу – исполнение заветной мечты, а в долгу должен быть ты? Не вижу никакой логики. Ты мне лучше вот что скажи: тебя на кружку камры в сад зазывать? Или сегодня обойдешься?

– С кем бы я сейчас выпил камры, так это с вашим Великим Магистром, – вздохнул я. – Потому что после всего случившегося могу так зазнаться, что со мной на одной улице жить никто не захочет. А сэр Шурф в любой ситуации найдет, к чему придраться. Внимательно выслушает и убедительно объяснит, что я вел себя как идиот. Если понадобится, подкрепит свое мнение какими-нибудь убийственными цитатами из классиков теоретической магии, чьи имена я и выговорить-то только в горячечном бреде способен. И таким образом спасет Мир от превращения

меня в самого надутого болвана на обоих берегах Хурона.

Леди Сотофа задумалась.

– Да, задача непростая, – наконец согласилась она. – Даже не знаю, как этот бедный мальчик будет выкручиваться. Но ты прав, кроме него некому. Придется ему расстараться. Ступай.

Я отправил им с Анной воздушный поцелуй и пошел по тропинке вдоль стены, раздумывая, следует ли вежливо спрашивать у Шурфа разрешения свалиться ему на голову или лучше просто вломиться без предупреждения, чтобы не отвертелся. Потому что он и правда был нужен мне позарез. И дело, конечно, не в наспех выдуманном приступе зазнайства.

Зная себя, я не сомневался, что буквально с минуты на минуту до меня наконец-то дойдет, что я сделал. И как сильно при этом рисковал. И услужливое воображение тут же начнет подсказывать ослабшему на радостях уму, к чему могли привести все эти мои вдохновенные пробежки через Хумгат в обществе Анны. И вот тогда наступит полный конец обеда, как говаривал один мой приятель^[15]. Тоже, кстати, хороший поэт; следовательно, бессмертный.

Вовсе не факт, что сэр Шурф Лонли-Локли сможет предотвратить это бедствие. Зато он гарантированно способен его выдержать, не спятив и даже ни разу не попытавшись выкинуть меня из окна.

Я много раз проверял.

Друг оказался даже мудрей, чем я думал. Во-первых, сам вышел мне навстречу и вежливо осведомился, куда это я так резво бегу мимо Явного входа в Иафах. Если бы не он, я бы и правда проскочил, задумавшись, пришлось бы потом возвращаться.

А во-вторых, прямо на пороге кабинета он вручил мне почти полный стакан крепчайшего укумбийского бомборокки. Вообще-то обычно мне и половины этой порции достаточно, чтобы мирно уснуть под столом. Однако сейчас я просто немного расслабился. И уже несколько минут спустя обнаружил, что мирно сижу за столом, пью камру и вместо того, чтобы бить себя в грудь кулаками, источая запах безумия, совершенно спокойно и последовательно пересказываю Шурфу все события сперва вчерашнего, а потом и бесконечно долгого сегодняшнего дня.

Взрыв таким образом был предотвращен. А завтра мне будет уже не до того, я себя знаю.

Когда я умолк, небо за окном уже начало светлеть.

– Невероятная история, – наконец сказал Шурф, все это время молча

меня слушавший. – Я рад, что принимал в ней участие. Не слишком активное, к сожалению, но хотя бы со стихами помог, уже хорошо... Но слушай, какой же ты идиот!

– Почему это? – возмутился я.

И только потом вспомнил, что именно за этим к нему и пришел. Ну, в частности, за этим. Хотел – получи.

– Зря ты вот так сразу потащил свою добычу к Сотофе, – сказал Шурф. – Это мог бы быть лучший роман в твоей жизни. Глупо упускать такие возможности. Судьба не так часто их нам подбрасывает...

– Что?!

Для меня в этот момент, можно сказать, Мир рухнул. По крайней мере, та его часть, которая только что находилась под моими ногами. То есть под ножками моего кресла. Но все равно.

Шурф закрыл лицо руками. Только несколько бесконечно долгих секунд спустя я понял, что он смеется.

– Просто я ничего больше не придумал, – сквозь смех объяснил он. – Сотофа прислала мне зов, предупредила: ты отправился ко мне в надежде, что я назову тебя идиотом. Сказала, вероятно, тебе это нужно, чтобы успокоиться, а то вот-вот взорвешься. Что касается предотвращения взрывов, лично я предпочитаю проверенные временем классические методы. Общеизвестно, что, когда человек на взводе, крепкие напитки не опьяняют, а, напротив, приводят в чувство. И ты, к счастью, не стал исключением из этого правила. Но пренебрегать заданием леди Сотофы все же не следовало. Поэтому я очень внимательно тебя слушал и искал, к чему тут можно придраться. Но, как видишь, не нашел. Пришлось импровизировать.

– По-моему, ты стремительно превращаешься в балбеса вроде меня, – фыркнул я.

– Не то чтобы стремительно. Но вектор моего намерения ты описал верно.

– Серьезный человек, которым ты был еще недавно, отругал бы меня за то, что я потащил Анну в Хумгат, – заметил я. – Это же правда был огромный риск, ничем кроме моего вдохновения не оправданный.

– Вот именно поэтому никаких претензий к тебе быть не может, – строго сказал Шурф. – Без вдохновения магия лишается сокровенного смысла. И становится в лучшем случае ярмарочным балаганом, а в худшем – войной, где каждый, едва ощутивший вкус силы, отстаивает собственную правоту, которой наспех заткнул дыру, образовавшуюся на месте смысла. Это мы уже проходили. Теперь все должно быть иначе.

– Не «должно быть», а уже есть, – улыбнулся я. – Дело сделано.
Совершенная форма глагола. Самая совершенная из форм.

notes

СНОСКИ

На этом месте автор внезапно понял, что внятно пересказать краткое содержание предыдущих серий, то есть восьми томов цикла «Лабиринты Ехо» и еще восьми «Хроник Ехо» в формате пояснительной сноски без применения триста семнадцатой ступени Очевидной Белой Магии решительно невозможно. А потом вспомнил, что наивысшая возможная ступень – всего лишь двести тридцать четвертая. К тому же овладевших ею колдунов за всю обозримую историю Мира можно пересчитать по пальцам. Поэтому читателю придется или самому перечитать эту кучу книг, или просто не париться. Тем более для того, чтобы не париться по пустякам, вполне достаточно всего-навсего семнадцатой ступени Белой Магии; это как раз довольно простой фокус, напомните как-нибудь на досуге, я вас научу.

Это действие, полностью изменившее Мир и сделавшее его привлекательным для сновидцев, проделал сэр Нумминорих Кута, принужденный к тому обстоятельствами, подробно описанными в повести «Тубурская игра».

О том, как меч Короля Менина появился в жизни сэра Макса из Ехо, рассказывается в повести «Дорот, повелитель Манухов», переписка с ним происходит в повести «Зеленые воды Ишмы», а куда он в итоге подевался, можно узнать из повести «Белые камни Харумбы».

Бабум – большая металлическая рогатка, стреляющая мелкими взрывными шариками. Снаряды хранят в специальном кожаном мешочке, наполненном вязким несъедобным жиром. Такая осторожность необходима, поскольку шарики вполне могут взорваться даже от трения. У каждого стрелка имеется специальная перчатка, чтобы доставать заряды из сумки. Несмотря на легкомысленность конструкции, рогатка бабум – довольно опасное оружие. Раны от взрывающихся шариков заживают долго, да и то лишь благодаря заклинаниям местных знахарей. А выстрел в голову – это верная смерть. Кроме того, все три конца рогатки заострены, так что если у бойца закончатся снаряды, с такой штукой наперевес можно смело идти в рукопашную.

Симплегады – в греческой мифологии скалы, плававшие у входа в Понт Эвксинский. Сталкиваясь, эти скалы уничтожали корабли.

Здесь использована задача из книги Григория Филипповского «Математические приключения Слоненка Лу и его друзей».

Хуан Рамон Хименес – испанский поэт. Стихотворение «Когда я был дитя и бог» цитируется в переводе Н. Горской. Целиком оно выглядит так:

Когда я был дитя и бог, Могер был не селеньем скромным,
а белым чудом – вне времен – сияющим, огромным...
Все на своих местах – вода, земля и небосклон,
церквушка – дивный храм, домишки – светлые хоромы,
и я, сквозь виноград, с веселым псом несусь тропой укроной,
и мы, как ветер, невесомы, беспечны, словно громы,
и детства мир от мира горизонтом отделен.

Прошли года, и после горестной разлуки первой
вернулся я в мой сказочный Могер и не узнал Могера.
Кругом – ни храмов, ни хором; в кладбищенской тоске
безмерной,
в уединенье полном – средь лачуг – застыла тишина.
И я уже не бог, я муравьишка, жалкий смертный;
все пусто, лишь рассыльная Кончита, солнцем сожжена,
по знойной улице бредет, вся в черном и лицом черна,
а вслед за ней... ребенок-бог с божественной собакой верной;
в себя ребенок погружен, витает в облаках – волшебных сферах,
собака – так важна! – и в нужности своей убеждена.

А время... за ребенком-божеством умчалось время...
Кому из нас дано изведать чудо повторенья?!
О, если бы не знать, вовек не знать, не знать старенья,
и снова стать зарей, и оставаться божеством —
вне всех времен – и умереть в Могере сказочном моем!

Отрывок из стихотворения Арсения Тарковского «Дерево Жанны»:

Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна Д'Арк.
Какие голоса тогда поют!

И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фаготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,
И все уже давным-давно звучит,
И кажется – финал не за горами.

Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие, с листвой зелено-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты.

Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров,
Охотничьи сигналы духовых,
Весенние размытые порывы
Смычков, – я понимаю, что со мной:
Душа к губам прикладывает палец —
Молчи! Молчи!
И все, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть – в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,

И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, – какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

Фрагмент стихотворения Федерико Гарсиа Лорки «Маленькая бесконечная поэма» в переводе А. Гелескула:

Сбиться с дороги —
это слиться с метелью,
а слиться с метелью —
это двадцать столетий пасти могильные травы.

Сбиться с дороги —
это встретиться с женщиной,
которая режет по два петуха в секунду
и не боится света,
а свет – петушиного крика,
задушенного метелью.

А когда метель задохнется —
пробудится южный ветер,
но и ветры стонов не слышат —
и поэтому снова пасти нам могильные травы.
Я видел, как два колоска воскового цвета,
мертвые, хоронили гряду вулканов,
и видел, как два обезумевшие ребенка
отталкивали, рыдая, зрачки убийцы.

И я знаю, что два – не число
и числом не станет,
это только тоска вдвоем со своею тенью,
это только гитара, где любовь хоронит надежду,
это две бесконечности, недоступные
друг для друга.
и еще это стены мертвых
и напрасная боль воскрешенья.
Цифра два ненавистна мертвым,
но она баюкает женщин,
и они пугаются света,

а свет — петушиного крика,
петухам же в метели не спится,
и поэтому вечно пасти нам могильные травы.

Это событие описано в повести «Темные вассалы Гленке Тавала».

Эта история мельком упоминается в повести «Тень Гугимагона».

Самаэль (он же Сатана) – ангел смерти в иудаизме. Представляет собой ужасную черную фигуру с зазубренным ножом, которая приходит только за грешниками. За праведниками же приходит ангел Гавриэль с идеально ровным ножом в руках.

Абаддон, или Аваддон в иудейской (а затем и в христианской) теологии – ангел (демон) истребления, разрушения и смерти.

Посланец смерти в мифологии бретонцев.

Приятеля зовут Андэ Пу; он уже давным-давно переехал в Ташер, но упоминания хотя бы в сносках, безусловно, заслуживает.